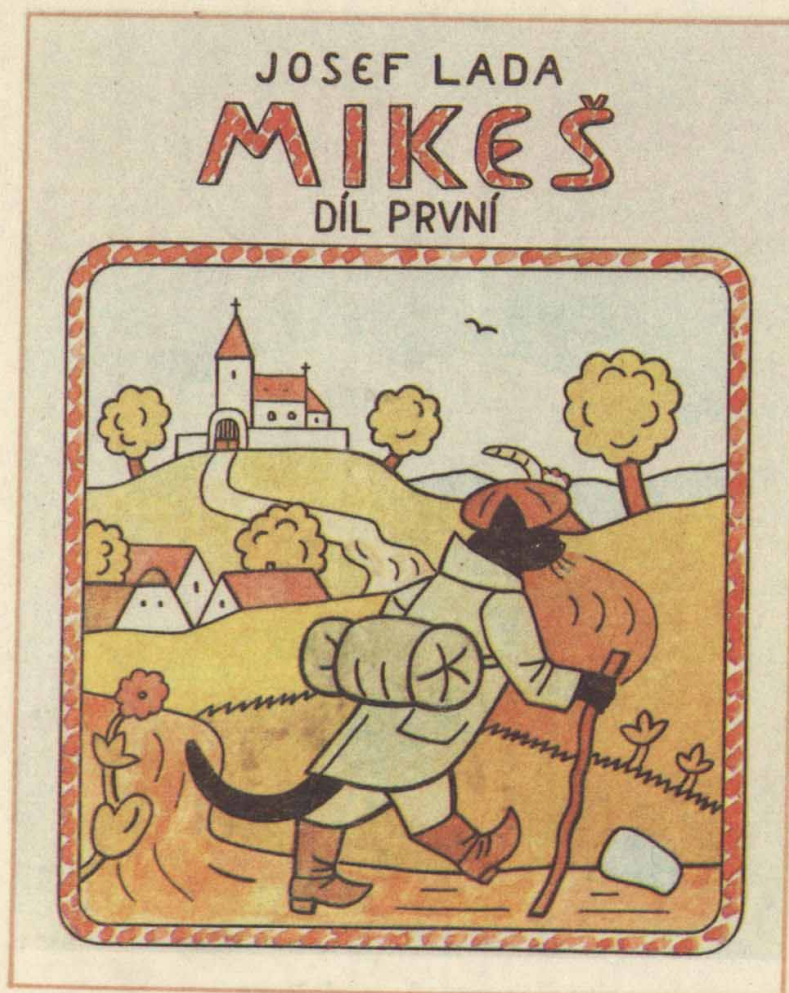

ЙОЗЕФ ЛАДА МИКЕШ

84.4Чеш
Л15

ЧНЯ
Л150

Перевод с чешского А. В. Агаркова

Редактор В. М. Шевелева

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЙОЗЕФА ЛАДЫ

1610-17-93 *mp 21*

Л 4804010100—031 148—92
М171(03)—92

ISBN 5-289-01378-4

© А. В. Агарков, перевод, 1992
© В. В. Быков, оформление, 1992

Том первый

Говорящий котенок

Дорогие ребята! Я хочу рассказать вам одну историю, боюсь только, вы мне не поверите. И тем не менее это чистая правда, что в Грусицах, у Швецов, жил-был котик. Звали его Микеш.

Уже слышу, дорогие ребята, как вы посмеиваетесь:

— Вот удивил! И у нас дома живет котик!

— А у нас еще и киска!

Оно так, ребяташки! Но Микеш-то разговаривал! Хотите верьте, хотите нет, Пепику* Швецу было легко его понять, когда он, к примеру, спрашивал:

— Слушай, Пепик, кто это там из окоска смотрит?

Так Микеш говорил, будучи еще очень маленьким котиком.

Теперь уже я не помню, благодаря чему он выучился разговаривать. Возможно, оттого что Пепик постоянно делился с ним своими мыслями. А может, Микеш был каким-то необыкновенным котиком? Впрочем, стоит ли тут удивляться! Существуют же говорящие скворцы, попугаи! А коты чем хуже? Ведь и четвероногим понятен язык людей! Скажите-ка собачке: «На!» Она сразу поймет вас и тотчас уставится на вашу руку: мол, интересно, что за лакомство для нее припасли?

Со временем Микеш выучился хорошо разговаривать, однако никогда не пользовался этим, чтобы на кого-нибудь возвести напраслину или кого-нибудь обругать. Он всегда был вежлив, с неизменной благодарностью принимал угощения и со всяким учтиво здоровался.

Вот вам, ребята, один пример. Идет как-то мимо садика Швецов старый Франтак, покуривает себе трубку и вдруг слышит слабенький голосок:

* П е п и к — уменьшительное от имени Йозеф. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Добрый вечер, дедушка!

Старик вздрагивает, озирается, но кругом ни души. Откуда-то сверху опять доносится голосок:

— Добрый вечер, говорю, дедушка!

Осмотревшись внимательнее, старик задорно хлопает себя по голенищам:

— Фу-ты, ну-ты! Поглядите-ка! Кот, а здороваается, словно мальчишка какой. Гляньте-ка! Кот, а приветствует тебя, будто пан староста!

Котик Микеш спал на печи вместе с Пепиком. Когда по вечерам Пепик лез на печку, Микеш очертя голову прибежал невесть откуда и — прыг! — взбирался наверх раньше хозяина. Потом он заползал к Пепику под одеяло и что-то жужжал ему на ухо, точно прялка. Перед сном Пепик рассказывал Микешу сказки. Котик слушал их с удовольствием, однако стоило Пепику завести разговор о каком-нибудь чуде, он просил:

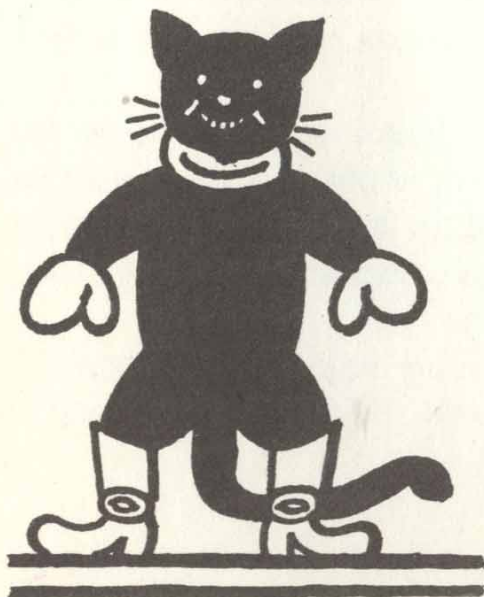
— Пепик, не рассказывай таких страшных сказок! Не то по ночам я буду бояться ходить в сарай на мышей!

Однажды Пепик услышал от дедушки Швиглы историю про кота в сапогах. Она ему так понравилась, что потом он долго надоедал отцу, сапожнику, просьбами сшить Микешу точно такие же сапожки.

А как им обрадовался Микеш, ребята!

Дело было зимой. Раз Микеш ужасно продрог на охоте. Особенно замерзли у него лапки. Вот почему, придя домой, он

был несказанно рад обновке. Однако далеко не сразу котик научился в них ходить. Зачастую он летел прямо в снег, ведь Пепик обучал его ходьбе на задних лапах, а Микеша это только смешило. Не мерзли у него больше и передние лапки, потому что Пепик сшил ему рукавицы, такие, как у всех мальчишек, с одним пальцем. Теперь было одно удовольствие барахтаться на дворе в сугробах, лепить снеговиков или кататься

на санках. А видели бы вы, как удивились дети, когда Пепик привел Микеша на каток! Правда, кое-кто из ребят держал дома ручных белок, скворцов, зайцев, ежей, однако в этом не было ничего необычного. Другое дело, когда на пруд Едлички приходит мальчишка, а за ним поспешает на задних лапках черный котик, на передних у него красуются теплые рукавицы, и топает он по льду в сапогах точно какой-нибудь мужичок!

Чтобы лучше рассмотреть Микеша, отовсюду стали подъезжать дети. Каждый скользил только на одном коньке: на двух никто не умел кататься. Познакомив Микеша с ребятами, Пепик попросил товарищей не обижать котика, он-де еще такой маленький.

Вообразите же, дорогие ребята, как изумилась детвора, когда Тоник Тонда, по мальчишескому обычаю, спросил Микеша: «Чей будешь?», и котик с достоинством ответил: «Я Микеш Швец!»

Некоторые ребята с воплями бросились к своим заснеженным домишкам и уже во дворах закричали:

— Папочка! Мамочка! Пепик Швец привел на пруд Едлички черного кота, а тот лопочет не хуже любого мальчишки или девчонки!

Впрочем, вскоре они прибежали обратно. Франтик Бубеник спросил у Пепика, не достался ли ему Микеш от комедиантов, но Пепик гордо ответил, что Микеша он научил говорить сам. Хитрец Франтик предложил обменять Микеша на губную гармонику! При этом глаза у него горели таким жадным огнем, что котик в страхе ухватился за тулуп хозяина.

Напрасно — хозяин не променял бы его даже на всамделишную шарманку! Пепик показал Микешу, как ездить на коньке, и через несколько минут наш славный котик уже разъезжал по льду не хуже любого из ребят. Когда же хвостик запутался у него в лапах, он полетел кувырком

и подмел своей густой черной шубкой чуть ли не весь каток.

Ах, ребята, до чего это было смешно! Тогда Микеш, видя, как развеселились дети и как маленькая Боженка Халупова от смеха хватается за живот, нарочно стал падать каждую минуту. Поднимаясь, он всякий раз делал вид, будто здорово ушибся, ощупывал бока и вздыхал:

— Ох и треснулся же я!

Надо будет позвать вечером бабку Боудячку, пусть натрет меня своими мазями.

Вертясь, как ручка шарманки, Микеш еще раз «подмел» каток. В самом конце, однако, он вдруг резко поднялся, стащил с передних лапок рукавицы, поспешно разулся, сунул рукавицы в сапоги и, перекинув их через плечо, в один прыжок забрался на тополь, что рос на берегу пруда. Успел он как раз вовремя: стремглав примчавшийся пес Карфик пана Вавры едва не схватил его за хвостик!

Неудача ужасно раздосадовала Карфика. Он что-то гаркнул Микешу по-собачьи, Микеш что-то возразил ему по-кошачьи, потом неожиданно вспылил и крикнул Карфику человеческим голосом:

— А ну марш домой!

Тут, дорогие ребята, Карфик струхнул! Перестав лаять, он ошетинился, поджал хвост, а потом бросился домой с такой прытью, что только снег летел из-под лап! Когда он скрылся из виду, Микеш спрыгнул с дерева, обулся, надел рукавицы и с гордо поднятой головой вернулся на каток.

Детвора встретила Микеша как героя. Вашик Стрнад усадил его на плечи, «на холку», и закружил с ним по льду, от-

чего черная головка Микеша то и дело подрагивала.

Ребята готовы были развлекаться с Микешем хоть до полуночи, однако пришло время ужинать, бабушка уже звала Пепика домой. Сразу после ужина Пепик с Микешем отправились на боковую.

На катке оба очень продрогли и устали. Посему они тут же погрузились в глубокий сон. Микеш спал как убитый, но вдруг во сне прокричал:

— А ну марш домой!

Котику наверняка снилось, что Карфик снова загнал его на дерево!

Доброй ночи!

Заговорил у Швецов и поросенок

Бабушка Пепика была превосходная хозяйка. Всяк получал от нее еду вовремя и в достаточном количестве. Что касается Пепика, то он охотнее всего трапезничал с Микешем на низенькой табуретке возле печи. Мальчик научил друга есть из жестяной миски ложечкой, и тот орудовал ею посноровистее любого из прочих малолеток! Бабушка любила котика за вежливость и послушание. Когда Пепика не было дома, а ей требовалось принести с чердака луку, сушеных груш или слив, она поручала это сделать Микешу, и он в точности исполнял ее просьбу. Да и вообще Микеша она посылала туда с большей охотой, нежели Пепика, поскольку котик не ел подобных продуктов, а Пепик, бывало, съедал по пути одну-другую сушеную сливку. Словом, бабушка была вполне довольна Микешем и, случалось, даже гладила его по головке, когда на старой скрипучей кофемолке он молол ей зерна и напевал при этом:

Рос на поле овес,
Пес-барбос резвился!

Но однажды она сильно рассердилась на котика! Как-то в полдень бабушка принесла поросенку Пашику обед — растолченную в молоке картошку. Отодвинув засов, она открыла дверцу хлева, понаблюдала за Пашиком и сказала:

— Эх Пашик, Пашик, что-то ты мне не нравишься! Нисколечки не толстеешь, все такой же худой, кожа да кости! В чем дело?

Тут, дорогие ребята,— только вообразите себе! — поросенок утер передним копытцем пяточок и, посмотрев своими маленькими глазками на бабушку, вполне серьезно заявил:

— Видите ли, бабушка, Микеш утверждает, что нынче модно хранить талию!

Старушка застыла как громом пораженная, потом резко опустила горшок наземь и, подперев бока руками, воскликнула:

— Господи Иисусе! Это уже чересчур! Да ты ли это, бессловесная животина?! Прямо цирк какой-то, а не порядочное хозяйство! Мало нам кота, что болтает теперь точно клоун, так еще и поросенка наш мальчишка выучил разговаривать!

Бабушка рассердилась не на шутку. Еще бы!

«Пусть Микеш с поросенком точат себе лясы хоть по-турецки или по-арабски, мне до этого дела нет. Однако сбивать с толку Пашика Микеш не имеет права!» — проговорила она про себя, а вслух сказала:

— Получай свой обед, Пашик, а я пойду переговорю о вашем безобразном поведении с пастухом!

Бабушка заперла хлев и отправилась на горку, где в ветхой бревенчатой хижине жил деревенский пастух.

Старый пастух стоял тем временем возле хлева, вычесывая сор из длинной бороды своего козла. Козлу Бобешу это, по-видимому, не нравилось, и он сердито блеял.

Бабушка вежливо поприветствовала пастуха и тотчас пожаловалась ему на несносного мальчишку Пепика. Он, мол, сначала научил человеческой речи кота Микеша, а теперь еще и поросенка Пашика.

— Лучше бы Пепик как следует выучил таблицу умножения! — заключила старушка.

— Да, да! — пробормотал пастух. — По деревне ходят слухи, что ваш Пепик не знает столбца умножения на семь!

— Что касается кота, кум, тут я ничего не имею против. Пусть себе чешут языком на печи. Пепик хоть станет поменьше озорничать с мальчишками. Но с Пашиком он меня чуть было из себя не вывел! — продолжала старушка.

Пастух насупил брови, подпер рукой подбородок и призадумался. Через некоторое время он спросил:

— Пашик был груб с вами, соседка?

— Нет, кум, что вы! — сказала бабушка. — Однако теперь он может целое утро проводить за разговорами. А что до грубостей, кум, тут вы погорячились, его и научить-то им было некому. Меня больше всего раздражает то, что Микеш подстрекал Пашика не толстеть: мол, теперь так модно. Посудите сами, кум, какая мне радость от тощего поросенка, даже если он болтает, как кукла в театре?! Посоветуйте же, что делать?

— Во-первых, кума, строго-настрого запретите Микешу подстрекать Пашика и предупредите его, что в противном случае попросту укажете на дверь! Во-вторых, скажите Пепику, пусть больше не учит разговаривать ваших зверюшек. Пускай лучше вызубрит, как пишутся «и» и «ы» после шипящих!

А впрочем, кума, не сердитесь, но, по-моему, это здорово, когда зверюшки умеют разговаривать. Приходя их лечить, я всегда сожалею, что они не могут сказать, где у них болит, где колет. Они лишь смотрят на меня своими умными глазенками и молчат. А как бы я рад был, если б коровка, к примеру, сказала, когда я войду в хлев: «Добро пожаловать, пан пастух! Очень хорошо, что вы зашли, а то мне что-то не по себе нынче. Вот уже несколько дней ничего не ем, совсем

плоха стала! Очень болит живот, да и голова тоже!» Тогда бы, дорогая кума, я не терялся в догадках, как лечить больную.

— Пожалуй, вы правы, любезный кум! — сказала бабушка. — И я всегда переживаю, когда наш поросенок отказывается от еды. А теперь достаточно будет просто обо всем его расспросить! Благодарю вас, кум! Сейчас же пойду к Пашику и поинтересуюсь, как ему понравился обед и не хочет ли он покушать еще. Желаю вам и вашему козлу Бобешу доброго здоровья!

Бабушка торопливо спустилась с горушки и уже не хмурилась, увидев в гостях у поросенка Микеша, который что-то горячо втолковывал своему другу. При появлении бабушки котик хотел было улизнуть, но она добродушно кивнула ему, разрешая остаться. Пашик учтиво поприветствовал хозяйку:

— Рад видеть вас, бабушка! — И искоса взглянул при этом на Микеша, как бы спрашивая, одобряет ли он его действия.

— Ладно уж, поболтайте тут без меня о чем-нибудь интересном, — сказала бабушка. — Только не озорничать, слышишь, Микеш! А ты, Пашик, кушай теперь как следует, не огорчай нас! И всегда говори, ежели чего захочется, я с радостью принесу тебе поесть. Ну а если заметишь ночью вора, сразу кричи: «Караул!», и он, разбойник, мигом убежит, решив, что в хлеве находится кто-нибудь из людей!

Когда бабушка ушла, Микеш сказал Пашику:

— Я искренне рад, приятель, что все хорошо закончилось! Ведь Перика могли отлупить веником, а это я научил тебя языку людей! Сам же я просто счастлив, что благодаря Перику научился разговаривать. Теперь нам не придется скучать, когда Перик будет в школе. Раньше-то мы даже «Привет!» не могли сказать друг другу. Об одном прошу, будь послушным поросенком, не перечь бабушке, а главное — хорошо кушай! Бабушке это будет приятно, и она не станет запрещать нам дружить. Представляешь, Пашик, какие веселые похождения ожидают нас двоих или даже всех троих! А теперь до свидания! Пойду в сарай, взгляну, не проказничают ли там мыши!

Как Микеш с Пашиком побывали на ярмарке

Однажды в воскресенье котик Микеш лежал на лавке возле печи и скучал. Он очень любил это уютное местечко: там всегда было так тепло, и, кроме того, от печи часто исходил вкусный запах. Когда бабушка предупредила котика, что как-нибудь он опалит себе шубку, Микеш беззаботно ответил:

— Ничего, новая отрастет! У меня на всякий пожарный случай запасец имеется!

Итак, полеживал он на лавке и бурчал себе под носик:

— До чего медленно тянется сегодня время! Прямо в час по чайной ложке! Схожу-ка я посмотрю, не отоспался ли Пашик после обеда. Хоть поболтаем немного.

Микеш спрыгнул на пол, обулся (босиком он уже не ходил) и, выйдя во двор, направился к хлеву, где жил наш поросенок Пашик. Предупредительно постучав в дверцу, он негромко спросил:

— Ты не спишь, Пашик?

Изнутри донесся ворчливый голос:

— Нет! Что-то не спится сегодня. Я уж и до пяти сосчитал и дважды рассказал себе сказку про овцу, от которой пастухи удирали по мостику через ручей, а сон все не идет!

Тут Пашик приподнял пяточком притвор кормушки и проговорил:

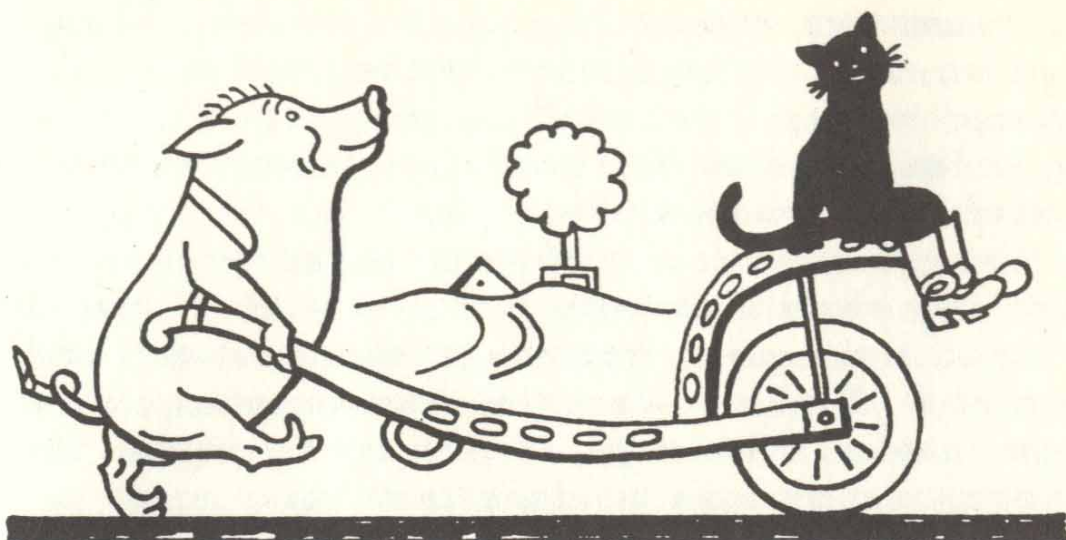
— Ах какое чудное воскресенье! Вот бы пойти куда-нибудь прогуляться. Хоть бы и в лес за желудями.

— А почему бы и нет! — согласился Микеш. — Только, чур, собирать желуди буду я, а ты заберешься на сосну и поищешь там воронят!

— Ты не очень-то хвастайся, что хорошо лазаешь по деревьям, — обиделся Пашик. — Скажи лучше, куда это нынче все идут такие разнаряженные?

— Господи Иисусе! — воскликнул Микеш. — Да ведь сегодня в Мниховицах ярмарка по случаю храмового праздника*! Вот это, Пашик, была бы прогулочка! Денег у меня достаточно: пражане, что бывают в Грусцах, поначалу

* Так называются праздники, посвященные различным персонажам или событиям «священной истории», в честь которых построен тот или иной храм.

всегда удивляются, когда я с ними здороваюсь, а потом непременно дают крейцер*-другой. Да, Пашик, прогулочка была бы то что надо! Но до Мниховиц я дойду едва ли, наверняка ноги занемеют.

— А я, Микеш, тебя отвезу на тачке! Здорово, что ты при деньгах, поедешь барином! Ступай за крейцерами, а я покуда тачкой займусь.

— Хорошо! — охотно согласился Микеш и побежал на чердак, где за балкой, в старом горшочке, у него были спрятаны крейцеры. Он высыпал их в сапоги и поспешил на двор, чтобы не заставлял себя долго ждать.

Пашик как раз выкатывал тачку из сарая.

Шел он на задних ножках, а передними крепко держался за ручки тачки. Перебросив страховочный ремень через шею, поросенок катил громыхающую повозку, словно батрак Стнад, собравшийся в лес за дровами.

Микеш уселся спереди на крыло единственного колеса, и друзья тронулись в путь.

— Бип-бип, бип-бип! — то и дело выкрикивал Микеш, чтобы, не дай бог, не задавить какую-нибудь зазевавшуюся бабушку.

Старые и малые весело окликали котика:

— Ай да Микеш! Никак ты тоже в Мниховицы на ярмарку?

— А вы как думали! Что за ярмарка без нас с Пашиком! Что за праздник?! — так же весело отвечал им Микеш.

* Крейцер — мелкая монета.

Богомольцев, знавших Микеша, все это почти не удивляло, а вот старушки из дальних деревень при виде их даже в канаву сошли с дороги и теперь, раскрыв рты, смотрели на них как на призраков! Еще бы! Поросенок везет на тачке кота в сапогах! Чудеса да и только!

Когда они приехали в Мниховицы, людей на площади было уже видимо-невидимо. Возле качелей, у каруселей, в тирах, перед кондитерскими лавками — всюду царило оживление. Пашик с Микешем едва протиснулись сквозь толпы народа к трактиру «У пятнистой собаки». Там за умеренную плату они оставили свою тачку среди других повозок, карет, автомобилей и мотоциклов. Ну а теперь можно и ярмарку посмотреть!

Приметив их, торговцы наперебой закричали:

— Уважаемый пан котик с паном кабанчиком! Зайдите купить себе чего-нибудь вкусенького!

— Что ж, надо и нам помочь им распродать свой товар! — заважничал Микеш, вытаскивая из сапога несколько крейцеров. Себе он купил сосиску, Пашику — соленый огурчик, и когда все это было съедено, они направились к американским качелям*.

Качальщик нимало не удивился, когда Пашик изъявил желание качаться помедленнее. Должен вам сказать, ребята, что такого рода людей всякие странности и чудеса впечатляют не больше, чем вас обыкновенные картофельные галушки. Даже бровью не поведя, «американский» качальщик помог Пашику забраться в люльку и стал качать его тихонько, словно какую-нибудь престарелую баронессу из Клокочной! Зато Микеш откалывал на качелях такие штучки, что вскоре вокруг него собрались люди со всей площади. Раскачавшись посильнее, он запрыгнул на верхнюю перекладину, совершил кувырок, будто на турнике, и когда люлька снова оказалась рядом, соскочил и улегся на самое ее дно, так что зрителям был виден только его черный хвостик, коим он вилял в такт мелодии шарманки. Неудивительно, ребята, что многие свидетели этой сцены разразились неудержимым хохотом и начали бросать в люльку крейцеры, которые Микеш тут же прятал в сапог.

* Американские качели — качели с люльками-лодочками.

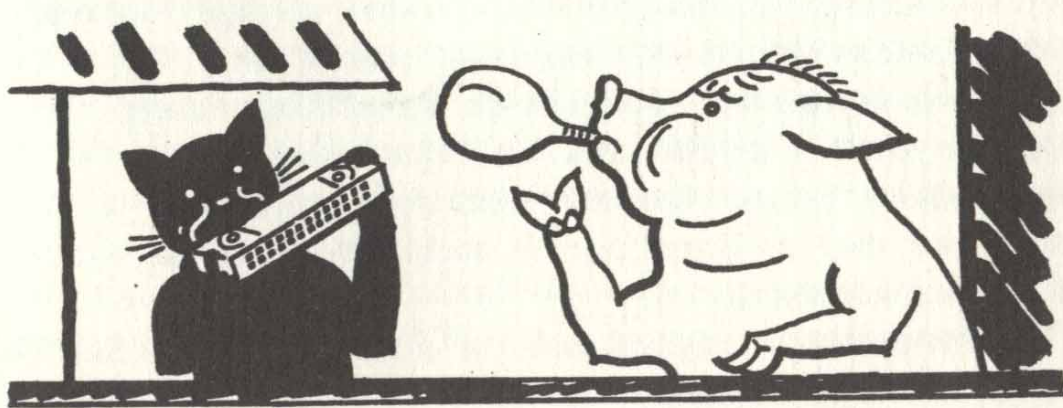
Когда качаться Микешу надоело, они с Пашиком снова отправились гулять по ярмарке. Котик давно мечтал обзавестись такой же губной гармоникой, как у Пепика. На ярмарке выбор их был достаточно велик, одна лучше другой. Хорошенько поразмыслив, Микеш купил себе небольшую гармошку: торговец сказал, что это самая настоящая концертная гармоника. Для Пашика же он приобрел свистульку с воздушным шариком, но она радовала поросенка недолго. Пашику захотелось послушать, как она звучит, и, набирая в себя воздух, он проглотил свистульку! Одним словом, ребята, поросенок! Только вы не очень-то потешайтесь, бедняге самому было ужасно стыдно за свою оплошность! Микеш в сердцах брякнул, что ему-де следовало подарить Пашику медную трубу, уж ее он никогда не проглотил бы!

Но Микеш был добрая душа. Он купил Пашику еще один соленый огурчик, а сам в другой раз полакомился горячей сосиской, отчего уголки рта у него сразу заблестели. В крейцерах Микеш по-прежнему не испытывал недостатка, к тому же тетюшки и дядюшки из Грусиц то и дело добавляли ему крейцер-другой, приговаривая:

— Ай да Микеш! Тоже, значит, пришел на праздник! Получи-ка от нас денежку, купи себе чего-нибудь полакомиться!

Весело было на ярмарке, но пора подумать и о возвращении. И Пашик предложил Микешу отправляться домой: мол, бабушка, наверное, уже разыскивает их по деревне. Напоследок друзья еще раз прошли по ярмарке и двинулись к трактиру «У пятнистой собаки».

Там их ожидала неприятная новость! Трактирщица с досадой сообщила гостям, что кто-то забрал их тачку вместо

своего мотоцикла! Каково, ребята, а?! Микеш долго возмущался, потом некоторое время возмущался Пашик, давая Микешу передохнуть. Однако делать было нечего — во дворе трактира тачки не было, а стоял только новенький прислоненный к стене мотоцикл! Микеш почесал за ухом, размышляя, что предпринять.

— Вот так сюрприз! Какой-то негодник украл у нас великолепную, недавно купленную тачку и оставил вместо нее мотоцикл! — ворчал Микеш. — Что же тут делать?

— А чего тут раздумывать! — посоветовала трактирщица. — Садитесь на него и поезжайте домой! Ежели, конечно, сумеете!

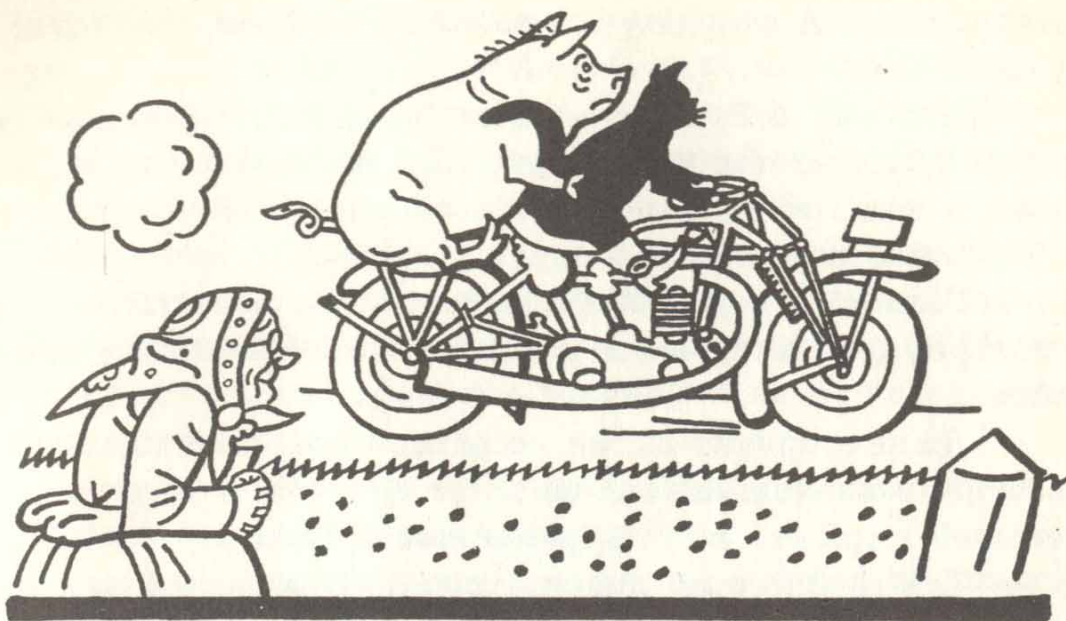
Что оставалось делать Микешу с Пашиком, ребята? В самом деле сесть на мотоцикл и поехать на нем домой? Так они и поступили! Правда, Микеш никогда не управлял мотоциклом, однако видел, как это делают другие, проезжая в Грусицах мимо их домика. Забравшись на мотоцикл, он подождал, пока Пашик устроится на заднем сиденье, завел мотор, просигналил и — счастливо оставаться, пани трактирщица из заведения «У пятнистой собаки».

Они мчались по дороге, поднимая столбы пыли. Микеш без труда удерживал равновесие. Кот все ж таки! Вспомните, ребята, как эти животные балансируют на узеньких дощечках карниза! Что касается Микеша, он был прирожденный лихач, а вот Пашик показал себя тетеря тетерей! Он словно клещами вцепился в шерстку Микеша, один раз даже взвизгнул от страха как истый поросенок, а в другой — завопил человеческим голосом:

— Ой, мамочки!

Когда же Микеш просигналил одной старушке, чтобы она посторонилась, Пашик от испуга потерял равновесие и — хлоп! — полетел в канаву! Заглушив мотор, Микеш посмотрел, не случилось ли с беднягой какой беды. Слава богу, ничего страшного не произошло! Удостоверившись в этом, котик напустился на Пашика. Он заявил поросенку, что тому впору ездить разве что на треноге сапожника, а потом припомнил ему многие другие недостатки, пока, наконец, они не разругались.

Тут старушка, уступившая им дорогу, решительно возмутилась. Она сказала:

— Хорошо еще, что вы оба остались живы! Полно ссориться! Поезжайте-ка лучше домой, хозяйка, наверное, уже места себе не находит! Я-то думала, что уступаю дорогу какому-нибудь пану, а тут — нате вам! — кот с поросенком! Светопреставление да и только! И о чем вообще вы думали, коли ездить как следует не умеете! Да и не рановато ли вам иметь мотоцикл? У нас в Габровой его нет даже у старосты, а тут на мотоциклах коты разъезжают! Ну а если ваши хозяева столь достойные люди, что смогли вам его купить, так, будьте любезны, являйтесь домой вовремя! С богом!

Микеш с Пашиком подняли мотоцикл с дороги, сели на него, попрощались со старушкой и — тр-р-р! — помчались дальше. Может, и не стоило бы говорить, дабы не обижать наших героев, однако, дорогие ребята, они все-таки скатились еще пару раз в кювет, пока доехали до деревни. К счастью, все обошлось благополучно!

Бабушка в самом деле уже не находила себе места от переживаний и ворчала. Когда же она увидела, как Микеш с Пашиком мчатся на мотоцикле по спуску с площади, то перепугалась настолько, что колени у нее задрожали, и она даже вынуждена была присесть на бревно. Однако бабушка быстро овладела собой и, едва горе-мотоциклисты въехали во двор, сердито крикнула:

— Где это вы пропадали? Я поросенку ужинать нес, а он шляется неизвестно где! И зачем только вы забрались на эту дьявольскую машину?! Вам что, жить надоело, разбиться

захотели, да? А откуда у вас вообще этот драндулет? Уж не краденый ли?

— Что вы, бабушка! — робко отозвался Микеш. — Мы были в Мниховицах на ярмарке. Пашик отвез меня туда на тачке, а там кто-то заменил нам ее на мотоцикл.

Бабушка руками всплеснула.

— Господи Иисусе! У вас забрали мою новенькую тачку и подсунули вместо нее эту тарахтелку? Вот возьму сейчас веник...

— Да не огорчайтесь так, соседка, — утешил бабушку пан Свобода, возвращавшийся из костела*. — Этот мотоцикл по меньшей мере раз в сто дороже вашей тачки!

— Так-то оно так, дорогой сосед! Однако на чем прикажете возить теперь дрова или траву из лесу? Мне что, на старости лет учиться ездить на этом чертовом драндулете, да еще для чего — чтоб траву с межей собирать?! Ну уж нет, я все-таки...

— Погодите, соседка! — перебил пан Свобода. — Не вашу ли тачку катит вон тот мужчина? Точно, и впрямь вашу! Пусть козел пооткусывает мне все пуговицы, если я не прав!

Пан Свобода оказался прав! Закатив тачку во двор, незнакомец опустил ее ручки на землю и тяжело задышал. Потом он вытер носовым платком лоб и проговорил:

— Как я рад видеть свой мотоцикл! На празднике в Мниховицах я съел немного лишку халвы, и у меня чуток голова пошла кругом, воистину не сознавал, что творю! Приехал в Мниховицы на мотоцикле, а на обратном пути только за Менчицами заметил, что возвращаюсь-то не на нем, а с тачкой в руках! Знали б вы, люди добрые, как несся я обратно в Мниховицы. Однако в трактире «У пятнистой собаки» мне заявляют, что на моем мотоцикле уехали черный котенок с поросенком по направлению к Грусицам. Тут мы с вашей тачкой помчались словно наперегонки: я несусь, аж подметки дымятся, и вот наконец добежал! Слава богу, что все хорошо закончилось! Получайте свою тачку, а мне верните мотоцикл! Ну а теперь счастливо вам жить-поживать в своей хибарке!

С этими словами мужчина сел на мотоцикл и вскоре исчез

* К о с т ё л — католический храм.

за корчмой Сейка. Бабушка чрезвычайно обрадовалась, получив тачку целой и невредимой, и перестала сердиться. Но еще большую радость она испытала, когда Микеш протянул ей прелестный образок*, который привез в подарок с мниховицкой ярмарки.

Пашик тем временем с удовольствием забрался в свой хлев, быстро съел ужин и через несколько мгновений заснул. Он совершенно измотался в дороге. В свою очередь и Микеш отправился в горницу, разулся, вскочил на лавку перед печью и тоже мгновенно заснул.

Ему снилось, что они с Пепиком пошли к Млейнекам за грушами и что все это плохо кончилось.

А как дело было наяву — об этом вы узнаете из следующей главы.

Пепик с Микешем идут за грушами

По возвращении из Мниховиц Микеш заснул как убитый. Но среди ночи он неожиданно пробудился и, спрыгнув с жесткой лавки, залез к Пепику на печь. Там котик свернулся калачиком в изголовье у хозяина и через минуту снова уснул. Однако на этот раз сон уже не был крепким. Вдруг, не просыпаясь, Микеш схватил Пепика за уши и, вертя его голову налево и направо, прокричал:

— Осторожно, Пашик, смотри снова не упади! Сейчас будет самый крутой поворот!

Разумеется, Микеш все еще мчался на мотоцикле по дороге из Мниховиц.

Наутро он ни о чем таком даже не догадывался. Когда Пепик спросил Микеша, что ему снилось, котик лишь буркнул:

— Так, ничего особенного: что мы с тобой были у Млейнеков за амбаром, рвали груши!

— Очень хорошо, Микеш, что тебе это приснилось! — весело сказал Пепик. — Я чуть было не позабыл про них! Они, верно, уже совсем созрели и теперь сладкие как сахар! После обеда обязательно сходим к Млейнекам!

* О б р а з о к — маленькая икона, картинка с изображением Иисуса Христа, Богоматери или святых.

— Что ты, Пепик! И думать забудь про эти груши! — разгорячился Микеш. — Во-первых, это воровство, а во-вторых, старый хозяин стережет их пуще глаза! Он то и дело прогуливается по двору и поминутно косится на садик, не крадет ли кто его красавиц. Старик дал бы тебе такого ремня! Кстати, вчера в Мниховицах он покупал себе новый!

— Ошибаешься, Микеш. За что он станет меня наказывать, если я не буду рвать его груши? Этим займешься ты, Микеш!

— Ай да Пепик! Ай да молодчина! Хорош, нечего сказать! Лучше, чем кожура от ливерной колбасы! Только поглядите на этого хитреца! Он, видите ли, захотел попробовать груш Млейнека, а ты беги нарви их ему с мешок! Ты бы хоть подумал, в чем я принесу тебе эти груши, у меня и карманов-то нет! Или, может, нарвать тебе их целую кучу, а Пашик доставит груз на тачке прямо к печи? Нравишься ты мне, парень! Но знаешь, отправляйся-ка лучше за ними сам, коли так не терпится!

— Что ж, ладно! — с деланным равнодушием сказал Пепик. — Пускай я не получу груш! Но тогда, Микеш, и ты не получишь тарелку хорошей, густой сметаны, которой я хотел отблагодарить тебя за пару спелых грушек!

Увидев, как Микеш несколько раз облизнулся, Пепик продолжал заманивать доверчивого котика:

— Сказать по правде, сами по себе они мне не нужны. Потому-то и нет у меня желания их рвать. Просто, Микеш, я хочу отплатить им за то, что они надо мной потешались. Чего глаза таращишь, я и сам сомневался, что такое возможно, но это правда! Видишь ли, Микеш, когда вы с Пашиком были вчера в Мниховицах, я прогуливался себе по улице, пока не дошел до сада Млейнеков. Груши и яблоки в нем почти созрели, и пахло там, как в раю! Засмотрелся я на одно крайнее деревце, и вдруг мне показалось, будто желто-красные груши на его ветках смеются! И чем дальше я смотрел, тем сильнее они смеялись. Неожиданно меня осенило: «Пепик, да ведь это они над тобой насмеются!» Тут одна большая груша, величиной с твою голову, сказала соседкам: «Это и есть тот замарашка! Гляньте-ка, голенище одного сапога у него чуть ли не на щиколотке, а другое аж над коленкой! Штаны все в заплатках, да и держатся только на

одной помочи! Рубаха грязная, как у цыгана, а вихры так и торчат из-под шапки! Я бы до самого черенка сделалась изжелта-красной, сорви меня такой неряха! Сегодня он еще один, а видели бы вы его с мерзким, ковыляющим котом Микешем, который возомнил, что если научился немного болтать по-человечьи, так станет по меньшей мере старостой в Турковицах».

— Чего-чего? — оскорбился Микеш. — Это я-то ковыляю?! Да таких гадких слов, Пепик, я не простил бы даже хищнику, вроде хорька, не говоря уже о какой-то червивой груше! — И возмущенный котик забежал туда-сюда по лавке, вращая зрачками и теребя свои торчащие в стороны усики. Шерсть на спине у него встала дыбом.

— Микеш, неужто ты сердишься из-за слов глупой груши? Да сходи сорви их парочку — все, как одна, приумолкнут. И в следующий раз больше не осмелятся потешаться над нами!

Микеш спрыгнул с лавки, натянул один сапог и сказал:

— Ладно, Пепик! Неси сметану, я должен хорошенько подкрепиться!

Пепик живо схватил тарелку и побежал в погреб, опасаясь, как бы Микеш не передумал; не успел котик натянуть второй сапог, Пепик уже стоял перед ним с хорошей, густой сметаной в руках. Микеш взял от него тарелку передними лапками и, даже не присаживаясь, тут же слизал все ее вкусное содержимое. Потом он утер лапкой усы и направился к выходу, проронив одно-единственное словечко: «Айда!» Микеш был настолько возбужден, что Пепик едва за ним поспевал. Со стороны луга они обогнули домик Швецов и, преодолев крутой склон, вышли на межу Брабца, от которой до сада Млейнеков было уже рукой подать.

От межи Брабца Микеш, согласно уговору, продолжал путь один. Зайдя в угол сушильни Бубеника, он снял сапоги и пополз по траве к ближней груше, а потом — прыг! — стрелой взмыл на дерево. Пепик тихонько следовал по его стопам, немного прихрамывая, будто занозил ногу, и, очутившись возле грушевого дерева, опустился на траву. Ему было хорошо видно, как старый Млейнек стоит у забора за развесистым кустом бузины и выжидает, что будет происходить дальше. Но Пепик лежал не двигаясь.

Вскоре Пепик тихонько окликнул Микеша:

— Сорви какую-нибудь грушу и подбрось к моей руке! Потом обожди немного и бросай следующую!

Бац! Большая, словно с картинки, груша упала наземь. Пепик незаметно подобрал ее и сунул в карман. То же случилось с другой, третьей, четвертой, пятой... Старый Млейнек был совершенно спокоен. Микеша в ветвях он не видел, а Пепик, как ему казалось, просто отдыхает под деревом. Когда в кармане у мальчика было уже около десятка груш, котик спросил сверху:

— Может, хватит?

— Сорви еще несколько! — сказал Пепик.

Микеш сбросил еще пяток груш и снова спросил:

— Ну как? Думаю, теперь они нас надолго запомнят!

Но Пепику было все мало, и он попросил рвать дальше. Тут наш справедливый котик рассердился на своего жадного хозяина и решил его проучить. Сорвав с ветки большую грушу, он навел ее прямо на лицо Пепика, и — бабах! — спелая груша всмятку разбилась о нос парнишки. У Пепика даже искры из глаз посыпались!

Позабыв про всякую осторожность, он вскочил и, грозя кулаком Микешу, пообещал жестоко отомстить ему за злую шутку. В ответ котик так рассмеялся, что чуть не упал

с дерева. Вдруг он пулей слетел вниз и, перемахнув через забор сада Бубеника, скрылся. Пепик решил выяснить, что именно так напугало Микеша, но, дорогие ребята, не смог даже обернуться. Старый Млейнек крепко держал его за шиворот!

— Я вам покажу груши воровать! — пробасил дед и несколько раз хлестнул Пепика своим новым ремнем. Затем, опустив указательный палец вниз, старик крикнул, глядя на ветвистую крону дерева:

— Эй, Франта, Тонда, Вашик, как там тебя, сейчас же спускайся, а не то я тряхну дерево, и ты сам упадешь как гнилушка!

— Там нет никого, дедуля! — захныкал Пепик. — Да и я не рвал ваших груш!

— Кому же ты кулаком грозил, а? А в карманах у тебя не они ли случайно? Точно, они, красавицы, в деревне ни у кого таких нет! Уж не сами ли они забрались к тебе в карманы? Ай да Пепик Швец! А ну отвечай, где сообщник? Не знаешь?! Тогда получи! (Он хлестнул его ремнем пять раз.) А вот это передай товарищу! (Он хлестнул его еще пять раз.) Одному тебе столько бы не понадобилось.

Потом Млейнек вынул из карманов Пепика все груши и отпустил его. Теперь, дорогие ребята, наш Пепик уже не прихрамывал; напротив, он как быстроногий олень мчался к дому, чтобы поскорее разыскать Микеша и поквитаться с ним, ведь именно он был всему виной. Но когда Пепик увидел Микеша сидящим на чурбачке за домом, злость у него как рукой сняло. Держась обеими лапками за брюшко, бедняга извивался словно дождевой червь. Он кряхтел и маялся, будто в предсмертный час.

— Что с тобой, Микеш? — участливо спросил Пепик. — Ведь у тебя ничего не болело!

Но Микеш не отвечал, продолжая кряхтеть и извиваться.

— Перед тем как идти, ты съел лишь тарелку сметаны, а потом немного поел груш, так ведь? С чего же тебе стало плохо? От этого животы не болят!

— Да нет, Пепик! — простонал Микеш. — Сметана тут ни при чем! Меня мучают у г р ы з е н и я с о в е с т и!!! Правда, правда, Пепик! Так я наказан за воровство! Честное слово, это совесть мучит меня, и она не успокоится, пока я не замолю

свой грех. Нам, Пепик, следовало бы пойти к старому Млейнеку и во всем повиниться!

— Ну, Микеш, если ты думаешь, что тебе станет тогда легче, иди и вымаливай у него прощение! Я же никуда не пойду! Мы, дорогой мой, с ним уже в расчете!

Микеш с трудом поднялся и, склонив голову, побрел на горюшку к усадьбе Млейнека. По всему видать, нелегко далось ему это решение. Однако все закончилось хорошо. Спустя несколько минут он уже бежал обратно, более не держась за свой животик. Едва перепрыгнув через канаву Скршиванека, Микеш закричал Пепику:

— Ура! Меня больше не будут мучить угрызения совести! Я пообещал Млейнеку осмотреть его дом и разогнать всех мышей. За это он меня простил и даже рассмеялся, когда я поведал ему, как все было на самом деле. Еще он предложил мне прийти помочь им срывать груши с высоких веток, когда до них дойдет очередь. Он уже и задаток дал, целых десять крейцеров. Возьми их, Пепик, купи бумагу и краски, а потом сиди и малюй чего-нибудь до тех пор, пока не перестанешь думать о чужих грушах!

Что ж, несколько дней Пепик и вправду усердно занимался рисованием, не помышляя ни о каких проделках. Однако, ребята, долго ли выдержит без них такой мальчик, как Пепик Швец!

Козел Бобеш становится третьим

Грусицкий деревенский пастух был человек добрый и справедливый. Овечек, которых доверяли ему хозяева, он любил, и когда какая-нибудь из них прихварывала, умел быстро ее вылечить.

Пес у пастуха был под стать хозяину — такой же умник-разумник. Звали его Форейткой. При случае Форейтка превосходно управлялся бы со стадом и без старого пастуха. Он мигом подмечал, когда какая-нибудь овечка-лакомка уходила пастись в запретное место или причиняла посевам вред, и тотчас спроваживал ее обратно в стадо.

В злаках и травах Форейтка разбирался даже лучше, чем некоторые школьники. Когда пастуху требовалось переме-

стить стадо на пастбище, ему достаточно было крикнуть Форейтке: «Отгони-ка овец от ржи!» или «Перегони-ка овец на клевер!» — и Форейтка без промедления выполнял его просьбу.

У пастуха, как вы знаете, жил еще козел Бобеш. Этот пятнистый замарашка был ужасным озорником. Однажды он загнал Пепика на высохшую грушу и два часа кряду дожидался, пока он слезет. Мальчик досадовал на Бобеша: нет, мол, чтобы загнать на какое-нибудь плодоносящее дерево. И он высказал козлу свой упрек, когда явился старый пастух и хорошенько отхлестал Бобеша ремнем.

Но Бобеша это не остановило.

С той поры он просто повадился загонять мальчишек на плодовые деревья. Ребята бросали в него сверху плодами, а он подбирал и с хрустом съедал их. Завидев сторожа, Бобеш сразу убегал, и мальчуган тщетно оправдывался, что туда, мол, загнал его козел пастуха Бобеш. Старый пастух частенько поругивал своего козла, когда мальчишки приходили на него жаловаться. А вычесывая его длинную бороду, всякий раз воспитывал. В ответ Бобеш часто моргал глазками, как бы в знак согласия, но едва только выбирался из своего ветхого хлева на свободу, все повторялось сызнова. Встреч с Бобешом избегали даже самые отчаянные баловники: он умел дьявольски страшно жечь и буравить взглядом противника.

Со временем на козла Бобеша стали жаловаться и школьники, которые свои опоздания на уроки объясняли тем, что Бобеш загоняет их на деревья и они не могут приходиться в школу вовремя. Когда же к пастуху прибежала жаловаться маленькая толстушка Каченка Франтакова, которую Бобеш вынудил вскарабкаться на самую вершину тополя, старик поклялся продать непослушного козла или по крайней мере обменять его на другого — умного и воспитанного.

Бобеш слышал эту угрозу из своего хлева, и пастуху даже почудилось, будто он пробурчал что-то в ответ. В тот день Бобеш вел себя в хлеву необычайно тихо, тогда как в другие дни беспрестанно издавал там сердитые или радостные крики.

Сидя возле хибарки, пастух вязал веники и ворчал себе под нос:

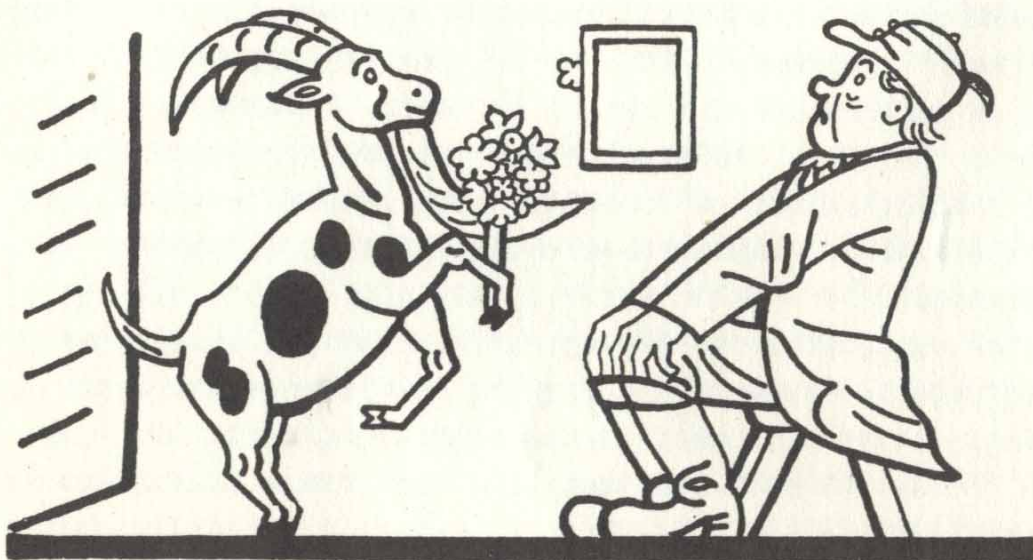
— Ну что, чертыка бородатый, не до шуток стало? Ишь притих, точно поросенок во ржи! Только напрасно стараешься. Завтра как миленький побежишь за мной в Мниховицы! Хоть на колени вставай — не прощу! Лично меня это даже устраивает: завтра у меня праздник, ты ведь прекрасно знаешь, что имя мое — Бартоломей, и по случаю именин я куплю себе новую головку к трубке!

Однако на следующий день, ребята, пастух не повел козла в Мниховицы, хоть и встал спозаранку и даже оделся по-праздничному. Он и трость было взял, и большой красный носовой платок, но когда уже собирался выйти во двор, кто-то громко постучал в дверь.

— Войдите! — вежливо отозвался пастух, полагая, что к нему пожаловал по меньшей мере пан староста.

И тут, дорогие ребята, он опустился на табуретку, чтобы не упасть от изумления! Еще бы! В дверь неожиданно ввалился козел Бобеш: он идет на задних ногах, а в одной из передних держит букетик цветов! Ну и дела! Пастух даже за нос себя ущипнул, проверяя, не спит ли он, и вдруг — мать божья! — пастух совершенно отчетливо услышал, как его козел заговорил человеческим голосом:

— Я козлик неумеха,
Стихи пишу я плохо,
Зато даю вам слово,
Исправлюсь очень скоро!

Желаю вам, хозяин, счастья и радости в этот торжественный день! И примите от меня в подарок этот букетик!

Но пастух продолжал таращиться на Бобеша, как на привидение. Наконец он овладел собой.

— Чтоб тебе пусто было, Бобеш! Ну и напугал ты меня! Впрочем, следовало ожидать, что кот Швецов Микеш и тебя выучит разговаривать, то-то он все около твоего хлева крутился. Ладно уж, давай сюда букетик. Так и быть, не поведу тебя в Мниховицы, коли ты пообещал исправиться. Но мог ли я думать, что хоть одна живая душа вспомнит обо мне сегодня, ведь на всем белом свете я один-одинешенек! С этого дня, Бобеш, будь воспитанным козлом; не огорчай меня на старости лет! Однако, елки-моталки, ну и компания подбирается: Микеш, Пашик и ты! Сдается мне, что теперь, когда вам легко договориться между собой, вы с Пепиком Швецом натворите дел!

Как Бобеш с Микешем колдовали

Котику Микешу было всего полтора года, однако вел он такие умные речи, будто был взрослым, умудренным опытом котом. Когда Пепик гонял с ребятами мяч на деревенской площади, он обычно сидел в сторонке на бревнышках и наблюдал за игрой. Стоило же мальчишкам поднять шум, Микеш ворчал себе в усики:

— Ох уж эта нынешняя молодежь! Такой ли была она во времена моей юности!

Тем не менее всякий раз, когда мяч, посланный сильным ударом игрока, попадал в сад приходского священника, Микеш охотно разувался, перелезал через высокий забор и возвращал мячик ребятам. За доброту все мальчишки очень любили котика, и лишь Тонда Франтак точил на него зуб. И вот почему.

Однажды поросенок Швецов Пашик плохо выпался и с самого утра был не в духе. Он жаловался Микешу на собак, которые ночь напролет носились по всей деревне и ему, порядочному кабанчику, не давали сомкнуть глаз. Напрасно Микеш втолковывал Пашику, что собаки и должны это делать, чтобы воры кого-нибудь не обокрали в деревне ночью.

— Вот тебе, Пашик, понравилось бы, кабы они забрались в твой хлев и утащили тебя с собой?!

— Меня, братец, воры никуда бы не утащили! — гордо заявил Пашик. — Даром, что ли, я выучился разговаривать? Если б они полезли ко мне в хлев, я попросту сказал бы им: «А меня, уважаемые, здесь уже нет!» И они направились бы в какое-нибудь другое место!

От слов Пашика Микешу сделалось так смешно, что он даже упал на солому. Развеселившись, котик решил устроить для Пашика маленький спектакль, чтобы поднять ему настроение. Микеш притащил из дома старую шляпу, надел ее, заложил лапки за спину и, ссутулившись, принялся расхаживать по двору, изображая старика Шорейса. Потом он отломил от палки кривой сучок и засунул его в рот вместо трубки — вид у него был совершенно уморительный! Как он выглядел, вы видите на картинке. Пашик буквально катался по настилу от хохота, когда Микеш сплевывал направо и налево, приговаривая:

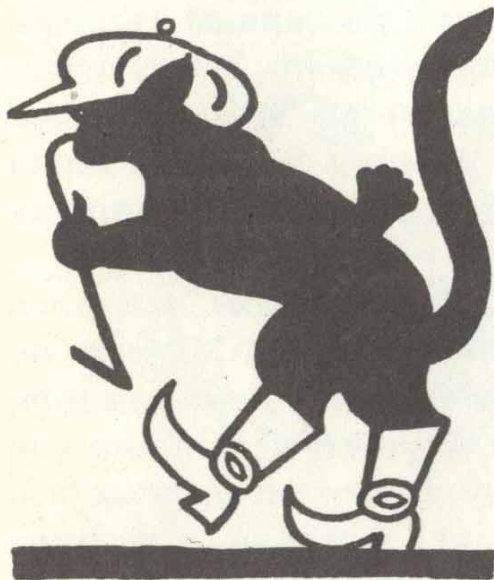
— Это уж шамо шобой! Это дело дешятное!

В ту пору мимо двора проходил Тонда Франтак и сразу начал подтрунивать над Микешем, повторяя вслед за ним:

— Шамо шобой! Дело дешятное!

Микеш выбросил сучок и убежал домой.

Между тем у Тонды Франтака было меньше всего оснований над кем-либо подтрунивать! Еще совсем недавно, когда его спросили, что вкусного ел он сегодня в обед, Тонда ответил так:

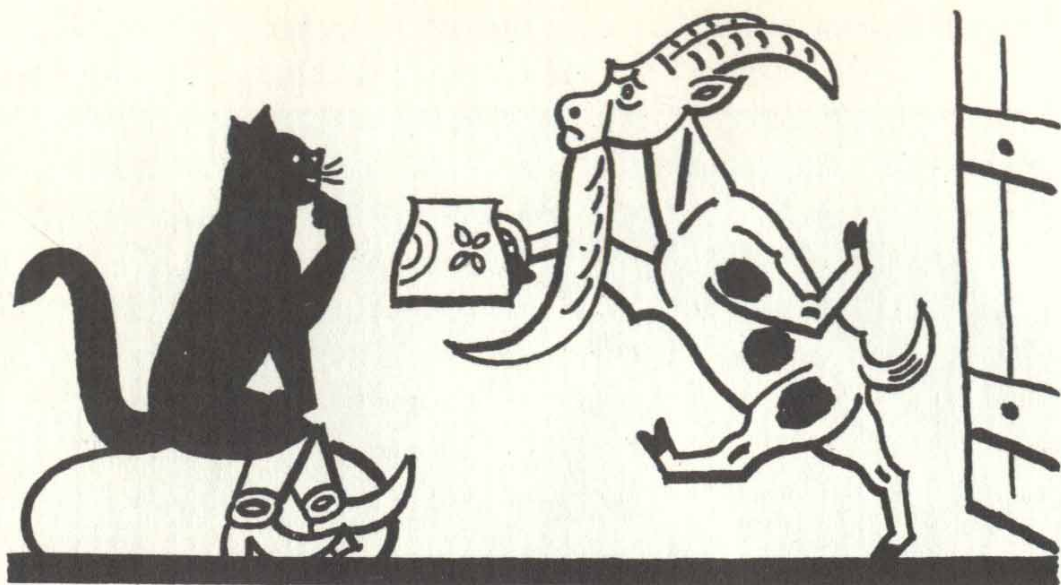
— Суп с лаптой и буки с маки!

Вот вы, дорогие ребята, догадались бы, что в обед, оказывается, он ел суп с лапшой и булочки с маком! Кроме того, как-то раз на деревенской площади он хвастался Боженке, дочери владельца кирпичной мастерской:

— А у нас дома щененок! Он уж мяучит, а иногда даже тьявкает!

И этот мальчишка еще потешался над Микешем!

Когда Тонда убежал, Микеш решил сходить к козлу Бобешу и пожаловаться на обидчика. Вы уже знаете, как Бобеш наказывал таких озорников. И хотя козел пообещал старому пастуху больше не трогать воспитанных ребятишек, однако озорников он по-прежнему поднимал на рога, а потом сбрасывал, к примеру, в ручей! В последнее время Бобеш не ходил со старым пастухом на пастбище, оставался дома за сторожа. И с этим справлялся он превосходно! Когда какой-нибудь мальчишка готовился сорвать грушу в саду хозяина, Бобеш выскакивал из своего хлева и, устрашающе выпучив глаза, кричал:

— А ну прочь отсюда! Если тебе не терпится что-нибудь сорвать, так уж лучше оторви себе уши!

И маленькие дети боялись его настолько, что иногда даже уважительно величали «дядюшкой»!

Очутившись на горшке у пастуха, Микеш очень удивился поведению Бобеша, который расхаживал по двору на задних ногах, а в передних держал глиняную кружку.

— Чем это ты занимаешься? Чего ходишь по двору с пустой кружкой? — любопытствовал Микеш.

— Учусь разносить пиво! — пояснил Бобеш. — Вчера над входом в корчму я увидел дощечку с фотографией козла, который несет кружку черного пива. И Пепик Шобр прочел мне, что было под ней написано: «Велкопоповицкий козел». Вот я и учусь с этой кружкой разносить пиво, а потом закажу для себя у фотографа такой же снимок, как на

корчме. И, разумеется, под ним будет начертано: «Грусицкий козел».

Наверное, дорогие ребята, вы уже догадались, что Бобешу попала на глаза фирменная пивная вывеска, и он принял ее за фотографию козла из Велких Поповиц.

— Представляю, Бобеш, как обрадуется твой старый хозяин, когда ты сам принесешь ему от Сейка пиво! — похвалил Микеш. — Однако сейчас оставь свою затею и послушай, что я расскажу тебе об этом негодном мальчишке Франтаке!

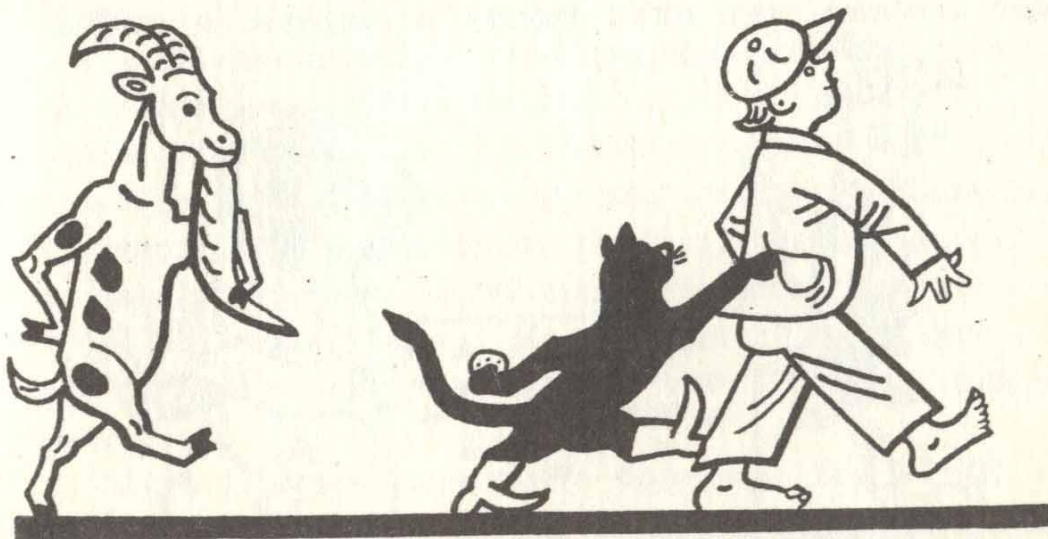
Бобеш осторожно поставил кружку на чурбан и уселся возле хлева на плоский камень. Микеш устроился на другом камне и тотчас же начал рассказывать про Тонду Франтака, который так обидел его сегодня утром. Бобеш сидел мрачнее тучи и, теребя свою длинную бороду, внимательно слушал. Вдруг он устремил взгляд вверх Микеша и воскликнул:

— А ну постой! Вот бесстыдник, полез через забор к вам за грушами!

Микеш вскочил с камня, от злости шерсть на его спине встала дыбом:

— Противный мальчишка! Поглядите-ка на него! Сейчас он оборвет нам все груши, а отвечать за это придется Пепику! Скорей, Бобеш! Поддень сорванца рогами и выкупай в пруду Шобра!

— Погоди, Микеш, не горячись! Так, пожалуй, и штаны разорвать недолго, а ведь Франтаки — люди бедные, на новые у них нет денег! Знаешь что, давай-ка мы эти груши, которые он положит в карман, заколдуем! Заприметив их, Тонда

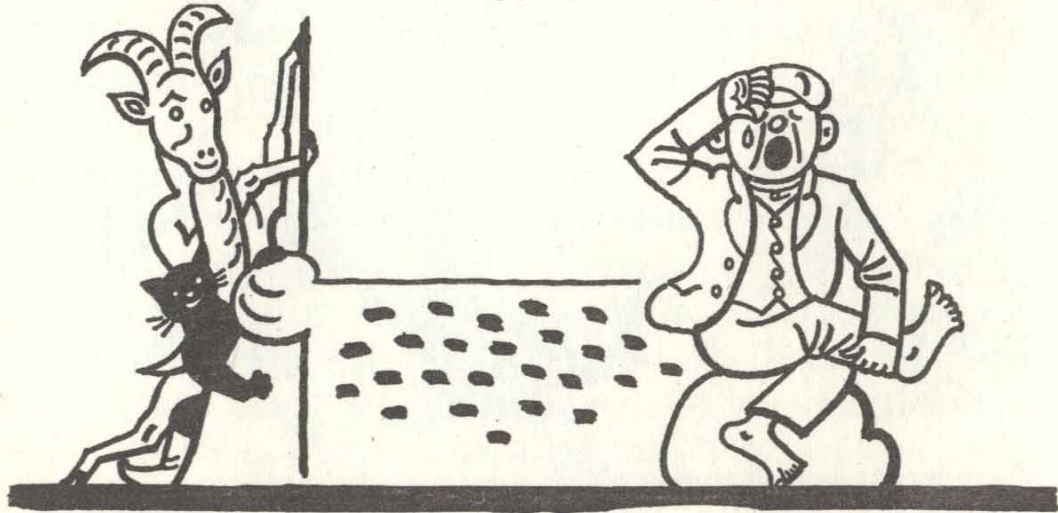

перестал рвать груши, перемахнул через забор и пошагал дальше своей дорогой. Он держался как ни в чем не бывало и весело насвистывал: в кармане у него хоть и лежала одна-единственная груша, зато самая красивая из тех, что созрели на молодом деревце. Бобеш тоже делал вид, будто не произошло ничего особенного, однако через минуту-другую шепнул Микешу, чтобы тот раздобыл где-нибудь сырую картофелину. Не успел Бобеш сосчитать и до десяти, как Микеш с картофелиной был уже рядом. Котик просто сгорал от любопытства, что же будет дальше, и глазки его светились словно два уголька.

— Незаметно подберись к Тонде,— зашептал Бобеш Микешу,— вынь у него из кармана грушу и засунь вместо нее картошку!

Микеш взял картофелину и крадучись двинулся вслед за Тондой. И еще прежде чем Тонда сумел бы спохватиться, вместо чудесной груши в кармане у него лежала картофелина. Грушу Микеш передал Бобешу.

Ничего не подозревая, Тонда шел по направлению к деревенской площади и мысленно уже представлял себе, как дарит замечательную грушу Марженке Вавровой, своей лучшей подружке, что давала ему списывать на уроках. Ах какая у него превосходная желтая груша с красными бочками! Тонда решил еще полюбоваться на свое сокровище, прежде чем передать его в руки Марженки, и сунул руку в карман. Но что это? Тонда так и вытаращил глаза на сырую картофелину, которую вынул вместо груши. Он даже рот раскрыл от изумления. Тонда сует руку в другой карман — пусто! Куда же она подевалась? Ведь он точно помнит, как клал грушу в карман, а теперь вот

вытаскивает оттуда какую-то картошку! Некоторое время Тонда продолжал таращиться на нее, потом бросил ее на землю и пошел дальше. Подобрал картофелину, Бобеш спрятал ее за спину и в несколько прыжков на задних ногах настиг Тонду. Он протянул ему прекрасную грушу и сказал:

— Тонда, почему ты выбрасываешь такие превосходные спелые груши?

У Тонды глаза полезли на лоб! О господи, он же выкинул картофелину!

Мальчишка словно во сне взял грушу и, сунув ее в карман, пролепетал какие-то слова благодарности. Однако не сделал он и десяти шагов, как Микеш снова заменил ему грушу картошкой. Совершенно сбитый с толку происходящим, Тонда едва переставлял ноги, но когда увидел в воротах Марженку Ваврову, что подметала веником двор, позабыл про все напасти. Прижав руку к карману, Тонда размеренным шагом направился к дому Вавры.

— Чего тебе, Тонда? — спросила Марженка, прекращая мести двор.

— Я принес тебе кое-что в подарок, — радостно сообщил Тонда. — Я давно обещал тебе это за то, что ты даешь мне списывать.

— Так давай же!

— Нет, сама возьми у меня в кармане!

Марженка подбежала к Тонде, сунула руку к нему в карман, и — бабах! — картошка полетела ему прямо в лоб. Потом Марженка схватила веник и погнала Тонду со двора:

— Ах ты паршивец, только попроси еще раз списать! Я тебе покажу, как смеяться надо мной!

Ворота захлопнулись, чуть было не прищемив Микешу хвост, когда котик промелькнул под ногами у Марженки.

Очутившись на деревенской площади, Тонда опустил на камень, ноги его не слушались. Что же с ним происходит? Что за чудеса такие? Мальчишка даже за ухо себя ущипнул, уж не спит ли он? Да нет — больно. Значит, не спит.

— Так и спятить недолго! — бормочет Тонда. (В эту минуту Микеш снова подсовывает ему сзади картофели-

ну!) — Я же точно помню, как сорвал в саду у Швецов грушу и сунул ее в правый карман!

С этими словами Тонда запустил туда руку и вытащил... картофелину!

— Черт знает что такое! Сегодня я и вправду свихнусь! Как она снова попала в карман? Не сама же туда запрыгнула? Господи помилуй! Ничего подобного со мной еще не случалось, хотя мне не впервой лазать в чужие сады за грушами! Ну уж теперь баста! Ноги моей больше не будет в саду у Швецов, даже если груши у них будут из чистого золота и Швецы со своим замурзанным котом сами попросят меня об этом!

В ту минуту Тонда заметил своего злейшего врага Вашека Швиглу, что вышел из корчмы. К Тонде сразу вернулось самообладание, и он решил разыграть Вашека. Сунув картофелину в карман, Тонда как бы невзначай двинулся мимо старой липы навстречу Вашеку. Он шел не торопясь, но еще тише крался за ним следом Микеш, чтобы снова заменить картофелину грушей. Возле костела Тонда и Вашек встретились. Тонда прижимал руку к карману, дабы возбудить у Вашека любопытство.

— Что там у тебя, Тонда? — спросил Вашек, приблизившись вплотную к мальчику.

— Да так, ничего особенного, — ответил Тонда. — Просто я слазал сейчас к Швецам за грушами.

— А они у них спелые?

— Спелые, — с деланным равнодушием проговорил Тонда.

При этих словах он убрал руку с кармана и стал поправлять шапку, предоставляя Вашеку возможность совершить кражу. Пусть себе лезет в карман! Ха-ха-ха! В самом деле, Вашек молниеносно запустил руку к нему в карман и вытащил оттуда великолепную, словно игрушечную, грушу. Не успел наш изумленный Тонда опомниться, как Вашек уже исчез за углом корчмы Сейка. Тут Тонда не выдержал и разрыдался. Но плакал он не столько из-за утраты замечательной груши, сколько от суеверного страха. Стуча зубами, он то и дело совал руки в карманы, проверяя, не обнаружится ли там еще какая-нибудь картофелина. У Микеша тем временем просто лапки чесались снова подсунуть ему картошку, но Бобеш шепнул котику:

— Пойдем-ка, Микеш, домой! Он уже достаточно наказан за воровство! Думаю, Тонда больше никогда не сунется к вам за грушами!

И Бобеш оказался прав.

Возвращение блудного кабанчика

Как-то раз Пепик и Микеш сидели вместе с Пашиком возле его хлева. Был прекрасный, по-летнему теплый вечер, и трое наших друзей наблюдали за звездами и летучими мышами.

— Ах, какой чудесный сегодня вечер! — восхищенно заметил Пашик. — Жаль только, что нет Бобеша, вчетвером нам было бы веселее!

— А я за ним сейчас сбегаяю, — предложил Микеш и был таков.

Через некоторое время Микеш привел Бобеша и рассказал, как здорово там, на горушке. Мол, возле хижины пастуха собрались на завалинке соседи, и старый пастух развлекает их всякими историями.

— Подумаешь! Мы тоже можем рассказывать друг дружке какие-нибудь истории, — проворчал Пашик, который терпеть не мог разговоров, что где-то лучше, чем у них.

— А что, давайте попробуем! Вот ты, Пашик, и начинай! — весело сказал Пепик, чтобы немного раззадорить Пашика.

— Почему бы и нет! — напыжился поросенок. — Могу и я, коли тебе так хочется. Уж не думаешь ли ты, что я не сумею рассказать сказки, школяр. Извольте!

— В хлеву у Халупов жил-был кабанчик. Звали его Пашик. Хозяева в нем души не чаяли, ради него готовы были хоть звездочку достать с неба, все лучшее из еды отдавали ему, но Пашик тем не менее оставался недоволен жизнью!

У кабанчика был уютный, чистенький хлев, что стоял рядом с другим, в котором жили ягненок и козленок. Вот это соседство и раздражало Пашика!

Однажды он пожаловался дворовому псу Орешку:

«Ну что это за жизнь! С одной стороны только и слышишь «Ме-е!» да «Ме-е!», а с другой — «Бе-е!» да «Бе-е!». Я совершенно не высыпаюсь, у меня пропал аппетит, и я нисколько не толстею! Охота мне потом выслушивать от хозяев упреки! Больно мне это надо! Уложу-ка я лучше свое корытце в мешок и пойду поищу другого места!»

Сказано — сделано!

Засунул Пашик корытце в мешок, чтобы было из чего поесть в дороге, простился с Орешком и бодро зашагал со двора.

«Смотри, как бы воротиться не пришлось!» — крикнул вдогонку Орешек, но Пашик его уже не слышал.

Тем временем он как раз подходил к двору Бартаков.

«Куда это ты собрался с мешком за спиной, Пашик?» — окликнул его со двора Бартака пес Жулька.

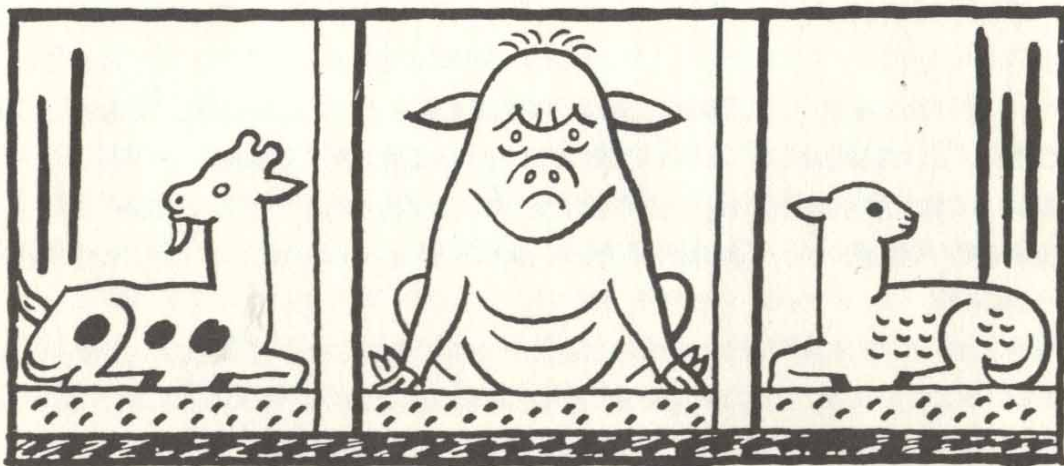
«Иду искать лучшей доли!» — отозвался Пашик.

«Тогда ступай к нам, здесь за тобой охотно поухаживают, тебе у нас понравится!» — пригласил Пашика Жулька.

«Только меня здесь и не хватало! — усмехнулся Пашик. — У вас у самих-то есть нечего! Давеча я своими глазами видел, как ваш хозяин глодал кость со щетиной!»

«Сказал бы я, кто ты есть, да промолчу! — рассмеялся Жулька. — Хозяин просто чистил себе зубы костяной зубочисткой!»

«А ну тебя к лешему!» — вспылил Пашик.

На самом же деле ему было стыдно, что он сморозил такую глупость.

Кабанчик повернулся в другую сторону и зашагал к соседней усадьбе, к Навратилам. На дворе у Навратилов было пустынно. Казалось, ничто не может потревожить этой тишины.

«Вот где обрету я душевный покой!» — сказал себе Пашик и постучал в ворота.

На пороге дома появилась хозяйка Навратилова и спросила, что он желает.

«Хозяюшка, вы, случайно, не хотели бы поухаживать за кабанчиком? — поинтересовался Пашик. — Я мог бы дать вам свое согласие!»

«С превеликой охотой! — обрадовалась хозяйка. — Я как раз сижу без работы и с удовольствием поухаживаю за таким чудным кабанчиком!»

Она широко распахнула ворота ипустила Пашика во двор.

Пашику там понравилось. Ни тебе коз, ни овец, ни гусей крикливых, даже квочек не слышать!

«Взгляни, какой замечательный будет у тебя хлев, — защебетала хозяйка. — Полезай-ка внутрь и попробуй, как хорошо там лежится! Вон в углу корытце, сейчас я принесу тебе поесть!»

«Я, знаете ли, предпочитаю свою посудину!» — с достоинством сказал Пашик.

Он опустил мешок на землю и, развязав его, показал хозяйке свое новенькое корытце.

«Вижу-вижу, ты славный кабанчик, будешь хорошо питаться и быстро толстеть, как и подобает всякой порядочной свинке».

Насытившись вкусным молоком с картошкой, Пашик вытянулся на соломе. Он прямо-таки наслаждался покоем у Навратилов. В самом деле, там царила такая тишина, что было даже слышно, о чем разговаривают в доме хозяева. И Пашик узнал, что они ему очень рады, мечтают хорошенько его откормить и на Масленицу* прирезать. Кабанчик вскочил на ноги!

«Что такое? Меня прирезать? Да я здесь и минуты не останусь, любезные Навратилы! Халупы никогда не вели подобных речей! Они всегда говорили, что держат меня только ради того, чтобы было кого наказывать!»

С этими словами Пашик торопливо засунул корытце обратно в мешок, открыл пяточком дверцу и, выскочив на двор, бросился к саду, чтобы не попадаться на глаза Навратилам. Потом он корытцем выбил в заборе три колышка, через образовавшееся отверстие вылез в поле и мимо садов припустил обратно к Халупам.

«Рад тебя видеть! — поприветствовал его Орешек. — Что-то быстро ты вернулся из странствий! Наверное, и до кирпичной мастерской не дошел, не так ли?»

«А ты сам сходи-ка постранствуй! — сердито проворчал Пашик. — Там за тобой ох как поухаживают! Сначала откормят, а потом забьют на Масленицу».

Пашик быстренько забрался к себе в хлев, поставил корытце на прежнее место и, когда услышал рядышком блеянье ягненка и крики козленка, довольно произнес:

«Милая родина!»

Сказка Пашика всем очень понравилась. И друзья не замедлили сказать ему об этом, но скромный Пашик небрежно махнул ножкой и буркнул в ответ: мол, ничего особенного.

* М а с л е н и ц а — старинный славянский праздник, посвященный проходам зимы и встрече весны.

— Давайте почаще рассказывать друг другу сказки, — предложил Микеш. — Так и время летит незаметно. К тому же это гораздо лучше, чем убивать его на разные проделки!

— Одно другому не мешает, Микеш! — возразил Бобеш. — Согласись, что шутки вроде той, какую мы сыграли с Тондой Франтаком, тоже приносят некоторую пользу.

Зверюшки возле яслей*

Дорогие ребята! Вот и закончилась чудесная теплая осень, наступила зима. Подмораживает. Падает снег. И вы уже радуетесь тому, что снова будете скользить на коньках по льду пруда, кататься с горок на санках и лепить снеговиков!

Кататься на коньках любил и Пепик, но особенную радость он испытывал в те часы, когда бывал на катке вместе с котиком Микешем. О том, какие веселые штучки откалывал Микеш на пруду, я вам уже рассказывал. Однако за лето котик несколько позабыл зиму, и когда она пришла вновь и выпал первый снег, он таращил на него свои гляделки, как Вашик на киноэкран.

Однажды Пепик слепил на дворе снеговика. Вместо глаз он вставил ему два уголька, вместо носа — морковку, а сверху нахлобучил старую отцовскую шляпу. Микеш тем временем мирно посапывал на печи. Проснулся он только к вечеру и, потянувшись, сказал бабушке:

— Наведаюсь-ка я в сарай, посмотрю, не проказничают ли там мыши!

Он слез с печи, обулся и, пошатываясь спросонок, вышел из горницы. Однако тут же вернулся и, весь дрожа от страха, едва смог выговорить:

— Бабушка, бабуля! Там на дворе дядька замерз! Видно, шел к нам в гости, да и обледенел по пути.

Пепик с бабушкой так и прыснули со смеху, а когда они вдоволь насмеялись, бабушка сказала:

— Эх ты, трусишка! Снеговика испугался! Наш Пепик весь день потратил на этого дядьку!

* Если — кормушка для скота.

Микешу стало стыдно, и он убежал в сарай. А на другой день котик уже с удовольствием помогал Пепику лепить нового снеговика. Вот так и бежали у них дни за днями, пока наконец не приблизились рождественские праздники*.

Как-то в четверг, когда Пефик вернулся из школы, трое наших друзей пришли навестить Пашику. На дворе было холодно, а в хлеву у Пашика по-прежнему тепло и уютно. До Рождества оставались считанные дни, и речь, конечно же, зашла о елке и о подарках.

Бобеш восторженно рассказывал, как в Сочельник** дядюшка пастух, по своему обыкновению, играет на трубе под окнами деревенских избушек замечательные колядки и потом всякий раз приносит домой необыкновенно вкусные угощения.

Пефик едва успевал отвечать на вопросы Бобеша и Микеша: что такое ясли? какие бывают подарки? Он рассказал друзьям, как дети вырезают из бумаги фигурки пастухов, крестьян и крестьянок, ребятишек и разных мастеровых людей. Из толстого картона, согнутого здесь и там и посыпанного блестками, они делают маленькую скалу, которую после еще обкладывают свежим мхом. На вершине скалы устанавливаются вырезанный из бумаги город Вифлеем, хлев с младенцем Иисусом, трое мудрецов и несколько других фигурок, как бы несущих Иисусу подарки. Самая же радостная минута наступает в канун Рождества, когда все это ставится под наряженную и украшенную свечами елочку.

— Ах как интересно! — сказал Пашик. — Однако, если уж все получают на Рождество подарки, не перепадет ли чего-нибудь и нам, зверюшкам?

— Обязательно перепадет! В Сочельник хорошая хозяйка не забывает ни об одной домашней животинке. Между прочим, известно ли вам, что при рождении маленького

* Рождественские праздники — праздники в честь рождения Иисуса Христа.

** Сочельник — день накануне Рождества Христова.

Иисуса рядом с ним были двое зверюшек, вол и ослик, и что они согревали его своим дыханием?

— Кажется, я что-то слышал об этом,— гордо произнес Бобеш. Все же остальные не скрывали своего удивления.

— Ну тогда я расскажу вам сказку, как однажды звери направились в Вифлеем с подарками для новорожденного Иисуса. Слушайте же!

— Давным-давно в одном дремучем лесу жил старый отшельник со своей собакой Куликом. Отшельник обладал даром прорицания и часто предсказывал грядущие знаменательные события. Все предсказания он записывал в старую толстую книгу, по которой потом проверял, сбылось ли то, о чем он говорил, или нет. При желании Кулик мог бы научиться от него всевозможным премудростям, но он предпочитал проводить свои дни в праздности, дремля под столом.

Как-то раз наш отшельник снял с полки свою книгу и с необычайно серьезным видом предсказал: мол, в такой-то день, около полуночи, в городе Вифлееме появится на свет Иисус, избавитель мира. Он родится посреди ветхого хлева прямо на соломе, и лишь вол и ослик будут согревать его своим дыханием...

Впервые в жизни Кулик наострил уши и прислушался. И хотя он мало что понял, однако после целый день размышлял: почему-де из всех живых существ только вол и ослик удостоятся чести дышать на младенца Иисуса? И почему бы не сделать так, чтобы как можно больше зверюшек сослужили ему эту священную службу? Но пророчество было произнесено, и теперь в нем нельзя было помянуть ни единого слова.

Подумав, Кулик решил хотя бы оповестить зверей, чтобы они успели приготовить для Иисуса подарки. Он убежал в лес, разыскал там сороку-болтушку и сообщил ей о предсказании старого отшельника и еще о том, что следовало сделать зверям для бедного дитятки Иисуса. Сорока так и раскрыла клюв от изумления, но быстро овладела собой и полетела оглашать новость, о которой вскоре узнало все лесное царство.

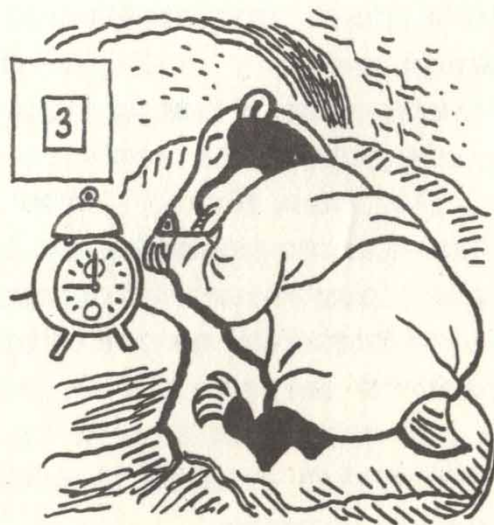
Теперь у зверюшек появилась забота: что бы такое подарить младенцу Иисусу? У некоторых, правда, подходящий подарок нашелся сразу, другим же пришлось изрядно поломать голову, прежде чем они придумали то, что впрямь годилось для подарка.

С той поры гусыня-гоготунья ежедневно выщипывала у себя по перышку и складывала их в мешок из-под муки — Иисусу на перинку.

Коза-мохнатка, вся озабоченная, прибегала к ней за советом: что, мол, ей подарить, коли нет ничего особенного? Думали они, гадали и вместе придумали кое-что дельное. Отныне у старой Бабачковой прибавилось хлопот со своей козой, она больше не позволяла себя доить — берегла молоко для Иисуса.

А вот хорек быстро придумал, что подарить. Свой подарок он хотел лично вручить новорожденному, одного боялся, как бы не прогнали его от младенца из-за неприятного запаха. Каждый день он драил свою шкурку на берегу ручья, натирался благовонными кореньями и вскоре стал душистый, как пудреница.

Отшельник же барсук, кум-нелюдим, где бы ни появлялся, всюду сетовал на то, что Иисус родится именно зимой, когда он погружен в спячку. И из-за зимы он пропустит такое выдающееся событие. Однажды он поделился своим горем с кумушкой-лисой, которая и выручила его. Из охотничьей сторожки рыжая принесла барсуку будильник, научи-

ла его заводить и устанавливать на нем время.

Теперь старый угрюмец ежедневно просыпался по будильнику и всякий раз проверял, на месте ли приготовленная в подарок

Иисусу охапка ароматного хвороста. Потом он спокойно засыпал, и так до следующего звонка будильника. Как-то раз, когда он протер спресонок глазки, его удивил свет, заливавший обычно темную норку. Зверек выглянул в окно и обмер.

В небе сияла огромная звезда — знак того, что зверям пора трогаться в путь. И вот ведущие к Вифлеему полевые дороги и тропинки, просеки и другие открытые участки леса заполнили звери-путешественники. По косягам кратчайшим путем двигались медведь, барсук, дикий кабан и прочая лесная живность. По большаку шагали домашние животные и мудрый слон, который мог бы наделать ям своими большими ступнями, пойдя он по рыхлым лугам и полям. Узенькой тропинкой спешила улитка. Догнав лягушку-квакушку, она тотчас же похвалилась, что торопится к Иисусу, дабы подарить ему свой домик, так как слышала, будто он родился в ветхом хлеву.

Среди путешественников были и другие живые существа, всякого рода и племени. Вокруг хлева их собралось видимо-невидимо, каждый держал наготове подарок и ждал своей очереди.

У входа в хлев следил за порядком пес-полицейский. Он осматривал подарки, пропускал зверей к яслям, умирал шумных. Громадину слона, что был намного выше хлева, пес вежливо попросил преклонить у порога колени: мол, он и так прекрасно увидит младенца Иисуса.

Ну а беднягу дикого кабана пес к Иисусу не пропустил. Обиженный кабан зашел за хлев и там громко разрыдался. Он был ужасно расстроен. Ему так хотелось порадовать маленького Иисуса мешочком отборных желудей, и вдруг ему говорят, что они вовсе не годятся для подарка! Лев, который тем временем лежал, свернувшись калачиком, за хлевом,

теребил свои усы и выговаривал кабану:

«Да перестань ты реветь, и вообще уходи лучше прочь! Я караулю здесь царя Ирода, что хочет убить нашего Иисуса!»

Впрочем, наш кабан несколько успокоился, увидев, что пес-полицейский прогнал от хлева и сороку-воровку.

Как всегда, сорока прилетела с громкими криками, возвещая каждому, что она принесла Иисусу золотую цепочку, кольца и бог знает что еще. Однако пес-полицейский догадался, что все эти вещи краденые, и тут же прогнал воровку.

Между тем зверей все прибывало; прилетали птицы, дрозды черные и обыкновенные, соловьи и пели Иисусу колядки. Даже змея приползла, притащив с собой в подарок старую кожу. Она была свернута колечком, но стоило только надуть ее, как вновь получалась настоящая змея.

Следом за ней прискакала белка с довольно большим мешком лесных орешков за спиной. Она лично перебрала все свои запасы и отобрала в подарок самые лучшие.

Медведь принес на бересте соты. Толстопятый весь опух от пчелиных укусов, но когда он увидел, какую радость доставил новорожденному своим подарком, то так рассмеялся, что рот у него растянулся до ушей.

Обезьяны прыгали вокруг яслей, хитро ухмылялись и откалывали при этом разные веселые штучки, вызывая дружный смех присутствующих, в том числе и Иисуса. Между тем близилось время, когда к яслям должны были присту-

пить вифлеемские пастухи. Напоследок пес-полицейский пропустил к младенцу гусыню с перинкой и потом призвал зверей расходиться по домам. Зверюшки не посмели его послушаться.

Долго еще вспоминали добрые животные свою незабываемую встречу с Иисусом, они рассказывали о ней своим детям, а

те — своим, и так из поколения в поколение. Благодаря их потомкам память о том событии сохранилась до наших дней. Сам я слышал эту историю от одной старой кошки, которая рассказывала ее своим котяткам, не подозревая, что я подслушиваю.

Как Пепик с Микешем праздновали Рождество

Дорогие ребята! С какой всегдашней радостью ждал Пепик чудесного Сочельника! И хотя никаких подарков от Иисуса он никогда не получал, однако елка была у него на каждое Рождество. Ее украшали разноцветными гирляндами-цепочками, звенья которых делались из упаковочной бумаги из-под цикория и склеивались мучным клейстером, да какими-нибудь сладостями. А когда на елке зажигали еще и свечи, то румяные яблочки вспыхивали меж веток, точно под кистью художника. Пепик просто налюбоваться не мог на эту необыкновенную красоту. И тем не менее он забывал про все на свете, стоило только пастуху затрубить на деревенской площади. Ах, ребята, как замечательно он играл! Было уже темно, в занесенных снегом домишках горел свет, и где-то там, под окнами одного из них, среди праздничной ночи играл на трубе пастух прекрасные колядки. Детвора не отходила от него ни на шаг, следуя за ним от хижины к хижине, от усадьбы к усадьбе, до тех пор, пока звон колоколов не возвещал о начале торжественной полуночной мессы.

Того злополучного снеговика Пепик вспоминал Микешу до самых рождественских праздников. А потом перестал, отвлекли праздничные заботы. За неделю до Рождества Пепик повстречал на деревенской площади колесного мастера Кудрну, который доверительно сообщил ему, что Микеш заказал у него симпатичные санки. Удобные и достаточно большие, чтобы на них можно было кататься втроем.

«Наверняка Микеш хочет сделать так, чтобы на Рождество я получил подарок от Иисуса», — рассудил Пепик и сразу стал думать, что бы такое подложить под елочку для самого Микеша. Ну а что же Микеш? Как вы знаете, на чердаке в старом горшочке у него было надежно спрятано немало монет. Летом он частенько получал деньги от пражан, которые, бывая в этих местах, всякий раз удивлялись, когда котик с ними здоровался. Впрочем, Микеш не был жаден и много раз дарил Пепику крейцер-другой, чтобы он купил себе краски и бумагу для рисования. Но вот от Иисуса Пепик еще никогда не получал подарков, поэтому его очень обрадовало, что Микеш проявил о нем заботу.

Долго ломал Пепик голову над тем, что подарить на Рождество Микешу и другим своим друзьям — Пашику и Бобешу. В копилке у него было несколько крейцеров, но их не хватило бы на подарки для всех троих.

После долгих раздумий мальчик решил наконец заказать Кудрне самокат, один на всех! Первым в подарок получит его Микеш, на другой день после праздника он как рождественский подарок постоит в хлеву у Пашика, а на третий — его получит Бобеш. Кататься же на нем пока никому и не придется, потому что всюду полным-полно снега; для этой цели у друзей будут санки, которые Пепику подарит на Рождество Микеш. Как здорово все придумал Пепик: «Зимой мы будем кататься на санках, летом — на самокате, и у нас будет, на чем кататься круглый год!»

И Пепик заказал колесному мастеру Кудрне самокат. Однако тех немногих крейцеров, что он хранил про запас, не хватило на оплату самоката, и они с Кудрной заключили выгодную для обоих сделку: мастер делает самокат, а Пепик за это красочно распишет стены его домика. Проблема была решена.

В канун Рождества Пашика навестил козел Бобеш. На нем было старое хозяйское пальто; шея обмотана теплым шерстяным платком, чтобы не простудиться. Пашик тем временем мыл и драил свой хлев, наводя порядок к празднику. Когда Бобеш похвалил его за усердие, Пашик сказал:

— У меня тут свой интерес. Нынче наш Пефик постится* и успел уже страшно исхудать. Но за это он, мол, увидит ночью золотых поросят, бегающих по стене! Вот я и стараюсь, чтобы выглядеть в своем хлеву не хуже тех золотых красавцев и завтра по-прежнему нравиться Пепику.

И вот наступил долгожданный Сочельник! На столе, пахнувшая хвоей и смолой, уже красовалась елочка, прочно установленная в старой ступе. На ней вкруговую висели разноцветные бумажные гирлянды, к веткам были подвязаны всякие сладости в гофрированных обертках и румяные райские яблочки, что так и горели среди свежей зелени. На самом верху сияла вырезанная из золотой фольги вифлеемская звезда. Дорогие ребята! Вы даже представить себе не можете, какую необыкновенную радость доставляла Пепику эта маленькая, скромно украшенная елочка!

После легкого ужина, что состоял из темного пряного соуса со сливами, изюмом и миндалем, а также из «черной каши», которую вы хорошо знаете (это перловка с сушеными грибами), бабушка зажгла на елке свечи, и как раз в эту минуту под окнами одного из деревенских домов пастух заиграл на своей трубе первую рождественскую колядку.

Пефик отправил Микеша посмотреть, под чьими-де окнами трубит пастух, и еще прежде, чем котик вернулся, на столе под елочкой уже лежал новенький самокат. Посмотрев на него, удивленный котик спросил бабушку: мол, не подарок ли это Пепику от Иисуса? Но бабушка сказала:

— Нет, Микеш, этот самокат Иисус дарит тебе за твою доброту и послушание. А вот Пефик остался без подарка.

Ухмыльнувшись в усики, Микеш проговорил:

* П о с т и т ь с я — у верующих: соблюдать пост, то есть воздерживаться от употребления скоромной (молочной, мясной) пищи.

— Большое спасибо за такой замечательный подарок!— И при этих словах плутовски покосился в сторону Пефика. А в следующую минуту он шепнул мальчику на ухо: — Пойдем-ка со мной! Посмотришь, что дарит тебе Иисус!

Пефик совершенно не понимал, куда это ведет его Микеш, зачем он тащит его за собой в занесенный снегом сад. Но вскоре все выяснилось, когда Микеш подвел мальчика к молоденькой яблоньке, под которой лежали великолепные санки.

— Вот что дарит тебе Иисус!— сказал Микеш.— Пользуйся на здоровье до полного износу! (Такое пожелание котик услышал от отца Пефика, когда тот вручал новые сапоги заказчику.)

Пефик сердечно поблагодарил друга, и тут же, у яблоньки, они уговорились вместе пользоваться подарками, чтобы у каждого из них было на чем кататься зимой и летом.

Потом Пефик спросил Микеша, почему он поставил санки в саду под яблонькой, и котик, несколько растерявшись, ответил:

— Я слышал, что рождественские подарки кладут под деревце, вот и поставил их сюда, под яблоньку. Прежде я никогда не видел, как это делают, и поэтому не знал, что подарки следует класть под деревце, принесенное из лесу!

Пефик похвалил друга, что все так хорошо устроил, и повез санки в дом — похвастаться бабушке. Бабушка потрепала доброго котика за ушками и назвала его самым славным котофеем во всех Грусицах.

Но долго друзья в горнице не усидели, очень уж им хотелось обновить санки.

Пефик тепло оделся, Микеш тоже натянул теплые варежки, и, радостные, они вынесли санки во двор. Пепику захотелось похвастаться подарком и перед Пашиком, однако их толстяк приятель после плотного ужина спал как убитый и давно не ведал, что творится на белом свете.

Общими усилиями друзья закатали санки на горюшку к усадьбе Шобра. Там Пефик сел на них, Микеш устроился у него за спиной, и — у-ух! — они стрелой помчались вниз по дороге, мимо собственного дома и дальше к ручью. Была прекрасная звездная ночь. Где-то вдалеке, на противополож-

ном краю деревни, трубил коляды пастух, и в благодарность за это из каждого дома ему выносили какие-нибудь угощения, которые со словами признательности принимал козел Бобеш и бережно складывал в мешок. Ах эта божественная рождественская ночь!..

Как друзья колядовали*

На святого Штепана, когда по сложившемуся обычаю ребятишки ходят по деревне и поют коляды, бабушка разбудила Пефика с Микешем пораньше. Она потрясла их за плечики и сказала:

— Вставайте, касатики, пора идти колядовать, не то вас другие опередят!

Некоторое время Пефик сладко потягивался на печи, но Микеш спрыгнул вниз сразу, и когда хозяин его спустился, котик был уже почти готов к выходу. Он вырядился словно дровосек, собравшийся в лес на работу. Обулся, на голову нахлобучил Пепикову старую шапку, шею обмотал шерстяным платком. Потом дело дошло до теплого пальтишка, которое сшил для него портной Матеха. Давайте, дорогие ребята, я вам расскажу, за что наш Микеш удостоился такого подарка.

У портного Матехи жил замечательный певчий кенар. Матеха в нем просто души не чаял и не согласился бы его продать ни за какие деньги. Своего любимца он берег пуще глаза. Но вот прошлой осенью — шут его знает, зазевался он, что ли? — когда портной чистил клетку, кенар взял да и выпорхнул у него из-под рук! Не успел Матеха опомниться, как птица вылетела через открытое окно и уселась в саду на высокой груше. Матеха так и обмер. При этом рот у него был широко раскрыт, а взгляд устремлен вслед упорхнувшей птице.

— Залягай тебя комар! — наконец выдавил из себя портняжка и с клеткой в руках выбежал в сад. Там он поставил ее на землю и всячески начал заманивать в нее

* Колядовать — ходить с песнями по домам и дворам на Рождество, собирая дары продуктами или деньгами.

беглеца. Но кенар сидел на дереве как прищипленный и вовсе не собирался возвращаться в свою «тюрьму». Старик Матеха весь дрожал от волнения. В ту пору мимо сада проходили два мальчика, минуту-другую они наблюдали за Матехой, который сулил кенару золотые горы, если только он вернется, а потом предложили портному свои услуги: мол, мы сейчас залезем на дерево и мигом поймаем беглеца.

— Давайте, ребяташки, — обрадовался Матеха. — Тому из вас, кто поймает кенара, я дам золотой!

В те времена для мальчишек это было целое состояние, поэтому нет ничего удивительного в том, что один из мальчиков тут же полез на дерево. Но дерево было очень высокое, и еще прежде чем наш милый Тонда добрался до беглеца, он уже пыхтел от усталости как паровоз. Кенар же продолжал осматривать сад, не обращая на него никакого внимания, однако стоило Тонде протянуть к нему свою дрожащую руку, как птаха — фьюить! — перепорхнула на соседнюю, не менее высокую, грушу.

Тут решил попытать счастья другой мальчик, но и его, дорогие ребята, постигла та же участь! Кенар улетел в глубь сада, и наш старый Матеха сильно перепугался, как бы его любимец в самом деле не удрал в такие дали, где его уже и не сыщешь. Он запретил мальчишкам лезть в очередной раз на дерево, и теперь они втроем просто таращили глаза на птаху, не зная, что предпринять!

— Бедняжка, он наверняка умрет с голоду, — сокрушался старый портной, прекрасно осведомленный, что в наших краях кенары не смогут прожить на воле.

Тем временем у сада собралось уже много ребят, на подходе к нему были и Пепик с Микешем. Им хотелось узнать, что случилось. Не успела Марьянка Матысова рассказать им, в чем дело, как Микеш снял сапоги, перепрыгнул через забор и, в несколько прыжков добравшись до портного Матехи, шепнул ему:

— Я поймаю его вам, дядюшка!

— Действуй, Микеш! Как хорошо, что ты оказался рядом! Уж ты-то наверняка его поймашь! — обрадовался портной и в следующую минуту уже потирал руки от радости, видя, как Микеш ловко и бесшумно, точно мышка, продвигается к кенару.

От волнения у детворы перехватило дух, однако они сохраняли спокойствие, чтобы не испугнуть птицу. Еще немного, самую малость, совсем чуть-чуть, и хватать!— орава детей испустила громкий победный крик. Кенар отчаянно затрепыхался, но еще прежде чем от испуга с ним могла произойти какая-нибудь неприятность, портной Матеха уже держал его в руке. Потом он выпустил птаху в клетку и пошел домой. Все закричали Микешу: «Ура!», а скромный котик как ни в чем не бывало принялся обуваться. Едва он обулся, во дворе снова появился портной Матеха и протянул удивленному Микешу новенький блестящий золотой.

— Возьми, Микеш! Я обещал его тому, кто поймает кенара. А старый служака привык держать слово!

— Что вы, дядюшка! Целый золотой за такую пустяковую услугу?!— запротестовал Микеш.— Ведь на все про все я потратил не больше минуты!

Но старый Матеха настаивал на своем: он, мол, отдает его даже с радостью, и тогда Микеш решительно сказал:

— Напрасно тратите время, дядюшка! Деньги я все равно не возьму! Но знаете что? Сшейте-ка мне на зиму теплое пальтишко!

— Быть посему,— весело сказал портной.— Я сошью тебе их даже два, на будни и на праздники. А в придачу еще фрак, чтобы у тебя было в чем отправиться на бал, если когда-нибудь пригласят.

Старый солдат сдержал обещание, он сшил Микешу замечательное зимнее пальтишко, которое пришлось весьма кстати по случаю сегодняшнего колядования.

Когда Пепик с Микешем оделись, бабушка вручила обоим по мешочку, чтобы они складывали туда подарки-коляды, и пожелала им успехов.

На дворе их уже поджидал Бобеш с большущим мешком за спиной, в который, наверное, мог бы поместиться весь его хлев. Друзья хотели было взять и Пашику, но бабушка не разрешила: мол, Пашик к холодам непривычный и, неровен час, простудится. Сам же кабанчик сетовал в хлеву, почему-де Рождество и коляды не летом, и успокоился лишь после того, как друзья пообещали поделиться с ним заработанными угощениями.

И вот они направились к ближайшей усадьбе. Идти по глубоким сугробам было довольно тяжело, но Пепик, шедший первым, мужественно прокладывал остальным дорогу. За ним семенил маленький Микеш, и последним шагал Бобеш.

Были еще сумерки, однако на деревенской площади то здесь, то там уже мелькали фигурки колядующих, что перебегали от одного двора к другому. От всех же усадеб и хижин веяло чем-то очень милым, по-рождественски торжественным. В некоторых освещенных окошках виднелись нарядные елочки, в других — ясли, а где-то рядом с костелом дружно пели колядующие:

Трень-брень, трень-брень,
На лугу в ясный день
Скот пасли два пастушка,
Ели кашу из горшка!

У Бубеников дверь была пока заперта, но на кухне уже горел свет. Наши колядующие встали перед самой дверью, и Пепик запел:

Коляда, коляда!
«Эй, Штепан! Отчего пуст твой жбан?» —
«Нес я, нес в нем коляду,
Да упал на скользком льду.
Собаки сбежались, коляду сожрали.
Я кричал им: фу! фу! фу!
Все равно сожрали!»

После Пепика тоненьким голоском запел Микеш:

Я колядчик-малышок,
Вам пою за троячок*,
Троячок мне дайте
И не ухмыляйтесь!

Наконец, потрясая своим огромным мешком, забасил Бобеш:

Я на коляду иду, вот мой мешок.
Целиком наполните — я вам дружок,
Наполовину — берегите спину,
Только на треть — пошлю на вас смерть,
Не дадите ничего — будет хуже того!

* Имеется в виду мелкая монета.

Едва Бобеш закончил петь, дверь отворилась и на пороге возникла молодая хозяйка. Но тут же исчезла, и колядующие слышали, как она кричит на весь дом:

— Отец, дети, бабушка, дед, скорей сюда! Посмотрите, кто к нам пришел!

Через минуту друзей обступила вся семья Бубеников. Даже дедушка с бабушкой прибежали из своей горенки, услышав на дворе громкий смех. Видели б вы, что тут началось! Дедушка прямо-таки сотрясался от хохота; бабушка, дабы не упасть со смеху, схватилась обеими руками за забор, а служанка Манча, не в силах уже и смеяться, прислонилась к стене дома. И все они в один голос нахваливали колядующих:

— Ай да христославы! Этаких во всем свете не сыскать! Гляньте-ка: мальчик, кот и козел!

Бубеники щедро одарили гостей. По мешкам и карманам они рассовали им сдобные витые хлебы, румяные яблочки, орешки и ко всему этому добавили еще несколько звонких крейцеров! Увидев, как богато их одаривают, Бобеш настолько разволновался, что сразу позабыл человеческую речь и закричал по-козлиному: «Ме-е-е-е!» Бубеники снова рассмеялись, но потом молодая хозяйка предупредила Бобеша:

— Смотри, Бобеш, тут не только тебе одному! Не забудешь поделиться с Микешем и Пепиком?

— Конечно, конечно, хозяйюшка! — смутился Бобеш. — Это я так, от радости!

Нагруженные богатыми подношениями, наши колядующие поспешили к соседнему дому. Там удивительную троицу встретили таким же дружным смехом, да и угощения были столь же щедрыми. Впрочем, дорогие ребята, и в других дворах их встречали приблизительно одинаково: сначала громкий смех, а потом щедрые подношения. Со двора Стрнадов Микеш уже едва тащил свой мешок. Теперь он у котика был даже больше его самого, и Пепику пришлось помогать другу, чтобы он не надорвался. Сам же Микеш был чрезвычайно доволен сборами, и глазки его светились от радости. Ну а Бобеш? Он выступал гоголем, не придавая ни малейшего значения тому, что фалды его длинного пальто волочатся по снегу. Еще бы! Ведь мешок у него был до самого верха набит угощениями. Пепик радовался,

что другие ребята колядуют на противоположной стороне деревни и не портят им праздничное настроение своими озорными проделками. Не тревожили их и собаки. Большинство из них уже хорошо знали Микеша, все же прочие попросту побаивались рогов козла Бобеша. Лишь пес Лабик пана Свободы вознамерился было цапнуть Микеша за хвостик, однако ничего путного из этого не вышло! Бобеш поддел его рогами и забросил в такой глубокий сугроб, что Лабик еле выкарабкался оттуда. После этой неудачной попытки он оставил колядующих в покое.

О том, в каком веселом расположении духа возвращались друзья с колядования, я, дорогие ребята, мог бы, пожалуй, и не рассказывать. Они шли и пели: «Мы с коляды идем и коляду несем!» Бабушка поспешила им навстречу, чтобы помочь донести переполненные мешки до дому. Тем временем и пастух вышел из своей хижины и весело рассмеялся, увидев, какой большой мешок тащит на спине его Бобеш. Пашик тоже необычайно обрадовался своей доле и выразил надежду, что за пасхальными подарками они обязательно пойдут все вместе. Словом, наша компания осталась весьма довольна своим первым колядованием.

Сказка Микеша об умной тачке

Дорогие ребята! Как радовались наш Пепик с милым котиком Микешем тому, что всю зиму будут вместе с друзьями кататься на санках — рождественском подарке Микеша.

Однако ничего у них не вышло! Сразу после праздников зарядил дождь. Горушка, где стояла хижина пастуха, почернела, и сквозь растаявший снег здесь и там проглянули островки сырой земли, да и катки погрузились в талую воду.

Сидеть дома на печи им быстро наскучило, и вот как-то раз, после обеда, друзья пошли навестить Пашика. В хлеву у кабанчика было тепло и уютно, как дома на печке, к тому же еще — чисто прибрано, и они устроились прямо на полу. Пашик несказанно обрадовался гостям, об одном только сожалел — что Пепик и Микеш не привели с собой козла Бобеша. Но едва он обмолвился об этом, как раздался стук в дверь и в хлев залез Бобеш.

Теперь в хлеву стало тесновато, однако никого это не смущало. На дворе шумел дождь, крупные его капли барабанили снаружи по дверце; было слышно, как в канаве, что окружала домик Швецов, булькает вода. И тем приятнее было сидеть в хлеву.

— Хорошо сидим!— радовался Пашик.— Вот если бы еще света побольше, тогда мы могли бы устроить здесь теневой театр!

— Но мы можем рассказывать друг другу сказки,— предложил Бобеш.

— А что, хорошая мысль!— воскликнул Микеш.— Пусть каждый из нас расскажет какую-нибудь историю, и этот дождливый вечер пролетит как одна минута!

Конечно же, дорогие ребята, все с этим предложением согласились, и, по общему желанию, первым начал рассказывать Микеш.

— Жила-была у Штепанеков, чей дом стоит за ручьем, одна старенькая тачка. Это была не обычная тачка, какую можно встретить почти в каждом деревенском сарае, она отличалась необыкновенным умом и сообразительностью, за что Штепанеки очень ее ценили. Хозяева могли смело уходить из дому в поле, оставляя своих малышей на попечение старой тачки. В таких случаях она располагалась поудобнее в тени грушевого дерева и оттуда внимательно наблюдала за резвящимися ребятами. Заметив, что

играть им поднадоело и теперь от скуки они могут натворить бед, тачка приглашала их сесть на себя и возила до тех пор, пока не возвращались домой Штепанеки.

Как-то однажды наша тачка лежала в сарае у входа и подремывала. Ей снилось, будто катит она в гору много-много дров и единственное ее колесико уже подкашивается от усталости. В ту минуту с чердака на тачку Штепанека прыгнула хозяйская кошка, и наша милая тачка проснулась в холодном поту. Она огляделась по сторонам, потянула спросонок свои одеревенелые косточки, и тут внимание ее привлек пустой крюк, на котором обычно висела хозяйская пила.

«Черт возьми! — пробормотала тачка. — Хозяин пошел в лес, а обо мне-то и позабыл! Как быть? Ох и намучается бедолага, тащив дрова на своем горбу! А я вот валяюсь без дела, словно собака возле будки! Впрочем, может, еще не поздно? Может, я все-таки успею к нему в лес, или хотя бы встречу его по дороге, и пусть даже немного, но подвезу груз до дому!»

И тачка Штепанека не стала медлить. Она выехала из сарая, потом выкатилась со двора на дорогу, и не успел пес Штепанека Михалек поинтересоваться, куда это она так разогналась, как тачка уже с грохотом мчалась мимо пруда Едлички. Вскоре, однако, путь ей преградил Франта Кулдан, самый отчаянный озорник во всей деревне.

«Куда спешишь?!» — прикрикнул Франта на тачку Штепанека, не удосужившись даже поздороваться, хотя ему, чумазому малолетке, и следовало бы для начала поприветствовать почтенную тачку.

Тачка Штепанека смерила мальчишку строгим взглядом и сказала:

«Ступай своей дорогой, Франта! И вообще — не морочь голову таким старым тачкам, как я! К тому же твоя матушка, если не ошибаюсь, еще час назад просила тебя отвести козу на пастбище!» — И тачка Штепанека поехала дальше.

«Будь по-твоему, старушенция! — сказал Франта Кулдан. — Но сейчас ты отвезешь меня домой! А за это я не сообщу дядюшке Штепанеку, что ты — как бы поточнее выразиться, — что ты шляешься по деревне как саврас без узды!» — И он без приглашения запрыгнул на тачку.

Тачка Штепанека остановилась, опустила ручки на землю и, сердито возвысив голос, сказала Франте:

«Не зли старую тачку, Франта! Ступай, говорю, своей дорогой!»

«Не скрипи, поезжай!» — приказал озорник Франта и разлегся на ней барином.

«Значит, не слезешь?»

«Не-а!»

«Ладно! Уж я тебя прокачу!» — И тачка Штепанека во весь опор понеслась по дороге.

Мчалась она по камням и сотрясалась при этом так сильно, что едва не потеряла колесико! Но Франтику Кулдану это даже нравилось. Он вцепился в нее как клещ и ржал, точно белая кляча кузнеца.

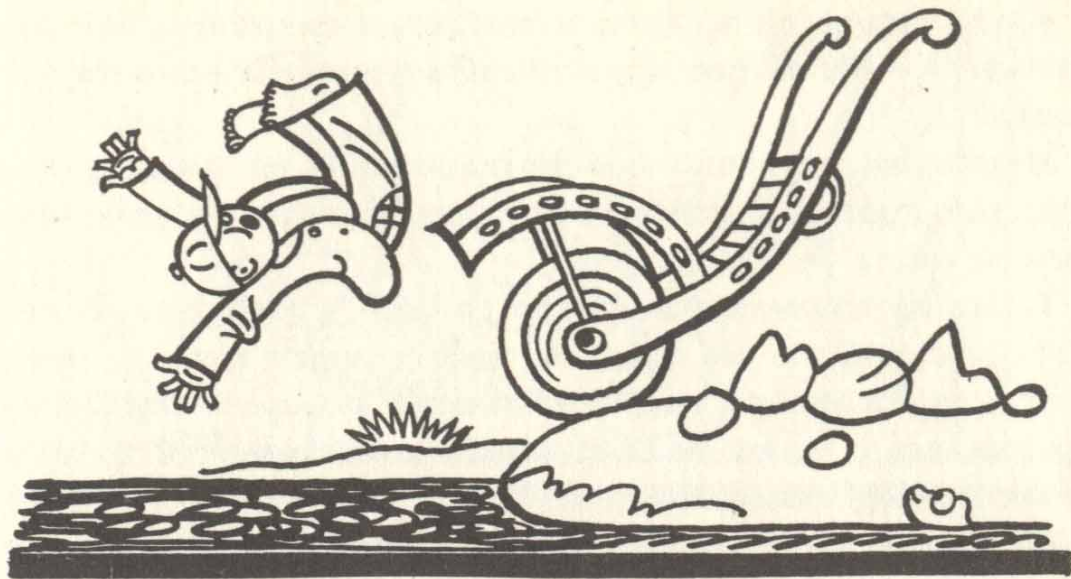
Наконец терпение у тачки лопнуло! Блеснув сердитым взглядом, она резко свернула с дороги на крутой склон, ведущий к пруду Едлички. Франта, разумеется, сразу почувствовал неладное, но еще прежде, чем он успел соскочить с тачки, она пригнула ручки к земле, а потом выбросила их вверх, и Франта, описав в воздухе плавную дугу, упал прямо посередине пруда. Раздался громкий всплеск, который слышали даже на деревенской площади, и брызги мутной воды полетели от Франты во все стороны. Франта барахтался, точно поросенок, а когда наконец его взъерошенная голова показалась на поверхности пруда, он был грязен как трубочист и верещал так, будто его резали.

В этом месте наш милый котик вынужден был прервать свой рассказ из-за громкого смеха. Он и сам так расхохотался, что даже упал на солому. Пашик визжал от восторга как истый поросенок, а Бобеш кричал на радостях почище козы пана Штихи. При этом он прыгал на одной ноге по хлеву и восклицал:

— Шутка что надо, братцы! Я и сам немало озорников искупал в пруду Едлички! Ра-та-та!

Рад был и Пепик, что его друзьям-приятелям так весело и что его маленький товарищ, котик Микеш, такой славный рассказчик.

Вдоволь насмеявшись, Микеш продолжил свой рассказ:

— Тачка Штепанека не стала дожидаться, пока Франта выберется из пруда, и бодро-весело покатила по кривой улочке между домами Шобра и Франтака на Буланке. В это время там сцепились две задиристые собаки, но тачке Штепанека некогда было смотреть на их драку, и она поспешила дальше, к лесу.

На подъезде к грусицким общественным полям тачка повстречала Марженку Туркову.

«Добрый день, сударыня!— вежливо поздоровалась Марженка с тачкой Штепанека.— Куда это вы так торопитесь? Совсем запыхались!»

«В лес за дровами, Марженка! А ты куда направляешься?»

«К кирпичной мастерской, сударыня. Хочу спросить у тетуски Вавровой, не продаст ли она яичек?»

«Ты хорошая, воспитанная девочка, Марженка. Давай я тебя немного подвезу».

Некоторое время Марженка колебалась, но тачка Штепанека настояла на своем, и она села на нее. Хорошо им было ехать. Тачка расспросила Марженку о ее последних отметках в школе и, услышав, что учится девочка на одни пятерки, даже прискрипнула от удивления.

«А вот самые плохие отметки, сударыня, у Франты Кулдана! Сплошные двойки! Невежда, он даже не знает, в какой стране расположен Капернаум!*

* Ка пер на ум — известный библейский город.

«Зато теперь он хорошо запомнит, в какой стороне пруд Едлички!» — И, озорно прискрипнув, тачка Штепанека остановилась.

Марженка сердечно поблагодарила ее за поездку и по тропинке, пролегающей через луг, направилась к кирпичной мастерской.

Тачка Штепанека поспешила дальше, к господскому лесу. Ехать становилось все труднее: дорога шла в гору; несмотря на это, тачка весело насвистывала. У поворота дороги она поравнялась с какой-то старушкой, которая почти до земли сгибалась под тяжелой ношей.

«О, легка на помине! — оглянувшись, проговорила старушка. (Это была старая Шебкова.) — А я-то гадаю, кто же там насвистывает у меня за спиной? Оказывается — Штепанекова Вертушка!» (Я забыл сказать, что тачку звали Вертушкой!)

«А почему бы и не посвистеть, кума! — весело отвечала Вертушка. — Знаете что, погрузите-ка на меня вашу корзину. Я ведь еду налегке, пустая, хоть передохнете немного, пока я доведу ваш груз до большака».

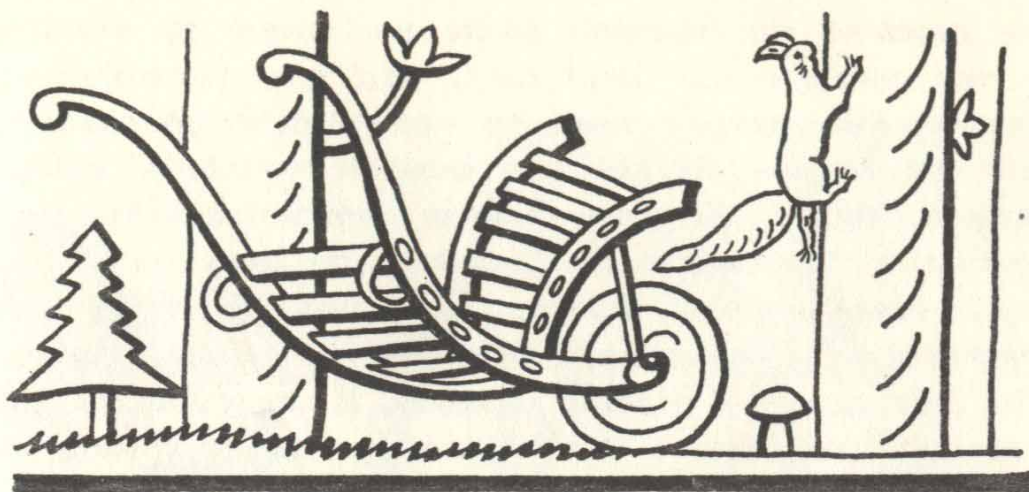
«Это было бы замечательно, милочка! Я еле ноги передвигаю», — отозвалась старая Шебкова, снимая со спины свою ношу.

Вертушка остановилась, чтобы старая женщина могла спокойно поставить на нее корзину, и потом снова тронулась в путь.

По пути они разговорились, вспомнили молодость. Вертушка ловила каждое слово, вылетавшее из старого беззубого рта собеседницы, и не переставала восхищаться ее умению интересно рассказывать. Между тем она потеряла всякую бдительность, неожиданно колесико ее напоролось на камень, и — кувырк! — наша милая Вертушка вместе с поклажей полетела в канаву.

«Что с тобой, родненькая? — переполошилась старая Шебкова и сошла с дороги, чтобы помочь бедняжке выбраться. — Ты ничего себе не сломала?» — заботливо прибавила она.

«Нет, ничего, — успокоила Шебкову Вертушка. — Вот только левую ручку, кажется, занозила! До чего жжет, елки зеленые!»

«Не беда,— утешала старая Шебкова.— Просто, как приедешь домой, попроси хозяина вычистить ее и чем-нибудь замазать, чтобы жучок не завелся. Не то хлопот не оберешься».

«Ну да, стала бы я мучиться с больной ручкой! Съездила бы к колесному мастеру, и он вмиг заменил бы ее на новую. Однако вот и дорога. Как быстро пробежало время!»

На большаке старая Шебкова сердечно попрощалась с Вертушкой, снова взвалила свою ношу на спину и, сгорбившись под ее тяжестью, побрела лесной дорогой к Тршемблатам.

«Жаль, что у меня больше нет времени!— проговорила тачка.— А то я мигом закатила бы ее груз на Кожаный холм! Но надо торопиться к хозяину!»

И с этими словами наша Вертушка помчалась дальше с такой скоростью, что скрип и скрежет ее колесика разносились по всему лесу, росшему по обеим сторонам дороги. Ехала она с веселыми мыслями. Она была рада, что помогла старой женщине, что в лесу все благоухает и так заливисто поют птицы.

Вдруг прямо перед ней перебежала дорогу белка. У Вертушки даже колесико подпрыгнуло от неожиданности.

«Чтоб тебя пыльной гармоникой прихлопнуло!»— осерчала Вертушка, а в следующую минуту (не знаю, что это взбрело в голову нашей старой кумушке?) она уже мчалась за шалуньей белкой, преследуя ее по пятам.

Вертушка с грохотом и скрежетом продолжала свою погоню до тех пор, пока зверек не оправился от испуга

и не взбежал по высокой сосне на самую ее вершину. Это так рассмешило Вертушку, что она расхохоталась на весь лес. Но вскоре поняла, что ведет себя точно девчонка, а не как старая умудренная опытом тачка, о которой говорили, будто ей хоть сейчас можно занять место старосты в Тршемблатах! Гоняется по лесу за белкой, словно какой-нибудь Франта Кулдан. Вертушка резко развернулась и поспешила обратно к дороге, едва не набив себе шишек о стволы деревьев. Из лесу она выехала на большой скорости и чуть было не сшибла господского лесника Вогноутека. Колесико у Вертушки так и задрожало от страха, но и лесник тоже испугался, отпрыгнув на самую середину дороги. Однако к лицу ли такое господскому леснику?! Вогноутек быстро овладел собой, усы у него сердито вздыбились, и, замахнувшись на Вертушку палкой, он прогремел:

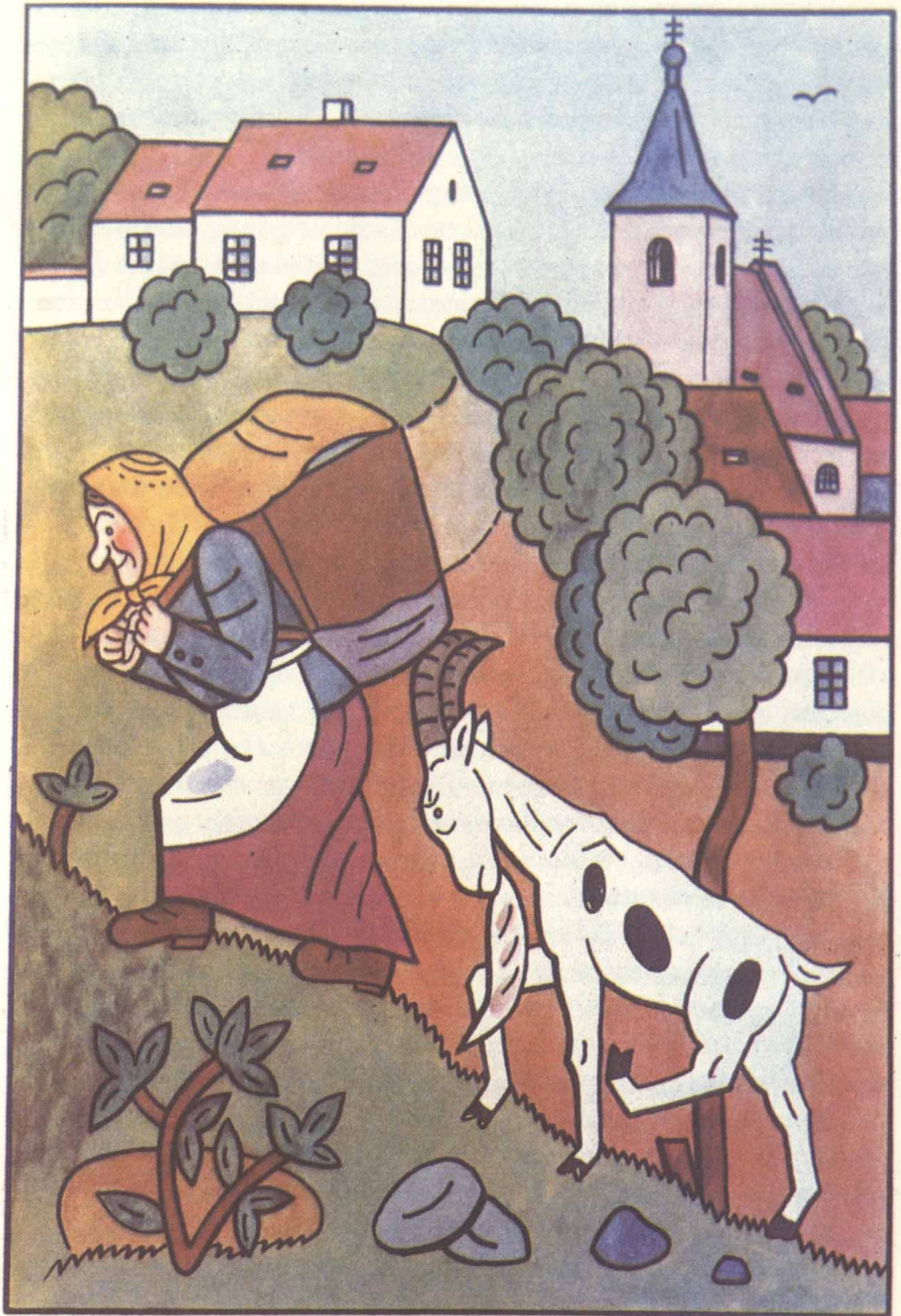
«Елки-палки-моталки! Ты могла сбить меня, оглашенная! Чего летишь как на пожар? И вообще, любезная, что ты делаешь в лесу? Разве тебе неизвестно распоряжение пана лесничего, согласно которому тачкам въезд сюда воспрещается! Ты откуда будешь?»

«Я, пан лесник, из Грусиц, Вертушка Штепанека. Я ничего плохого не делала, только немножко погонялась за белкой!» — пролепетала тачка.

Слова из нее, друзья мои, сыпались безо всякого удержу, точно клочья шерсти из худой шапки. Да это и неудивительно, когда ее, Вертушку Штепанека, почтенную тачку, потускневшую и состарившуюся в праведных трудах, допрашивают, словно известного всей округе браконьера Будеру! И по той лишь простой причине, что в какой-то миг она решила тряхнуть стариной и шутки ради немного погонялась за белкой!

«Нет, вы только поглядите на эту тачку! — кричал лесник. — Она, видите ли, просто погонялась за белкой, а? И ты думаешь, старый опытный лесник тебе поверит, зная, что как раз в тех местах лежат у него штабеля дров? Заруби себе на носу: тачки бегают по лесам только в поисках дровишек!»

«Пан лесник, да ведь я не воровка какая! Я порядочная, почтенная тачка!» — бормотала перепуганная Вертушка.

«А вот это мы выясним у пана лесничего! — рявкнул Вогноутек. — Я тут лясы с тобой точить не собираюсь! Так-то, а теперь ты поедешь за мной, и запомни, Вертихвостка, или как там тебя еще, не вздумай удирать в лес! Тут тебе и конец придет! Выстрелю без предупреждения!»

Что оставалось делать бедняжке? Не лезть же в самом деле под пулю?!

И она безропотно покатила след за лесником к дому лесничего. Вертушка очень надеялась, что там докажет свою невиновность, ее отпустят и она еще успеет к хозяину.

Спустя некоторое время лесник приказал тачке Штепанека остановиться. Вертушка было обрадовалась, что лесник решил отпустить ее, но тот, подкрутив усы, пробасил:

«И чего я тащусь пешком, когда могу ехать? Сейчас сяду на тебя, и ты с ветерком доставишь меня прямо на место! Только не вези по камням, желаю прокатиться как фон-барон!»

Пришлось Вертушке везти на себе и лесника. Тяжело ей было ехать по дороге, а затем по лесной тропке, где сплошь да рядом попадались камни да рытвины. По пути она думала о своем хозяине, который наверняка рассердится, узнав, что, пока он тащил на себе дрова, тачка его гонялась по лесу за белкой и тем самым еще навлекла на него гнев властей! С трудом катила наша милая Вертушка грузного Вогноутека вверх по холму к дому главачовского лесничего. У нее уже и колесико ныло, и дыхание перехватывало от усталости. И тут Вертушке пришло на ум: почему бы не передохнуть минутку-другую? Она остановилась и, опустив ручки на землю, глубоко вздохнула. Что удивительно — господский лесник не сказал ни слова! Вертушка тихонько повернула колесико и краем глаза взглянула на лесника, не сердится ли он. Нет, пан лесник ничуть не сердился. На лице его сияла улыбка, глаза были закрыты. Тем временем пан лесник громко захрапел, и тачка Штепанека поняла, что он просто уснул.

«Вот так удача, елки зеленые!» — заметила про себя Вертушка и усмехнулась при этом так лукаво, словно в колесике у нее мелькнула какая-то озорная мысль.

Вертушка несколько приподняла свою правую ручку, потом сделала это еще и еще раз, искоса наблюдая за тем, как

лесник потихоньку сползает к левому ее борту. Наконец она в последний раз подняла ручку, и он плавно соскользнул на густой лесной мох. Разумеется, тачка Штепанека не стала дожидаться, пока уважаемый пан Вогноутек соизволит выпастись. Осторожно, едва касаясь колесиком земли, она отъехала от спящего лесника и, выбравшись на другую тропинку, что пересекала тропу к дому лесничего, только тогда стала набирать скорость. Вертушка ехала и смеялась от радости. Когда господский лесник проснется, он наверняка решит, что ему всего-навсего приснился о ней сон! Ну а теперь надо как можно скорее добраться до лесосеки, где работает ее хозяин, чтобы еще застать его на месте.

«Уж теперь-то меня ни один черт не остановит!» — думалось Вертушке.

Да не тут-то было! Едва она об этом подумала, как из лесу вышел бродяга. Он снял перед ней свою помятую шляпу и низко поклонился:

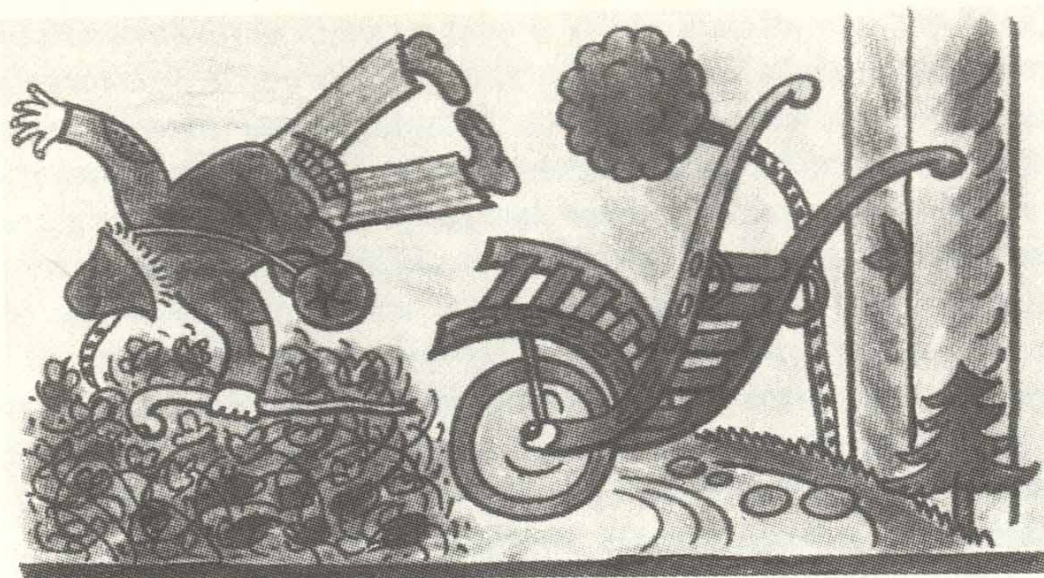
«Ура! Пан лесничий прислал за мной карету, дабы я пораньше прибыл в Ондржейов!»

Не удостоив его ответом, Вертушка попыталась поскорее объехать бродягу, но тот оказался проворен как белка. Он запрыгнул в тачку на полном ходу и развалился на ней барином. В расстроенных чувствах Вертушка с грохотом покатилась дальше, не произнеся ни слова и внимательно следя за тем, когда покажется какой-нибудь высокий и довольно густой малинник.

Лежа на тачке, бродяга блаженно улыбался и, похоже, был очень доволен, что едет так быстро и удобно. Он уже хотел вынуть из кармана трубку и закурить, да не успел. Неожиданно тачка свернула с тропы к кустарнику, откинулась назад, а потом резко подняла ручки кверху. И наш милый бродяга, описав в воздухе плавную дугу и при этом несколько раз перекувырнувшись, упал в самую гущу малинника.

А Вертушка помчалась по тропе дальше, к своему хозяину. Тем временем дядюшка Штепанек как раз допиливал последнее бревно. Отложив пилу, он удовлетворенно вздохнул, набил табаком трубу и сказал:

«Слава тебе, господи! Вот и готово, теперь мы с Вертушкой отвезем все это домой!»

С этими словами он оглянулся и только тут вспомнил, что оставил Вертушку в сарае.

«Тысяча чертей! — воскликнул старый Штепанек. — Ах я, башка незаплатанная! Теперь вот надо бежать домой, а потом снова сюда и опять домой, но так и к ночи не управишься, а в пять часов меня будет ждать пан староста! Как же быть? Чтoб мне подавиться первым же кнедликом*...»

Тут дядюшка Штепанек осекся. Насторожившись, он замер в неподвижности и прислушался.

«Сдается мне, что это поскрипывает наша Вертушка! Неужто в самом деле она?! Точно, готов поспорить на тысячу пуговиц! Ну конечно же она! Привет, Вертушка! Просто молодчина, что приехала!» — И дядюшка Штепанек ласково погладил запыхавшуюся тачку по разгоряченному колесу. Потом он приступил к погрузке, и Вертушка смогла немного передохнуть. После всего, что с ней произошло сегодня, отдых был ей просто необходим. Вертушку радовал благополучный исход событий, и когда дрова были уложены, она с новыми силами тронулась в обратный путь. При этом она не позволяла дядюшке Штепанеку оказывать ей помощь, разве что попросила немного подтолкнуть себя, когда забиралась на холм, прозванный «На подворьях».

«Ты в самом деле молодчина, Вертушка! — вновь похвалил свою тачку дядюшка Штепанек. — И годы тебя не бе-

* Кнедлик — излюбленное чешское кушанье, кусок вареного теста; бывают также картофельные кнедлики, кнедлики со сливами и др.

рут: все такая же крепкая и подвижная, как в молодости! Кабы тебя заново покрасить, никто бы не догадался, что тебе уже без малого пятьдесят годков! Знай же, моя Вертушка, в благодарность за твою верную службу я перед грусицким крестным ходом* отдам тебя выкрасить поярче и покрыть лаком! Только не говори мне, что не стоит, мол, зря тратить деньги! Если я сказал, значит, так оно и будет — и баста!»

Надо заметить, дорогие друзья, что дядюшка Штепанек сдержал свое слово! Как пообещал, так и сделал, и во время грусицкого крестного хода Вертушка появилась на деревенской площади выкрашенной в нарядные красный и зеленый цвета, чему все прочие тачки, увидевшие ее со своих дворов, очень даже позавидовали. Но сама Вертушка была не спесива. Она скромно разъезжала среди дядюшек и тетюшек, мальчиков и девочек и, когда вдоволь насмотрелась на прилавки с товарами, возвратилась домой, чтобы в толчее ярмарки не повредить еще ненароком свой новый наряд.

Вот и вся сказка про тачку Штепанека.

Сказка Бобеша про козла Кокеша

— Эта сказка мне тоже очень понравилась! — восторженно произнес Пашик. — Сам я никогда бы не вытянул такой длинной истории! Тут пришлось бы позвать по меньшей мере трех таких Пашиков, как я!

Рад был и Пепик, что его маленький друг, котик Микеш, умеет так славно рассказывать. Никому из приятелей пока не хотелось уходить из теплого хлева, и они попросили Бобеша, чтобы и он поведал им какую-нибудь интересную историю. Бобеш не заставил себя упрашивать. Улыбнувшись, он пригладил свою длинную бороду и начал рассказывать сказку про козла Кокеша.

— Жил-был у дядюшки Малиновского козел. Звали его Кокеш. Прежде и я слыл ужасным озорником, однако таким

* Крестный ход — торжественное шествие с крестами, иконами и другими святынями по случаю какого-либо религиозного праздника.

проказником, как Кокеш, я никогда не был. Но в один прекрасный день ему пришлось расплачиваться за свои шалости.

Как-то раз, осенью, Кокеш прохаживался по дороге, ведущей в Грушов. Тем временем дядюшка Малиновский пас стадо под Ежовом, Кокешу же работы не нашлось, и от скуки он убежал сюда, чтобы подразнить детей, спешащих из Грушова в грусицкую школу. Кокеш полагал, что его никто не видит, однако совсем недалеко от него, на меже Вавры, черт Вельзевул и старый Шидлик собирали шиповник. Они как раз спорили, какое вино лучше, из шиповника или из терновника. И вдруг с дороги на Грушов до них донеслись отчаянные крики. Оба повернули голову и увидели, как Кокеш поддевает рогами Верушку Пецанкову из Грушова и сбрасывает ее прямо на свежевспаханное поле. На бедняжке был новенький, безукоризненно выглаженный белый фартук с кружевами и воланчиками, который в одну минуту стал грязным, как у лавочника. Старый Шидлик возмутился:

«Удивляюсь вам, пан Вельзевул! Как вы можете спокойно смотреть на такое?! Нет чтобы взять этого нечесаного замарашку за шиворот и унести с собой в ад!»

Глянув на свой мешок, черт Вельзевул поскреб когтем за ухом и пробурчал:

«Взял бы я его, да мешок мой с шиповником уже почти полон, жаль как-то высыпать!»

Тем временем на дороге Кокеш ржал, точно старая кляча кузнеца. Ему доставляло удовольствие наблюдать, как Верушка беспомощно карабкается вверх по насыпи, и когда наконец бедняжке это удалось, он снова поддел ее рогами и сбросил на поле.

Черт Вельзевул гневно фыркнул, одним махом высыпал из мешка шиповник и, — фр-р! — совершив гигантский прыжок, настиг Кокеша. Козел резко обернулся, но куда уж ему тягаться с чертом! Вельзевул схватил Кокеша за хвост, покрутил его у себя над головой и — плюх! — кинул в мешок. Потом черт Вельзевул покрутил еще и мешок над своими рогами, забросил его за спину и снова — фр-р! — полетел над Луначками и Кожаным холмом к дремучим лесам, в сторону Водерад, напоследок помахав хвостом пану Шидлику.

Вельзевул отнес козла Кокеша прямо в ад. Когда же привратник Башибузук открыл перед ним ворота ада и по-

интересовался, не тащит ли он с собой какую-нибудь очередную нечестивую душонку, Вельзевул вместо ответа так грохнул мешок оземь, что Кокеш даже взвыл с досады.

Привратник Башибузук расхохотался.

«То-то повеселятся нынче бесенята. Брось-ка его на наш адов двор да свистни их! Я и сам с удовольствием гляну на это цирковое зрелище».

Только Вельзевул его бросил, как бесенята облепили козла, точно мухи, и когда он сумел подняться на ноги, один чертик уже держал его за хвост, другой за рога, а третий тягал за длинную бороду. Впрочем, не подумайте, что Кокеш испугался! Куда там, козлу Кокешу не страшны были даже черти! Он мотнул головой из стороны в сторону, и один бесенок тут же полетел вправо, а другой — влево. Но чертики есть чертики! Не долетев до земли, они прямо в воздухе развернулись и — хр-р! — снова кинулись на нашего Кокеша! И еще прежде чем Кокеш сумел поддеть рогами и подбросить вверх чертика, который тягал его за хвост, козла уже опять облепили бесенята, и он едва успевал поднимать их на рога и подбрасывать в воздух.

Но это помогало мало. Стоило ему только подбросить вверх какого-нибудь бесенка, как тот, несколько раз перекувырнувшись в воздухе, падал козлу прямо на спину. Ох уж эти малыши чертенята! У них словно крылья растут за спиной, и увертливые они, точно летучие мыши!

Очень скоро Кокеш понял, что ему не справиться с этим бесовским отродьем. И тогда он решил ретироваться к какой-нибудь стенке, чтоб Люциферовы чада хотя бы не таскали его за хвост. Однако ослепленный яростью милый Кокеш плохо следил за тем, куда он отступает, и неожиданно для себя очутился в комнате с котлами, где в кипящей смоле варились души нечестивцев. Но едва обезумевший от злобы козел приблизился к одному из котлов и хотел уже было о него опереться, как тут же завопил и с заячьей прытью выбежал из котельной. Наверное, друзья, вы догадались, что наш бедолага попросту обварил себе хвост в кипящей смоле!

Заметив это, молодые и старые черти чуть не умерли со смеху. Сама Люцифериха выбежала из адовой кухни и хохотала так, что хваталась копытами за бока. Впрочем, веселилась Люцифериха недолго! Вскоре смех ее перешел в злобное

рычание, когда она увидела, как Кокеш, разбежавшись, лихо перескочил через адов двор и влетел в склеп, где в горшках у нее хранились молоко, сливки и пахта*. В один миг горшочки превратились в груды черепков, и теперь все ее запасы представляли собой сплошное месиво, растекающееся по полу склепа!

Люцифериха чертыхнулась. Еще бы! Такое разорение в хозяйстве! Схватив веник, она в один прыжок преодолела двор, и — хлоп! хлоп! — град ударов обрушился на спину Кокеша. Должно быть, друзья мои, больно хлещут в аду веники! Наш Кокеш выскочил из склепа, точно пес Жулька пана Выцпалека, завидевший из будки бродягу, и при этом едва не сбил с ног самого дядюшку Люцифера, который выбежал на двор из своей канцелярии, чтоб со всеми чертями посмеяться над выходками козла.

И тут наступил второй акт комедии с Кокешем. Бесенята вновь облепили козла, как мухи; принялись таскать его за бороду, за хвост, хватали за ноги. Они гоняли беднягу туда-сюда по двору ада, так что наш милый Кокеш уже еле передвигал ноги. Вдруг Кокешу зачем-то вздумалось перекувырнуться, и этим он настолько ошарашил бесенят, что они выпустили его из своих ручек и на миг замерли в ожидании.

Кокеш как нельзя лучше воспользовался моментом! Бросившись в толпу чертей, он отшвырнул рогами одного старенького беса, что стоял у него на пути, и скрылся за углом. Орава чертей кинулась за ним вдогонку на второй двор ада, посреди которого стоял какой-то обшарпанный домишко. То было адово хранилище. Там, друзья, томились в горшочках души людей, осужденных на вечные муки. Внутри домика горшочков этих было видимо-невидимо, и каждый из них прикрывала крышечка. Дверь хранилища оказалась не заперта, и Кокеш ринулся туда не раздумывая, чтобы спрятаться от своих мучителей.

«Скорее закройте дверь, не пускайте этого шута горохового в хранилище!» — взревел дядюшка Люцифер.

Но было уже поздно! Он услышал, как внутри домика падают крышки и гремят черепки разбитых горшочков.

* П а х т а — обезжиренные сливки, получаемые при сбивании сливочного масла.

А потом увидел голубок, вылетающих из двери и через адскую трубу и взмывающих в поднебесье. То были души грешников, вырвавшиеся из заточения. Дядюшка Люцифер зарычал, как дикий зверь. Разбросав чертей, он ворвался в хранилище и, сверкая глазами, стал искать Кокеша. Пройдоха Кокеш тем временем как раз залезал под старую лавку, полагая найти там надежное убежище. Схватив его за хвост, дядюшка Люцифер вытащил бедолагу за хвост и — фр-р! — полетел вместе с ним над дворами и огнедышащими печами к вратам ада.

«Отворяй!» — взревел он привратнику Башибузуку и, когда тот раскрыл их настежь, размахнулся и вышвырнул козла вон. Тут же ворота с грохотом затворились.

После всех злоключений у Кокеша голова шла кругом. Козел не мог понять, где он находится; к тому же все тело у него ломило от падения.

«Что же мне теперь делать?! — воскликнул Кокеш. — Как, черт возьми, я снова попаду к дядюшке Малиновскому в Грусицы?»

В эту самую минуту слуховое окно на крыше ада распахнулось, и оттуда вылетел черт Вельзевул с мешком. Перепуганный Кокеш хотел броситься наутек, но черт схватил его за хвост, сунул в мешок и — фр-р! — поднялся вместе с мешком в воздух. У Кокеша зуб на зуб не попадал от страха, он боялся, что черт снова отнесет его в ад, однако от неизвестности мучился он недолго. Вскоре козел почувствовал, как мешок открылся и он летит куда-то вниз. Очутившись на земле, Кокеш встал на все четыре ноги, огляделся по сторонам и закричал от радости, увидев перед собой ту самую дорогу, ведущую из Грусиц в Грушов, где черт в первый раз сунул его в мешок.

Сам же Вельзевул стоял рядышком и грозил ему мохнатым пальцем:

«Смотри, Кокеш! Больше не проказничай! Оставь ребятишек в покое и во всем слушайся дядюшку Малиновского! А не то снова попадешь в ад! В другой раз тебе уже оттуда не выбраться!» — И с этими словами черт исчез.

Отправился восвояси и Кокеш. Он и не заметил, что пан Шидлик все еще продолжает собирать шиповник, а неподалеку от него дети разложили костер. Он плелся домой

жалкий, как ощипанный воробей. С той поры, однако, Кокеш стал самым миролюбивым козлом на свете! Он твердо решил больше никогда не обижать ребятшек и совершать только добрые поступки. И Кокеш сдержал данное себе слово. Теперь он не обижал детей, а играл вместе с ними и защищал их от собак, коз и озорных мальчишек. Но прежде всего он искупил свои грехи тем, что начал помогать старым людям как только мог, и за это в деревне очень полюбили его. Вот и конец моей сказки.

Как Микеш ходил в школу

Однажды утром Пепик проснулся с сильной головной болью и не смог пойти в школу. Он сидел с обвязанной головой на печи, где спали они с Микешем, и печально смотрел на дорогу, по которой шли школьники. Последним, как и подобает самому нерадивому ученику, брел с рваным учебником под мышкой Франта Кулдан. Грустно же было Пепику потому, что он любил ходить в школу. Между тем со двора вернулся Микеш. Увидев, что Пепик сидит на печи, он очень удивился.

— Дорогой Микеш,— проговорил Пепик,— у меня очень болит голова, вот я и сижу дома.

— Надеюсь, ты не слишком огорчен, что прогуливаешь занятия?— ухмыльнулся Микеш.

— Наоборот, Микеш! Не думай, что если порой я позволяю себе озорничать, то и в школе я плохой ученик! Я люблю школу, потому что учительница рассказывает нам много интересного, и к тому же она очень добра. И вот сегодня меня там не будет!

Микеш ничего не сказал в ответ, призадумался на минуту-другую, а потом взял со стола Пепикову «грамоту», и не успел мальчик опомниться, как котик исчез. В последнюю минуту, правда, Пепик увидел его бегущим по мосточку в сторону деревенской площади.

В школе учебный день был уже в разгаре. Ученики писали, учительница что-то отмечала в классном журнале, и тишина там была, как в храме.

Неожиданно дверь школы скрипнула, а потом ученики услышали, как за дверью клас-са кто-то чистит обувь. Учи-тельница перестала писать и, посмотрев на дверь, сказа-ла:

— Интересно, кто это там опаздывает?

Вслед за учительницей по-смотрели на дверь и школьники, любопытствуя, какой ученик окажется на сей раз самым нерадивым.

Каково же было их удивле-ние, когда на пороге, вместо ожидаемого ученика, воз-никла хорошо известная ребятам фигурка нашего милого котика Микеша! Некоторое время они молча таращили на него глаза, а потом разразились дружным хохо-том.

Микеш снял шапку и, когда ребята успокоились, вежливо поздоровался:

— Бодрое утро!

На такое приветствие школьники снова ответили друж-ным смехом, но учительница сказала:

— Не смейтесь над Микешем, ребята! Ведь он прос-то хотел поздороваться с вами поучтивее и немного пере-путал слова. Лучше берите с него пример и со всеми здо-ровайтесь так же вежливо, как он! Ну а теперь, Ми-кеш, скажи нам, почему ты пришел сегодня в шко-лу?

— В школу, учительница, я пришел, чтобы провиниться за нашего Пепика!— ответил Микеш.

— Что ты такое говоришь, Микеш!— сказала учительни-ца.— Опять ты напутал! Хотя вы с Пепиком и друзья, однако это было бы уже слишком! Может быть, ты пришел, чтобы извиниться за Пепика?

— Именно так, учительница! Извиниться за то, что Пепик сегодня не сможет прийти в школу. Голова у него прямо

раскалывается. Пепик даже обвязал ее тряпочкой, чтобы она не треснула,— проговорил Микеш дрожащим от волнения голосом.

— Она что у него, из фарфора? — рассмеялась учительница, а вслед за ней и школьники.

— А еще, учительница, я пришел для того, чтобы узнать, чему сегодня будут учиться ребята, и потом все передать Пепику,— продолжал Микеш.

— Ты хорошо поступил, Микеш! Но я не могу оставить тебя в классе! Тогда ребята уж точно ничему не научатся за сегодняшний день! Посмотри, совсем глаза порастеряли!

Но тут школьники в один голос стали умолять учительницу, чтобы она разрешила Микешу остаться, пообещав ей, что в благодарность за это будут стараться с двойным усердием.

— Хорошо, ребята,— наконец согласилась учительница.— Посмотрим, как выполните вы свое обещание. Ступай, Микеш, присаживайся на лавочку!

Все ученики и ученицы, сидевшие на лавках с краю, тут же освободили возле себя местечки. Каждому хотелось, чтобы котик непременно сел рядом. Однако Микеш не раздумывая направился к пятой скамье, к Руженке Шальдовой (Шальды были соседями Швецов). При этом Франта Кулдан исподтишка дернул котика за хвостик, но Микеш даже не посмотрел в его сторону. Он играл роль ученого кота.

Дорогие ребята! На всех уроках наш милый котик Микеш вел себя примерно, как самый внимательный ученик. Он не позволил себе лишнего даже в ту минуту, когда через открытое окно в класс влетел воробей. Микеш спокойно понаблюдал, как птица села на шкаф, оттуда перелетела на доску и снова выпорхнула в окно. Вообще-то, птицы и прежде мало интересовали нашего Микеша. А тем более сейчас, когда ему надо было следить за рассказом учительницы, чтобы потом в точности передать его Пепику. Иногда он даже вызывался отвечать! На уроке природоведения учительница спросила: какое, мол, животное корова — полезное или вредное? Микеш поднял лапку и сказал, что корова, по его мнению, очень вредное животное, поскольку однажды она наступила ему на хвостик!

— А от кого же ты получаешь молочко на завтрак? — спросила его учительница.

В ответ наш Микеш резонно заметил:

— От бабушки!

Отличился Микеш и на уроке математики. Чтобы доставить котику удовольствие, учительница сама вызвала его к доске и задала ему написать и сосчитать, сколько будет к одному прибавить один. И вот что у него получилось:

$$1+1=11$$

На уроке грамматики Микеш отличился даже дважды. Франтик Нехватал вывел на доске следующее предложение:

Сегодня утром я съел вкусную грушу

Взглянув на доску, учительница спросила ребят:

— Как по-вашему, что забыл сделать Нехватал?

Никто не отозвался, но у Микеша ответ был готов сразу. Он поднял лапку и сказал:

— Нехватал забыл поделиться с нами!

Микеш снова дал маху! Между тем он растерянно озирался вокруг и недоумевал, почему так смеются ребята, пока, наконец, Руженка Шальдова не объяснила ему:

— На самом деле Франтик никакой груши не ел! Он просто такое предложение написал, а в конце забыл поставить точку!

Добряк Микеш не стал обижаться на ребят за смех и через минуту снова вызвался отвечать, когда учительница спросила, какой знак, твердый или мягкий, пишется в слове «адъютант».

— Прошу прощения, учительница, но для этого нужно сначала выяснить, что он за человек: если покладистый, то напишем мягкий знак, ну а если жесткий, тогда твердый!

Его счастье, что урок подходил к концу! Кто знает, до чего еще додумался бы наш Микеш. Дети смеялись и прыгали от восторга, как жеребята; учительница же ласково погладила котика по головке и сказала:

— Не огорчайся, Микеш! Поначалу все ошибаются! Из тебя наверняка получился бы хороший ученик, если б ты и дальше ходил в школу.

Домой Микеш мчался как на пожар. Прибежав, он настолько запыхался, что некоторое время даже не мог разговаривать. Наконец Пепик спросил:

— Ну, что было сегодня в школе?

И Микеш выпалил:

— О, чего только там не было! У Тоника Тонды яблоки, у Руженки Шальдовой булочка, а у Вашика, сына корчмаря, сарделька! Он дал мне откусить.

— Да ну тебя, Микеш, вечно ты невпопад! Я хотел узнать, чему вас сегодня учили?

— Многому, — гордо отвечал Микеш. — Мы узнали столько всякой всячины, что за раз на телеге не увезти!

— Ты хотел бы ходить в школу, Микеш? — спросил Пепик возбужденного от радости котика.

— С превеликим удовольствием, Пепик! А знаешь что, давай я буду учиться, а ты вместо меня лови мышей! — И, сияя от счастья, наш Микеш прыгнул сначала на шкаф, потом на печь, а оттуда к Пепику на спину.

Микеш исчезает

Дорогие ребята! С того дня в котике Микеше произошла большая перемена. Если прежде его нетрудно было уговорить на какую-нибудь озорную проделку, то теперь, когда он побывал в школе и учительница похвалила его перед всем классом, он сделался степенным и очень серьезным котиком. Уже на следующий день Микеш, заложив лапки за спину, расхаживал по двору с умным и важным видом, словно какой-нибудь пан профессор! Пепика так и распирало от смеха при виде того, как он выступает по двору гоголем со старым календарем под мышкой, который отыскивал среди хлама на чердаке. Время от времени Микеш останавливался, разворачивал календарь и, шевеля губами, долго смотрел в текст, будто бы читая. С календарем он не расставался теперь даже ночью!

Но это еще не все, дорогие ребята! Чтобы выглядеть посolidнее, котик приспособил для чтения «окуляры». На

улочке между домами Шобра и Франтака он нашел кусок от проволочной плетенки разбитого кувшина и смастерил из него маленькие очки. Стекол, разумеется, в них не было. С этой минуты Микеш изучал календарь не иначе как с очками на носу. Видели б вы его, дорогие ребята! Календарь он держал вверх ногами, но смотрел в него так внимательно, будто и вправду умел читать.

«Черт возьми! — думал Пепик. — Каких-то полдня пробыл в школе, а уже нос задирает! Я вот давно хожу в школу, частенько остаюсь там и после уроков, но не кичусь этим! А от гордыни до греха один шаг!»

— Микеш! — окликнул он котика. — Да выкинь ты эту дурь из головы! Пойдем-ка лучше к Клачмерам за грушами.

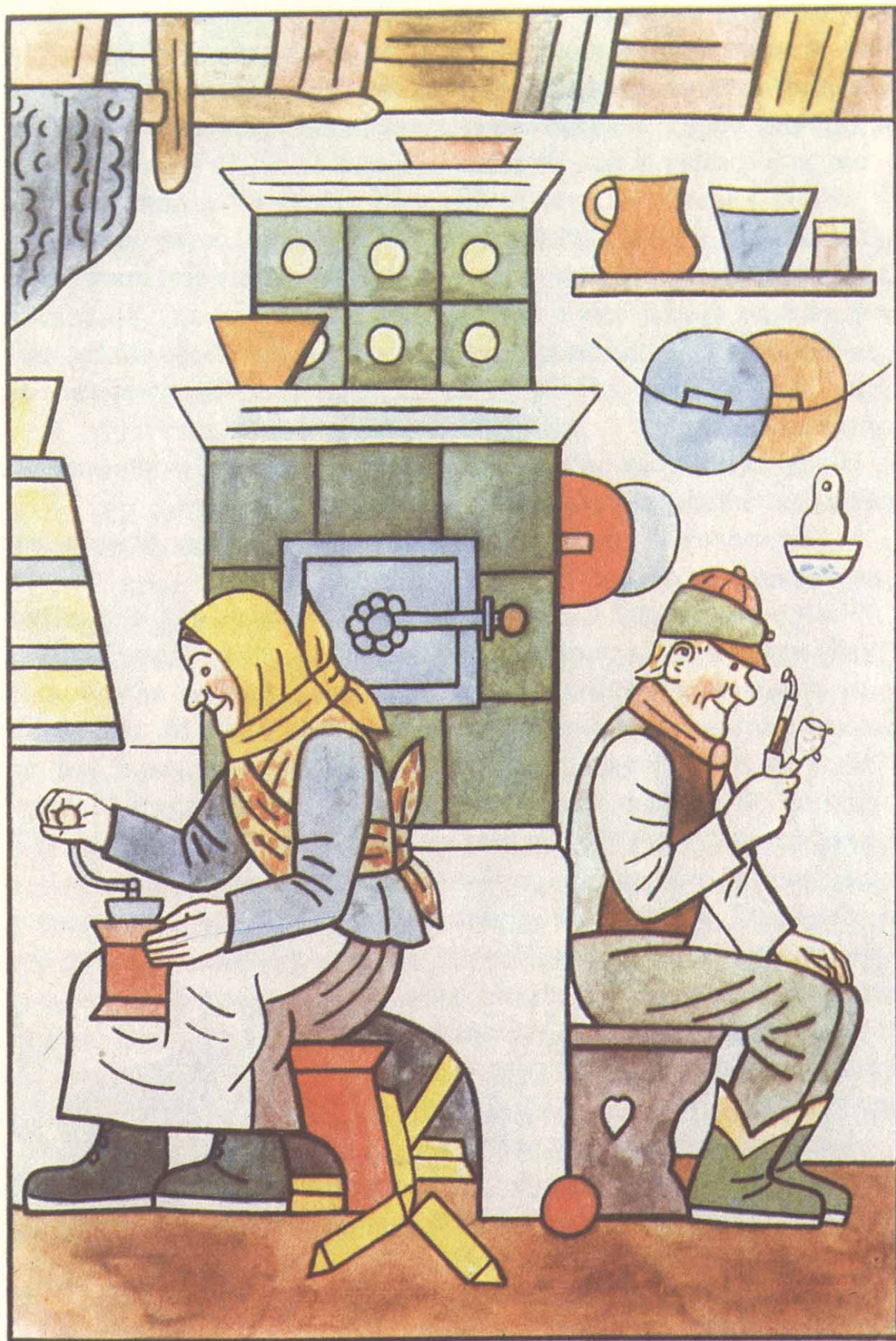
Но Микеш только лапкой махнул, словно отгоняя назойливую муху, и проворчал:

— Староват я для этих шалостей! — И снова углубился в свой календарь.

Минула неделя, а Микеш все не расставался с очками и календарем, и, похоже, ему ничуть не надоедало играть роль ученого и важного кота. Пепика ужасно злило, что Микеш больше не желает лазать в чужие сады за грушами, и в душе ему очень хотелось, чтобы бог наказал его за гордыню. Желание мальчика сбылось неожиданно быстро, и потом еще долго Пепик корил себя, что накликнул на Микеша беду. С тех пор он зарекся желать плохого кому бы то ни было. С некоторым опозданием понял он также, что с очками и календарем Микеш не разлучался не из-за какой-то там гордыни, а просто ради того, чтобы продлить удовольствие, которое он получил в школе!

А теперь я расскажу вам, что же все-таки приключилось с Микешем. Как-то раз бабушка решила испечь оладьи и попросила Микеша сходить в погреб за сливками. Вам, друзья мои, может показаться странным, что она отправила за ними кота, но не

стоит удивляться: Микеш никогда не лакомился сливками и молоком без спроса. Котику такое и в голову не приходило, поскольку бабушка никогда не отказывала ему, когда он просил у нее немножко молока или сливок.

Итак, Микеш отправился в погреб. Он нацепил на нос свои очки и с умным видом пересек сначала двор, потом узенький мостик и наконец дорогу, у обочины которой на склоне пригорка была дверь в их погребок. Однако он не захватил с собой ни кружки, ни половника — шут знает, какие мысли вертелись тогда в его черной головушке, — и пришлось ему тащить домой целый кувшин сливок. Через дорогу котик перешел благополучно, а вот когда ступил на мостик, очки неожиданно соскользнули у него с носа; позабыв о кувшине, Микеш стал их ловить, не удержал равновесия и полетел с мосточка прямо в канаву!

И хотя ловкий котик очень быстро поднялся на ноги, однако кувшин, дорогие ребята, кувшин-то успел уже расколоться, и все сливки вылились из него в мутную воду. Минутку-другую Микеш, как бы ничего не понимая, смотрел под лапки, а потом сорвался с места и в мгновение ока исчез на чердаке. Там он спрятался за большой охапкой соломы и стал размышлять, что же ему теперь делать. Микеш любил бабушку, очень любил, и мысль о том, что своим поступком он опечалит и расстроит ее, ужасно огорчала котика. Кроме того, его наверняка отлупят веником — его, ученого кота Микеша, про которого говорят, будто он хоть сейчас может занять место старосты в Турковицах! Ему зададут трепку, точно нашкодившему Пепику, и всякий проказливый мальчишка, который сам заслуживает хорошей порки по три раза на дню, будет смеяться над ним всю его жизнь!

И тут Микеша осенило. Ура! Ведь в тайнике у него целая куча крейцеров, и он может с лихвой заплатить бабушке за разбитый кувшин и сливки! Микеш вскочил на задние лапы и полез под самую крышу, где за балкой лежали его сокровища. Сунув лапку в тайник, котик вытащил коробочку, в которой хранил монеты, но едва заглянул в нее, как на глаза тут же навернулись слезы! Растаяла последняя надежда на благополучный исход всей этой истории! Коробочка пуста! Лишь теперь Микеш вспомнил, что несколько дней назад отдал все свои сбережения Пепику на покупку бумаги и красок! И наш бедный, добрый Микеш горь-

ко расплакался, увидев, что ему нечем заплатить бабушке!

Еще минуту он оцепенело смотрел в пустую коробочку, а потом принял какое-то решение. Котик спрятал коробочку обратно за балку и вытащил оттуда платок и пальтишко, которое, как вы уже знаете, сшил ему портной Матеха

в благодарность за пойманного беглеца-кенара. Микеш завернул пальтишко в платок и с двух концов перевязал получившийся сверток веревкой, как делают странники. Перебросив веревку через плечо, Микеш надел шапку и помахал лапкой в сторону лестницы, словно прощаясь с кем-то. Потом выпрыгнул через отверстие под крышей в сад и был таков.

Устав ждать, когда наконец Микеш принесет сливки, бабушка отправилась посмотреть, куда это он запропастился, но так и не нашла котика. Бабушка была очень удивлена. В погребе его уже не могло быть: дверь заперта на крюк. И тут в канаве под мосточком бабушка заметила разбитый кувшин, и в ее старенькой голове сразу все прояснилось.

Микеш разбил кувшин со сливками и убежал!

Одного не могла понять бабушка, зачем Микеш нес ей целый кувшин сливок, если она просила его принести всего-навсего маленькую кружечку! На всякий случай, бабушка позвала его несколько раз, но котик не откликнулся, и она спокойно вернулась в дом. Когда Микеш придет, он сам расскажет, что вышло у него со сливками.

Однако Микеш не появлялся.

Кувшин он разбил в полдень, но вестей о нем не поступило и к вечеру. Не нашел Микеша и Пепик, хотя обыскал весь дом и окрестности и звал его буквально каждую минуту. Искал котика и Бобеш, а Пашик уже горестно вздыхал в хлеву: мол, никогда больше не увидит он своего Микеша.

Напоследок Пепик разок-другой окликнул Микеша, но тут проходившая мимо старая Шебкова сказала мальчику:

— Ты ищешь Микеша, Пепик? Сдается мне, дружок, что ты его больше не увидишь! Днем, когда я возвращалась из лесу, я видела, как наш Микеш с палкой в лапке бредет по Широкому склону в сторону Мышлина. Он еще крикнул, чтобы я передала от него всем вам тысячу приветов и чтобы вы простили его за все огорчения, которые он когда-либо вам доставил. И с этими словами скрылся в лесу.

Старая Шебкова грустно покачала головой. А заметив на глазах у всех слезы, сказала:

— Не горюйте! Может, он еще вернется! Чего ему одному делать в большом мире, к тому же навряд ли он совершил что-нибудь ужасное!— И старая Шебкова побрела дальше.

Когда Пепик рассказал обо всем бабушке, она так и замерла от столь неожиданного известия! Ей тоже стало очень грустно, но все же она утешала саму себя и Пепика тем, что надежда на возвращение Микеша еще не потеряна.

Потом Пепик, Бобеш и Пашик до глубокой ночи сидели перед хлевом кабанчика и разговаривали о Микеше: куда он пошел? Как там бедняге в чужих краях? Увидят ли они его когда-нибудь снова? В эту ночь, дорогие ребята, Пепик заснул на печи в одиночестве.

Мурлышка

Еще долго, очень долго тосковали Пепик, Бобеш и Пашик по своему другу, милому коту Микешу. Под вечер Пепик и Бобеш приходили к Пашику в хлев, и там друзья только и говорили, что о пропавшем котике. Больше всех не хватало Микеша кабанчику. У Пепика с Бобешем были и другие приятели, во время игр с которыми они как бы несколько забывались, а вот бедный наш Пашик большую часть суток проводил в хлеву один.

С грустью вспоминали друзья те замечательные деньки, когда возле хлева сживал вместе с ними котик Микеш. Ах как смеялись они, бывало, рассказывая друг другу о своих

приключениях и похождениях: о поездке на мотоцикле с мниховицкой ярмарки, о вылазке в сад Млейнека, о заколдованной груше и других веселых событиях. Встречаясь, они всякий раз вспоминали Микеша. Где-то он теперь, бедолага? Как ему живется на чужой стороне? Суждено ли им когда-нибудь свидеться?

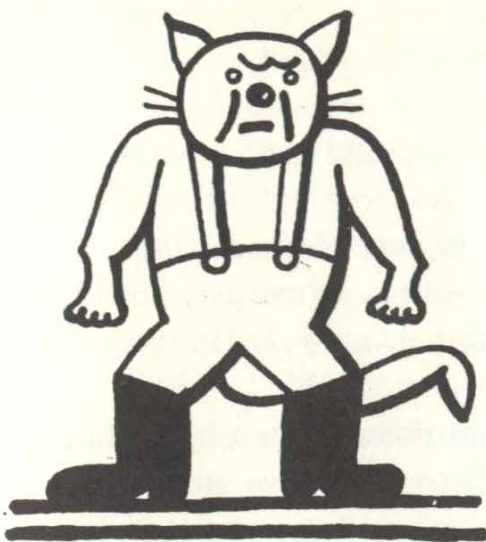
Все они с благодарностью говорили, каким он был хорошим товарищем, верным другом, веселым собеседником и заводилой в любых делах. Пашик постоянно твердил, что, мол, такие умные котики рождаются раз в пять лет. Одного не могли они взять в толк: почему он убежал из-за какого-то несчастного кувшина, который и стоил-то несколько крейцеров, к тому же его можно было купить у любой торговли из Скалиц. Каждый из них совершал в своей жизни подобные проступки, но никому и в голову не приходило убегать после этого в дремучие леса! Пашик расколол однажды свое каменное корытце, Бобеш, из озорства, разрушил собственный хлев. А Пепик?! Тот успел уже натворить столько всяких дел, что ему, если брать пример с Микеша, чуть ли не каждый день следовало бы убегать из дому. Как это ни странно, за любую шалость он получал всего несколько ударов веником или жезлами, а потом все улаживалось, и вечером, как обычно, он укладывался спать у себя на печи и не должен был обивать чужие пороги в поисках ночлега.

Тосковала по Микешу и бабушка.

— И что это на него нашло, — недоумевала добрая старушка, — из-за какого-то разбитого кувшина бежать из дому? Да я ничего бы ему не сделала; я и сама, несмотря на все предосторожности, уже достаточно горшков перебила. А он грохнул один кувшин и бежать. Как он всех нас расстроил! Очень уж скучно стало без нашего шалуна!

Спрашивали о Микеше и прохожие: не вернулся ли? Нет ли о нем каких вестей? И все, как один, сожалели, что пропал такой славный котик.

Примерно недели через две после исчезновения Микеша Пепик принес откуда-то домой беленького котенка. Мальчик показал его Пашику с Бобешем и заявил им, что скоро он

тоже заговорит и станет таким же умным, как Микеш. Посмотрев друг на друга, Пашик с Бобешем усмехнулись, и Пашик сказал:

— И эта малявка должна заменить нам Микеша? Могу себе представить, какой поднялся бы хохот, если б я вместе с ним поехал на мотоцикле! С таким-то мурлышкой!

— Что ж, назовем его Мурлышкой, пусть будет так, Пашик! Только не забывай, что поначалу и Микеш был таким же несмышленным, это уж потом он стал умным и славным, когда подрос и возмужал, — вступился Пепик за своего нового друга.

— Поживем — увидим! — буркнул сомневающийся Пашик. — Мурлышка!

Прозвище это так и закрепилось за новым котиком. Пепик учил его разговаривать и ходить в сапогах так же, как когда-то Микеша. Он прикладывал все свои силы, чтобы побыстрее сделать из него такого же молодца, однако, дорогие ребята, толку от Мурлышки было мало. Рос он медленно, оставаясь все таким же несмышленищем, да и разговаривал по-прежнему плохо: картавил и шепелявил!

Шут его знает, что за странный он был котенок! Всего-то боялся, не отваживался даже забраться на дерево, оттого что с малых лет Пепик учил его ходить в сапогах. Но главное — был ужасным нытиком!

Тем не менее Пашик и Бобеш любили его все больше и больше. Порой, когда Пашик пребывал в хорошем расположении духа, он обращался к Мурлышке с какой-нибудь шутиливой просьбой. Например, с такой:

— Эй, пострел! Поди-ка сюда! Вот тебе немного мелочи, сбегай в корчму и купи мне полкило отрубей!

Или:

— Мурлышка! Сгоняй к кому-нибудь за мотоциклом! Поедем покатаемся немного!

И простодушный котик сломя голову неся к соседям Бартачекам и там лопотал на своем ломаном языке старой хозяйке: «Бабуля, не могли бы вы одолжить насему Пасыку мотосыкл?!»

Как хохотали потом Бобеш с Пашиком, когда Мурлышка по возвращении докладывал, что Бартачеки не могут одолжить им свой мотоцикл, поскольку старый хозяин уехал на нем в лес за грибами. Как бы в награду за усердие, а на самом деле, чтобы Мурлышка привыкал к быстрой езде и заодно отучался быть таким нытиком, Бобеш сажал его в таких случаях к себе на плечи и бегал с ним по двору.

Очень скоро полюбила Мурлышку и бабушка.

— Конечно,— говорила она,— Мурлышке далеко до Микеша, но он добрый и послушный котик, и в этом они похожи. Уже не раз малыш помогал мне найти очки, когда я не могла вспомнить, куда их засунула.

Мало-помалу все привыкли и полюбили маленького картавого да шепелявого Мурлышку, хотя, конечно, не забывали и о старом добром друге, умном котике Микеше.

Сказка про собачку с колокольчиком на хвосте

Как-то однажды с самого утра зарядил сильный дождь, и лил он целый день не переставая. Бабушка в своих стареньких очках сидела на печи и латала разорванные брюки Пепика. Сам Пепик был в гостях у Бобеша: Мурлышке идти в дождь не захотелось, и он остался дома с бабушкой. Котик играл возле теплой печки и что-то мурлыкал себе под носик. Время от времени бабушка взглядывала на него поверх очков и говорила:

— Ах ты, мой шалунишка!

Вскоре маленькому непоседе играть наскучило, и он стал искать себе другое занятие. Мурлышка расхаживал туда-сюда по горнице и то и дело жаловался бабушке, что так долго

не приходят Пепик с Бобешем. И вдруг в головку ему пришла интересная мысль. Подпрыгнув от радости на одной лапке, Мурлышка разулся и в следующую минуту уже сидел на печи возле старушки! Прижавшись к ней, он погладил ее лапкой по натруженной руке и промурлыкал:

— Милая бабушка, ласскажите мне, позалуста, какую-нибудь интелесную сказоцку!

Бабушка подумала немного и сказала:

— Что ж, Мурлышка, ты славный котик, а раз так, хочешь, я расскажу тебе сказку про собачку с колокольчиком на хвосте?

— Хоцу, хоцу, бабушка лодненькая! Сколей лассказывайте!

И бабушка начала рассказывать.

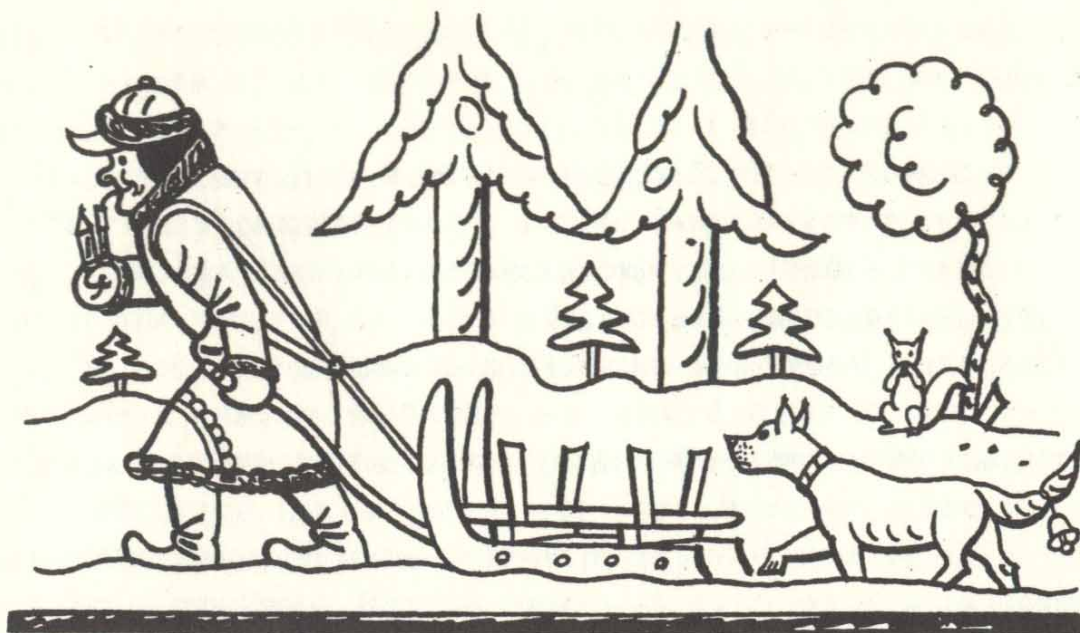
— В одной маленькой деревянной хижине жили-были старик со старухой. Как у всех дедушек и бабушек, в избушке у них было очень тепло и уютно. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока у стариков было чем топить печку.

Однажды зимой бабушка сунула в печь последнее полено, дедушка же не мог отправиться в лес за дровами: на дворе уже несколько дней свирепствовала пурга. Так в домике, что всегда был хорошо протоплен, неожиданно-негаданно поселился колючий холод. Бабушка сидела подле остывшей печи в своей старенькой кацавейке и вся дрожала от холода. Дедушка прохаживался по горнице, чтобы хоть немного согреться, и время от времени посматривал в оконце с четырьмя стеклышками, не утихает ли на дворе снежная вьюга.

«Ну и холод! — вздыхала бабушка. — Того и гляди расхвораешься!»

«Не каркай, старая! Этого только не хватало. Как я без тебя буду управляться по хозяйству? — испугался дедушка. — Похоже, метель уже стихает, пора нам с Жулькой отправляться в лес. Эй, Жулька! Вставай, лежебока, сейчас мы пойдем за дровами!»

Жулька недовольно заворчал, но все же выбежал из-под стола и перед дальней дорогой хорошенько потянулся. Дедушка надел свой старый тулуп, нацепил на голову облезлую шапку-ушанку с овчинной оторочкой и сунул руки

в теплые варежки. Потом он достал с полки какой-то предмет и, положив его в карман, спросил Жульку, мол, готов ли он к выходу. В ответ Жулька утвердительно помахал хвостиком.

«Ну, тогда с богом! Счастливо оставаться, старая! Не успеет кошка снести яйцо, как мы вернемся с дровами. И они снова будут весело потрескивать в печи!»

Выйдя во двор, дедушка выкатил из сарая санки и, перебросив ремешок от них через плечо, повез их вон со двора. Но Жулька продолжал стоять возле сарая, не двигаясь. Если можно так выразиться, он смотрел вослед дедушке, раскрыв пасть от удивления.

«Жулька, ко мне! — позвал дедушка. — Сегодня мы не берем топор и пилу. С ними только время потеряем, и наша бабушка может окоченеть от холода. Нынче я заполучу дрова иным способом».

Жулька в ответ не издал ни звука, но было видно, что его заинтриговало, каким образом собирается раздобыть дрова дедушка, и мысли об этом не давали ему покоя до самого леса.

На опушке дедушка привязал к хвосту собаки колокольчик (это и была та вещица, которую он положил дома к себе в карман) и повез санки в лес. Жулька бежал за хозяином, и колокольчик позванивал у него на хвосте: динь-динь-динь, динь-динь-динь! Не прошло, дорогие ребята, и пяти минут, как за ними уже прыгала любопытная белка! Такого она отродясь не видывала! Вроде бы обычная собака, но стоит ей

только помахать хвостом, тут же раздается: динь-динь-динь, динь-динь-динь!

Дедушка строго-настрого запретил Жульке обижать белку, и они двинулись по заснеженному лесу дальше. Вскоре за ними уже прыгала и другая белка, а когда они проезжали мимо густых зарослей кустарника, к их процессии присоединился еще и дикий кролик. А колокольчик все названивал: динь-динь-динь, динь-динь-динь! Жульку так и подмывало погонять зверьков по лесу, но дедушка приказал ему не оглядываться. Вслед за кроликом к необычной процессии пристроился заяц, чуть позднее еще один ушастый, а потом к ним навстречу из густого ельника выбежала косуля. Навострив ушки, она смотрела своими прекрасными глазами на странную процессию, и, похоже, приятный звук колокольчика ласкал ее слух. К своей косуле огромными прыжками приближался статный самец, словно бы опасаясь пропустить такое увлекательное зрелище.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь! — звенел колокольчик, и за спиной Жульки собиралось все больше и больше лесных зверей. Был там даже вечно угрюмый заспанный барсук. Он бурчал что-то об ужасной распущенности нынешней молодежи, которая постоянно поднимает их, барсуков, из зимней спячки, однако продолжал плестись вместе со всеми. Сладостное звучание колокольчика привлекло к себе внимание и великана рогача, оленя из старого заказника, и еще много других зверей.

Когда дедушка это заметил, он вывез санки из лесу и направился по дороге, ведущей в занесенные снегом поля. Тем временем Жулька предусмотрительно продолжал помахивать хвостиком, чтобы колокольчик не переставал звенеть ни на секунду и звери чередой следовали за ним и дальше. Тут из господского леса неожиданно выбежал старый лесник пан Казбунда и закричал дедушке:

«Постойте, дедуля, что вы делаете? Ведь вы так всю животину уведете из лесу! Елки-моталки! Его сиятельство князь сотворит из меня отбивную котлету, когда придет и не обнаружит здесь даже клеща!.. Сдается мне, дедуля, что вы приезжали в лес за дровами, а вот уходите без единого бревнышка, чего так? Возвращайтесь обратно, я подкину вам пару штучек, право, не идти же домой с пустыми руками!»

Дедушка молча развернул свои санки и снова повез их к лесу. Жульку поведение хозяина удивило, но и он не издал ни звука, продолжая помахивать хвостиком. Замыкая собой процессию, Казбунда внимательно следил за тем, чтобы вся лесная живность вернулась туда, откуда вышла, и, когда они поравнялись с ближайшей поленницей, уложил на дедушкины санки несколько превосходных бревнышек. Потом дедушка отвязал от хвоста Жульки чудодейственный колокольчик, поблагодарил лесника и бодро зашагал вместе с собакой к дому. Некоторое время звери провожали их взглядами, но колокольчик уже не звенел, и они разбежались по своим лесным домикам. Со спокойным сердцем отправился восвояси и лесник.

Придя к себе на дворик, дедушка взял пилу, напилит дров и быстренько разрубил их топором на мелкие части. Потом он набрал их целую охапку и поспешил в горницу. Увидев дедушку, бабушка очень обрадовалась. Она вытащила из тюфяка на кровати немного соломы, сложила ее пучком, и в выстуженной горнице тоже стало веселее, хотя печь, конечно, все еще была холодна. Но бабушка усердно подкладывала в нее полешки, дедушка же побежал во двор за новой охапкой дров, чтоб огонь, не дай бог, не погас. Мало-помалу печь нагревалась, и выстуженную дотопле горницу заливало желанное тепло. Бабушка грела свои занемевшие от холода руки над раскаленной плитой, а дедушка прислонился к теплой печи спиной. Однако просидел он так недолго. Вскоре спину начало жечь. Он встал и заходил по горнице.

«Как я соскучилась по теплу!» — радовалась бабушка, подкладывая в печь дровишки.

Радовался и дедушка.

«Елки-палки! Здорово горит! — восклицал он. — А знаешь что, старая, сообрази-ка нам кофейку!»

«Сейчас сделаю!» — охотно согласилась бабушка и пошла собирать все необходимое для приготовления хорошего кофе.

Не успел дедушка опомниться, как в горшочке уже закипала вода и в прогретой горнице раздавался приятный шум работающей кофемолки.

Дедушка занялся своей трубкой, чтоб набить ее до того, как выпьет кофе. И у него потекли слюнки, когда он увидел,

что бабушка заварила кофе и теперь придвигает горшочек к краю плиты, чтобы напиток устоялся. Потом бабушка поставила на стол две расписные кружечки и, положив в каждую из них сахар, разлила кофе. Напоследок она добавила в него молока, и тут в дверь кто-то постучал. Дедушка хотел было крикнуть: «Кого это там черти несут?!», но дверь распахнулась, и в горницу вбежали две девчушки, закутанные в теплые шерстяные платки.

«Добрый день, дедушка и бабушка!» — вежливо поздоровались девочки.

«Рады вас видеть, Аленка и Эвичка! — поприветствовали внучек старики. — Что это вы принесли нам в котомке?»

«Матушка посылает вам кулич! Она в обед его испекла», — объяснили девочки.

«Елки зеленые! Вот так удача! Бабушка как раз сварила кофе! А ну, малышки, выползайте-ка из своих платков, сейчас бабушка и вам нальет этого варева!»

Щечки у девчушек пылали с мороза как алые розочки. Когда они раскутались, бабушка усадила их за стол и налила обеим кофе в красивые расписные кружечки.

Ах, Мурлышка, если б ты знал, как вкусно было пить кофе с куличом!

Потом бабушка прибрала со стола, а дедушка закурил трубку. Он сделал несколько смачных затяжек и начал рассказывать Аленке с Эвичкой длинную волшебную сказку.

Когда бабушка закончила, Мурлышка снова прижался к ней и польстил:

— Милая бабуска, вы лассказали замечательную скаску! Плосто чудесную! А знаете сто, давайте-ка мы тозе затопим печьку, стобы у нас было так зе тепло и уютно, как у сказоцных дедуски с бабуской. И есе: плиготовьте мне, позалуста, вкусненького кофе!

Бабушка засмеялась.

— Только посмотрите на этого плутишку! Вот и рассказывай после этого интересные сказки! Ну да ладно, раз уж ты захотел кофейку, я с удовольствием сварю его для тебя!

И через минуту в горнице у бабушки все так же спорилось и благоухало, как в сказке. В печи весело потрескивали дрова,

а бабушка тем временем молола зерна на старенькой скрипучей кофемолке.

Письмо

Котенок Мурлышка очень быстро сделался всеобщим любимцем, и тем не менее у Швецов каждый день ждали, не вернется ли наконец Микеш из странствий. Трудно им было его забыть. Но вот минуло несколько недель, а Микеш все не приходил. И бабушка сказала Пепику:

— Сдается мне, голубчик, никогда больше не увидим мы своего шалуна. Не может быть, чтоб он так долго не возвращался домой из-за какого-то несчастного кувшина. Ведь он у нас такой умный котик! Порой мне даже кажется, что с ним произошла какая-то беда и он просто не может вернуться. Как бы ни было его жаль, внучек, надо нам думать теперь о Мурлышке, чтоб не остался он таким несмышленишем!

Но Пефик не забывал Микеша и изо дня в день рассказывал Мурлышке, какой это был героический котик.

— Учись хорошенько, чтобы побыстрее стать таким же молодцом. Чтобы я не краснел потом перед Микешем, когда он вернется и увидит тебя. Ты же должен встретить его приветливо, подать лапу и чмокнуть, ведь он как-никак твой дядя! — наставлял Пефик Мурлышку.

Однажды Пефик рассказал Мурлышке, как Микеш поймал портному Матехе сбежавшего кенара и в благодарность за это портной сшил ему красивое пальтишко. История с пальтишком очень понравилась котiku, и он твердо решил совершить такой же благородный поступок. С того дня Мурлышка частенько прогуливался около дома портного Матехи, отслеживая, не вылетел ли еще его кенар. Мысленно он уже представлял себе, как несет портному сбежавшего кенара и как тот снимает с него мерку на пальто.

В один прекрасный день его увидел там Франта Кулдан, и этот известный баловник задумал подшутить над доверчивым котиком. Он вынул из кармана деревянную птичку для игры в чижа и сказал Мурлышке:

— На, возьми! Отнеси эту птичку дядюшке Матехе! Сегодня утром она выпорхнула у него из клетки. И дядюшка

Матеха наверняка сошьет тебе такое же пальтишко, какое было у Микеша.

Простодушный Мурлышка схватил деревянного чижики и сломя голову бросился бежать к портному. А проказник Франта тем временем кувыркался на траве от радости, представляя, как портной выпроводит его веником из своей хижины. Мурлышка постучал в дверь Матехи и, когда портной отворил ее, вежливо поздоровался и сказал:

— Дядюшка Мацоха, я слышал, сто у вас улетела птичка! Так вот я ее поймал и тепель оценю хоцу, стоб вы ссыли мне класивое пальтиско, как дяде Микесу!

Наверное, дорогие ребята, вы уже решили, что дядюшка Матеха рассердился на Мурлышку и отлупил веником, не так ли? Нет, ребята! Дядюшка Матеха был человек умный, как всякий, кто прочитал много книг, а он на своем веку прочитал их достаточно. Портной взял у Мурлышки «чижики» и сказал:

— Ты, Мурлышка, хорошо поступаешь, возвращая найденное владельцу! Спасибо! И раз уж ты здесь, я прямо сейчас и сошью тебе пальтишко. Присядь-ка на стул. Ты и оглянуться не успеешь, как пальто будет готово!

Оно и правда, ребята! Через короткое время ловкий портной сшил из разноцветных лоскутков такое замечательное пальтишко, что на радостях котик прыгал чуть ли не до потолка. Мурлышка тут же примерил обновку, не забыв вежливо поблагодарить портного.

— Носи на здоровье! И впредь поступай так же честно. Запомни: будешь честным — далеко пойдешь! — сказал добрый портной и проводил сияющего от счастья Мурлышку до самых ворот.

Франта Кулдан с нетерпением ждал, когда выбежит от Матехи котик, и теперь, ребята, даже в лице изменился, увидев, что Мурлышка и впрямь шагает от портного в новеньком красивом пальтишке.

Озорник Франта весь позеленел от зависти и решил столкнуть котика в пруд Едлички, дабы в первый же день он выпачкал свою обновку! Франта крадучись двинулся вслед за Мурлышкой и уже хотел было спихнуть котика в воду, как вдруг некая сила оторвала его от земли и самого сбросила в пруд! Думаю, дорогие ребята, мне не стоит повторять

дважды, что это козел Бобеш защитил Мурлышку и наказал озорника Франту Кулдана!

В тот же день к Бобешу в гости пришел Пашик, чтобы поболтать о том о сем со старым другом. Козел сидел возле хлева на лавочке и расчесывал стареньким гребешком свою длинную бороду. Завидев Пашика, он приветливо поздоровался и освободил для него местечко рядом с собой.

— Давненько я у тебя не был, — начал разговор Пашик. — Все толстею, приятель, тяжело стало взбираться к вам на горушку. Так вот, значит, некоторое время назад наш несмышлениш прибегает домой в новом пальтишке, отдыхался немного и стал рассказывать, каким образом его получил и как негодник Франта Кулдан хотел столкнуть беднягу в пруд Едлички, чтобы попортить ему обновку. Я просто умирал со смеху, когда эта малявка описывала, как ты, дядюшка Бобеш, поддел его рогами и швырнул в пруд! Получилось, точно в поговорке: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь!» — С этими словами Пашик сел на лавочку рядом с Бобешем. — Какой замечательный вид открывается с этого места! А вот из моего хлева ничегошеньки не углядишь. Деревенская площадь видна отсюда как на ладони. Смотри, вон из корчмы Покорного вышел рассыльный Халупа! Идет прямо сюда! Наверное, несет тебе какое-нибудь письмо или деньги! — Пашик рассмеялся.

Вскоре, однако, друзьям стало не до смеха, когда они увидели, что рассыльный и вправду направляется к ним.

Бобеш так разволновался, что даже перестал чесать бороду, Пашик же то и дело теребил пятачок. Рассыльный был уже совсем рядом. На ходу он рылся в большой кожаной сумке и, подойдя к хлеву, вытащил из нее письмо.

— У меня тут послание для некоего пана козла Бобеша. Видно, это тебе, Бобеш. Другого козла с таким именем в нашей деревне нет! — сказал рассыльный, строго глядя на Бобеша сквозь очки.

— Вы правы, дядюшка Халупа! Во всей деревне только один козел Бобеш — это я. Однако, черт возьми, от кого же оно может быть?! — растерянно бормотал Бобеш. — Пожалуй, не от властей: в последнее время я не совершал ничего предосудительного, да и долгов за мной не числится. Дядюшка Халупа, а ведь я и читать-то не умею!

— Не так-то просто разобрать эти каракули! — проворчал рассыльный. — Написано как кошка лапой!

Уважаемому пану
панову Бобешу
козлу дядюшки
Машиновского
Трусницы г. 17
П/о Мнихавиц

— Елки-палки-моталки! — вскричал Бобеш. — Наверняка это письмо от Микеша! Пашик, — слышишь ты, старый плут? — Микеш пишет!

Вытаращив глаза, Пашик непонимающе смотрел на Бобеша и вдруг, подпрыгнув от радости, завизжал: «И-и-и!»

Бобеш поблагодарил рассыльного за доставку письма. Некоторое время козел еще разглядывал таинственное послание, нервно теребя свою длинную бороду, а потом

неожиданно сорвался с места и припустил по склону горушки к Швецам, да так резво, что толстый Пашик едва поспевал за другом.

Приготовления к торжественной встрече

В ту минуту, когда рассыльный принес Бобешу таинственное письмо, бабушка с Пепиком пилили во дворе дрова, а маленький Мурлышка прыгал тем временем через канавку. Он был очень доволен своими успехами и то и дело кричал Пепику:

— Смотри, Пепик, как я сейчас прыгну!

Вдруг бабушка с Пепиком перестали пилить и удивленно посмотрели в сторону домика пастуха. Оттуда, с горушки, сбегали Бобеш с Пашиком. Никогда прежде они не бегали так быстро. Бобеш размахивал каким-то листком и орал:

— Бабушка, Пепик, Мурлышка! Микеш прислал весточку! Только что дядюшка Халупа принес нам это письмо!

Руки у бабушки опустились, ее старческий подбородок задрожал. От волнения она не могла вымолвить ни единого слова.

Зато Пепик с радостным криком бросился навстречу Бобешу.

— Это правда, Бобеш, ты не врешь?! Скажи, ты нас не разыгрываешь?! Помни, ведь я собирался подарить тебе свой новый волчок и дверцу от печки!

— Никого я не разыгрываю! Смотри, вот почтовый штемпель! Какие могут быть шуточки с письмами, которые приносит рассыльный. Стал бы я нестись сюда как угорелый! — кричал Бобеш.

Ему вторил Пашик:

— Это не розыгрыш, Пепик! Самое настоящее письмо от всамделишного Микеша! — При этом глаза у Пашика были широко раскрыты, а сам он задыхался от волнения.

Буквально вырвав письмо у Бобеша, Пепик посмотрел на адрес и, когда увидел, что Микеш пишет козлу, спросил, может ли он его вскрыть.

— Разумеется, и поскорее! Ведь я все равно бы его не прочел!

Не сказав больше ни слова, Пепик как ветер рванул домой за ножницами. Бобеш с Пашиком едва за ним поспевали. И еще прежде чем они успели рассказать ошеломленной бабушке, как получили письмо, Пепик уже бегом возвращался из домика, размахивая над головой открытым конвертом.

— Ура! Бабушка, ура! Это правда! Микеш жив и пишет, что скоро приедет! Ура!— кричал Пепик на всю деревню.

— Так, значит, он жив! И скоро я снова увижу своего милого шалуна! Даже не верится!— радовалась со слезами на глазах бабушка, и ее сцепленные руки дрожали от сильного волнения.

— Сейчас я прочту его, бабушка, и вы сами убедитесь в этом!

И Пепик начал читать:

Фараою Бобеш!

Кланяюсь тебе тысячу раз я жюф
и здароф работало украйтими
в цюрке Клуцкогю в Брандсе
мне очень тут харашо уже
заработал несколько горшков
денек Вам передают
приветин слон Брундибар
обезьяна Калаба и мюветс
Минга. Сгора приеду
саскумил
Ваш Микеш
украйтими

— Ну, бабушка, убедились теперь, что это чистая правда?!— ликовал Пепик и тут же, не выпуская письма из рук, запрыгал на одной ноге вокруг бабушки, чурок и напиленных дров. Первым его примеру последовал козел Бобеш, а потом к ним присоединился и толстый, неуклюжий Пашик. Все они громко кричали: «Ра-та-та! Ра-та-та!» Бабушка наблюдала за ними, сложив ладони, а Мурлышка, широко раскрыв ротик.

На другой день уже вся деревня знала, что Микеш возвращается. Всяк, кто проходил мимо домика Швецов, заглядывал к ним на двор или в горницу и спрашивал, мол, правда ли, что от Микеша пришло письмо. И когда бабушка охотно предъявляла гостям конверт с листком, соседи и соседки сначала внимательно изучали, а потом говорили примерно так:

— В самом деле, провалиться нам на этом месте, если это письмо не от Микеша! Как мы рады, что наш мазурик возвращается! Ведь и мы, бабушка, очень скучали по нему, к тому же теперь у него такая слава! Этакого молодца котика, который и разговаривает, и пишет, словно пан профессор какой, ни в одной окрестной деревне не сыщешь! Да, пожалуй, и в Ондржейове не будет — а это город все-таки!

В тот же день в хлеву у Пашика друзья держали совет, как встретить Микеша поторжественнее. Пашик предложил установить между домами Шобра и Франтака, на улочке, по которой Микеш уходил странствовать, триумфальные ворота и там встречать Микеша вместе с оркестром пана Гладика.

— Но мы не знаем, когда именно он придет!— заметил Пепик.

— Ничего страшного!— махнул копытцем Пашик.— Мы все вместе будем собираться там каждый день около полудня. Ведь Микеш ушел в полдень, значит — в полдень и вернется. Вот увидите, когда-нибудь мы его тамждемся.

— Так не годится, Пашик! — проворчал Бобеш. — Оркестр пана Гладика обойдется нам по меньшей мере в сто сорок крон*, если он будет ходить туда хотя бы две недели подряд. Но вот триумфальные воротца мы установить можем.

— Не забывайте также, — продолжал Пашик, — что Мурлышка должен бы выучить какое-нибудь хорошее стихотворение для приветствия. Оно будет очень кстати. Кроме того, Мурлышку следует еще надоумить, как повежливее обратиться к дядюшке Микешу.

— А я уже знаю холосый стисок! — отозвался Мурлышка.

— Расскажи его нам, Мурлышка! Давай свое стихотворение! — сказал Пепик.

И котик начал:

Наса коска Мулоцка...

— Нет, не пойдет! — перебил его Пашик. — Этому стишку мы будем учить тебя до морковкина заговенья!

— Тогда, может быть, подойдет это, — серьезно сказал Бобеш и продекламировал:

Лезет пес в окно, кошка — в щелку,
Дождичек не брызнет, не намочит холку!

— Тоже не годится! — заявил в сердцах Пашик. — Ну к чему нам прославлять какого-то чужого пса?! Нам нужны стихи о героическом котике, а не эта собачья чушь! По глупому своему разумению, я бы предложил вот что:

Мама, папа, там в чуланемышь!
Надо бы кота позвать,
Чтобы мышку ту прогнать!
Мама, папа, там в чуланемышь!

— Молодчина, Пашик! — закричали Пепик с Бобешем. — Годится, самое то! Выучи его, Мурлышка, чтоб от зубов отскакивало! Пашик повторит его для тебя столько раз, сколько потребуется! А когда придет дядюшка Микеш, ты

* К р о н а — денежная единица.

сначала подашь ему лапку, подаришь свой поцелуй, а потом сразу начинай рассказывать этот стишок!

— А что такое поцелуй? — спросил Мурлышка. — У меня ничего похожего нет!

— Вот дурья башка, — рассердился Пашик. — Помяните мое слово, этот молокосос все только испортит! Еще разозлит Микеша, и он снова уйдет странствовать!

— Ничего он не испортит! — вступился за Мурлышку Пепик. — Мы прямо сейчас его и проэкзаменуем! Ты, Бобеш, отойди к той груше и как бы возвращайся домой из странствий. Когда ты приблизишься к нам, Мурлышка тебя поцелует в ногу!

Бобеш направился к грушевому дереву, выбрал там среди дров увесистую палку и пошел с ней обратно. Он шагал, размахивая на ходу своим посохом, точно дядюшка Швигла, идущий домой с бенешовской ярмарки.

— Давай, Мурлышка, иди ему навстречу, возьми дядюшку Бобеша за переднюю ногу, поцелуй ее и вежливо скажи:

— Добро пожаловать, дядюшка Микеш!

С этой задачей Мурлышка справился превосходно.

— Ура! — закричали Пепик с Пашиком. — Все идет хорошо! Только бы не раздумал прийти Микеш!

Микеш дома!

Примерно через неделю после того, как друзья получили письмо от Микеша, Пашик поутру пригласил к себе Пепика и, сделав большие глаза, сообщил ему:

— Сегодня ночью я видел сон, будто приходит ко мне в хлев Микеш и говорит: «Завтра я в самом деле возвращаюсь домой! Ждите меня к обеду и не забудьте приготовить для встречи кашу из картофеля и крупы!» Одет Микеш был по праздничному, и обезьяна-слуга несла за ним следом огромный чемоданище. Потом они оба забрались в свой чемодан, он сам собой захлопнулся и выбежал из деревни по улочке, пролегающей между домами Шобра и Франтака. На бегу чемодан квакал, точно лягушка!

— Это вещий сон, Пашик! — выпалил Пепик. — Микеш дает нам знать, откуда он появится. Теперь всем нам нужно хорошенько потрудиться, чтобы завтра к полудню триумфальные воротца были непременно готовы. Я сейчас же бегу за Бобешем!

Когда Пепик убежал на горюшку пастуха, Пашик взял веник и начал убирать хлев. Он чисто подмел его, настелил свежей соломы и в каждый угол поставил по еловой лапке, что насобирал в куче хвороста во дворе. При этом он бурчал себе под пятак:

— В хлеву должен быть образцовый порядок. Микеш наверняка зайдет в гости, и я сквозь землю провалюсь со стыда, ежели он обо что-нибудь здесь испачкается. Микеш непременно будет в нарядном платье, ведь он работал укротителем и жил в хоромах из чистого золота!

Между тем подросли и Пепик с Бобешем, и трое друзей принялись мастерить триумфальные воротца. Пепик принес из кучи хвороста два тонких ореховых ствола и ловкими движениями дважды надрезал их вкруговую снизу доверху. Потом отделил от каждого ствола полоски коры, и у него получились две бело-зеленые жерди. Верхние концы их он соединил длинной прочной веревкой и подвязал к ней еловые ветки, цветы и разные другие украшения, вырезанные из цветной бумаги. К вечеру триумфальные воротца были готовы. Утром следующего дня друзья осторожно подняли их и околицей потащили на ту самую ведущую в поля улочку

между дворами Шобра и Франтака. Устанавливал воротца Пепик. Одну жердь он привязал к забору Шобра, другую к изгороди Франтака таким образом, чтобы веревка с украшениями из хвойных лапок, цветов и прочего оказалась натянутой над тропой, разделяющей оба двора. Все трое остались очень довольны своим изобретением.

— Представляю, как удивится Микеш нашему сюрпризу! — ликовал Пашик, прохаживаясь под воротцами взад и вперед и не сводя с них восторженных глаз.

Тем временем Пепик, взобравшись на деревянный столбик забора, перебирал на губной гармонике различные мелодии, отыскивая ту, которая наиболее подошла бы для торжественной встречи.

Бобеш был сильно взволнован всеми этими приготовлениями. Он беспрестанно теребил свою длинную бороду и то и дело посматривал в сторону Мышлина, не появилась ли на каком-нибудь из полей черная фигурка Микеша.

Был уже почти полдень, когда Пашик вдруг хлопнул себя копытцем по лбу и воскликнул:

— Ах я балда! Ведь Микеш в моем сне сказал, что хотел бы поесть каши из картофеля и крупы. Пепик, скорее беги домой и скажи бабушке, чтоб она приготовила ее на обед!

Перестав играть, Пепик спрыгнул с забора и вприпрыжку побежал домой. Оба друга провожали его взглядом, пока он не скрылся за углом хижины Шобра. Потом они забрались на высокую межу и стали смотреть в сторону Мышлина, не идет ли Микеш. Обоих удивляло, что Пепик так долго не возвращается.

Неожиданно у себя за спиной они услышали крик, а когда оглянулись, увидели Пепика, что стоял возле хижины Шобра и, сложив ладони рупором, кричал им что было сил:

— Пашик, Бобеш, скорее домой! Микеш уже там!

Друзья замерли в оцепенении, словно в них угодили старыми шлепанцами. С минуту они молча таращили глаза друг на друга, а потом, подумав, как видно, об одном и том же, бросились к жердям триумфальных воротец, отодрали их от оград и вместе с ними побежали к дому. Толстенный Пашик едва поспевал на своих коротких ножках за Бобешем и пыхтел как паровоз.

— Елки-моталки! — кричал в сердцах Бобеш. — Вот так встретили! Микеш уже давно дома, а мы стоим и палимся черте куда!

Вдруг — словно из-под земли вырос — появился Франта Кулдан и вбежал прямо под триумфальные воротца. Два друга хотели было вырваться вперед и удрать от него, да не тут-то было: разве на одних задних ножках обгонишь такого резвого сорванца?!

Баловник Франта продолжал бежать под триумфальными воротцами, создавая тем самым впечатление, будто Пашик с Бобешем с почестями провожают его домой. Это его-то, неряху Франту Кулдана! Пашик прямо-таки задыхался от злости, а Бобеш сверкал глазами, точно сам дьявол. Но Франта Кулдан не придавал этому никакого значения.

Когда же они бежали по склону от пруда Стрнада к ручью, Бобешу пришла в голову дельная мысль, как избавиться от Франты. Он незаметно подал знак Пашику и, увидев, что кабанчик догадался о его намерениях, резко затормозил и пригнул жердь с украшенной веревкой к земле. Не ожидавший подвоха баловник Франта споткнулся о веревку и кубарем полетел в ручей. Когда он выкарабкался оттуда, Бобеш с Пашиком уже вбегали на двор Швецов.

А посреди него стоял так часто оплакиваемый ими, столь долгожданный и наконец-то нашедшийся их друг Микеш! Уже по одному его виду можно был заключить, что у себя в цирке он был большим паном. На Микеше были новые сапоги со шпорами, великолепные красные панталоны с вышивкой, такая же шапочка и всамделишные очки. Бабушка просто наглядеться на него не могла! Она гладила его по головке и приговаривала:

— Вот ты и снова дома, шалунишка мой ненаглядный! — И при этом бедная старушка плакала от радости.

Пепик тоже его гладил, тряс ему лапу и то и дело восхищался его нарядом. Он буквально сдувал пылинки с его панталон, поправлял ему шапку, а потом на радостях запрыгал вокруг Микеша на одной ноге.

Микеш был тоже очень растроган. Маленьким платочком он утирал навернувшиеся на глаза слезы, гладил лапкой натруженную бабушкину руку и едва ли не каждую минуту почтительно ее целовал. И при этом еще мудро заметил:

— В гостях хорошо, а дома лучше, родная моя бабушка!

Тут-то и явились Пашик с Бобешем. Подбежав к Микешу, они встали от него по обе стороны и водрузили над ним триумфальные воротца. Пепик тотчас же перестал прыгать, вытащил из кармана губную гармонику и заиграл заранее приготовленную для этого торжественного момента проникновенную мелодию: «Я странствовал, играла музыка».

Когда Пепик закончил играть, Пашик с Бобешем прислонили воротца к стене дома, и состоялась наконец трогательная встреча двух наших знакомцев со своим милым, добрым другом котиком Микешем.

Каждый из них норовил первым обнять и погладить котика. При этом Бобеш то и дело повторял: «Неужели ж ты снова с нами, чертяка наш драгоценный?!», а Пашик, совершенно потерявший голову от радости, лишь трогательно повизгивал. Бедная бабушка была настолько взволнована происходящим, что пошла и присела возле дома на скамеечку. Прежде других овладел собой Микеш. Он поблагодарил всех за сердечную встречу и сказал:

— Ну а теперь пойдёте в горницу! Полно людей смешить. Взгляните, сколько их собралось, вся деревня на нас смотрит. К тому же я хотел бы немного отдохнуть!

Потом он повернулся к носильщику, который стоял на дороге возле большой тележки, доверху нагруженной разного рода коробками, и крикнул ему:

— Эй! Подвезите, пожалуйста, вещи к дому!

Лишь сейчас все заметили, сколько их привез с собой Микеш, и охотно помогли ему перетащить пакеты в дом. Повозиться пришлось изрядно. Глядя на такое множество вещей, бабушка только разводила руками. Микеш же держался как важный пан и то и дело подкручивал себе усы. А когда все вещи были перенесены в дом, он сунул лапку в карман, достал большущий кошелек и расплатился с носильщиком. По-видимому, вознаграждение было щедрым: носильщик поклонился Микешу, козырнул и громко, чтобы слышали все соседи и соседки, сказал:

— Весьма признателен, сударь!

Когда он увез пустую тележку со двора, все пошли в дом.

Микеш вручает подарки

Очутившись в горнице, Микеш настолько растрогался, что поначалу даже утратил дар речи. Потом он вытер лапкой наворачнувшиеся на глаза слезы и проговорил дрогнувшим голосом:

— Как я рад, что снова дома! В гостях хорошо, а дома все-таки лучше!

Все присутствующие в знак согласия закивали головами. Бабушка торопливо смахнула передником пыль с табуретки, чтобы ее славный котик присел отдохнуть после дальней дороги, но Микеш направился к груде коробок и свертков со словами:

— Сначала, бабушка, разберемся с подарками и другими вещами, а то тут шагу ступить нельзя.

— Тебе виднее, Микеш,— согласилась бабушка, и все обступили котика, чтобы помочь ему распаковывать вещи.

Пепик перерезал ножиком веревку на одной из коробочек, и когда Микеш собирался уже открыть крышку, дверь неожиданно распахнулась и на пороге возникла маленькая фигурка котика Мурлышки. Едва притворив дверь, запыхавшийся от бега Мурлышка затараторил:

— Мама, папа, там в цулане мыс!

— Что такое?! А ну покажи где!— вскричал Микеш и, отбросив коробку в сторону, метнулся к двери.— Стоило мне уйти, как тут и мыши завелись!

— Подожди, Микеш, не ходи никуда!— окликнул его Бобеш и, в несколько крупных прыжков нагнав котика, схватил его возле порога за фалду и потащил обратно.

— Говорил я вам, что этот молокосос все испортит!— кричал Пашик, чуть не плача с досады.— Не поверили мне, вот и получите! Какой позор! Теперь хоть пяточка не кажи из хлева!

— Не сердись, Пашик! Сейчас все уладим! — успокаивал кабанчика Бобеш.

Микеш смотрел на них, раскрыв рот от удивления. Он не понимал, что происходит. В эту минуту к Микешу подошел Мурлышка и, поцеловав ему лапу, затараторил:

— Добло позаловать, дядюска Микес! Надо бы кота позвать, стобы мыску ту плогнуть!

— Вот дубина стоеросовая! Люди хорошие, держите меня, или я за себя не ручаюсь! — визжал Пашик. — Я не останусь здесь и пяти минут, слышите?! Уложу корытце в мешок и пойду странствовать, как тот кабанчик у Халупы!

Тут Микеш подошел к нему и сказал:

— Пашик, неужели ты это сделаешь? Мы с тобой только встретились, а ты уже собираешься уходить! Я так скучал по тебе!

Устыдившись, Пашик поспешил оправдаться:

— Ты прекрасно знаешь, дружище, никуда я не пойду. Просто этот молокосос ужасно разозлил меня. Я так долго его учил, как тебя поприветствовать, а он взял и все испортил!

— Здорово у тебя получилось! — похвалил Микеш маленького котика. — Виданное ли дело?! От горшка два вершка, а как превосходно разговаривает! Скажи, как тебя зовут?

— Муллыска, дядюска!

— Мурлышка? Что ж, Мурлышка, надо бы чем-нибудь отметить твои старания. — Пашик буркнул что-то про веник, но Микеш достал из кармана кошелек, вынул из него крону и протянул монетку Мурлышке. — Возьми, купи себе каких-нибудь сладостей!

— Большое спасибо! — вежливо поблагодарил Мурлышка Микеша и поскорее спрятал крону в кармашек, как бы опасаясь, что дядюшка может раздумать.

Напоследок Микеш погладил котика по головке и снова подошел к груде коробок и свертков. Пепик ловко перерезал веревки, а все остальные помогали Микешу распаковывать подарки. Ах, ребята, каких только красивых и полезных вещей там не было! В нескольких коробочках лежали продукты, необходимые бабушке на кухне: сахар, кофе, рис,

цикорий, разные пряности и многое другое. В одной большой коробке помещались шоколад, финики, инжир, апельсины и кулечки с конфетами. В свертках находились отрезки на платье, теплые платки, шарфы и еще много всяких полезных вещей.

Затем пришла очередь подарков, привезенных Микешем для каждого в отдельности: Пепик получил губную гармонику, краски и бумагу для рисования, а также шапку с великолепным птичьим пером. Бабушка — несколько пар очков, на будни и на праздники. Бобешу Микеш купил большое зеркало и гребень, чтобы всякий раз, когда козел соберется в гости, он мог красиво уложить бороду. Но самую большую радость Микеш доставил Пашику. Кабанчик даже расчувствовался от умиления, когда Микеш подавал ему коробочку, в которой лежали настенные часы с кукушкой, маятником и гирями. Поблагодарив Микеша за подарок, Пашик пообещал ему, что будет беречь их как зеницу ока и спать отныне будет перед хлевом, чтобы не задеть и не сбить их ночью.

Не забыл Микеш и о дядюшке пастухе. Он привез ему трубку, разноцветные щеточки к ней и много упаковок табаку. Удивляясь такому обилию подарков, бабушка то и дело разводила руками и приговаривала:

— Сколько вещей! Сколько вещей! Где же ты на все это деньги взял, добрая душа?

— Не беспокойтесь, бабушка! Деньги на них я заработал честно. Посмотрите лучше, чего я еще привез. Ведь это из-за него я ушел из дому: чтобы принести новый, коли уж по неосторожности лишил вас старого!

С этими словами наш славный Микеш распаковал сверток и протянул бабушке красивый новый кувшин! Однако взять его бабушка не смогла. Микешу пришлось поставить свой кувшин на лавку: у растроганной старушки так тряслись руки, что она наверняка выронила бы этого красавца.

— Шалунишка мой ненаглядный,— причитала бабушка,— стало быть, ты ушел только из-за того, чтобы заработать мне на новый кувшин?

— Не только, бабушка,— нашелся Микеш.— Затем еще, чтобы посмотреть мир и кое-что испытать в жизни. Потому что тот, кто все время валяется на печи, никогда ничего не добьется!

В эту самую минуту дверь распахнулась, и в горницу вбежала орава мальчишек и девчонок. Все они трясли Микешу лапку, поздравляли его с возвращением и наперебой спрашивали, как ему жилось в чужих краях и где он успел побывать. Микеша очень обрадовала встреча с ребятами, и когда он заметил, что кое-кто из детей уже косит глазки на коробки с подарками, то взял одну коробочку со сладостями и вручил каждому по кулечку конфет. Досталось конфет и Франте Кулдану, хотя Пашик с Бобешем проворчали, что, мол, за все те прегрешения, которые он совершил, его скорее следовало бы искупать в пруду, нежели одаривать. Но добряк Микеш только лапкой махнул в ответ, как бы говоря: «Давайте забудем сегодня все прежние обиды!»

Когда ребята разбежались по домам, чтобы похвастаться там подаренными конфетами, наши друзья снова занялись распаковкой подарков. Они настолько увлеклись этой приятной работой, что даже не заметили, как в горнице появился маленький старичок с длинной седой бородой. Лишь после того, как дедушка тонким голоском попросил, чтобы они и ему подарили что-нибудь на память, друзья прервали свое занятие и с удивлением посмотрели в его сторону. Микеш порылся в коробке, где у него лежали подарки, приготовленные для взрослых, и вытащил из нее небольшой пакетик.

— Возьмите, пожалуйста!— вежливо сказал он, протягивая подарок старичку.— Это лучший нюхательный табак для дедушек.

— Не хочу нюхательный табак!— проговорил старичок тонким голоском.— Я хотел бы конфеток.

— Что за странное желание, дедушка?!— удивился Микеш.— У вас и зубов-то, наверное, нет!

— Как так нет!— закричал старичок.— А это что?!— И, открыв рот, он показал два ряда великолепных белых зубиков.

Они сверкали словно маленькие жемчужины, и все очень удивились, как это старичку удалось сохранить свои зубы такими здоровыми. Любопытный Бобеш вплотную приблизился к гостю, чтобы получше разглядеть его превосходные зубки, но едва он взял старичка за бороду, как она отпала, и перед изумленными взорами наших друзей предстал Франта Кулдан.

— Елки-моталки! — вскричал Бобеш. — Ах ты плут! Нарядился, значит, стариком, чтобы еще раз получить конфеты! — И Бобеш хотел уже было поднять его на рога, однако Франта не стал этого дожидаться, выпрыгнул за дверь и был таков.

Бобеш собрался бежать за озорником, но Микеш остановил друга:

— Не надо, Бобеш! Стоит ли портить себе праздник из-за какого-то противного мальчишки!

Козел послушался, однако проворчал:

— Ничего, я еще покажу негоднику, как кланчить конфеты!

Сказка про шарманку Вертиручку

Когда Микеш и бабушка закончили разбирать подарки, все устроились у печи на лавочках отдохнуть. Отдыха не получилось только у Микеша. Ребята еще долго приходили к ним в гости, чтобы поприветствовать своего любимца и сказать, как они по нему соскучились. Заглядывали к Швецам и соседи с соседками; всяк из них тряс Микешу лапу, словно какому-нибудь пану.

Лишь к вечеру котик смог наконец улечься на свою любимую печку. И тогда все остальные вышли из горницы, дабы в полной тишине он хорошенько выпался после долгой и утомительной дороги. Бабушка не стала будить его даже к ужину и по горнице ходила на цыпочках, чтобы не

потревожить сна котика. Правда, один раз она не выдержала и рассмеялась, когда Микеш пробормотал сквозь сон: «Этот поезд в самом деле идет в Табор, пан проводник? А то еще завезете меня к черту на кулички!»

Собравшись на боковую, Пепик лез к нему на печь потихонечку и укладывался рядышком с большой осторожностью, чтобы не задеть ненароком. И когда он уже думал, что проделал все наилучшим образом, Микеш вдруг повернулся к нему и шепнул мальчику на ухо:

— Пепик, будь добр, расскажи, пожалуйста, какую-нибудь сказку!

— Вот те на! — усмехнулся Пепик. — Я тут крадусь, понимаешь, точно вор, чтобы не разбудить его, а он, плут этакий, оказывается, не спит и ждет от меня сказки!

— Пепик, ну расскажи! Если б ты знал, как давно я мечтал о той минуте, когда мы снова уляжемся с тобой на печи и ты, как в старые добрые времена, расскажешь мне на сон грядущий удивительную историю, — продолжал Микеш.

— Ты ведь знаешь, Микеш, что я всегда с удовольствием рассказывал тебе сказки. И одну такую историю я приготовил для тебя сразу, как только узнал из письма, что ты возвращаешься.

— Ну, начинай же! — нетерпеливо попросил Микеш.

— Да я уже и начал. Помнишь, Микеш, дядюшку Бабачека? Впрочем, как его не помнить! Ведь шарманщик с давних пор останавливается на ночлег в нашем сарае. Просыпаясь по утрам, он всякий раз играет для бабушки какую-нибудь веселую мелодию и лишь потом везет свою шарманку на другой двор.

Дядюшка Бабачек зовет шарманку Вертиручкой. Он ее очень любит и утверждает, будто она даже умеет разговаривать. Сам я никогда не слыхал, чтоб она разговаривала, и решил было, что она обыкновенная старая бука, вроде нашего дядюшки Нерейды. Как бы там ни было, Микеш, глухой-то она уж точно не была. Однажды под вечер шарманщик Бабачек вновь прикатил ее к нам в сарай и сказал бабушке, что ему нужно отлучиться к старосте. Но прежде чем уйти, дядюшка Бабачек подошел к своей

шарманке, и я отчетливо услышал, как он шепчет ей в правый боковой карман: «Вертиручка! Я ухожу к пану старосте. Если за время моего отсутствия кто-нибудь тебя обидит, ты скажешь мне, и я сыграю ему такую плясовую, что уши отсохнут!»

У меня, Микеш, и в мыслях не было озорничать с Вертиручкой, но едва дядюшка Бабачек ушел со двора, как к нашему сараю подошли два известных проказника с Буланки — Франта Кулдан и Вашек Шорейс. Они уговорились забраться в сарай, снять шарманку с тележки, отправиться вместе с тележкой на пригорок Шобра и кататься до тех пор, пока дядюшка Бабачек не вернется от пана старосты.

Стоя в сенях, я слышал каждое их слово. И тут же пошел в сарай предупредить Вертиручку, что ее ожидает. Об этом я буквально кричал в ее правый карман, чтобы меня слышали и двое баловников с Буланки.

«Тетушка, Франта Кулдан и Вашек Шорейс хотят снять вас с тележки и потом кататься на ней с пригорка! Будьте осторожны!»

Затем я вышел из сарая и показал безобразникам фигу. Разумеется, это их ужасно разозлило. Они буркнули что-то в ответ и о чем-то зашептались друг с другом. А после — как бы тебе такое понравилось? — один из охламонов, Вашек Шорейс, вошел в наш сарай и тоже закричал Вертиручке в правый карман:

«Все это враки, тетушка! Мальчишка Швец лжет как сивый мерин!»

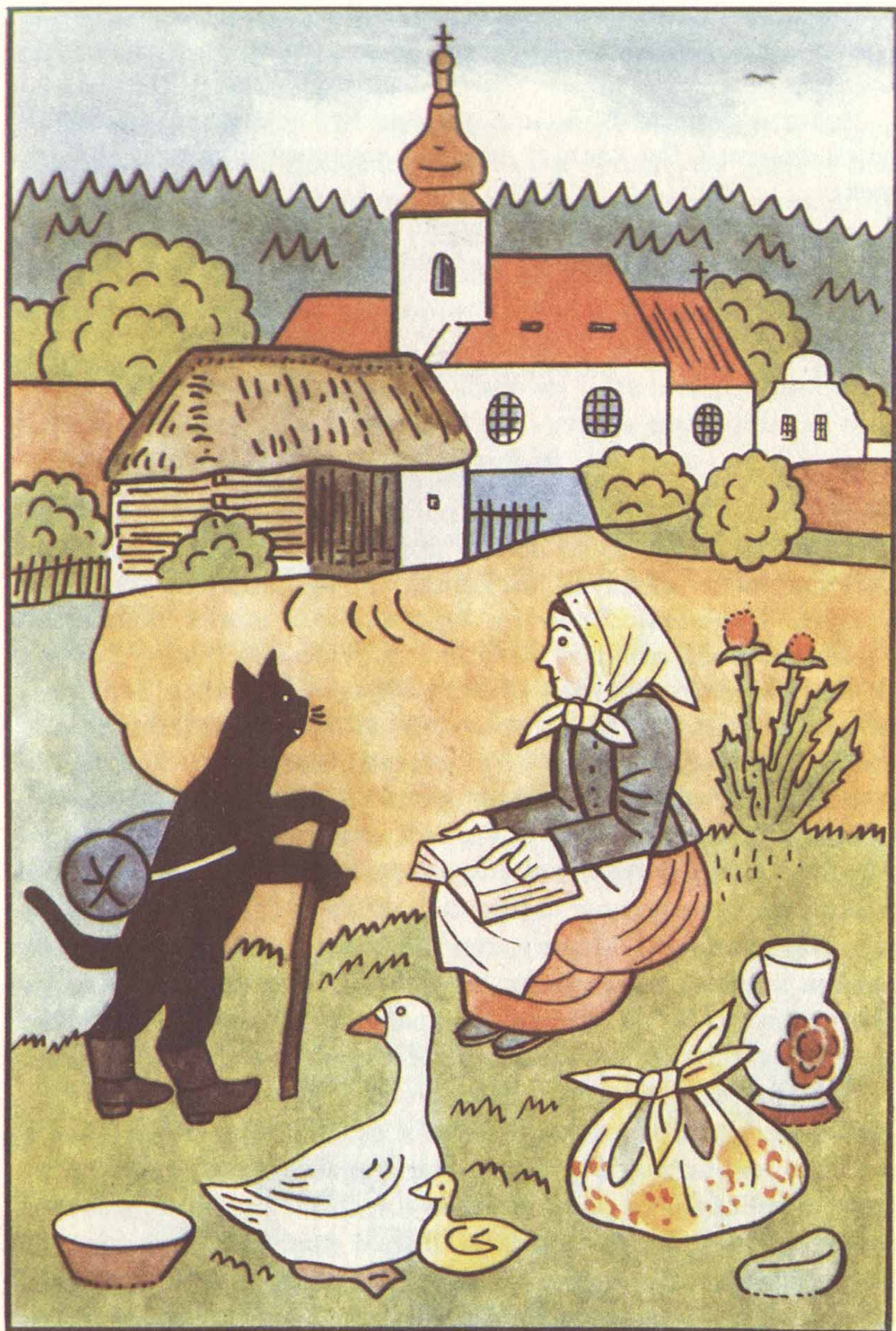
Едва он сказал это, как получил от ручки шарманки такую сильную затрещину, что пулей вылетел из сарая и со всех ног бросился домой на Буланку!

Дорогие ребята! Видели б вы, как тут заерзал Микеш под своим одеялом. Он хлопал по нему лапками и шептал сквозь смех:

— Ты, Пепик, и впрямь рассказал замечательную сказку про шарманку дядюшки Бабачека. Давненько я так не веселился!

— Подожди, Микеш, она еще не закончилась. Это было только начало! — урезонил котика Пепик и продолжал:

— Однажды ночью, примерно месяц тому назад, дядюшка Бабачек в нашем сарае расхворался. Поутру бабушка очень удивилась, что он до сих пор не встал и не играет, как обычно, свою веселую мелодию, и направилась к нему в сарай. Дядюшка Бабачек, будучи не в силах подняться с соломы, пожаловался бабушке на сильные боли. Добрая бабушка приготовила ему отвар из трав и выразила надежду, что уже к полудню бедняге станет легче. Однако самочувствие его не улучшилось и к вечеру; тщетно бабушка заваривала все новые и новые травы — отвары не помогали. Дядюшка простонал всю ночь, весь следующий день, но и на третий день ему по-прежнему было плохо. Его горестные вздохи были слышны даже во дворе и вызвали к нему сильную жалость. Между тем дядюшку Бабачека мучили уже не столько сами боли, сколько сознание того, что он понапрасну лежит в сарае и не заработал еще ни гроша, тогда как дома голодные дети с нетерпением ждут его возвращения. И тут, дорогой Микеш, произошло нечто совершенно невероятное. Дело в том, что добрая старая шарманка Вертиручка, которая все это время ни на шаг не отъезжала от дядюшки Бабачека, внимательно следила, когда же наконец ему полегчает и он уснет. А потом она отворила ручкой дверцу сарая и незаметно выехала на двор. Там Вертиручка постояла минуту-другую, размышляя, куда бы поехать, затем осторожно переехала через мосток и покатилась вверх по дороге к деревенской площади.

Милая старая шарманка Вертиручка благополучно добралась до самой богатой в деревне усадьбы Бартошей. Въехав во двор, она выбрала для себя возле двери дома ровное местечко и остановилась. Отдышавшись немного, шарманка завертела ручкой и начала играть. Когда она доиграла первую мелодию, из дому вышла хозяйка Барташова. Женщина принесла с собой в мешочке немного муки, однако, не увидев рядом с шарманкой дядюшки Бабачека, очень удивилась и стала озираться по сторонам.

«А где же сам дядюшка?» — спросила она Вертиручку.

«О, добрая женщина, мой бедный хозяин лежит в сарае у Швецов и так стонет, так стонет, что я уже боюсь, как бы он всерьез не разболелся. Лежит он там в одиночестве, а дома тетушка Бабачкова с ребятами ждут не дождутся, когда он придет и принесет им, голодным, крейцер-другой», — отвечала умная Вертиручка.

«Так, значит, он расхворался, бедняга, — пожалела дядюшку хозяйка. — И теперь ты сама едешь по деревне и играешь, да?»

«Что же оставалось делать, хозяйюшка, ведь он и подняться-то не в силах! Взяла вот и попробовала, вроде бы неплохо получается», — ответила Вертиручка и заиграла новую мелодию.

«Надо же, какая ты мастерица!» — похвалила хозяйка Вертиручку.

А когда шарманка закончила играть, она открыла кошелек и в придачу к муке дала ей еще несколько крейцеров. Обрадованная Вертиручка поблагодарила хозяйку и, попрощавшись с ней, бодро тронулась к другой усадьбе. Радовалась шарманка и тому, что дети были в школе и не донимали ее своими преследованиями.

Я не стану рассказывать тебе, Микеш, как шли у нее дела дальше и сколько всего она заработала, одним словом — немало. Во всех дворах люди поначалу очень удивлялись, что Вертиручка разъезжает по деревне одна, но когда они узнавали, что дядюшка Бабачек лежит в сарае у Швецов больной, то хвалили ее за помощь и давали двойное вознаграждение. Так к полудню оба больших боковых кармана у Вертиручки были наполнены мукой, крупами и другими съестными припасами, а маленький кармашек возле ручки

туго набит монетами. И счастливая шарманка весело покатила по деревенской площади к нашему дому.

Но на свете существуют и плохие люди, которые даже у бедняка не погнушаются украсть с трудом заработанные деньги. Один такой негодяй остановил нашу Вертиручку под горюшкой пастуха и тут же запустил руку в ее кармашек с монетами. Однако милая шарманка была не робкого десятка! Своей ручкой она так огрела воровскую лапу мерзавца, что он взвыл от боли. И еще прежде чем он опомнился, наша Вертиручка уже въезжала к нам на двор.

Там она осторожно приоткрыла дверь сарая и, увидев, что дядюшка Бабачек все еще спит, тихонько проехала на свое место. Некоторое время Вертиручка наблюдала за хозяином и, когда поняла, что дышит он уже спокойно, с облегчением проговорила:

«Дело пошло на поправку. Теперь пусть хорошенько выспится, и потом мы наконец-то двинемся в обратный путь!»

Сказав это, наша милая шарманка на радостях принялась тихонько насвистывать и беззвучно завертела своей ручкой.

Неожиданно на ум ей пришла весьма забавная мысль. Осторожно приблизившись к дядюшке, шарманка ручкой начала вытаскивать из кармашка монеты и перекладывать их в один из карманов дядюшкиного сюртука. А потом вернулась на прежнее место и довольно разулыбалась, представляя, как приятно будет удивлен ее хозяин.

Но дядюшка спал еще долго и очнулся от сна лишь пополудни. Открыв глаза, он посмотрел на Вертиручку и стал искать что-то у себя в карманах, пока не сунул руку в тот, правый, куда Вертиручка переложила свои монеты. Некоторое время он перебирал их пальцами; они при этом позвякивали, а дядюшка блаженно улыбался. Вертиручку, однако, удивляло, что хозяин ни словом не выказывает радости. Между тем дядюшка Бабачек не спеша вынул руку из кармана и, закрыв глаза, снова уснул. Он все спал и спал и окончательно пробудился лишь вечером. Присев на соломе, дядюшка основательно протер глаза и с грустью взглянул на Вертиручку.

«Оплошали мы нынче, родимая! — проговорил дядюшка. — Провалился я несколько дней без дела, а дома-то,

наверное, жена да ребятишки все глазоньки проглядели, ожидая, когда я вернусь и принесу им чего-нибудь покушать. Ах, если б ты только знала, какой прекрасный сон я сейчас видел! Мне снилось, будто в кармане у меня полным-полно монет и они там мелодично позвякивают!»

«Это в каком же кармане, хозяин?» — хитро спросила Вертиручка.

«Вот тут, в правом! Мать честная! Да он и впрямь полон денег! Наверное, я еще сплю!» — воскликнул дядюшка Бабачек и изо всех сил заерзал на соломе, чтобы сбить сонную одурь.

«Полно так елозить, хозяин! Как бы с вами чего худого не случилось! — сказала дядюшке Вертиручка. — Вовсе вы не спите! Деньги у вас в кармане самые настоящие!»

«А как они туда попали? Кто их положил?»

«Я, хозяин».

«Где ты взяла их?»

«Деньги эти мне дали добрые люди: я целое утро играла у них во дворах. Гляньте-ка, чем я еще разжилась!»

Тяжело встав, дядюшка медленно подошел к Вертиручке и ахнул:

«И все это ты заработала нынче одна? Правда, Вертиручка? А может, я все-таки еще сплю?!»

Тут уж, дорогой Микеш, наша милая Вертиручка не удержалась, и поскольку она не умела прыгать на своем единственном колесике, как это делаю я, скача на одной ноге от радости, то принялась кружить вокруг дядюшки Бабачека, а потом заиграла ему веселую песенку, отчего в нашем сарае задребезжали разом все стекла! Дядюшка же Бабачек пребывал в полном оцепенении. Вдосталь повеселившись, Вертиручка остановилась перед своим изумленным хозяином и сказала:

«А теперь, хозяин, поедemте домой! Там я и расскажу вам, где и как все это заработала».

«Оно бы и хорошо! Только каким образом я попаду домой? Я так слаб, что едва стою на ногах!»

«Домой вы попадете очень даже просто. Об этом не беспокойтесь. Сядете на меня и поедете с ветерком, точно на автомобиле. Ну идите попрощайтесь с бабушкой, и в путь!» — довольная собой, важно произнесла Вертиручка.

«Что ж, Вертиручка, попытка — не пытка, давай попробуем. Ступай-ка за мной, я поблагодарю бабушку, и мы тронемся! Ах, как я соскучился по дому!» — воспрял духом дядюшка Бабачек.

Идти ему было нелегко, но он все-таки доковылял до горницы, чтобы поблагодарить бабушку и проститься с ней. Когда же шарманщик рассказал нашей бабушке, что успела сделать за сегодняшний день Вертиручка, она не поленилась выйти на двор и там

погладила и похвалила шарманку:

«Какая же ты умница, Вертиручка! Редкая шарманка сумела бы сделать то, что сделала ты».

Потом бабушка простилась с дядюшкой Бабачеком и даже помогла ему забраться на Вертиручку. Напоследок бабушка крикнула ей, чтобы она поаккуратнее везла своего хозяина, и некоторое время еще смотрела им вслед. Поначалу Вертиручка и в самом деле ехала не спеша, но по мере приближения к дому скорость ее все увеличивалась. Чтобы не упасть, дядюшка вцепился в нее изо всех сил и кричал:

«Полегче, полегче, Вертиручка, а то упаду!»

Однако нетерпеливая шарманка продолжала нестись как на пожар. Нагоняя кого-нибудь из прохожих, Вертиручка, словно автомобиль, сигналила: «Бип-бип, бип-бип!» — а потом снова мчалась вперед с дядюшкой Бабачеком наверху, да так, что только пыль клубилась из-под колес!

А дома тетюшка Бабачкова уже оплакивала мужа, полагая, что с ним стряслась какая-нибудь непоправимая беда. Детишки их тоже плакали от голода и поминутно выбегали на двор посмотреть, не возвращается ли их батюшка со своей шарманкой. В таких вот бесплодных ожиданиях провели они целых два дня. И лишь на третий день, вечером, в горницу вбежал, запыхавшись, маленький Тоничек и сообщил:

«Маменька, папочка возвращается!»

Все семейство Бабачека высыпало на порог хижины, чтобы поприветствовать столь долго пропадавшего где-то отца. В эту минуту шарманка как раз поворачивала с дороги на дворик, и детишки так и запрыгали от радости, увидев, как их папа едет к дому на Вертиручке.

Затем они помогли отцу спуститься с шарманки и, счастливые, повели его в дом. А тетушка Бабачкова вынула из карманов Вертиручки все их содержимое и вскоре приготовила вкусный ужин.

В тот вечер у Бабачеков было очень весело. Когда дядюшка рассказал домочадцам, как он заболел в Грусицах и Вертиручка ездила по дворам одна и играла, дети окружили ее и пустились в пляс, а она завела им веселую мелодию. Вот и конец моей сказки, дорогой Микеш!

Микеш рассказывает

Ах, ребята! Какими прекрасными были часы, когда Микеш рассказывал, что видел и испытал в странствиях. По вечерам друзья и знакомые собирались у Швецов на завалинке и внимательно слушали котика. Туда приходили бабушка с Пепиком, Пашик, Бобеш, кое-кто из соседей и некоторые мальчики и девочки, дружившие с Микешем. Время от времени появлялся там и Мурлышка, и хотя он ни минуты не сидел на месте, однако тоже внимательно следил за тем, что рассказывал дядюшка Микеш. Послушайте же и вы, ребята, какие испытания выпали на долю котика Микеша в странствиях.

Когда Микеш, убежав из дома, добрался до леса, что высится за кирпичной мастерской, он решил немного отдохнуть. Стоя на опушке, котик долго смотрел на родную деревню, а потом помахал лапкой, как бы прощаясь с ней, и направился в глубь леса. Перебравшись через поросший деревьями Кожаный холм, он обогнул деревню Тршемблаты и мужественно зашагал к другому лесу, чернеющему на холме у самого Мышлина.

К тому времени, когда Микеш вышел из лесу неподалеку от деревни Стругаржов, он уже сильно подустал и про-

голодался. Но только теперь он вспомнил, что впопыхах позабыл прихватить из дому еду.

— Вот тебе и мяу! — буркнул Микеш в усики. — А голоден я как волк!

С этими словами он уселся в мох на опушке леса и обвел взглядом округу. «Что бы предпринять?» — думал бедняга. Тут котик заметил в поле девчушку, что пасла гусей на меже и читала какую-то книжицу, и очень обрадовался.

— Превосходно, — сказал себе Микеш. — Пойду-ка я к ней потолкую. Может, она посоветует, к кому в их деревне обратиться за работой.

Микеш встал и решительно направился по полю к пастушке. Дорогой он покашливал, стараясь обратить на себя внимание девочки, но она была настолько увлечена чтением, что не замечала Микеша до тех пор, пока он не приблизился к ней и не поздоровался вежливо.

Девочка подняла голову и даже рот раскрыла от удивления, увидев перед собой такого странного кота. Изумленная, она не могла вымолвить ни словечка.

— Добрый день! — снова поздоровался Микеш. При этом он снял шапку и слегка поклонился. — Я Микеш Швец из Грусиц, что вон там, за лесами.

— А я Марженка Кудлачкова из Стругаржова, — проговорила девочка.

Некоторое время пастушка продолжала смотреть на него с удивлением, потом посерьезнела и строго прикрикнула:

— Ты чего ходишь на задних лапах? И почему разговариваешь?! Отчего не мяукаешь, как все коты?

— Умею, вот и разговариваю, — спокойно ответил Микеш. — Что проку, если я буду мяукать, ведь тогда ты ничего не поймешь!

— Чудной ты какой-то! Коты не должны этого делать, понятно?! — разгорячилась девчушка. — Ты мне тут уши не заговаривай! Мы в школе уже проходили вас по естествознанию, кошки не разговаривают. У меня, между прочим, по этому предмету пятерка. Так-то!

— Ничего нового ты мне не открыла, дорогая девочка! — спокойно продолжал Микеш. — В школе твоей я уже отучился!

Марженка Кудлачкова вновь посмотрела на Микеша с удивлением. И спросила:

— А куда ты идешь?

— На заработки,— ответил Микеш.

— На заработки? — опять удивилась девочка.— И ты уже отучился в школе? А чему ты выучился?

— Ничему особенному.

— А чего тогда идешь на заработки?

— Потому что разбил бабушкин кувшин!

— Все-таки ты очень странный кот! — снова разгорячилась девочка.— Видали такого! Грохнул кувшин и сразу побежал на заработки! Разве это нормально? Теперь там ни кувшина, ни кота! Впрочем, все еще можно поправить. Знаешь, любезный Микеш, поворачивай-ка назад, домой! Хоть за разбитый кувшин и получишь от бабушки пару раз веником, зато тем самым и рассчитаешься и не надо будет идти ни на какие заработки!

— Так могут рассуждать только девчонки! — ответил Микеш.— Настоящий мужчина в таких случаях всегда отправляется на заработки и покупает новый, взамен разбитого.

— Но как ты собираешься заработать денег на свой кувшин? Что ты умеешь?

— Ну, например, ловить выпорхнувших из клетки кенаров,— похвалился Микеш.— Я уже поймал одну такую птаху дядюшке Матехе, и за это он сшил мне замечательное пальтишко. Оно у меня с собой, в тючке.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась девчушка.— У нас таким ремеслом ты не зарабатываешь и геллера*, милый Микеш! В нашей деревне кенаров и в помине нет. Такую работу разве что на краю света сыщешь.

— А что, сейчас я не на краю света? — удивленно спросил Микеш.

— Куда там! Сперва доберись до Праги, а оттуда до края света еще несколько часов ходьбы! Ты же идешь от Грусиц не больше часа. Скоро там уже будут знать, что ты здесь, и, возможно, мниховицкие жандармы начнут тебя разыскивать тут еще до наступления темноты.

* Геллер — мелкая разменная монета.

Микешу сделалось страшно. Черт возьми, этого только не хватало! Бедный котик живо представил себе, как идут четверо жандармов с посверкивающими на солнце пиками и ружьями и в их зловещем окружении бредет он, связанный Микеш!

И он стал прощаться с девочкой, чтобы до вечера успеть отойти от дома как можно дальше. У строгой девочки было, однако, доброе сердце. Она вынула из котомки булку и, отломив половину, протянула ее Микешу.

— Вот, возьми, — сказала пастушка, — и ступай с богом! Попрощайся и ступай! Мне еще нужно выучить наизусть рассказ «Король Ян — слава рыцарства» из хрестоматии.

Среди пастушков и у старушки в коробе

И отправился наш бедный Микеш дальше. Котик обогнул деревню Стругаржов и зашагал прямо по полям через межи: идти по дороге он не решился, опасаясь встречи с жандармами. Однако переходы через высокие межи, распаханые поля и картофельные угодья быстро утомили его, к тому же резко похолодало. И Микеш остановился возле куста шиповника, чтобы отдохнуть немного и вынуть из тючка свое теплое пальтишко. Потом он накинул его на плечики и побрел дальше, сам не отдавая себе отчета, куда несут его ослабевшие лапки. Тоскливо было Микешу. Но вот, когда котик взобрался на очередную высокую межу, он увидел перед собой большой луг, где паслось много коров, а у самой межи пастушки развели костер. Но у костра сидел только один из них, выгребая из огня толстой палкой запеченные картофелины. Остальные ушли в лес за хворостом.

Микеш сильно испугался и хотел спуститься с межи обратно. Но пастушок уже заметил Микеша и теперь смотрел на него вытаращив глаза. Потом он встал и медленно пошел к нему навстречу. Чумазый паренек наверняка думал, что все ему только кажется, и, чтобы прийти в себя, то и дело тер глаза своими грязными ручонками. Выглядел он при этом ужасно смешно. Микеш выжидал, что будет дальше. Пастушок подошел к котику поближе и с нескрываемым любопытством окинул взглядом его странную фигурку. Наконец, как

бы осмелев, он, по распространенному среди мальчишек обычаю, спросил:

— Чей будешь?

— Я Микеш Швец, из Грусиц, — ответил котик.

Тут, дорогие ребята, пастушок еще больше вытаращил глаза. Он спросил Микеша просто так, несколько растерявшись от неожиданности, и уж конечно не ожидал получить от кота ответ. Некоторое время он изучал Микеша, потом резко повернулся к лесу и, сложив ладони рупором, закричал:

— Пацаны! Скорее сюда! Посмотрите, кто здесь! Быстрее, пока не убежал!

Затем пастушок повернулся к Микешу и спросил, куда, мол, он направляется.

— Иду на заработки, — отвечал Микеш, — вон оттуда, из Грусиц. Я Микеш, кот Швецов, у которых есть еще сын Пепик. Сегодня я разбил бабушкин кувшин со сливками!

— И теперь тебе лучше не показываться дома, не так ли? — сказал паренек и рассмеялся. Но тут же и осекся, вспомнив, как сам частенько убегал из дома, совершив какой-нибудь проступок, и как ему тогда было плохо. Таких мальчишек, что боятся вернуться домой, мучает голод, сидят они где-нибудь за домом и дрожат от холода. Поэтому он спросил Микеша:

— Может, ты голоден, тебе не холодно?

— Холодно, — сказал Микеш и, поежившись, закутался потеплее в свое пальтишко.

— Так присядь к огню, обогрейся! — предложил котику пастушок и взял его за лапку. — Ступай, не бойся! Тут тебя никто не посмеет обидеть! Их всех стругаржовских пацанов я самый сильный и один могу побороть пятерых тршемблатовцев!

С этими словами он подвел Микеша к костру и усадил так, чтоб ему было тепло и удобно. Тем временем из лесу уже спешили к ним четверо других пастушков, крича на бегу:

— Что там у тебя, Франтик? Кого поймал?

Франтик Хитрачек поднялся от костра и, сделав несколько шагов навстречу ребятам, остановил их взмахом руки.

— Спокойно, пацаны! Не спешите! — начал он, в то время как пастушки с интересом рассматривали странного, одетого

кота.— Не порите горячку, пацаны, и не вздумайте его обижать! Это мой друг из Грусиц Микеш, кот Швецов, у которых есть еще сын Пепик. Он не может показаться дома, потому что разбил бабушкин кувшин со сливками! Бедняга прибежал аж сюда и весь продрог!

Пастушки обступили Микеша и стали разглядывать его еще пристальнее. Вскоре, однако, их занимало уже не столько то, что среди них сидит обутый и одетый кот, сколько сама история с разбитым кувшином. С каждым из этих ребят случалось нечто подобное, и они по себе знали, как страшно потом идти домой на явное наказание. Всем им было жаль Микеша.

Вдруг Микеш вспомнил, что ему следует скрываться от жандармов. Он быстро поднялся от костра и, приведя в порядок свой тючок, сердечно поблагодарил пастушков за гостеприимство. Мальчики отпускали его с неохотой, очень уж полюбился им котик, но они понимали, что ему необходимо двигаться дальше. От добрых пастушков Микеш ушел не с пустыми лапками. Они мигом сложились между собой, и еще прежде, чем Микеш сумел опомниться, его тючок оказался доверху набит разными вещами. Теперь у него лежали там три крейцера, печеные картофелины, деревянный чижик, шестеренка от часов, жестяная пластинка от губной гармоники, кусок веревки, две пуговицы, катушка и стекло от очков.

Приятно удивленный, Микеш сердечно поблагодарил ребят и так, бедняга, растрогался, что сквозь слезы даже не заметил, как один из пастушков протянул ему еще и деревянный волчок, посоветовав при этом спрятать его получше: мол, обязательно пригодится в странствиях.

Мальчики проводили котика до опушки леса, там дружелюбно простились с ним и вернулись к костерку. У огня они еще долго беседовали об удивительном котике Микеше.

Микеш же уходил все дальше. Он шел высоким, темным лесом, то продираясь сквозь густые заросли кустарника, то преодолевая овраги и каменные россыпи. В какой-то миг его чуть не сбил заполошный заяц, но Микеш на него не рассердился, подумав, что этот ушастый тоже, наверное, разбил кому-нибудь кувшин. Когда Микеш выбрался из лесу на дорогу, ведущую из Клокочной в Своетицы, он вновь

ощутил сильную усталость. Котик искал глазами какое-нибудь поросшее мхом местечко рядом с кустарником, чтобы передохнуть. Такое местечко он приглядел и хотел уже устроиться там поудобнее, как вдруг заметил в придорожной канаве старушку с коробом за спиной. Она отдыхала. Микеш буркнул что-то под носик и собрался было отойти подальше и поискать другое место, но тут ему в голову пришла озорная мысль. И, усмехнувшись в усики, он радостно подпрыгнул. Отгадайте, дорогие ребята, что пришло ему на ум? Точно! Угадали! Наш милый котик крадучись приблизился к старушке и легко и бесшумно, как это умеют только кошки, забрался к ней в короб. Короб этот был наполовину загружен разными товарами из лавки, а сверху прикрыт передником. Микеш нашел в нем надежное убежище. И теперь он улыбался, довольный, что все так хорошо устроилось. Но радость Микеша была недолгой. Через некоторое время старушка сказала самой себе:

— Ну что ж, пора двигаться в путь, чтобы успеть домой засветло! — И с этими словами она тяжело поднялась.

Прошла она совсем немного, и Микеш снова услышал ее голос:

— Такой короткий отдых не прибавляет сил! Пожалуй даже, моя ноша стала еще тяжелее, чем была.

Микешу в коробе сделалось стыдно: у нее, мол, и без того тяжкая ноша, а тут еще я навязался. Он хотел выпрыгнуть из короба, но в последний момент раздумал, боясь напугать старушку.

Микешу вспомнилась его оставшаяся дома бабушка, и он сказал себе:

«Ну вот, одной я разбил кувшин, а другую еще доведу до обморока. Так за день стану причиной сразу двух несчастий, нет, этого я не хочу!»

Поэтому-то он очень обрадовался, когда старушка остановилась на краю какого-то леса и проговорила:

— Схожу-ка осмотрю эти места еще разок; может, найду чего-нибудь!

По-видимому, в этом лесу у нее были знакомые грибные местечки, и она решила их проверить. Старушка присела на опушке и освободилась от лямок. У Микеша душа ушла

в пятки, когда он подумал, что сейчас она заглянет в короб. Но старушка сразу пошла в лес.

Микеш собирался уже выбраться из короба, как вдруг почувствовал, что кто-то подкрался к нему и засовывает под передник свою руку. Смышленный котик сразу понял, что рука эта принадлежит не старушке, а какому-то бродяге, который вознамерился украсть у бедной женщины часть товара, купленного за деньги, заработанные тяжким трудом. И не долго думая Микеш вонзил свои острые коготки в нахальную лапищу. Это получилось у нашего котика мастерски. Незвестный завопил от боли и страха и, выдернув руку из короба, бросился наутек! Он бежал без оглядки и не видел, что из короба вслед ему еще грозит маленький черный кулачок.

Когда бродяга скрылся из виду, Микеш ловко выбрался из своего убежища и осторожно пополз по дну поросшей травой канавы прочь, чтобы не попасть на глаза возвращающейся из лесу старушке. Услыхав громкий крик, она тотчас же поспешила к коробу посмотреть, не пропало ли у нее что-нибудь. Сидя неподалеку в кустах, Микеш наблюдал за старушкой и довольно улыбался. Он-то хорошо знал, что у нее ничего не пропало. А еще, дорогие ребята, радовался наш честный котик потому, что сумел добром отплатить старушке за перенесенные по его вине тяготы. Как бы в награду за них он уберег ее вещи от вора. И, продолжая свой путь, котик весело насвистывал, ведь все так хорошо кончилось.

Микеш пугает

Пока было светло, наш милый котик пребывал в довольно веселом расположении духа, но вот наступил вечер, и он приуныл. Микеш не знал, где будет спать в эту ночь. Котику вспомнился его теплый закуток на печи, и ему стало очень тоскливо при мысли, что сегодня придется ночевать у чужих людей. У людей, которых он увидит первый раз в жизни. Но тут Микеш вспомнил, что в тючке за спиной у него лежат монеты и много ценных вещей.

«Только смотри, Микеш! Будь осторожен! — предостерегал себя усталый котик. — Гляди в оба, чтоб не остаться на ночлег у непорядочных людей, которые могут лишить тебя всего, что ты имеешь! Однако как я узнаю, порядочные они или нет? Думаю, многие из хозяев попросту рассердились бы, спроси я с порога, мол, не воры ли вы случайно».

И после долгих раздумий наш милый странник решил, что будет лучше переночевать прямо в лесу. Некоторое время он продолжал идти по дороге, пока она не вывела его к лесу, где росли могучие деревья с густыми кронами, одно из которых Микеш и выбрал для ночевки. Котик разулся, снял шапку и сапоги и уложил их в тючок, оставив на себе только пальтишко, чтобы не продрогнуть ночью от холода. Потом он залез на дерево и, удобно устроившись среди буйной зелени, приготовился спать. Перед тем как Микеш уснул, он вспомнил о доме:

«Дома все спят в тепле, Пепик на протопленной печке, Пашик с Бобешем в своих хлевах, и лишь я сижу здесь в лесу на дереве, точно дикий зверь!»

Микешу было холодно, но, утомленный долгой дорогой, он вскоре крепко уснул и проспал так до самого утра. Пробудившись, Микеш с удивлением осмотрелся вокруг, не понимая, где находится. Он подумал было, что все еще спит, однако холод и голод быстро убедили его в обратном. Котик проворно спрыгнул с дерева и вниз снова обулся, чтобы выглядеть настоящим странником, а не каким-то бродягой! При этом он рассуждал так:

«Порядочному странствующему зверьку люди скорее подадут кусок хлеба, нежели бродяге!»

Как вы знаете, дорогие ребята, Микеш никогда не охотился за птицами.

В желудке у котика так и урчало от голода; поэтому он спешно выбежал из лесу и торопливо зашагал по дороге, чтобы поскорее добраться до каких-нибудь добрых людей. Какова же была его радость, когда спустя короткое время он увидел в поле у дороги работающую женщину!

— Вот это удача! — обрадовался Микеш. — Она наверняка захватила из дому поесть! Думаю, она не откажет, если я попрошу у нее чего-нибудь перекусить!

Подойдя к женщине поближе, котик снял шапку и, вежливо поздоровавшись, попросил подаяния, как и подобает всякому страннику. Поблагодарив за приветствие, женщина оглянулась. Микеш поздоровался еще раз, но тут она громко вскрикнула и, поспешно собрав вещи в узелок, припустила к лесу. А Микеш, раскрыв рот от удивления, стоял и провожал ее взглядом.

— Что за черт! — проговорил Микеш. — Чего она испугалась? Будь я слоном или медведем — дело ясное, а то можно подумать, что в их деревне коты не водятся! А может, она испугалась моего посоха? В другой раз надо будет половчее спрятать его за спину, чтобы не пугать людей.

Некоторое время он продолжал задумчиво смотреть в сторону леса, потом махнул лапкой и пошел дальше.

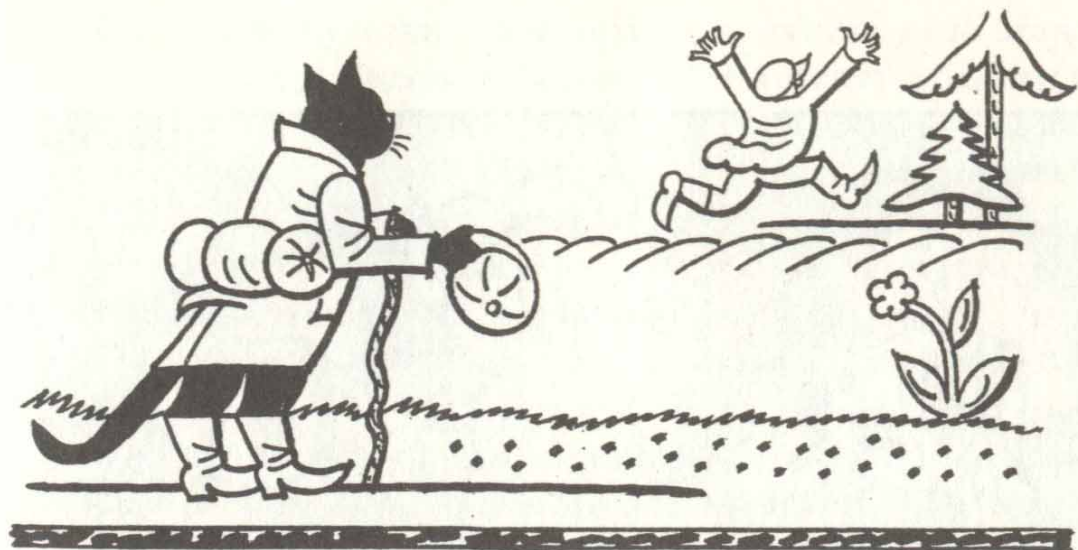
— Попытаю-ка я счастья у того пахаря, — бормотал он дорогой. — Мужчина все-таки, к тому же настоящий исполин.

Впереди, от него пахал в поле батрак. Ничего вокруг не замечая, он шел и смотрел под ноги, любуясь, как красиво плуг разрезает землю и она укладывается набок. Батрак был настолько увлечен работой, что Микешу пришлось дважды поздороваться с ним, прежде чем он услышал его и остановил коня, чтобы посмотреть, кто это к нему обращается.

— Доброе утро, дядюшка! — в третий раз поздоровался с батраком Микеш.

Котик хотел уже попросить у него немного еды, да батрак не стал его слушать. Он бросил кнут и, оставив без присмотра коня и плуг, кинулся к лесу. При этом он передвигался такими аршинными скачками, что достиг его в считанные минуты.

«Так и рехнуться недолго! — с ужасом думал Микеш. — Этакий здоровяк, а туда же, испугался! Неужто я в самом

деле такой страшный? Сдается мне, что сегодня ни от кого не получу я еды, прямо хоть помирай с голоду!»

И наш милый странник, расстроенный и обескураженный происходящим, опустился на камень. Он никак не мог понять, отчего так боятся его люди. Вдруг Микеша осенило, и, хлопнув себя лапкой по лбу, он даже подпрыгнул от радости.

«Понял! Все эти люди испугались меня потому, что я заговорил с ними на их языке. А они ни разу в жизни не видели говорящих котов и приняли меня вроде как за привидение! Ведь тут же не Грусицы, где ко мне уже попривыкли. Стало быть, сначала я должен как-нибудь ненавязчиво предупредить человека, что умею разговаривать, и потом он не испугается, когда я попрошу у него подаяния! Как же мне, дубине стоеросовой, сразу в голову не пришло?! Ну, сейчас мы все исправим».

А теперь, дорогие ребята, послушайте, что из этого вышло.

Немного погодя Микеш подошел к лугу, на котором две девочки просушивали траву. Завидев их, Микеш крикнул:

— Эй, люди добрые, только не пугайтесь, просто я умею разговаривать!

Потом он снял шапку и вежливо поздоровался с девочками. Но девочки даже не поблагодарили его за приветствие. Ох и переполошились же бедняжки! Они испуганно взвизгнули и, побросав грабли, побежали прочь с луга. По пути домой одна потеряла башмачок, а другая дважды падала, но тут же вскакивала и снова бежала за подружкой.

Бедолага котик с досады расплакался.

«Проклятый кувшин! Так ведь и в самом деле можно помереть с голоду! Только соберешься попросить еды, как все удирают, словно от прокаженного! Может быть, все-таки лучше вернуться домой? Пусть меня накажут веником за разбитую посудину! Все лучше, чем бродить голодному по белу свету! Какой прок, что я умею разговаривать, если живется мне хуже любой необразованной твари!»

Но тут Микешу пришло на ум испробовать еще один способ.

«Ну и глупец же я! Как я раньше до этого не додумался! — сам на себя рассердился Микеш. — Ведь я могу у какой-нибудь доброй хозяйки попросить еды на своем, кошачьем, языке! Ура! Так я и сделаю!»

Микеш быстро разделся и, упаковав сапоги, шапку и пальто в тючок, спрятал его в зарослях кустарника. А потом направился по меже к ближней деревне. Остановившись возле одной усадьбы, он влез на забор и, когда убедился в том, что собака хорошо привязана, спрыгнул во двор и на всех четырех лапах двинулся к двери дома. Оттуда как раз вышла хозяйка, неся в руках плетенку с кормом для птиц.

Микеш жалобно замыкал. Женщина повернула голову и, поставив плетенку с крупой на лавочку, внимательно посмотрела на котика.

— Откуда взялся этот черный кот? — подумала она вслух. — Чей он? А какой славный! Теперь, когда наш старый кот-гуляка сбежал, он бы нам очень пригодился. Надо вынести ему молочка, чтобы привадить ко двору. — И хозяйка быстро вернулась в дом.

«Здорово у меня получилось», — радовался Микеш, — жадно лакая молоко из большой тарелки, которую вынесла ему хозяйка.

— Кушай, касатик! — ласково говорила ему женщина. — Вижу, что проголодался. Откуда же все-таки ты пришел?

Микеш хотел было ответить, что он, мол, из Грусиц, зовут его так-то, а живет он у Швецов, у которых есть еще сын Пепик и кабанчик Пашик, но вовремя спохватился, ограничившись вежливым мурлыканьем. А потом снова принялся за вкусное молочко.

Хозяйка стояла рядом и с радостью наблюдала, как уписывает он ее молоко. Ей очень нравился этот крупный

черный кот, и она хотела, чтобы он остался в усадьбе. Когда Микеш поел и вытер лапкой мокрые усы, хозяйка нагнулась за пустой тарелкой и при этом погладила котика.

— Ну, котофей, как тебе наше молочко? Не правда ли, вкусное? — приветливо поинтересовалась женщина.

— Даже очень, хозяйшкa! Прямо как халва! — весело отозвался Микеш. Он хотел было продолжать в том же духе, но опомнился и вновь замурлыкал. Однако было уже поздно. Он понял, что снова дал маху.

Испуганно вскрикнув, хозяйка выронила тарелку и побежала в дом. Там она хлопнула дверь и быстро заперла ее на ключ. Увидев, как она испугалась, Микеш развернулся и во всю прыть помчался со двора. Вослед ему громко залаял дворовый пес, ругая Микеша на своем собачьем языке и бешено дергаясь на цепи.

Микеш молниеносно переметнулся через забор и вприпрыжку побежал по саду, а затем по меже к своему тайнику. Только там он остановился и перевел дух.

— Ах я болван, идиот, дубина стоеросовая!!! — ругал себя котик. — Опять дурака сваял, елки-палки-моталки! Ну кто меня за язык дергал отвечать?! Как чудесно мог бы я пожить какое-то время в этой усадьбе, тем более я так понравился хозяйке! Вот взять бы да отлупить себя хорошенько этим посохом! Что ж, впредь буду очень осмотрительным! И если я еще с кем-либо заговорю, пусть тогда сам леший повесит меня за хвост на кусте терновника!

Микеша украли!

Вторую и третью ночи после своего побега из дому Микеш снова провел в лесу на дереве. Всякий раз ему было там очень холодно, и на четвертые сутки к вечеру его взяло сомнение, не попроситься ли на ночлег к каким-нибудь добрым людям.

«Может, мне повезет и я найду гостеприимную старушку, вроде нашей бабушки, которая позволит переночевать у себя в горнице возле теплой печки», — мечтал Микеш, спеша по дороге, чтобы успеть разыскать желанных добрых хозяев еще засветло.

Вскоре дорога повернула в сторону, и он увидел на небольшом лугу перед лесом крытую брезентом повозку. Выпряженный конь пасся на лесной опушке, а вокруг костра, что был разведен неподалеку от повозки, сидели трое. Две женщины варили в котелке ужин, мужчина курил короткую трубку.

Люди эти понравились Микешу. На мужчине были голубая куртка, красные штаны, высокие до блеска начищенные сапоги и зеленая жилетка с множеством серебряных пуговиц. Немало серебряных украшений было и у женщин, на одежде и на головах.

«Так красиво могут одеваться только очень хорошие люди, — подумал Микеш. — Наверное, они еще и умны, раз уж все время путешествуют. Ведь чего только не видят они в своих странствиях! Вряд ли эти люди испугаются кота, говорящего человеческим голосом. Пойду-ка я к ним, спрошу о ночлеге и о еде».

Микеш перепрыгнул через овражек и не спеша направился к сидящим у костра людям. Котик ждал, когда кто-нибудь из них увидит его и спросит, что, мол, ему нужно, чего он желает, но люди смотрели на огонь и не замечали его. Лишь когда Микеш подошел к ним достаточно близко и вежливо поздоровался, они посмотрели в его сторону и удивленно уставились на него. Но при этом молчали по-прежнему, словно потеряв дар речи от изумления.

Микеш поздоровался еще раз и спросил, можно ли ему переночевать у них и чего-нибудь поесть. Из котла вкусно пахло вареным мясом.

Наконец смуглый мужчина что-то растерянно сказал женщинам; Микеш, правда, не разобрал ни словечка, потому

что говорил он на каком-то непонятном языке. У обеих женщин был такой же растерянный и удивленный вид. Они о чем-то переговаривали друг с другом, и мужчина ушел к повозке. Тогда одна из женщин, освободив подле себя местечко для Микеша, пригласила его к костру погреться. При этом она сказала, что они с удовольствием оставят его ночевать, да и мяса, мол, у них хватит на всех.

Микеш поблагодарил женщин за любезный прием и, сняв тючок, подсел к костру. Он был рад, что сейчас ему снова станет тепло и он проглотит кусочек горячего мяса. Женщины наперебой принялись расспрашивать котика, мол, откуда он и куда идет, и когда он уже хотел ответить, что зовут его Микеш Швец, а родом он из Грусиц, кто-то накинул на него сзади мешок. Микеш пробовал защищаться, но тщетно. Вдобавок он с ужасом осознал, что его куда-то потащили в мешке и из него ему вряд ли удастся выбраться самому. Чуть позже он понял, что его бросили в повозку на солому и накрыли тяжелым тряпьем.

Напоследок котик отчаянно крикнул: «Бабушка!», но мужчина, ударив Микеша, пригрозил, что пристрелит его, ежели он мяукнет хотя бы еще раз!

Люди эти, дорогие ребята, были цыганами!

Бедный котик лежал в мешке в полном отчаянии. Он был голоден и дрожал от холода, к тому же его мучил сильный страх: что-то с ним будет? Микеш уже сожалел о том, что

снял свой тючок у костра. Там был у него перочинный ножик, и сейчас он запросто выбрался бы наружу с его помощью. И Микеш тихонько заплакал, горюя, что больше никогда не увидит родного дома. Ни бабушки, ни Пепика, ни Бобеша с Пашиком — никого. Он догадывался, что злые люди увезут его куда-нибудь очень далеко, откуда ему будет уже не вернуться.

В таких вот жалобных сетованиях и прошла у него вся долгая ночь. Что уже наступило утро, Микеш понял по петушиным крикам, донесшимся издалека. Цыгане вновь тараторили где-то рядом с повозкой, и котик правильно рассудил, что они запрягают коня.

— Сейчас они повезут меня на край света! — со вздохом проговорил Микеш и вытер лапкой навернувшиеся на глаза слезы. — Прощайте, бабушка и любезные мои друзья!

В эту самую минуту он неожиданно услышал топот множества тяжелых сапог и громкие мужские голоса. Микеш понял, что мужчины направляются к повозке: голоса и шаги их становились все более отчетливыми, и котик наострил уши.

— Эй, вы! — послышался чей-то решительный голос. — Что у вас в повозке? Нет ли там чего ворованного?

— Что вы, пан вахмистр*! — отвечал вчерашний знакомый Микеша. — Краденого не держим, ваше благородие!

— Да ведь это жандармы! Елки-моталки! — зашептал Микеш. — Они разыскивают меня из-за кувшина! Что же делать? Позвать, чтобы освободили? Тогда наверняка упекут в кутузку!

«А какой может выйти срок за разбитый кувшин? — лихорадочно продолжал размышлять Микеш. — Лет пятьдесят тюрьмы, не больше! Пожалуй, это в тысячу раз лучше, чем прислуживать всю оставшуюся жизнь этим злым людям!»

И Микеш закричал изо всех сил:

— Пожалуйста, освободите! Тут я — ворованный!

— Кто там у вас? — загремел жандарм.

* Ва х м и с т р — младший начальник в жандармерии, полиции.

— Да так, ничего особенного, ваше благородие! — весь дрожа от страха, лепетал цыган. — Один говорящий попугайчик.

— Никакой я не попугайчик! — закричал из своего мешка Микеш. — Я Микеш Шве́ц из Грусиц!

— Ну, это вам даром не пройдет! — сказал вахмистр, погрозив пальцем насмерть перепуганному цыгану.

Потом он решительным шагом подошел к повозке и, раздернув тряпки у входа, крикнул:

— Где ты, мальчик?

Мешок зашевелился, и Микеш радостно воскликнул:

— Я здесь, пан жандарм!

Подняв мешок, вахмистр очень удивился его легкому весу. Затем он быстро развязал на нем веревку и снова крикнул:

— Ну, вылезай, Тонда, Ферда или как там тебя зовут!

Когда же из мешка неожиданно для всех появился черный котик в шапке и сапогах, жандармы так и покатались со смеху.

Не смеялся один вахмистр.

— Что за чудеса! Кот какой-то! А где же мальчик, Микеш Шве́ц?! — закричал он цыгану.

— Это я и есть, пан жандарм! Вот он я, перед вами, — Микеш Шве́ц из Грусиц, которого вы ищете из-за разбитого кувшина, а вон тот дядя, что украл меня, — испуганно объяснял Микеш.

Никто не сказал на это ни слова. Жандармы стояли не двигаясь и в изумлении смотрели на странного котика. Никогда еще они не видели таких котов. От их взглядов Микешу было неловко, и он со страхом ждал, когда они свяжут его и поведут в тюрьму.

Наконец вахмистр произнес:

— Просто невероятно! Много всякого повидал я на своем веку, однако такого чудного кота не встречал ни разу. Правда, до меня доходили слухи, будто в Грусицах живет говорящий котик, но я не верил. И вот теперь он стоит передо мной и я сам разговариваю с ним. Послушай, котик, или как там тебя, Микеш, кто научил тебя так здорово разговаривать?

— Наш Пепик, пан жандарм! Он учил меня этому с малых лет, и к тому же однажды я целых полдня пробыл в школе,— деловито объяснил Микеш.

— А как ты оказался здесь, ведь Грусицы далеко отсюда?! Какая нужда скитаться по свету такому удивительному котику? — продолжал выпрашивать вахмистр.

Микеш вытаращил глаза от удивления.

— Вам же все известно, пан жандарм! Да и я знаю, что вы разыскиваете меня, потому что я разбил дома кувшин со сливками. Только у меня и мысли не было сбежать из дома! Я пошел странствовать, чтобы наняться к кому-нибудь в услужение и, заработав денег, купить бабушке новый кувшин. Но теперь уж какая об этом речь! Коли вы меня поймали, ведите в свою кутузку!

— Да что тебе в голову взбрело, котик?! — успокаивал Микеша вахмистр. — Мы и не думали тебя разыскивать; мы ищем только плохих людей. Кроме того, из-за разбитого кувшина у нас еще никого не сажали в тюрьму. Ступай себе дальше своей дорогой. Желаем заработать тебе много-много денег и купить бабушке целую кучу кувшинов. Только смотри, избегай плохих людей, чтобы снова не попасть в беду! В этом случае нам всем было бы очень жаль тебя!

Напоследок вахмистр хотел сделать цыганам строгое предупреждение, но их уже и след простыл. Они наверняка убежали куда-нибудь в лес и теперь, спрятавшись там, ждали, когда уйдут жандармы со странным котом.

Микеш был очень рад такой счастливой развязке. Он уже совершенно не боялся жандармов и сердечно поблагодарил их за свое освобождение. А те помогли котику отыскать оставленный вчера тючок и проводили до самой опушки леса.

Там они дружески попрощались с Микешем и, сбросившись ему на дорогу, вручили около двадцати крейцеров.

Еще они дали ему кусок колбасы, и Микеш, бодро шагая по дороге, с аппетитом жевал ее и радовался:

«Ура! Теперь мне незачем прятаться от жандармов! Не надо их бояться, наоборот: я знаю, что всегда найду у них защиту от злых людей!»

С такими вот веселыми мыслями и продолжал котик свой путь.

Микеш в западне

Идя по дороге, котик еще долго поминал добрым словом жандармов и их вкусную колбасу. Время от времени он принимался весело насвистывать, не опасаясь больше встреч с ними, но когда наступил вечер, он все-таки вновь решил переночевать в лесу на дереве. Людям Микеш уже не доверял. Котик хорошо выспался и на другой день с утра пораньше снова зашагал по дороге. Идти было легко. Сияло солнышко, приятно пахло травами. На деревьях весело чирикали озорные воробьи. Но их глупая болтовня не раздражала Микеша.

Он снова подходил к какой-то деревне, и тут ему пришло в голову попросить, как и в прошлый раз, по-кошачьи молочка в одной из ближних усадеб. Хотя деньги у него были, Микеш побоялся купить себе еду в лавке, опасаясь, что люди могут испугаться его или, того хуже, украсть. На самом краю деревни как раз стояла большая усадьба. К ней и направился Микеш.

«Зайду-ка я сюда,— подумал он.— Может, опять повезет на добрую хозяйку. Только теперь никаких глупых мяуканий! Надо быть очень осторожным!»

Микеш разделся и, уложив вещи в тючок, снова спрятал его в зарослях кустарника. Затем по меже двинулся в сторону усадьбы. Он шел на четырех лапах, чтобы не напугать кого-либо, кто увидит его издалека. Микешу очень хотелось

молочка, и поэтому он торопился, чтобы поскорее попасть в усадьбу. Когда он уже собирался перепрыгнуть через забор, его вдруг окликнул чей-то кошачий голос:

— Куда это вы так спешите, уважаемый?

Микеш окинул взглядом деревья и на одном из них увидел красивую трехцветную кошечку с бантиком на шее. Он вежливо поздоровался с ней по-кошачьи и в ответ услышал такое же приветливое мурлыканье. Некоторое время незнакомка с любопытством разглядывала Микеша, потом спросила, откуда он и куда идет.

— Я, барышня, издалека. Иду на заработки.

— А кто вы? — спросила любопытная незнакомка. — Не трубочист ли, случайно?

— Нет, барышня! Я всего-навсего Микеш Шве́ц из Груси́ц, — скромно представился котик. — Всего лишь бедный странник, хочу вот в этой усадьбе попросить немножко молочка.

— А я Ми́цинка, кошка старосты! — горделиво сообщила кошечка. — Я тут всех знаю и посему не советую вам, пан Микеш, заходить в эту усадьбу! Не далее как вчера отсюда вышвырнули какого-то бедолагу из наших, он-де в подполе обкусал им окорока, и вас может постичь та же участь. Но не расстраивайтесь, я провожу вас к нам. У нас в погребе специально для меня стоит целый кувшин со сливками, и, думаю, я не похудею, если на сей раз поделюсь с вами.

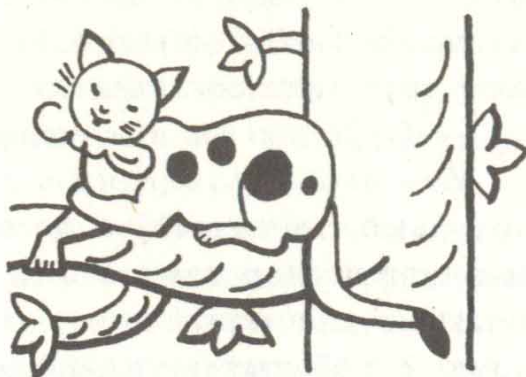
Сказав это, кошечка спрыгнула с дерева и повела Микеша на соседний двор. Он послушно шел за ней следом и не мог видеть, как на мордочке у нее играет лукавая улыбка. Микеш был порядочным котиком и твердо верил, что все кошки такие же, как и он. Поэтому он не раздумывая пролез за ней под забором, пробежал двор и без малейших колебаний прыгнул в маленькое окошко погреба, к которому подвела его Ми́цинка.

— Мой вон тот, крайний. Ешьте, сколько захотите! — прокричала в окошко Ми́цинка и, увидев, что Микеш с жадностью набросился на сливки, присела возле окошка и зачем-то громко замаякала.

При этом она заметно волновалась и то и дело поглядывала на дверь дома. Неожиданно Ми́цинка смолкла и, мет-

нувшись в сторону, куда-то исчезла.

Перестав лакать сливки, Микеш призадумался, почему так стремительно убежала Мицинка. Котик решил подождать, пока она вернется. Каково же было его изумление, когда вместо Мицинки он

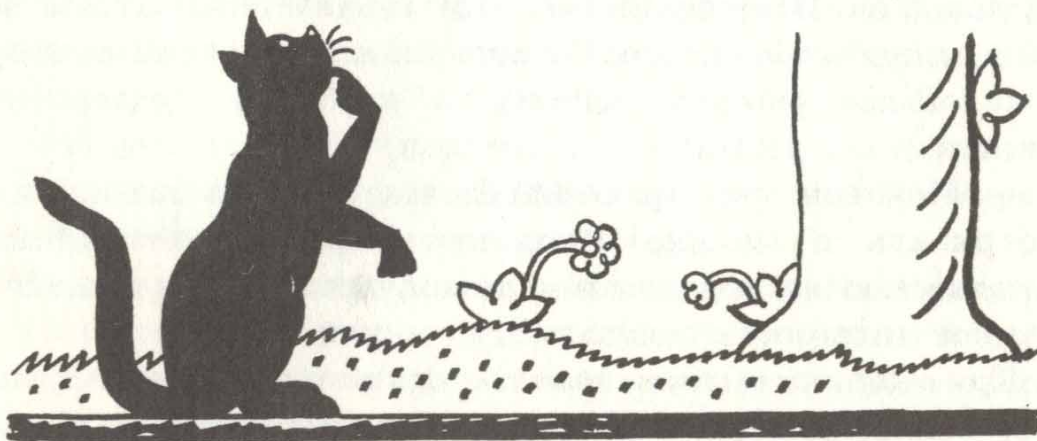
увидел наверху у окошка мужчину с мешком и палкой в руках. Боже мой, никак он снова в западне! В голове у него мелькнула догадка, что кошечка нарочно заманила его в чужой погреб и своим мяуканьем просто привлекала внимание хозяина.

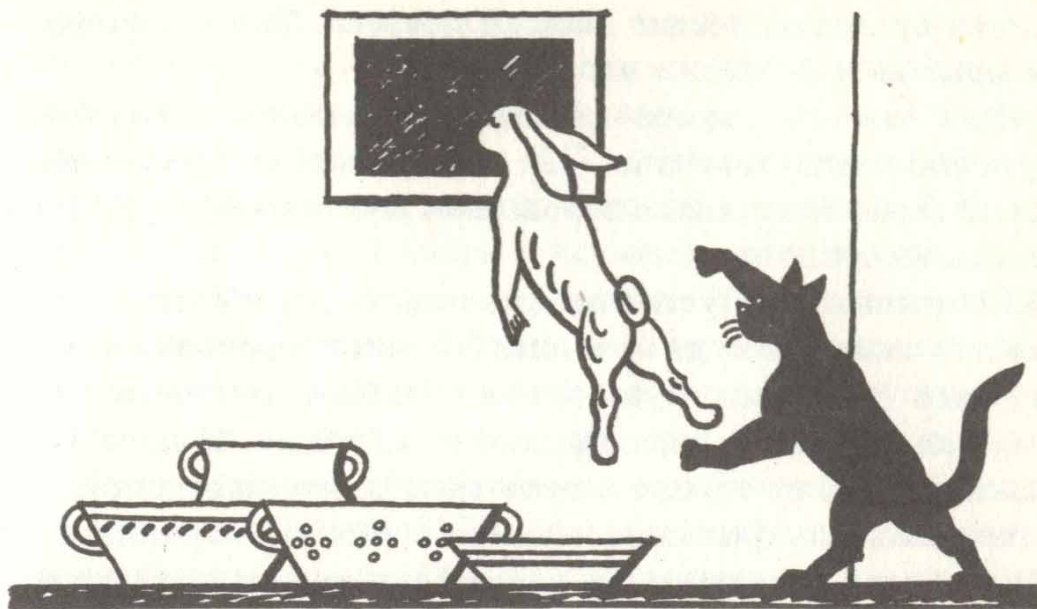
Бедняга Микеш был в полной растерянности! Выскочить из погреба через окно он не мог: мужчина стоял там с большим мешком наготове. При этом он кричал кому-то, чтобы тот пошел и ударил по двери. А потом пригрозил:

— Ну погоди, кошка-ворюга, сегодня ты узнаешь, как таскать наши сливки!

Тут Микеш заметил на стене погреба туго набитое соломой чучело кролика, и ему в голову пришла отличная идея, как выбраться из западни. Не долго думая, он сдернул чучело с крюка и, когда на дверь погреба обрушился подобный разряду грома удар, бросил его прямо в мешок хозяину!

— Ура! Вашек! Попалась-таки ворюга! Сама, дура, запрыгнула в мешок! Ну, отольются тебе слезами наши сливки! Сейчас же иду к старосте, и пусть он наконец убедится, что их Мицинка лазает к нам за сливками,—

горланил хозяин, сжимая под мышкой мешок с кошкой-воровкой так крепко, чтобы та не могла в нем даже шевельнуться. А потом, продолжая метать громы и молнии, понес его к старосте.

Микешу нельзя было медлить ни минуты. Он выскочил в окно, пробежал двор и, перепрыгнув через деревянный забор, понесся по меже как на крыльях. Когда бедняга добежал до своего тайника, он так запыхался, что сразу же полез в густые заросли кустарника, дабы там основательно отдохнуть. И оттуда он сердито погрозил сжатой в кулачок лапкой в сторону деревни, ругаясь про себя:

«И чего меня черти понесли на эти заработки?! Разве плохо мне было дома, среди наших добрых людей? В мире царят только фальшь и разбой! О, родная моя бабушка, вы наверняка сердитесь на меня из-за разбитого кувшина, но если б вы знали, чего только не натерпелся я за это время! Пропади он пропадом! Да, но какова обманщица! А я-то, дурень, полез как баран за этой расфуфыренной барышней и позволил себя околпачить, будто это ее сливки! И попросту крал чужое добро! Но я этого так не оставлю! Я честный кот, и раз уж съел у людей сливки, то должен за них заплатить».

Наш милый котик тут же развязал тючок, вынул из него все свои деньги и, сунув их за щеку, снова побежал в деревню. Он очень торопился, чтобы успеть осуществить свой замысел до того, как хозяин с Вашеком вернутся от старосты. Котик молниеносно пробежал сад, перескочил через забор и в не-

сколько прыжков достиг окошка погреба. Там он вынул из рта монеты и побросал их в погреб.

«Вот вам за сливки крейцеры, Сметачеки, Бартачеки, Картачеки или как там вас называют! Я всего-навсего бедный странник, однако воровством не занимаюсь! И на этом разрешите откланяться!»

И Микеш снова пустился бежать к своему убежищу. В этот день он больше никуда не пошел. Котик приготовил для себя в густых зарослях кустарника удобное местечко, надел теплое пальтишко и расположился на отдых. Микеш лежал и размышлял, не лучше ли все-таки вернуться домой, пока в этом насквозь фальшивом мире с ним не случилось что-нибудь более ужасное. Он вспоминал все те злоключения, которые выпали на его долю со времени побега из дому; возмущался коварством цыган, криводушием кошечки и жадностью хозяина усадьбы. Но вдруг, дорогие ребята, наш странник так расхохотался в кустарнике, что чуть не лопнул от смеха.

Он припомнил, как бросил в мешок алчному хозяину чучело кролика.

— Боже мой, да я сейчас просто умру от смеха! — веселился Микеш. — Шутка была что надо! Много бы я дал за то, чтобы узнать, чем закончился их поход к пану старосте.

Об этом наш милый котик узнал очень скоро. И к тому же еще задаром. Через некоторое время на соседнее поле пришли двое мужчин. Когда они принялись за работу, один из них стал рассказывать последние деревенские новости.

— Наш Веймелка, сосед, уже давно замечал, что кошка старосты лазает к нему в погреб за сливками. Он частенько жаловался на нее старосте, но тот всякий раз говорил, чтобы он подкараулил ее в погребе и поймал в мешок, мол, только тогда поверит в это и как-нибудь возместит ущерб. И вот сегодня нашему Веймелке наконец-то повезло. Когда он услышал, как в погребе мяукает кошка, он схватил мешок и палку и вместе с Вашеком побежал на охоту. Потом старый хозяин приставил мешок к окошку, а сына Вашека попросил ударить по двери погреба ногой. Едва тот ударил, как кошка очутилась в мешке у Веймелки. Старик скрутил его покрепче, так что она не могла в нем даже пошелохнуться, и бросился бежать к пану старосте. Прибежав, он сразу закричал, что,

дескать, его кошка снова побывала в их погребке, но на этот раз он поймал ее. «Уж теперь-то, пан староста, вы убедитесь, что ваша проказница Мицинка лазает к нам за сливками. Сейчас я ее вам представлю!» — И с этими словами Веймелка вытряхнул содержимое мешка посреди горницы. Тут, кум Гавлик, бедняга так и застыл на месте, словно его огрели пыльным тулупом, увидев, что вместо Мицинки из мешка выпало чучело кролика. Поначалу староста прямо-таки за живот хватался от хохота, но потом осерчал и напустился на Веймелку: «Это и есть, по-вашему, моя Мицинка, уважаемый?! Тысяча чертей, неужели вы не можете отличить чучело кролика от живой кошки?! Ну, я вам покажу, как издеваться над должностным лицом! Сейчас же возьму перо и составлю на вас жалобу в окружной суд!» После этого, говорят, наш Веймелка еще долго молил пана старосту о прощении, он, мол, сам не знает, как это могло получиться!

Когда крестьянин закончил свой рассказ, оба соседа громко расхохотались. Развеселила эта история и Микеша, который как дождевой червь извивался от смеха в своем укрытии. Он больше уже не держал зла на весь мир, раз все так хорошо закончилось, и надеялся, что и его нелегкий путь завершится столь же весело и счастливо.

«Отправляюсь-ка я куда-нибудь в большой город, где люди наверняка попривыкли ко всяким чудесам и странностям. Тут же я никогда не заработаю денег, коли все удирают от меня без оглядки, стоит только к ним обратиться. Завтра же иду в Прагу. И буду круглым дураком, если не вернусь оттуда с полным горшком денег».

И с этой мыслью наш милый котик спокойно заснул в кустарнике.

Как Микеш попал в цирк

На другой день поутру Микеш тронулся в путь по бесконечно долгой дороге. Он шел решительно: со стороны запада надвигались черные тучи, а котик очень боялся грозы. Своими короткими ножками он старался делать шаги побольше, чтобы добраться до ближайшего леса прежде, чем хлынет дождь. Микеш видел, что под кронами молодых деревьев, посаженных по обеим сторонам дороги, он не найдет

особой защиты. Но тщетно старался котик. До леса было еще далеко, тучи же неумолимо приближались. Вот уже западали первые капли дождя, а спустя короткое время сильным порывом ветра Микеша едва не оторвало от земли. Бедный котик был в полной растерянности! Стоит ли удивляться, что в следующую минуту он чуть было не взвизгнул от радости, заметив канал под дорогой, куда тек небольшой ручей. Он вприпрыжку сбежал вниз и спрятался в нем как раз вовремя. Хлынул ливень, да еще с градом величиною с лесной орех.

— Боже мой! — ахнул Микеш в своем укрытии. — Такие градины и убить могут!

Дождь лил как из ведра, то и дело сверкали молнии и гремел гром. Вокруг творилось что-то ужасное. Глядя на разбушевавшуюся стихию, Микеш был несказанно рад, что случай помог ему укрыться в канале, одного только не замечал бедный котик — как все выше и выше поднимается в нем вода. Что дела его плохи, он понял лишь в ту минуту, когда увидел ее у себя под лапками, и очень испугался. Чтобы сапоги не промокли, Микеш быстро разулся и спрятал их в тючок. Между тем воды в канале становилось все больше, да и дождь, похоже, усиливался. Приметив, что вода продолжает подниматься, котик снял свой тючок с камня и, упаковав туда еще и шапку с пальтишком, поискал для него глазами удобное местечко под сводами канала, куда бы ей было не добраться.

Занятый своими поисками, бедняга не видел приближающейся лавины дождевой воды. Она накатила с такой силой и скоростью, что в одно мгновение ручей преобразился в маленькую реку. Эта лавина всей своей мощью хлынула

в канал и заполнила его до краев, а потом, не в силах прорваться через него сразу, разлилась по лугу небольшим озером.

А что же Микеш?

Плохо ему пришлось, дорогие ребята! Бедный наш котик! Поток воды захлестнул его в ту минуту, когда он собирался положить свои вещи в крохотную нишу под сводами канала, и увлек за собой вместе с тючком! Микеш сразу потерял сознание и о том, что происходило с ним дальше, не имел никакого понятия.

Дождь закончился. Гроза со своими молниями, громом и градом перенеслась в какие-то другие края, и над промочшей равниной снова засияло приветливое солнышко. Мутная дождевая вода сбегалась в ручейки и потоки, на дороге и тропинках блестели лужи. Вся округа оживлялась, как бы приходя в себя после кошмарного сна. На тропинках и в полях вновь появились люди, по дороге загрохотали повозки. В небе весело запел жаворонок.

Неожиданно на раскисшей от дождя дороге появилось около десяти цирковых фургонов. Все они были ярко раскрашены, и на каждом была надпись: «Всемирно известный цирк Клудского». Это было великолепное зрелище. В первых фургонах ехали служащие и артисты цирка, за ними следовали фургоны со зверями и с необходимой утварью. А обитателями последнего, наиболее красочно расписанного, фургона были владелец цирка и его дочурка Олюшка.

Олюшка, лет десяти от роду, была очень красивой и работающей девочкой. Они с отцом как раз собирались ужинать. Олюшка застелила скатертью стол и посмотрела в окно, возле которого он стоял.

— Папочка,— позвала она отца.— Взгляни, что это чернеет там, среди ив?

Пан Клудский поднялся со стула и, приблизившись к окну, посмотрел в ту сторону, куда указывала дочка.

— Это кошка, Олюшка! — сказал пан Клудский.— Утонувшая кошка! Наверное, она утонула в грозу.

— Бедняжка! — пожалела кошку Олюшка.— Как жаль эту красивую черную кошечку! — Тут она взяла отца за руку

и попросила: — Папочка, пожалуйста, давай остановимся! Может, кошечка еще не совсем утонула, ведь гроза только закончилась! Может, ее удастся воскресить!

— Может быть, — улыбнулся пан Клудский. — Кошки — народ живучий.

Олюшка взмолилась:

— Папочка, давай все-таки остановимся и посмотрим на кошечку. Папулечка, миленький, вдруг мы ее воскресим!

Пан Клудский очень любил свою добрую Олюшку. Любил он и всех животных. Поэтому он отдал распоряжение остановить повозку и вместе с Олюшкой вернулся назад посмотреть на утонувшую кошечку. Отзывчивая Олюшка очень обрадовалась, когда отец сообщил ей, что это котик и он еще довольно теплый. Возможно-де, он очнется. Они решили перенести его в фургон, очистить от грязи и завернуть в покрывало.

— Посмотри-ка, Олюшка, — сказал вдруг пан Клудский. — Вон там на иве висит еще узелок! Видимо, его занесло туда водой. Да какой маленький! Давай-ка заберем его и передадим в ближайшей деревне старосте.

В фургоне пан Клудский заботливо почистил котика и завернул в теплое покрывало. Потом они с дочкой сели ужинать. Пан Клудский весь сосредоточился на еде. Олюшка же то и дело посматривала в угол, не зашевелился ли котик под покрывалом.

— Папочка, а не попробовать ли нам какие-нибудь другие воскресительные средства, чтобы побыстрее вернуть его к жизни? — спросила Олюшка.

— Нет, не стоит, — ответил пан Клудский. — Если она в нем еще теплится, он сам себя воскресит. Кошки — очень живучий народ.

После ужина пан Клудский начал рассказывать Олюшке занимательные истории из жизни животных, и она так заслушалась, что на какое-то время совсем позабыла про завернутого в покрывало котика. Пан Клудский был большой знаток зверей, и когда он о них рассказывал, слушать его было одно удовольствие. И Олюшка с интересом внимала речам отца.

Вдруг посреди прелюбопытнейшего повествования пана Клудского о львах покрывало в углу зашевелилось. Обрадо-

ванная Олюшка даже вскрикнула от волнения. Она хотела уже встать из-за стола и пойти развернуть покрывало, но тут оно раскрылось само, и отец с дочерью увидели сидящего на нем котика. Он, совсем как человек, протер глаза лапками и удивленно огляделся.

Неожиданно котик заговорил:

— Добрый вам вечер и приятного аппетита! Скажите, люди добрые, где я нахожусь?

Но пан Клудский и Олюшка продолжали смотреть на него с изумлением. Оба словно язык проглотили от неожиданности и лишь переглядывались, будто бы спрашивая друг у друга: это правда или мне послышалось? Глаза и рты их были широко раскрыты.

— Не пугайтесь, люди добрые! Я умею разговаривать! — чуть громче продолжал котик. — Здравствуйте еще раз! Так где же я все-таки?

— Ну и чудеса! — наконец отозвался пан Клудский. — Как все это понимать?! — только и выдавил он из себя.

— Да так и понимать, — спокойно отвечал котик. — Я Микеш из Грусиц, кот Швецов, у которых есть еще сын Пепик. И я умею разговаривать. Ничего странного я в этом не нахожу, дяденька! У нас в Грусицах даже козлы разговаривают! — важно заключил Микеш.

— Кто же научил тебя этому? — любопытствовал пан Клудский. Вы, конечно, понимаете, дорогие ребята, что ему как директору цирка было это чрезвычайно интересно.

— Наш Пепик. Он, скажу я вам, такой талант, что и тачку мог бы научить разговаривать, если бы не боялся схлопотать от бабушки веником!

— Невероятно! — продолжал удивляться пан Клудский. — А каким образом ты очутился в этих краях? Почему не дома? И как вышло, что ты едва не утонул?

— Дело было так, дяденька! — отозвался Микеш. — Дома я разбил бабушкин кувшин и пошел странствовать, чтобы заработать денег и купить ей новый. Ну а потом я спрятался от грозы в канал под дорогой, и меня, видно, вымыло оттуда водой.

— Послушай-ка, Микеш, если уж ты идешь на заработки, не согласился бы ты поступить на службу к нам в цирк? Я принял бы тебя с удовольствием. У нас ты заработаешь

столько денег, что сможешь купить своей бабушке целую телегу кувшинов. Ведь такого говорящего котика еще не было ни в одном цирке на свете. Что ты об этом думаешь? Ты согласен?

— Еще бы, дяденька, не согласен! — воскликнул Микеш. — Я уже сыт по горло своими бесплодными шатаниями и с удовольствием поступил бы на какую-нибудь хорошую службу.

— Ну и прекрасно! — сказал пан Клудский, поднимаясь из-за стола, чтобы для скрепления уговора пожать Микешу лапку.

Оправилась от изумления и Олюшка. Вскочив со стула, она схватила Микеша на руки и пустилась танцевать с ним вокруг пана Клудского. При этом Олюшка радостно восклицала:

— Вот видишь, папочка, как нам повезло за то, что мы проявили сострадание к утонувшей кошечке! Теперь в нашем цирке будет нечто такое, чего нет ни в одном цирке на свете! Ты ведь останешься у нас, Микеш?

Микеш утвердительно кивнул головой. Он, правда, несколько смущался, что его держит на руках девчонка, однако Олюшка ему нравилась.

Потом Микеша накормили сытным, вкусным ужином. Он был голоден и ел с огромным удовольствием. Да так ловко, что снова весьма удивил пана Клудского с Олюшкой. Все то время, пока Микеш ел, Олюшка танцевала посреди фургона от радости и, хлопая в ладоши, восклицала:

— Ой, что будет! Что будет! Будет такой успех!

А пан Клудский довольно улыбался при этом.

После ужина Микеш долго рассказывал пану Клудскому с Олюшкой, какие испытания выпали на его долю странника, и закончил такими словами:

— Да, люди добрые, намаялся я, как бродячая собака!

После этого Микеш стал вспоминать свои домашние похождения: какие веселые штучки откалывали они в Грусиках вместе с Пепиком. А потом все начали готовиться ко сну. Микеш хотел было снова закутаться в покрывало, но Олюшка предложила ему прямо-таки царское ложе. Свою большую куклу она устроила в эту ночь на полу, а ее кроватку аккуратно застелила для Микеша. Все белье на ней бы-

ло с кружевами и ленточками. Скромный Микеш поначалу отказывался ложиться в такую замечательную кроватку, однако Олюшка настаивала, и он наконец согласился.

Олюшка заботливо укрыла его одеяльцем и, пожелав спокойной ночи, тоже пошла спать.

Переполненные впечатлениями, пан Клудский и Олюшка долго не смыкали глаз, но еще дольше бодрствовал в своей постели Микеш. Котик никак не мог уснуть в такой чудесной кроватке, и к тому же ему было очень жаль куклу, которая сегодня вынуждена была из-за него спать на полу. Он внимательно прислушивался и, когда решил, что пан Клудский с Олюшкой уже заснули, тихонько встал, уложил куклу в кроватку, а сам лег на ее место. И только потом спокойно заснул. Это была его первая ночь в славном, всемирно известном цирке!

Говорящий мешок

Проснувшись на другой день поутру в цирковом фургоне пана Клудского и пожелав одеться, Микеш тщетно искал глазами свой тючок.

— Что ты ищешь? — поинтересовался пан Клудский.

— Тючок! Вода унесла мой тючок! А там у меня была одежда и вообще все имущество! О боже, теперь я самый настоящий нищий! — горевал Микеш.

— Подожди, Микеш, не отчаивайся! — успокаивал котика пан Клудский. — Вчера мы нашли какой-то узелок и захватили его с собой. Может быть, это и есть твой тучок.

— Ура! — радостно воскликнул Микеш, когда ему принесли тучок, и тут же принялся его разбирать, чтобы похвастаться своим богатством. И потом очень удивился, когда пан Клудский с Олюшкой рассмеялись, увидев его обутым и одетым.

— Дорогой Микеш, — проговорил пан Клудский, — твой наряд не подходит для нашего цирка! Когда приедем в Брандыс, я позову портного и закажу ему сшить для тебя сразу три костюма: один — для выступлений, другой — выходной и третий — на будни. А еще я приведу к тебе сапожника, чтобы он снял мерку с твоей лапки.

— Большое спасибо, дяденька! Тогда я заживу прямо как барин! — И Микеш весело засмеялся.

— Называй меня паном директором, Микеш. Так обращаются ко мне все, кто работает в цирке, — назидательно сказал пан Клудский. — Ну а сейчас мы заключим с тобой договор. Я его напишу, а ты подпишешься. Олюшка будет направлять твою лапку.

— А сколько горшков денег я буду получать в неделю?

— Дорогой Микеш, заработок у нас не измеряется горшками, — засмеялся пан Клудский. — Ты будешь получать бумажные деньги, и лучше сразу класть их на сберкнижку. Платить же тебе я буду исходя из того, как ты понравишься зрителям и сколько их соберется на твои номера в цирке. Не бойся, Микеш, я тебя не обижу!

— Я верю вам, пан директор, — сказал Микеш, довольно улыбаясь.

— И последнее, Микеш! Как Микеш Швец из Грусиц ты не можешь выступать в цирке! Этим публику не заманишь, хоть у вас дома и есть такой замечательный мальчик Пепик. С сегодняшнего дня ты будешь носить имя Дон Мурлыка де ля Мяукандо, понятно?

— Понятно, пан директор! И я этому очень рад. Теперь у меня будет имя точно у заморского графа.

Так Микеш был принят в цирк.

В Брандысе цирк Клудского привлек к себе большое внимание. Люди с нетерпением ожидали первого представления, и особый интерес у всех вызывал номер, который афиши рекламировали как единственный и неповторимый:

ГОВОРЯЩИЙ МЕШОК ПРЫГ-СКОК

Вечером в цирке был полный аншлаг. Все места были заняты, кое-где пришлось даже дополнить ряды стульчиками. Представление очень нравилось зрителям. Наездники, укротители, клоуны и канатоходцы непременно срывали бурные овации. Наконец пан директор объявил уважаемой публике, что сейчас выступит чудо света ученый мешок Прыг-Скок!

Пан директор хлопнул в ладоши, и на манеж в самом деле выбежал обыкновенный мешок, перевязанный сверху веревкой. Он остановился посередине манежа, почтительно раскланялся перед публикой и вдруг, подпрыгнув, совершил головокружительное сальто. Зрители наградили его бурными аплодисментами.

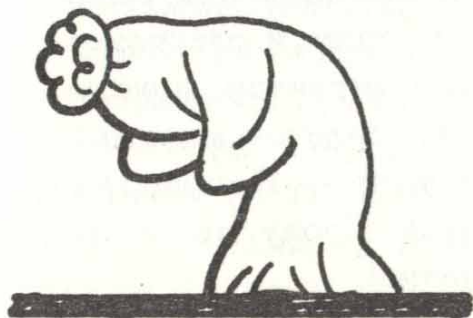
— Интересно, что там внутри? — удивленно спросил господин из первого ряда.

И тут, к вящему изумлению публики, мешок ответил:

— Крепкие орешки вам не по зубам!

— Что же там может быть? — гадали зрители. — Вроде не зверь и не граммофон! А может, туда посадили какого-нибудь карлика?

Но потом зрители отказались и от этой мысли, увидев, как мешок легко взобрался на деревянный столб, спрыгнул обратно на манеж и там принялся так прыгать и кувыркаться, что ни один человек в мире не сумел бы совершить ничего подобного. Пока взрослые терялись в догадках, дети хохотали до упаду. Для них это было самое то!

Они едва не лопнули со смеху, когда какой-то мальчуган крикнул прыгающему по манежу мешку:

— Куда это вы так спешите, пан Мешок?

И мешок весело ответил ему:

— Прыг-скок, прыг-скок, в Брандыс, мой голубок!

Когда смех несколько поутих, на манеж вновь вышел пан директор и предложил уважаемым гостям задавать ученому мешку какие-нибудь арифметические вопросы, а он, мол, будет называть им результат. Какой тут поднялся крик! Отовсюду несло: «Сколько будет к пяти прибавить пять?», «Сколько получится, если к двенадцати прибавить восемнадцать?», «Сколько будет пятьдесят минус двадцать семь?», «Сколько будет шестью шесть?» и так далее. Вопросов было много.

Когда шум начал стихать, ученый мешок встал на середину манежа и ответил:

— В целом получается один гвалт! — И с этими словами убежал за занавес.

Дорогие ребята! Вы-то наверняка уже догадались, что это был за ученый мешок, но вот брандысовская общественность так ничего и не прознала на сей счет, хотя в цирк ходила каждый день.

Микеш с паном Клудским свято хранили свой секрет.

В цирке Клудского Микеша полюбили очень быстро. И люди, и животные. Причем звери особенно подружились с котиком и всякий раз с большой радостью встречали его в своих клетках. Вскоре Микеш научился разговаривать на языках разных зверей. За весьма короткое время, как бы за один хлопок бича дрессировщика, он освоил слоновий, медвежий, львиный и обезьяний.

Больше всех был доволен этим пан Клудский: Микеш избавил его от многих забот. Котик стал кем-то вроде посредника между директором и животными и теперь частенько захаживал к пану Клудскому в кабинет с каким-либо сообщением или с просьбой от животных. Точно бравый солдат, он вытягивался перед ним в струнку и, к примеру, рапортовал: «Разрешите доложить, пан директор! Наш слон, дядюшка Брундибар, захворал. Он жалуется на боли в спине и отсутствие аппетита. Думаю, было бы разумно, пан директор, пригласить к нему бабушку-знахарку, чтоб она натерла его мазями!»

— Хорошо! — отвечал ему пан директор. — Я наведаюсь к Брундибару, а ты пока сходи ко льву Ироду да скажи, чтобы не ревел так громко в своей клетке!

В клетку ко льву Микеш вошел с почтением. Царь зверей все-таки! Поздоровавшись, котик слегка поклонился и зарычал по-львиному:

— Мое почтение, ваше величество! Сегодня вы совершенно неотразимы, а вот дядюшка слон нынче приболел, и к нему сейчас должна прийти знахарка, чтобы хорошенько натереть его мазями. Посему наш уважаемый пан директор передает вам, чтобы вы не изволили так реветь, а не то у старушки будут руки дрожать от страха.

И дядюшка лев послушался Микеша.

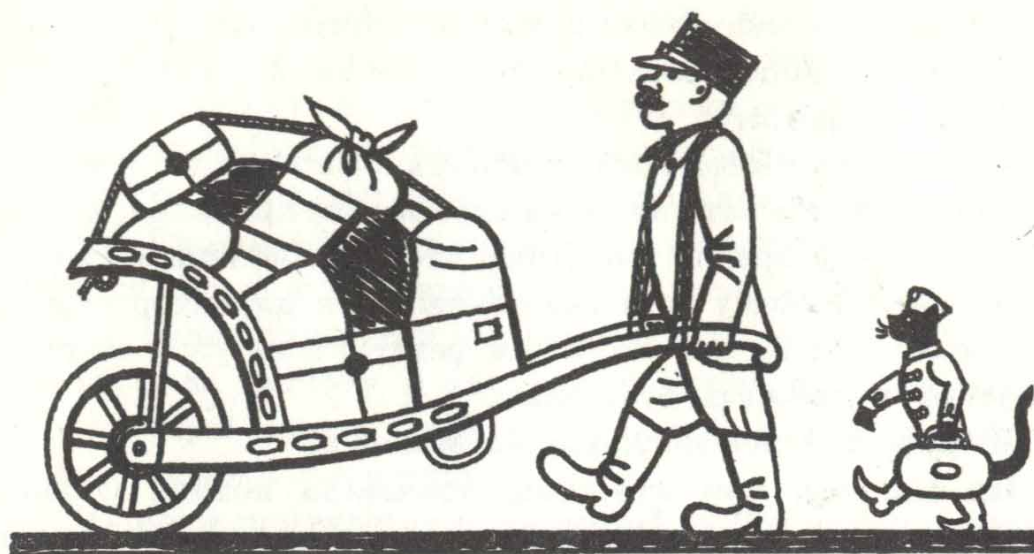
Но сильнее, чем кто-либо, полюбила котика Олюшка. Днем она старалась ни на шаг не отпускать от себя Микеша, да и ночью всегда ставила его кроватку рядом со своей. Микеш тоже полюбил Олюшку и как умел помогал ей по хозяйству: молот кофе, вытирал пыль, ежедневно тщательно подметал их домик-фургон. А в свободные минуты выводил ее куклу на прогулку.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Олюшка, дорогие ребята, ужасно расстроилась, когда ее любимец неожиданно заболел. Пан Клудский собрался было послать за доктором, а Олюшка обещала ухаживать за ним днем и ночью. Но Микеш только лапкой махнул в ответ:

— Не нужно, Олюшка и пан директор, все это не поможет, потому что заболел я тоской по родине. Мне с вами очень хорошо, но что тут поделаешь, если я бессилен превозмочь в себе эту тоску и ношу ее в душе с того самого дня, как покинул дом. Стало быть, пан директор, есть только одно средство выздороветь: пожить какое-то время дома, иначе я просто умру!

Пан Клудский и Олюшка согласились с Микешем, что ему необходимо встретиться со старыми друзьями, дабы воспрянуть духом. И сказали, что надеются скоро увидеть его здоровым. Пан Клудский выплатил котику его заработок, и Микеш даже глаза вытаращил от изумления, увидев такую кругленькую сумму. Восторгу его не было предела.

Олюшка помогла Микешу купить подарки для друзей и упаковать их. Котик очень старался ни о ком не забыть, и ему это удалось. И вот пришло время прощаться. Олюшка горько расплакалась и просила Микеша поскорее возвра-

щаться обратно. Она, мол, будет очень и очень по нему скучать. Микеш попрощался со всеми зверями, пообещав и им, что долго дома не задержится.

Наконец он тронулся в путь. До Сенограбов котика, по распоряжению пана Клудского, сопровождал один из служащих цирка, чтобы по дороге с ним не приключилось какой-нибудь беды. Так, вместе с ним, Микеш благополучно добрался от Брандыса до Праги, а потом и до Сенограбов. О том же, какой радостной была встреча котика с бабушкой, Пепиком и другими друзьями, вы, дорогие ребята, уже слышали.

Лучшая из проделок Франты Кулдана

Однажды вечером бабушка решила сварить себе кофе, да в доме не оказалось ни крошки цикория. Что тут было делать? Пепик с Микешем ушли к кому-то в гости, послать за ними бабушке было некого. А ей так хотелось выпить кофейку! Старушка выглянула в окно и посмотрела на дорогу, не идет ли по ней какой-нибудь мальчик или девочка в корчму, но вверх по дороге никто не шел.

Тогда Мурлышка перестал играть и, подойдя к бабушке, сказал ей:

— Бабуска, а давайте я сбегаю за циколием!

Бабушка только руками всплеснула:

— Что ты, Мурлышка! Разве я могу отправить тебя одного на площадь?! Да еще сегодня! После дождя все

дороги развезло! Кроме того, не хватало только, чтобы из-за моей прихоти тебя покусали собаки. Этакого кроху!

— Да я у вас вечно буду плохой! — обиделся Мурлышка. — Так из меня никогда ничего не получится, бабушка, если вы будете бояться отпускать меня одного из дому! Вы же сами лассказывали, как дядюска Микес, наплимел, ходил в Мниховицы на ялмалку, когда был таким же, как я.

— Ну, Микеш — совсем другое дело, но ты ведь не Микеш, а Мурлышка! — рассмеялась бабушка. — Пусть лучше я останусь без кофе, на площадь я тебя не пущу!

Однако Мурлышка так долго и жалобно умолял ее об этом, что она наконец сдалась и отправила его за цикорием. Бабушка положила в карманчик Мурлышкиных штанишек семь крейцеров и напоследок надавала ему всяких ценных советов, как котик должен вести себя, чтобы не попасть в беду. Потом она вывела Мурлышку на дорогу и там провожала его взглядом до тех пор, пока он не скрылся за углом школы.

Мурлышка шагал решительно. Порой, правда, ноги у него разъезжались на грязной дороге, но котик не придавал этому большого значения. Мурлышка давно мечтал доказать бабушке, что он уже не прежний котенок-неумеа и тоже кое на что способен! И в самом деле, он благополучно, без каких-либо приключений, добрался до корчмы Сейка и, постучав носком сапожка в дверь, стал ждать, когда ему отворят. Вы, конечно, понимаете, что сам котик не мог дотянуться до дверной ручки.

Пан Сейк, торговец колониальным товаром*, заготавливал тем временем про запас кулечки-фунтики, но, услышав стук в дверь, сразу побежал открывать.

— Похоже, это маленький ребенок, даже до ручки дотянуться не может.

Каково же было его удивление, когда на пороге он увидел маленькую фигурку Мурлышки.

— Вот так гость к нам пожаловал! — засмеялся пан Сейк. При этом он снял с головы вышитую шапочку

* Колониальный товар — товар, доставленный из колоний различных государств.

с кисточкой и низко поклонился.— Душевно рад! Чем могу услужить? Чего изволите, мой юный пан? Головку сахара, мешок муки или помаду для усов?

Вежливо поздоровавшись, Мурлышка нашарил в кармане семь крейцеров и, протянув монеты пану Сейку, важно сообщил:

— Эти клейцелы бабуска полозыла мне в калман для того, чтобы я купил на них цикория.

— Хорошо, я дам Мурлышке цикория,— ворковал пан Сейк.— И вообще я дам Мурлышке все, чего душа пожелает. Вот здесь у меня товары из Африки, тут из Азии, Америки, а вон — из самой Австралии!

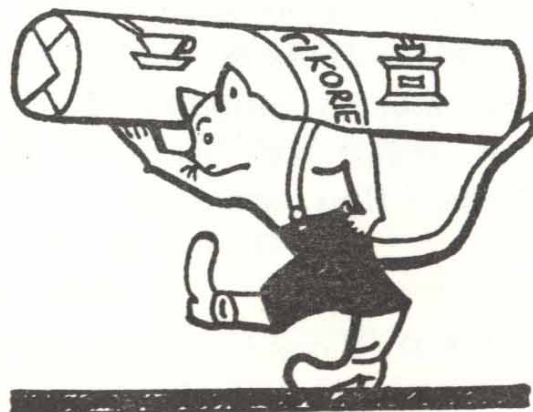
— Эка невидаль!— заважничал Мурлышка.— Нас дядюска Микес недавно велнулся аз из Бландыса и такого товала пливез с собой полные калманы!

— Ну и ну!— деланно изумился пан Сейк.— А цикория не привез, да? Что ж, я дам тебе наилучшего качества, но мне кажется, Мурлышка, ты едва ли донесешь его до дому.

— Донесу, пан Сейк! Только полозыте мне его, позалуста, на плечо, я потассу циколий так же, как дядюска Блозек таскает из лесу блевна!— преисполненный решимости, похвалялся Мурлышка.

— А может, Мурлышка, будет лучше, если я положу тебя вместе с цикорием к себе в карман, да сам отнесу вас к бабушке, нет?— пошутил пан Сейк, но, увидев, что котик насупился, быстро вытащил из аккуратной стопки упаковку с цикорием, положил ее Мурлышке на плечо и, поблагодарив за покупку, распахнул перед ним дверь.

Мурлышка твердым шагом направился через площадь к дому. Временами ноги у него разъезжались в стороны, временами ощутимо давил на плечико цикорий, но котик не придавал этому никакого значения. Единственное, за чем он внимательно следил, так это за собаками, чтобы какая-нибудь пустолайка не набросилась на него, выбежав со двора. Собак он боялся по-прежнему.

Мурлышка шел и весьма живо представлял себе, как дома бабушка всплеснет руками от удивления, когда он и вправду принесет ей цикорий. И скажет при этом: «Вы только посмотрите на этого кроху! Он выполнил мою просьбу ничуть не хуже Пефика или Микеша!» И тогда он попросит, чтобы с сегодняшнего дня все называли его не Мурлышкой, а Мурлыкой.

Вдруг за спиной у Мурлышки раздался оглушительный лай. Котик обернулся и так испугался, что едва не выронил цикорий в грязь! К нему бежал злейший пес во всей деревне Фуртяк пана Марысека!

Бедняга Мурлышка совершенно растерялся. Может, ему бросить свой цикорий и спрятаться за забором? А из чего тогда бабушка сварит себе кофейку? Нет, нужно спасать цикорий.

Мурлышка пустился наутек. Однако, совершив всего несколько прыжков, споткнулся о камень и полетел кувырком. Когда он уже собирался подняться, круглая упаковка цикория накатила на него сзади, и он вновь перекувырнулся! Котик ужасно трусил, что злой Фуртяк вот-вот схватит его за хвостик, но тот остановился и, сев на попа, прыснул со смеху. До двора Новаков дорога резко шла под уклон, и наш бедный Мурлышка так и кувыркался по ней от Шобров до Новаков. При этом то котик перекатывался через цикорий, то цикорий через котика. В пруд Новаков первым упал Мурлышка, а за ним плюхнулся туда и цикорий.

Между тем Фуртяк на горوشке уже не смеялся. Дело в том, что со двора Матысов неожиданно-негаданно выбежал Франта Кулдан с длинным прутом в руке и пару раз хорошенько стегнул им Фуртяка по хребтине, после чего пес с визгом обратился в бегство. Франта же сбежал с горوشки и, вытащив из пруда Мурлышку и цикорий, бросился вместе с ними к Швецам, так что только грязные пятки сверкали.

Бабушка уже поджидала Мурлышку на дворе. Увидев его, она и в самом деле всплеснула руками, правда, совсем не от радости, как это представлял себе котик. Бедняжка прямо-таки затряслась от испуга, заметив, какой Мурлышка мокрый и грязный. Бабушка приняла котика из рук

Франты и, закутав его в передник, побежала в теплую горницу.

Тут во дворе появились Пепик с Микешем, и запыхавшийся от бега Франта, сделав большие глаза, рассказал им, какой опасности только что подвергался Мурлышка и как он выловил его из пруда.

Микеш не скрывал своего изумления. Ну и чудеса! Вот вам и Франта Кулдан! Такой известный озорник совершает вдруг подлинное благодеяние! Спас и принес домой Мурлышку! Микеш торопливо сунул лапу в карман, достал из него кошелек и, отыскав среди монет золотой, протянул его удивленному Франте.

И тут, дорогие ребята, случилось невероятное! Шалун и проказник с Буланки Франта Кулдан небрежно махнул рукой и сказал:

— За такие дела, Микеш, у нас в деревне плату не берут!— И не успел Микеш опомниться, как Франта уже исчез за углом!

В тот день, вечером, Микеш отправился в гости к Бобешу и рассказал ему про то, что случилось с Мурлышкой и как спас его Франта Кулдан.

Бобеш никак не мог поверить в такое и только растерянно теребил бороду.

— Значит, говоришь, Мурлышка упал в пруд и его вытащил оттуда Франта Кулдан? Да этот неотесанный пацан скорее утопит, чем спасет кого-либо!

— Нет, Бобеш, мы слишком плохо о нем думали! А он, как всякий мальчишка, просто любит пошалить. Теперь же я убедился, что у него доброе сердце. И вот, Бобеш, я пришел к тебе за советом, надо бы нам что-нибудь сделать для этого мальчика, позаботиться о его воспитании, а то растет, понимаешь, как сорняк в огороде.

— Лично я уже достаточно времени потратил на его воспитание! — проворчал Бобеш.

— Это уж точно! Пополоскал ты его в пруду Едлички, словно рубаху какую. Однако твои методы воспитания явно устарели. Так воспитывали еще во времена наших дедушек. А знаешь, Бобеш, что сделаю для него я? Я найму в цирке пана Клудского лучшего дрессировщика, чтобы он позаботился о воспитании Франты.

При этих словах Бобеш так растрогался, что на глаза у него навернулись слезы, которые он утер своей бородой.

Укрытый теплым одеялом, Мурлышка спал на печи. Бабушка с Пепиком ушли к кому-то в гости. Микеш же остался дома присматривать за котиком. Он сидел возле окна и разглядывал звездное небо. Микешу вспомнились дороги странствий, когда по ночам ему негде было приклонить голову, и вообще все, что пришлось пережить, прежде чем он попал к пану Клудскому. Как славно складывалась его жизнь в цирке!

Что-то они там делают? Как им живется? Чем занимается Олюшка? Как пан Клудский? А слон? Здоров ли?

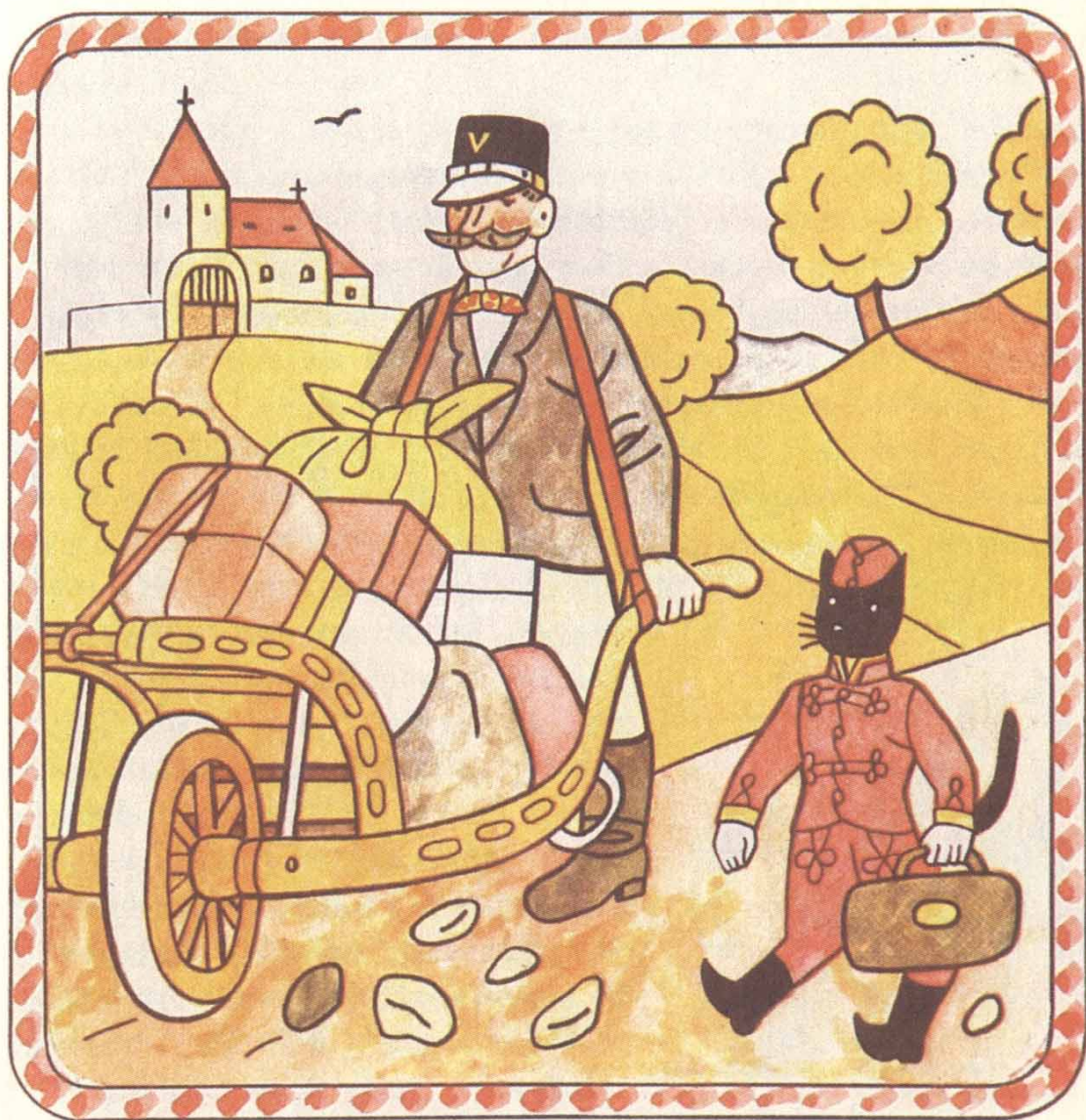
И тут Микеш подумал о том, что как-то уж слишком внезапно он их оставил и что по сей день не удосужился написать им ни одного письма: как живет, что делает, когда вернется.

— Ох, как все непросто! — вздохнул Микеш. — В цирке я тосковал по дому, дома скучаю без Олюшки! Как бы я хотел одновременно быть и у бабушки, и в цирке. Вот если б можно было устроить так, чтобы цирк пана Клудского

выступал только на нашем дворе. Впрочем, нет, бабушка бы этого не потерпела! Хорошо дома, однако я давно уже не прежний баззаботный котофей, теперь у меня есть и обязанности! Я здесь всего-навсего в отпуске, и пора уже подумать о возвращении, раз здоровье мое поправилось. Ведь Олюшка столько слез пролила из-за моего отъезда, да и пану Клудскому я обещал скоро вернуться. Ах, как я соскучился по Олюшке! Итак, завтра же напишу ей письмо, что, мол, здоров, при первой же возможности соберу свои манатки и айда на работу. В самом деле, как хочется снова увидеть Олюшку, пана директора, да и вообще всех моих друзей!

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

Том второй

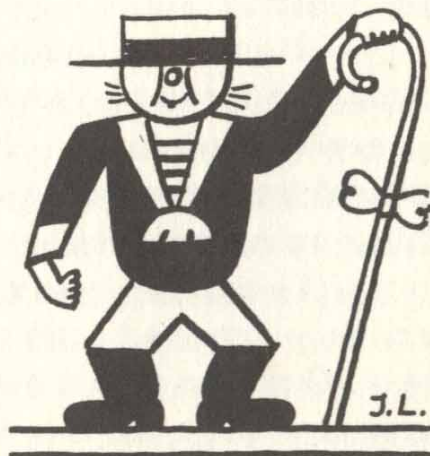
Неожиданная встреча

Дорогие ребята! Как я уже рассказывал, однажды вечером Микеш сидел у окна и, глядя на звездное небо, вспоминал Олюшку и других своих друзей в цирке.

И решил он тогда на следующий же день написать им письмо, что уже здоров и, как только появится у него возможность, вернется в цирк. Назавтра Микеш с помощью Пепика и вправду сочинил длинное послание, но когда через пару деньков начал было собирать вещи в дорогу, то увидел, как опечалилась бабушка, и отложил свой отъезд на более поздний срок.

А потом он и вовсе позабыл о былом намерении. Микеш занялся Мурлышкой. Он обучил его многим играм и вообще всему, что должен уметь настоящий мальчишка. Микеш научил его играть в сыщиков, в мяч, чижа, крутить волчок и другим немаловажным вещам. Мурлышка прямо-таки надышаться не мог на своего любимого дядюшку Микеша. Еще Микеш купил Мурлышке новый костюмчик. Ах, дорогие ребята! Если б вы только знали, с каким гордым видом вышел он погулять в нем в воскресенье. Причем на прогулке котик очень внимательно следил за собой, чтобы не делать того, что строго-настрого запретила бабушка: не залезать на деревья и не падать в пруд. Микеша радовали успехи Мурлышки, и он так увлекся его воспитанием, что позабыл про все на свете.

Вскоре, однако, произошло нечто такое, чего Микеш совершенно не ожидал. Как-то раз Франта Кулдан отправился к Балачекам за грушами. Подойдя к саду, Франта увидел вдруг на дереве, растущем

у самой дороги, прекрасную большую птицу. Франта остановился да так и уставился на диковинную птаху, которой никогда прежде не видывал. А он, к слову сказать, очень хорошо разбирался в птицах, что водились в местных садах, полях и лесах. Но Франта Кулдан не был бы самим собой, кабы просто стоял, держа руки в карманах, не задумывая что-нибудь этакое. И надумал он поймать красавицу.

Поплевав на ладони, Франта ухватился за нижний сук и ловко, как белка, полез по дереву. При этом он старался вести себя как можно тише, чтобы не испугнуть редкостную птицу. Он все лез и лез и был уже почти у цели, оставалось только протянуть руку и схватить незнакомку, но тут — ах ты, боже мой, кто бы, ребята, поддержал Франту, а не то еще свалится с черешни! — тут вдруг чудесная птица с красно-сине-зеленым оперением спокойно повернула голову и, посмотрев на него, проговорила человеческим голосом:

— Что вы желаете, молодой человек?

Наверное, дорогие ребята, вы уже догадались, что это был попугай!

Не издав ни звука, Франта молниеносно соскользнул по гладкому стволу черешни на землю. Но не убежал после этого, а снял кепку и вежливо поздоровался:

— Добрый день, уважаемая Жар-птица! Не сердитесь на меня. Я принял вас за ворону в павлиньих перьях!

— Ничего страшного! — проговорил попугай и, как бы вспомнив о чем-то, добавил: — Скажите, пожалуйста, молодой человек, не Грусицы ли называется вон та деревня?

— Точно так, уважаемая Жар-птица, — отвечал попугаю Франта. — Сколько себя помню, Грусицы всегда стояли на том месте.

— В таком случае, не подскажите ли, молодой человек, где я могу разыскать некоего кота Микеша? — продолжал расспрашивать попугай.

— Отчего же не подсказать? Совсем недавно я вытащил из пруда котика Мурлышку. А Мурлышка с Микешем родственники, и оба живут под горкой, у ручья.

— Будьте так любезны, молодой человек, проводите нас к их дому!

— С удовольствием! — охотно согласился Франта и пробежал глазами по близстоящим деревьям, ища других попугаев. Он так вертел головой, что чуть не свернул себе шею, и оттого не заметил, как попугай что-то прокричал на непонятном языке в направлении кладбища. А когда сам глянул туда — боже мой, ребята, держите Франту, не то он сейчас убежит! — впрочем, нет, он увидел такое, что от страха коленки у него задрожали, и он не в силах был куда-либо убежать, а только смотрел на странную компанию, которая приближалась со стороны кладбища.

Впереди шел косматый медведь, за ним следом ступал огромный слон, на шее у него сидела обезьяна! Обезьяна была в пестром наряде, а на голове у слона красовалась алая шапочка.

Насмерть перепуганный Франта лихорадочно думал, куда бы спрятаться. Но тут попугай перепорхнул на ближайшую к нему ветвь и попытался его успокоить:

— Не пугайтесь, молодой человек, вам ничто не угрожает! Все мы друзья Микеша. Вот вы проводите нас к нему, коли уж вы приятели, и сами увидите, как он обрадуется.

Утратив от страха дар речи, Франта в ответ только головой кивнул и зашагал по дороге к деревне. Попугай же сел на слона, и животные не спеша двинулись к Грусицам под предводительством Франты Кулдана.

На деревенской площади появление необычной процессии произвело подлинный фурор. Отовсюду на площадь сбежались собаки, они яростно лаяли, но при этом держались на почтительном расстоянии от животных. Из домов повывагали люди и теперь смотрели на диких зверей, вытаращив глаза от изумления. Мужчины сразу перестали курить, старушки и женщины помоложе то и дело всплескивали руками, у стариков от страха дрожали колени,

маленькие же дети громко плакали. Не удивляйтесь, ребята! Ведь до сих пор им еще не приходилось видеть такого большого зверя, как слон. Вся деревня с удивлением смотрела на Франту Кулдана — неужели он не боится этих животных? — и сгорала от любопытства: откуда же он, сорванец, их привел? Тут во Франте проснулся боевой дух, и он совершенно перестал бояться кого бы то ни было. Он зашагал во главе процессии с таким важным видом, словно все эти звери были его собственностью! Мальчишки очень завидовали Франте, однако не осмеливались подойти и спросить что к чему, а главное про то, куда он собирается их спрятать, чтобы они не попались на глаза его бабушке. Сам же Франта не обращал на приятелей никакого внимания, продолжая вести нежданных гостей по деревенской площади к ручью, возле которого жили Швецы.

Тем временем у Швецов все как раз были во дворе. Бабушка сидела на завалинке, Мурлышка — у нее на коленях, а рядом стояли Пепик, Микеш, Бобеш и Пашик. Они увлеченно беседовали между собой, и вдруг со стороны деревенской площади до их ушей донеслись лай собак, людские крики и плач детей.

— Что там происходит? — проговорила бабушка. — Боже мой, а сюда-то кто движется?!

Все, как один, повернули головы в сторону площади и так и остолбенели при виде приближающейся компании странных животных. Первым, разумеется, пришел в себя Микеш. Он узнал их сразу и, бросившись вприпрыжку навстречу, сердечно поприветствовал друзей. Звери несказанно обрадовались Микешу, все они издавали крики ликования, попугай же прокричал ему со слона:

— Мое почтение, пан Микеш, привет!

После сердечной встречи с друзьями Микеш поблагодарил Франту Кулдана за то, что он показал им дорогу, и повел гостей во двор. Там в эту минуту сидели только Пепик с Бобешем. Мурлышку бабушке пришлось унести в горницу, потому что, едва появились звери, он завопил, что ужасно боится этих «цыган», а вот Пашик сам удалился в свой хлев, чтобы, как он объяснил, немного привести себя в чувства, но и там он не оправился от испуга. У Пепика тоже душа ушла в пятки, однако убежать куда-либо он

никак не мог, видя, что Франта Кулдан совершенно не боится животных. По той же причине остался на завалинке и Бобеш, хотя его длинная борода вся так и тряслась от волнения.

Когда Микеш привел своих гостей на двор, вышла туда и бабушка, правда уже без Мурлышки; он залез дома под одеяло и ни за что не соглашался выйти поприветствовать всех этих чудных дядюшек.

Микеш стал знакомить бабушку с гостями:

— Вот слон, дядюшка Брундибар, дядюшку медведя зовут Мышка, барышню обезьяну — Качаба, а это наш попугай Клабосил.

Потом Микеш представил гостям бабушку, Пепика и Бобеша. Медведь и слон проревели в ответ что-то вежливое, обезьяна отвесила низкий поклон, а попугай прокричал со слона:

— Добрый день, сударыня!

Обезьяна и слон сняли с себя шапочки, а слон еще протянул бабушке свой длинный хобот, чтобы она его пожалала. Стоит ли удивляться, дорогие ребята, что у бабушки так и задрожали ее старческие руки, ведь перед собой она видела зверя величиною с дом! Со своей стороны, и Пепик с Бобешем сердечно поприветствовали друзей Микеша и охотно пожалали Мышке и Клабосилу лапы, Качабе — руку, а Брундибару — хобот.

Тут Микеш вспомнил о Пашике и побежал за ним в хлев.

Пашику очень не хотелось покидать своего жилища, и он весь дрожал от страха, но в конце концов согласился выйти, несколько успокоившись после того, как Микеш сообщил ему, что этот огромный зверь — дальний родственник кабанчика, он, мол, тоже «многокопытный».

Бабушка в хлопотах

Познакомившись со всеми друзьями-животными котика Микеша, бабушка пригласила их в горницу, но тут же бедная старушка покраснела от смущения, посмотрев на слона Брундибара и заметив, что ростом он почти что с их дом. Умный попугай Клабосил сразу это подметил и сказал бабушке, чтобы она не слишком-то о них беспокоилась.

— Мы сейчас же отправляемся обратно, сударыня!— сказал он.— Как только переговорим с паном Микешем. Нам предстоит дальний путь, и мы не можем здесь задерживаться, разве что подождем, пока пан Микеш соберется в дорогу.

— Ну уж нет, просто так я вас никуда не отпускаю!— запротестовала бабушка.— Раз вы друзья Микеша, значит, вы и мои друзья, и вы от меня без угощения не уйдете!

С этими словами она незаметно подала Микешу знак, чтобы он шел в горницу, и там спросила у котика, не сварить ли его друзьям хотя бы кофейку. Микеш снисходительно улыбнулся, впрочем, совсем не обидно, и, как всегда, мудро заметил:

— Можно и кофейку, бабушка! Но сначала их надо покормить тем, к чему они привыкли. Вот тут-то, бабушка, и начинаются трудности: у них очень разные вкусы. И это не от привередливости, а просто от того, что с рождения они приучены к определенной пище.

— Ну и хорошо! Я с удовольствием буду стряпать для каждого в отдельности, ты только посоветуй, чего и сколько я должна приготовить, чтобы потом — не дай бог!— они не ославили меня перед людьми!

— Ничего не бойтесь, бабушка! И если уж вы просите у меня совета, я вам с радостью его дам,— успокаивал Микеш старушку.

— Поступим таким образом: обезьяне Качабе вы в самом деле сварите кофе, и в придачу к нему мы дадим ей оставшуюся со вчерашнего дня сладкую булочку. Попугаю надо купить арахиса, семечек, и к этому добавим еще пару яблочек повкуснее. Медведь, бабушка, будет весьма признателен, если вы дадите ему несколько буханок хлеба с медом, а дядюшка слон наверняка останется доволен, съев каких-нибудь пятьдесят килограммов отварного риса.

Микеш говорил так, будто речь шла о самых обыкновенных клецках из картофеля и муки с маком, однако у бабушки от всего, что она слышала, даже ноги подкосились. Она всплеснула руками и минуту-другую с ужасом смотрела на Микеша. Старческий подбородок ее дрожал.

— Золотце мое,— пролепетала она,— как же я все это приготовлю?! Господи, ведь только для одного риса не менее шести котлов понадобится! Откуда я возьму тебе такую

плиту! Да и риса в доме всего полкило осталось! Просто голова идет кругом, дорогой Микеш!

— Родная моя бабушка! Все устроится, не надо ничего бояться! Не полк же солдат заявился к вам на постой! Вот увидите: все пойдет как по маслу. Я тотчас же отправлю Франту Кулдана с тачкой к Сейку за рисом, Пепик сбегает к кому-нибудь за орехами, семечками и яблоками, а сам я тем временем затоплю печь. Вы же, бабушка, будьте так добры, сходите к Плавцам и купите у них немного меду, они вам с радостью его продадут, и заодно спросите у тетушки Плавцовой, не сможет ли она сварить для вас на своей плите два котла риса. Думаю, ради вас она сделает это с удовольствием, а если с той же просьбой вы обратитесь к ее соседке тетушке Шальдовой, то она на своей плите сварит для вас еще два котла риса. Пускай они обе тут же ставят котлы на плиты, чтобы вода закипела к тому времени, когда Франта привезет рис, а я сейчас же займусь печкой. Ах да, бабушка, поставьте, пожалуйста, на плиту два больших котла с водой, я этого не сумею, и еще один маленький на кофе для обезьяны. В общем, оглянуться не успеете, как все будет в полном порядке!

— Сразу видно, Микеш, что ты был укротителем в цирке! — усмехнулась повеселевшая бабушка. — Как это здорово ты все придумал! Ну да ладно, бегу к Плавцам за медом, а ты тут хозяйствуй по своему разумению. — И, поставив котлы с водой на плиту, она побежала к Плавцам.

Жили Плавцы за двором Швецов в обветшалом домишке, окна горницы которого выходили в поле. Поэтому Плавцы не могли видеть, что совершалось тем временем у Швецов, и были очень удивлены появлению старой соседки, которая прибежала к ним вся запыхавшись.

— Прошу вас, дорогие соседки, продайте мне немного меда и разрешите еще сварить на вашей плите в двух котелках щепотку-другую риса! Не смотрите на меня так странно, люди добрые, я сегодня сама не своя! Ни с того ни с сего к нам в гости пришли хорошие знакомые, а у меня дома хоть шаром покати, — второпях объясняла бабушка.

— Уж не наведались ли к вам знакомцы из Петигостов? — спросил у бабушки сосед Плавец.

— Люди добрые, прямо напасть какая-то! — продолжала объяснять бабушка, ломая при этом руки и закатывая глаза. — У одного, знаете ли, вот такой носище (тут бабушка развела руки как можно шире), другой прыгает по крыше, третий сидит на дереве, а четвертый чешет ногтями под мышками!

Дядюшка и тетушка Плавцы в изумлении уставились на соседку. Господи Иисусе, что лепечет эта Швецова?! Уж не лишилась ли она рассудка на старости лет?

— И вы собираетесь угощать своих знакомых одним рисом? — спросила у бабушки тетушка Плавцова.

— Я сварю кофе и рису, — отвечала ей бабушка. — Кофе для обезьяны, а рис для носатого. Тот, что с крючковатым клювом, отведаст семечек, косматый же любит хлеб с медом! Чем их кормить, посоветовал мне наш Микеш, вот я и пришла к вам, соседка, продайте мне, пожалуйста, немного меда и вскипятите на своей плите два котелка воды для риса. Об этом же я попрошу и молодую Шальдову, потому как носатый наедается лишь пятьюдесятью килограммами!

Вместо ответа дядюшка с тетушкой Плавцы кивнули ей головами и не стали больше ни о чем расспрашивать. Они помогли бабушке поставить на плиту два больших котла с водой, затопили печь и, когда она ушла, лишь сочувственно переглянулись между собой, а дядюшка Плавец еще постучал себя по лбу, как бы говоря, что старая Швецова наверняка повредила в уме.

— Ничего удивительного, — заметил он вслух. — Она ведь с людьми почти не общается, все с Микешем да Пашиком! Решила, по-видимому, что и ее знакомые из Петигостов тоже животные. Однако, мать, не показывай виду и делай, как она хочет!

Микеш возвращается в цирк

В то время как на плитах трех домов варились рис для слона Брундибара и кофе для обезьяны Качабы, попугай Клубосил объяснял Микешу, зачем они пришли.

— Мне очень неудобно, — извинялся Микеш, — вы проделали из-за меня такой путь! Мне неловко, что я сам не приехал к вам, как обещал в письме, прямо хоть на хвост

себе наступай в отместку! А нельзя ли, дорогой Клабосил, было ограничиться тем, чтобы Олюшка просто написала ответное письмо?

— Она так и сделала, пан Микеш,— смутившись, проговорил попугай,— но почтмейстер выпроводил ее вместе с ним, увидев, что адресовано оно коту.

Тут все, кто слышал эти слова, рассмеялись, один попугай остался серьезен и печально продолжал:

— Дело обстоит гораздо хуже, чем вы могли бы предположить, дорогой пан Микеш! Пока вы были дома, в цирке произошли большие перемены, и многих из своих друзей вы уже там не встретите!

— Боже мой! Что же, собственно, произошло?!— испуганно спросил Микеш.

— Да много всего,— отвечал ему попугай.— Наш пан директор тяжело заболел и не мог уже заниматься цирком, как прежде, а бедняжке Олюшке управляться со всеми делами одной было не под силу. Она еще слишком молода, чтобы руководить таким большим цирком. Стоит ли удивляться, что в последнее время положение наше все ухудшалось. В конце концов вышло так, что от нас поуходили все люди и мы были вынуждены расстаться со многими дрессированными животными. Из бывшей труппы уцелели только мы четверо да царь зверей лев, который, между прочим, с тех пор как вы нас покинули, сделался ужасным букой. Впрочем, и мы далеко не спокойны за свое будущее, вся надежда на вас, пан Микеш, один вы можете спасти нас пятерых и помочь Олюшке сохранить цирк. Она-то и послала нас к вам, наказав без вас и не возвращаться. И вот все мы, пан Микеш, убедительно просим вас вернуться в цирк вместе с нами, чтобы защитить от беды хотя бы нас пятерых.

Микеш слушал рассказ попугая, низко опустив голову. Слон, обезьяна и медведь не понимали человеческого языка, на котором говорил попугай, но догадывались, о чем он ведет речь, и смотрели на Микеша с таким отчаянием и надеждой, что котик едва не расплакался.

И тут дрогнувшим голосом заговорила бабушка:

— Делать нечего, золотце мое, надо возвращаться, раз в тебе такая нужда! С моей стороны было бы нехорошо удерживать тебя дома только по той причине, что без тебя

мне будет грустно, ведь речь идет о жизни твоих друзей. Если ты уже собрал вещи, то не мешкай и, как только звери поедят, отправляйся вместе с ними в путь, чтобы не опоздать!

Слова старой бабушки вывели Микеша из оцепенения, и он решительно сказал попугаю:

— Ты ведь знаешь, друг Клабосил, я никогда не предам Олюшку. Однажды она спасла мне жизнь, и теперь я даже рад случаю отплатить ей добром за добро. Я готов отправиться в путь, как только вы подкрепитесь!

И Микеш побежал в дом, чтобы хорошенько подготовиться к дальней дороге. Бабушка тем временем торопливо разливала кофе, намазывала медом ломти хлеба, накладывала слону рис. Пепик и Франта принесли от Шальдовой еще два котла с рисом, и когда они уже собирались бежать за ним к Плавцам, случилось непредвиденное!

Некоторое время назад тетушка Плавцова, сняв с плиты готовый рис, сказала дядюшке Плавцу:

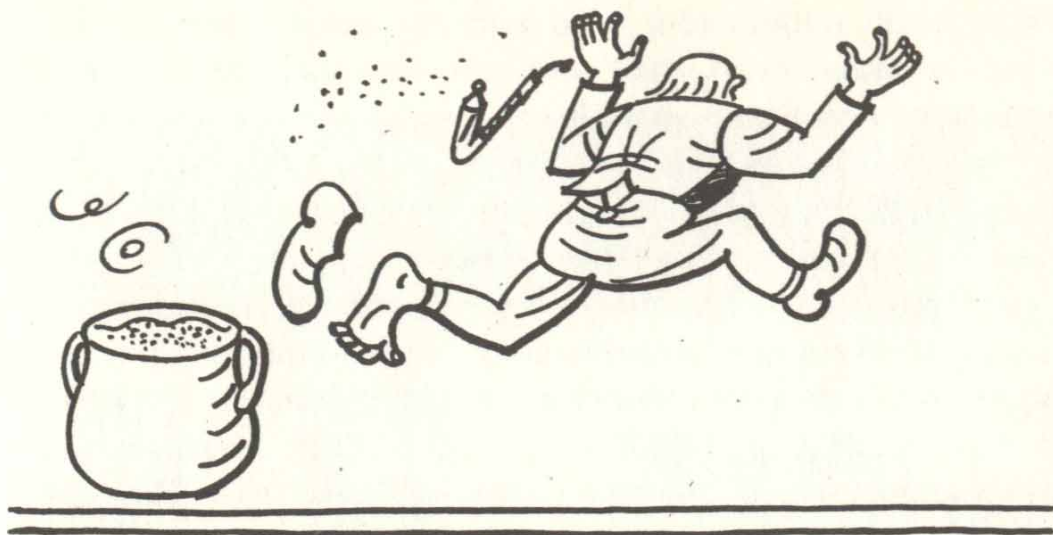
— Послушай, отец, снеси-ка ты его Швецовой сам, чего утруждать старую женщину!

— Конечно, мать! — с готовностью согласился дядюшка Плавец и, взяв один из котлов за ушки, вышел из дому. Потом он осторожно спустился по ступенькам на дорогу и двинулся вдоль забора Швецов к их воротам. Вид у него был чрезвычайно серьезный: он размышлял о старой соседке и твердо решил каким-нибудь образом намекнуть ее знакомым, отчего она в таком замешательстве. Но когда дядюшка Плавец зашел на двор к Швецам и увидел посреди него огромного слона, он тут же бросил котел с рисом наземь и со всех ног пустился бежать к своему дому.

— Кто этот странный человек? — спросил у бабушки попугай Клабосил.

— Наш сосед Плавец, — ответила бабушка. — Он живет вон в той обветшалой хижине, на людях показывается редко, вот и чудаковат малость.

А тем временем сосед Плавец мчался сломя голову мимо их сада вверх по дороге. Заметив его из окна, тетушка Плавцова немало подивилась той прыти, с которой бежал ее муж. Она поспешила к нему навстречу и столкнулась с ним

прямо в дверях. Ворвавшись в горницу, дядюшка Плавец раскинул руки в стороны и взволнованно закричал:

— У него даже не та-а-акой, а вот та-а-акой носище! Тетушка Плавцова только руками всплеснула.

— Боже мой!— испуганно воскликнула она.— Вот и отец наш свихнулся!— И тетушка Плавцова уже готова была поднести к глазам свой передник, чтобы поплакать в него над постигшим их семью несчастьем, как в горницу к Плавцам неожиданно влетели Пепик Швеc с Франтой Кулданом.

Оба мальчика сразу догадались, чего так испугался дядюшка Плавец, и за вторым котлом решили сбежать сами. Тогда-то наконец и узнали от Пепика тетушка с дядюшкой Плавцы, что за гости собрались у Швецов, и поняли, что с головой у старой Швечовой по-прежнему все в порядке. Потом они даже пошли взглянуть издали на их диковинных гостей.

В ту пору гости у Швецов как раз обедали, и обед им всем очень нравился. Попугай с удовольствием лущал семечки и арахис, медведь с большим аппетитом уплетал ломти хлеба с медом, довольная обезьяна потягивала из

кружки кофе, а слон то и дело задирает хобот кверху и весело трубил в знак того, что ему несказанно нравится рис. Бабушка не скрывала своей радости. Она больше не боялась, что «господа» из цирка ославят ее перед людьми. А Микеш между тем основательно подготовился к дороге, и когда его друзья насытились, пришло время прощаться. Грустные настали минуты, но никто не плакал, все понимали, что Микешу необходимо вернуться в цирк, раз уж в нем так нуждаются. Бабушка очень гордилась Микешем и мысленно уже представляла себе, как рассказывает соседям, зачем к нему приходили господа звери. Разве что Мурлышка расплакался из-за ухода дядюшки Микеша и успокоился лишь после того, как Микеш пообещал привезти ему большого коня-качалку.

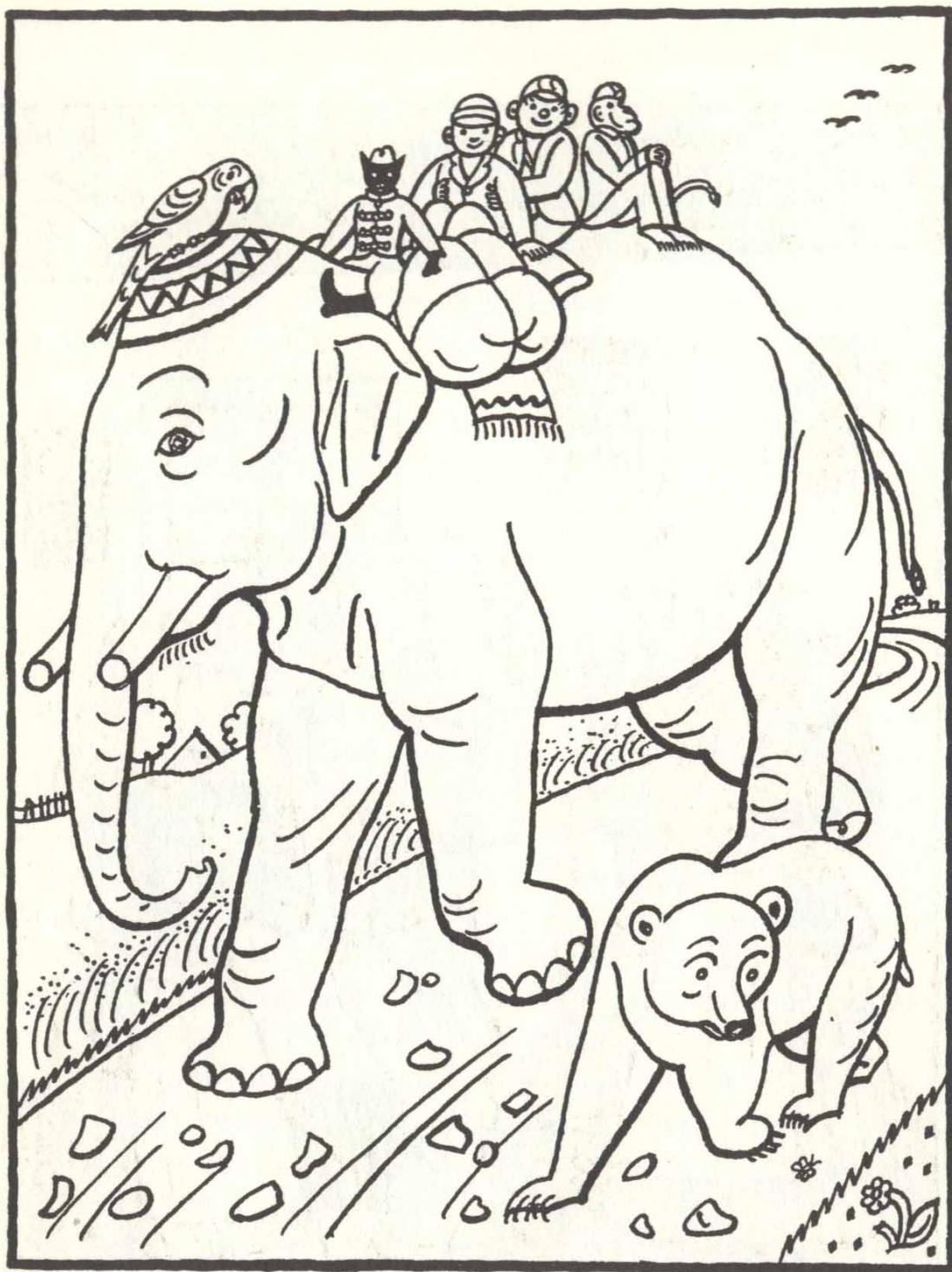
Напоследок Микеш сказал бабушке, что его друзья звери сердечно благодарят ее за радушный прием, еще раз попрощался с ней и вскарабкался на слона Брундибара. Там же, на широкой слоновьей спине, разместились и два большущих тюка котика. Попугай Клабосил и обезьяна Качаба тоже забрались на Брундибара и устроились поудобнее возле Микеша. Лишь медведь Мышка проревел, что ему, мол, куда приятнее снова бежать своим ходом.

Слон уже снял было хоботом алую шапочку для прощания, но потом вернул ее на место, когда Микеш крикнул ему что-то по-слоновьи. В ответ слон согласно кивнул головой.

— Франта, Пепик, может, прокатимся немного? Хотя бы до кирпичной мастерской,— окликнул своих друзей Микеш.— Подойдите к слону, и он поднимет вас хоботом на спину! Не бойтесь, ничего с вами не случится!

Пепик колебался, стоит ли это делать, зато Франта Кулдан вмиг подскочил к слону, и не успел он глазом моргнуть, как сидел уже за спиной у Микеша. Тут смелости набрался и Пепик, и через минуту вся честная компания двинулась со двора. Бабушка еще раз попрощалась с Микешем, кивнув ему головой; Пашик с Бобешем замахали котика передними копытцами. А все соседи и соседки, что толпились на дороге или стояли во дворах возле домов, закричали Микешу, чтобы он живым и здоровым поскорее возвращался обратно.

Собаки вновь разразились громким лаем, но никто из соседей больше уже не боялся животных, все видели, как миролюбиво вели они себя во дворе у Швецов. Мальчишки же по-прежнему не без зависти наблюдали за удивительной поездкой Франты и Пепика на слоне, особенно их раздражал Франта, который восседал на нем с таким гордым видом, будто только что забил в ворота победный гол.

Всему хорошему когда-нибудь наступает конец! Дойдя до кирпичной мастерской, слон по знаку Микеша остановился и хоботом опустил Франту и Пепика на землю. Мальчики попрощались с Микешем и его друзьями, пожелали им счастливого пути и на этом расстались. Ребята полями пустились бежать обратно в Грусицы, а слон Брундибар повез своих друзей-циркачей дальше и через некоторое время исчез в дремучем лесу.

Бабушка рассказывает Мурлышке быль

В тот день, когда Микеш снова покинул родные места, Мурлышка ходил по двору и по горнице точно в воду опущенный. На дворе он то и дело пристально смотрел в сторону деревенской площади, словно ждал, что там появится Микеш, а в горнице брал в лапки одну игрушку за другой, но так и не увлекся какой-либо. Когда же вечером бабушка вернулась из гостей на двор, он прижался к ней и захныкал:

— Бабуска, а когда велнется дядюска Микес из своих стланствий?

— Что-то быстро ты об этом заговорил,— с улыбкой сказала бабушка.— Скучаешь, да? Я, касатик, тоже скучаю, и даже очень! Но пойдем-ка лучше домой, я сварю тебе кофейку, а потом расскажу кое-что интересное.

— Ула!— обрадовался Мурлышка.— Вы, навелное, ласкайте мне волсебную сказоцку?

— Нет, касатик, сегодня я не стану рассказывать тебе сказки,— ответила бабушка.— Я поведаю тебе историю, которая произошла на самом деле, и она будет поинтереснее любой сказки.

Отужинав, они с Мурлышкой забрались на печь, и бабушка приготовилась рассказывать о том, что случилось однажды в Грусицах.

Итак, слушайте внимательно, бабушка начинает:

— За ручьем, в хижине, где сейчас живут Бартачеки, жил раньше столяр Пецка. Было у него семеро детей, и, конечно же, ему приходилось много работать, чтобы прокормить стольких едоков. Пецка был очень хорошим

мастером, работы у него хватало, и посему не было случая, чтоб дети его голодали.

Получив солидное вознаграждение, Пецка непременно приносил в дом какие-нибудь игрушки; на праздник святого Микулаша всякий раз покупал ребятам чудесные подарки, а в Сочельник красиво наряжал для них елочку.

Словом, столяр Пецка был хорошим отцом.

Как-то накануне праздника Микулаша он попросил Франтика Комарека нарядиться в костюм святого и принести подарки его ребятишкам. Франтику в ту пору было всего двенадцать лет, но выглядел он гораздо старше своего возраста. Мальчик очень обрадовался предложению Пецки и тут же занялся поисками ваты для бороды, картона для епископской шапки-митры, золотистой фольги для ее отделки, метлы и орехов. Франтик был очень горд, что вскоре выступит в роли Микулаша, совсем как взрослый.

Перед самым праздником, к вечеру того дня, все его приготовления были завершены. Подарки, которые столяр Пецка, купив у корчмаря, принес прямо к Комарекам, он сложил в обернутую фольгой корзину и, едва стемнело, начал обряжаться в платье Микулаша.

Как славно все получалось у этого сорванца! Когда Франтик приделал себе длинную белую бороду из ваты и такие же волосы да напудрил мукой лицо, то стал совершенно неузнаваем. Пес Михалек смотрел на него широко раскрытыми глазами и недоумевал, зачем это хозяин облачается в просторную белую рубаху да нахлобучивает на голову остроконечную шапку с позолотой. Не отходя от Франтика ни на шаг, пес нетерпеливо ждал, что же он будет делать дальше. И решил проследить за ним до конца.

Около семи часов вечера, когда на дворе совсем стемнело, тетушка Комаркова заглянула в горницу и сказала:

«Думаю, Франтик, тебе пора! У Пецки уже горит свет!»

Этой минуты Франтик ждал весь вечер. Он взял в одну руку метелку, в другую — корзину с подарками и вышел на темный двор. Пес Михалек побежал за ним следом и проводил хозяина до самого ручья, но дальше пойти не рискнул: побоялся переходить через ручей по камням-голышам, в холодную же воду заходить ему не хотелось. Он подождал еще, пока хозяин переберется на другую сторону, разочаро-

ванно вильнул хвостом и вернулся домой. Хозяин же его тем временем всю хлестал метелкой сначала по окну, а потом и по дверям в сенях дома Пецки, приговаривая басом, на какой только был способен:

«Тары-бары-растабары, тары-бары-растабары!»

Едва дети Пецки слышали эти слова, как с визгом и криками забегали по горнице, ища укромные местечки, где они могли бы спрятаться от Микулаша. Одни схоронились от него за шкафом, другие влезли на печь, третьи — под кровать. Хотя и знали, что, как только появится Микулаш, им все равно придется выползать из своих укрытий и молиться. Но так поступают почти все дети.

В груди у каждого из них бешено застучало сердечко, когда они слышали, как Микулаш спросил у родителей, нет ли в доме маленьких детей.

«Разумеется, пан Микулаш! У нас их семеро по лавкам! — ответила тетушка Пецкова и всплеснула руками от изумления: — И все это вы принесли нашим детишкам?! Сколько подарков! Яблоки, орехи, инжир, конфеты — бог весть что еще!»

При этих словах ребятишки повылезали из укрытий и, плюхнувшись перед Микулашем на колени, начали молиться.

Микулаш стоял перед ними как статуя. Даже не пошелохнулся ни разу. Вот только под конец молитвы у него неожиданно потек нос, и он решил по своей давней привычкетереть его рукавом, но вовремя спохватился и тогда сунул было руку в карман, чтобы достать платок, да сделать это помешала длинная рубаха.

Между тем дети закончили молиться и теперь с любопытством смотрели на Микулаша. Они, конечно же, ждали, что сейчас он щедро одарит их крейцерами, иначе зачем бы он полез в карман. Но прежде Микулаш захотел выяснить, заслуживают ли они подарков, и начал их испытывать.

«Молитесь вы здорово, что правда, то правда! — похвалил ребят Микулаш. — Однако я хотел бы знать, так ли успешно учитесь вы в школе. Поэтому сейчас я вас проэкзаменую! Будьте внимательны, школьники, для начала мы займемся сложением. Сколько будет столько-то плюс столько-то? А?»

Маленькие Пецки, те, что уже ходили в школу, удивленно уставились на Микулаша. Но тут и сам Микулаш осознал всю бессмысленность своего вопроса. Ему было очень досадно, что он так опростоволосился, и он собрался было задать вопрос поумнее, как вдруг семилетний Вашик поднял ручку и сказал:

«Извините, пан Микулаш, мы это не проходили!»

«Ладно, ладно! — наконец пришел в себя Микулаш. — Тогда, школьники, для начала займемся географией. Вот ты, Антонин Пецка, скажи: в какую Северную Лабу впадает наше самое длинное море?»

«Извините, пан Микулаш, но оно впадает у Влтавы в Мельник!»**» — бойко ответил десятилетний Тоник и тихо прыснул со смеху в ладошки.

В эту минуту Микулашу очень захотелось подбежать к Тонику и пару раз огреть его метелкой. Но и сам на себя он тоже был зол. Он понимал, что задал еще более глупый вопрос, и видел, как дядюшка Пецка ухмыляется себе в усы. Между тем Франтик Комарек был не из тех мальчишек, что отступают без боя; он быстро овладел собой и, смерив Тоника строгим взглядом, напустился на него со словами:

«Ишь возомнил о себе бог знает что! Ведь у самого тройка по географии, тоже мне, умник нашелся! Если бы Пепик Шобр не давал тебе списывать, ты бы вообще ничего не знал! Да что с тобой говорить! Научись сначала, как я, хомяков из норы выманивать, понял?! И еще: смотри, Тоничек, теперь лучше не попадайся мне на глаза, когда полезешь к нам за грушами!»

* Свой вопрос Франтику Комареку следовало бы задать так: «В какое море впадает наша самая длинная река Лаба?» Правильный ответ — в Северное.

** Ответ у Тоника вышел таким же путаным, как и заданный ему вопрос. Влтава — река, Мельник — город, под склонами которого воды обеих рек, Лабы и Влтавы, объединяются и, миновав горы на границе страны, вливаются в Северное море.

«Славно я осадил этого нахала!» — подумал про себя Микулаш.

На этом, оставив в покое детей, которые и без того уже хохотали в открытую, Микулаш с достоинством обратился к тетушке Пецковой:

«Принесите-ка сюда, тетенька, какую-нибудь плетенку или миску! Я высыплю туда подарки, а потом вы уж по своему усмотрению разделите их между своими горлопанами! Мне надо поторапливаться, чтобы успеть еще в Тршемблаты и Турковицы».

Ну, а в следующую минуту, перестав смеяться, дети с нескрываемым любопытством разглядывали все те угощения, которые Микулаш пересыпал из своей корзины в миску.

«Как это любезно с вашей стороны, пан Микулаш, что вы вспомнили о наших ребятишках», — проговорила тетушка.

«Не стоит благодарности, тетенька. А теперь мне и вправду пора идти. Счастливо оставаться. Да, мне показалось, когда я шел сюда, что у вас хлев не заперт! Смотрите, как бы коза не сбежала! Спокойной вам ночи!»

С этими словами Микулаш попрощался за руку с дядюшкой и тетушкой и пошел прочь под возгласы ликования счастливых ребятишек.

Из хижины Пецки Франтик Комарек вышел с гордо поднятой головой, словно там его по меньшей мере произвели в доктора. Он был рад, что все так хорошо закончилось и что дети его не узнали. Франтик уже представлял себе, как будут завидовать ему старшие мальчишки, когда узнают, что он играл роль Микулаша, совсем как взрослый мужчина! От таких мыслей Франтик еще больше заважничал и зашагал точно пан староста.

Когда он подошел к ручью, случилось нечто необыкновенное. В ту самую минуту в своей большой горнице Пецки зажгли лампу, и свет от нее, пронзив ночную мглу, озарил бегущую в ручье воду и голыши-камни.

От испуга Франтик выпустил из рук метелку с корзинкой и, раскрыв рот, в удивлении уставился на призрак, что предстал перед ним совершенно неожиданно. Посредине ручья, на большом камне, стоял высокий Микулаш, озаряемый

сиянием, исходящим от Пецковой хижины. Он стоял как истукан и пристально всматривался в изумленного Франтика.

Утратив все свое бывшее достоинство, Франтик плюхнулся перед ним на колени и, не дожидаясь особого приглашения, начал молиться. Он читал молитву без расстановки, перескакивая с пятого на десятое, тем не менее большой Микулаш остался им очень доволен. Стоя на камне, он так хохотал, что едва не свалился в ручей. Такого смешливого Микулаша ты, Мурлышка, в жизни не видывал!

«Отлично, просто превосходно у тебя получается, коллега! — наконец проговорил большой Микулаш. — Сразу видно, что ты и в школе хорошо учишься, и дома родителей слушаешься! Посему, коллега, без подарка я тебя не оставляю! А ну, подставляй корзину!»

Франтик не заставил себя долго ждать, и в тот день впервые за все время, пока существует мир, случилось так, что Микулаш одарил Микулаша!

Микеш готовит большой сюрприз

Когда слон Брундибар и его друзья, заканчивая свое долгое путешествие, приближались к цирку, из фургона пана Клудского неожиданно выбежала Олюшка и, счастливая, устремила к ним навстречу. Завидев ее, Микеш тут же попросил слона опустить его на землю. Однако развеселившийся Брундибар подал котика Олюшке прямо в раскрытые объятия.

Радостной была эта встреча. Увидев, как Олюшка с Микешем на руках закружилась в веселом танце, медведь Мышка встал на задние лапы и неуклюже запрыгал взад и вперед. Слон, задрав хобот как можно выше, восторженно затрубил в знак приветствия. Попугай же прокричал:

— Да здравствует Микеш! Слава! Слава!

А обезьяна Качаба при этом кувыркалась на спине у слона.

Когда же в фургоне Олюшка рассказала Микешу, как плохо обстоят дела в цирке, котик лишь печально опустил голову и сокрушенно вздохнул. Ему было очень жаль пана Клудского, который уже долгое время лежал в пражском

госпитале и из-за болезни вынужден был распродать почти весь цирк. От некогда славного цирка всего-то и осталось, что несколько фургонов, малый шатер да самая необходимая утварь. А из всех бывших служащих позвать Микешу лапку пришел один старый верный Швейда, который просто уже не мог жить без цирка и согласился бы служить в нем даже задаром, лишь бы не покидать Олюшку. Старый лев Ирод да звери, что пришли с Микешем,— вот все, кого удалось сохранить из некогда большой труппы дрессированных животных.

— Ума не приложу, что с нами будет,— заключила свой грустный рассказ Олюшка.— Денег у нас все меньше и меньше; боюсь, как бы вскоре не пришлось распродать и оставшееся.

Тут Микеш встал с табуреточки и, решительно направившись к Олюшке, сказал:

— Не бойся, Олюшка! До этого не дойдет! Еще дома я пообещал Клабосилу помочь тебе, моей спасительнице, и сделаю это с радостью. Вот увидишь, скоро мы заживем, как прежде, былая слава цирка Клудского непременно возродится. По дороге я все продумал и твердо верю в успех.

— Поэтому-то я и послала за тобой, дорогой Микеш! Ты моя последняя надежда!— произнесла в ответ Олюшка

и погладила котика по черной головке. Настроение у нее несколько поднялось.

Потом они оба пошли проводить льва. Когда Микеш подходил к клетке, он видел, что голова у царя зверей лежит на передних лапах и выглядит он весьма печальным. Но едва Микеш вошел к нему, как лев поднял голову и от радости забил хвостом по полу. Учтиво поклонившись, котик вежливо спросил его на львином языке:

— Как изволите себя чувствовать, ваше величество?

— Неважно, дорогой Микеш, — тихо прорычал лев, — но, слава богу, ты снова с нами. Я уж думал, что умру от тоски. Да, чувствую я себя неважно, и все-таки я рад, что меня не продали, как других, и я дождался твоего возвращения. Теперь все у нас пойдет иначе!

Олюшка и слон Брундибар, который тоже стоял у клетки, не понимали, о чем разговаривают лев с Микешем, но видели, как обрадовался котик у царя зверей. Олюшка довольно улыбалась, а слон Брундибар все то время, пока Микеш и лев беседовали, держал свою шапку в хоботе и глаза у него светились счастьем. Напоследок Микеш подбодрил льва недолгим рычанием о будущей славе цирка и потом вежливо пожелал ему спокойного сна.

Затем Олюшка повела Микеша в жилой фургон пана Клудского, чтобы котик отдохнул после утомительной дороги. Олюшка начала готовить ужин, а Микеша попросила снять сапоги и располагаться поудобнее. Но котик небрежно махнул лапкой и сказал, что-де и так ехал с удобствами всю дорогу. Заложив лапки за спину, на манер степенных пожилых дядюшек из его деревни, он с за-

думчивым видом принялся расхаживать по фургону. Олюшка не стала ему мешать. Она понимала, что сейчас он думает о том, как спасти их последнее имущество. Олюшка ни о чем его не спрашивала, веря, что такой умный котик устроит все наилучшим образом.

На другой день, рано утром, Микеш и Олюшка пошли осмат-

ривать шатер, фургоны и цирковую утварь. Котик остался доволен осмотром и, чтобы порадовать Олюшку, не замедлил сообщить ей об этом.

— Для первого представления, которое я задумал, у нас есть все необходимое. Ставить его нужно как можно скорее, чтобы заработать денег на первое время. Я сейчас же отправлю старика Швейду за людьми, которые помогут нам подготовить шатер к работе.

И уже на третий день по всему городу Костелцу были расклеены афиши, гласящие:

*Глубокоуважаемые дети, соседи, дамы,
дядюшки и тетушки, паны, зрители
и прочие баре-господа!*

Мы, уцелевшие дрессированные зверюшки
из бывшего цирка пана Клудского,
даем сегодня вечером в нашем шатре «В долинушке»

БОЛЬШОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

в пользу своих безработных, терпящих нужду товарищей.

Вы увидите поистине грандиозное зрелище.
В программе всевозможные цирковые номера и фокусы,
а также наш сюрприз

ЗАГАДОЧНЫЙ КОТИК

невероятная сказка или быль для детей от 1 года
до 99 лет. Кто не поверит в первый раз,
сможет, купив билеты, прийти на второе
и на третье представление.

*Для школьников, которые не списывают на уроках,
билеты за полцены!*

Возле этих афиш повсюду толпились люди, и все они с большим интересом читали написанное. А прочитав, многие тут же выражали искреннее желание посмотреть невиданное по своим масштабам зрелище и говорили, что сегодня вечером обязательно придут в цирк.

Вечером у цирковой кассы было не протолкнуться.

Пришлось даже позвать городского Кофранека, чтобы навести там порядок. Не удивляйтесь, дорогие ребята! Уже одно то, что увидели взрослые и дети, стоя перед шатром, говорило само за себя. Я нисколько не преувеличиваю!

В кассе сидела Олюшка и продавала билеты трех видов на места с голубыми, красными и желтыми сиденьями. Как только будущий зритель клал деньги на тарелку, слон Брундибар снимал перед ним шапку, громко трубил и отодвигал хоботом красную занавеску у входа в шатер, чтобы пропустить его вовнутрь.

У самого входа зрителя поджидала одетая по-праздничному обезьяна Качаба, всякому она учтиво кланялась и провожала на место, согласно цвету купленного билета. Как там было весело, ребята! Поначалу люди настолько растерялись, что не знали, над кем смеяться в первую очередь: над слоном, обезьяной или медведем Мышкой, который сидел напротив кассы, громко бил в барабан и еще играл на гребенке!

Перед кассой было настоящее столпотворение, каждому хотелось, чтобы слон снял перед ним шапку. Городовой, старый Кофранек, уже не успевал наводить порядок, и если бы не попугай Клабосил, возникла бы настоящая куча малá! У попугая было очень выгодное местоположение. Он сидел на шпиле циркового шатра и следил за тем, чтобы мальчишки-безбилетники не пролезали под брезент. Клабосил вертелся точно сорока на колу и то и дело что-нибудь выкрикивал:

— Извольте проходить, господа, дамы, старики и младенцы! Не извольте рот разевать! Эй ты, пострел, думаешь, я не вижу, что ты хочешь задаром попасть в цирк! А ну ползи обратно, не то свистну слона, и он сделает из тебя отбивную котлету! Черт возьми, денег-то сколько! Целая куча! Черт побери, пропустите-ка вон ту малышку к кассе, чего она сзади мается! И старичка пропустите! Эй, дубина, не толкайся локтями, неровен час — кассу свернешь! Черт

возьми, сколько денег! Люди добрые, образумьтесь, касса ведь не резиновая! Ух ты, народу-то все прибывает!

В эту минуту попугай Клабосил заглянул сквозь дырочку внутрь шатра и снова закричал:

— Черт побери! Подождите, не продавайте билетов! На каждом месте и так человека по три сидит! Черт побери!

Тут и старый Швейда подбежал к кассе и зашептал Олюшке, что, мол, зрителей в цирке уже по самый купол. Хочешь не хочешь, пришлось Олюшке прекратить продажу билетов, запереть кассу и уйти. С большим разочарованием смотрели люди, которым не досталось билетов, как старый Швейда вешает на кассу табличку «Аншлаг!», и кричали при этом, что готовы сидеть хоть на полу.

— Не отчаивайтесь, люди добрые! — успокаивал их попугай Клабосил. — Придете завтра или послезавтра. Мы будем играть долго, пока все не посмотрите! А теперь, черт побери, спокойной ночи!

С этими словами попугай залетел в шатер, за ним следом туда пролезли слон с медведем, а потом вошла и обезьяна. Она задернула за собой занавеску, и доступ в цирк прекратился. Один лишь городской Кофранек остался у входа и добродушно уговаривал людей расходиться по домам: мол, завтра придете и увидите все то же самое.

О том же, что происходило этим вечером в цирке, до отказа заполненном зрителями, вы, дорогие ребята, прочитаете в следующей главе. Представляю, как вы будете удивлены! Черт возьми!

Загадочный котик

Когда зрители наконец разместились под шатром цирка, попугай Клабосил подал знак, что представление можно начинать. Сам он не принимал в нем участия, в его обязанности входило следить за порядком в зрительном зале.

— Успокойтесь же, черт подери!— кричал он со своей жердочки под самым куполом шатра.— А вы, чертяки, начинайте поскорей представление!

Ах, ребята, что это было за представление! Вы такого никогда не видели! Чего только не вытворяли обезьяна Качаба, медведь Мышка, слон Брундибар и танцовщица Олюшка! Зрители увидели и прыжки, и сногшибательные кувырки, и великолепные танцы, и даже таинственные фокусы, которые показывал старый Швейда! Детям и взрослым все это так нравилось, что в неописуемом восторге они едва не повалили шатер. Публика колотила по сиденьям, аплодировала как сумасшедшая, а дети от смеха даже падали на пол. Я не стану рассказывать вам подробно, что там происходило, вы все равно бы мне не поверили.

— Да уймись же, черт возьми, вы так весь цирк разнесете!— урезонивал публику попугай.— Мы еще собираемся показать вам пьесу о загадочном котике! Это будет очень скоро, вон на той сцене!

Сцена была установлена в зрительном зале так, чтобы всем было хорошо видно. От публики ее скрывал зеленый занавес. Когда прозвенел колокольчик, попугай призвал зрителей соблюдать тишину. После второго звонка занавес раздвинулся, и перед глазами публики предстала окраина города. По правую руку на сцене виднелась каменная ограда какого-то садика, по левую — лес. Посредине ее на большом

камне у дороги сидел сгорбленный старичок, что дрожал от холода и сетовал на ужасный голод.

Старичок вызвал такую жалость, что один добрый паренек из публики не выдержал и понес ему кусок хлеба, но на полпути остановился: на сцену из-за ограды неожиданно вышел красиво одетый мальчик. Наверняка какой-нибудь принц. Одет он был в великолепное голубое платье, расшитое золотом; голову его украшала розовая бархатная шапочка с длинным пером, на ногах были красные туфли.

Проголодавшийся старичок несказанно обрадовался, увидев, как аппетитно уписывает принц большую булку с повидлом! И запричитал громче прежнего:

— О, как я голоден! Как я чертовски голоден! Сжался надо мной, прекрасный отрок, подай кусочек изголодавшемуся нищему!

— Фигу тебе с маслом!— совсем по-уличному заявил старичку принц.

При этом он не только не соизволил поприветствовать дедушку, но и в самом деле показал ему кукиш и пошел дальше своей дорогой.

Старичок ужасно рассердился. Какая распущенность! Он погрозил принцу клюкой и крикнул:

— Ах ты грубиян! Даром тебе это не пройдет, сладко-ежка! Подожди, я научу тебя быть вежливым! Сейчас мигом станешь кротким, едва зайдешь за первую сосну! За жадность твою и неуважение к старшим я превращу тебя в четвероногую тварь.

Как только принц вошел в лес, старичок таинственно поводит в воздухе своей волшебной клюкой и прокричал:

— Чары-мары-бах, пусть бежит на четырех ногах!

Что же это? Что вдруг случилось с принцем? Едва старичок произнес эти слова, как из лесу на задних лапках выбежал черный котик. На голове у него была розовая шапочка с длинным пером, а в левой лапке он держал обкусанную булку с повидлом! Котик громко и жалобно мяукал на бегу, а подбежав к дедушке, учтиво поклонился и, сняв шапку, протянул ему свой окусок.

Но старичок сердито отмахнулся от него.

— Поздно!— закричал он дрожащим от негодования голосом.— Не нужны мне теперь твои поклоны и булки

с повидлом! Раньше надо было думать о вежливости, и булку ты должен был дать мне сразу, как только я попросил тебя об этом. Вот и оставайся сам со своей фигой! Ступай! Иди в лес и учись быть вежливым с зайцами и лисицами!

Некоторое время котик продолжал жалобно мяукать, но вот старичок сердито погрозил ему своей клюкой, и он печально побрел в лес. Так наказал старый волшебник жадного и невоспитанного принца!

А сам старичок остался сидеть на камне в ожидании того, кто от чистого сердца поделится с ним едою. Правда, он уже не жаловался на голод; просто сидел, склонив голову на руки, что сжимали его нищенский посох. Дедушка был настолько погружен в свои безрадостные думы, что совершенно не заметил появления красиво одетой девочки, которая шла прямо к нему. На ней было розовое платье с золотой вышивкой, маленькая золотая корона, белые чулочки и розовые атласные туфельки. Она, как и принц, вышла из-за ограды и — вот так совпадение, ребята! — тоже держала в руке булку с повидлом! Но сердце у нее было доброе, не такое, как у принца! Подойдя к дедушке, она вежливо поздоровалась и, когда старичок поднял голову, сама протянула ему булку.

— Ах, какая ты вежливая и добрая девочка! — похвалил ее старичок. — Я еще и не попросил ни о чем, а она уже протягивает мне булку, да какую большую, прямо с кирпич! Спасибо, родная! Куда же ты направляешься?

— Я ищу нашего Иржика, братца своего, дедушка! Батюшка просил его найти! — ответила девочка.

— А кто твой батюшка? — спросил старичок.

— Здешний король, — отвечала девочка. — А я принцесса Олюшка.

— Гм! Вот те на! Принцесса, а такая вежливая! Гм! Как же выглядит твой братец? — поинтересовался старичок.

— Он в голубом платье, розовой шапке с длинным пером и красных туфлях. А еще он должен был есть такую же булку, как у меня. Сегодня нам дали их на обед, — сообщила девочка.

— Вот оно что! Такой мальчик и вправду проходил здесь! Значит, это был твой братец? Хорош, нечего сказать!

Столь жаден и неучтив, что и вспоминать тошно! Он даже не поздоровался, не угостил меня хотя бы кусочком булки, а еще показал мне фигу,— в сердцах проговорил старичок.

— Очень на него похоже! Он такой шалун. Батюшка с ним и так и эдак, а ему все нипочем! Куда же он пошел, дедушка?

— Вон туда — в лес! Бегает где-то там на четвереньках!— ответил старичок.

— Да, да! Это несомненно он, дедушка! Иржик очень часто бегают на четвереньках по замку!— И принцесса засмеялась.

— Видишь ли, девочка, теперь уже он поступает так не ради развлечения, а по необходимости! За жадность я превратил его в зверька, вот он и бегают по лесу на четырех лапах! Он был весьма неучтив со мной и за это сурово наказан!— строго пояснил старичок.

— Правда, дедушка? Господи, что будет с батюшкой и матушкой, когда я скажу им об этом?! Да и как сказать, ведь они, бедные, так расстроятся, что наверняка заболели!— восклицала принцесса и под конец залилась горькими слезами.

— Не плачь!— утешал ее старичок.— Такой сорванец не стоит твоих слез! Он ведь только и делал, что мучил да злил тебя и родителей!

— Что вы, дедушка! Он вовсе не злой! Просто он любит пошалить, и теперь наверняка извинился бы перед вами, верни вы ему человеческое обличье. Ах, бедная я бедная, как же я расскажу обо всем своим несчастным родителям?!— горевала принцесса.— Дедушка, миленький, умоляю вас, простите братца, верните его нам!

Дедушка посмотрел на принцессу и уже не так строго, как прежде, проговорил:

— Вижу, ты очень хорошая девочка, не заслужил он такой сестренки! В первую очередь ты подумала о своих родителях, ладно уж, на сей раз прощаю его. Но сначала выполни мое условие: я хочу убедиться, что ты и вправду его сестренка, и устрою тебе небольшую проверку. Я позову из лесу четырех зверей, и если ты узнаешь, кто из них твой братец, отдам его тебе. Погоди немного, сейчас они появятся!

С этими словами старичок снова таинственно поводит

палкой в воздухе, присвистнул, и из лесу тотчас же вышло четверо животных: впереди шел огромный слон, за ним — косматый медведь, потом обезьяна и наконец маленький черный кот. Теперь, правда, он был без шапки и булки.

Старый волшебник выстроил животных в один ряд, и принцессе Олюшке оставалось только угадать, которое из них ее заколдованный братец.

Принцесса переходила от одного животного к другому и в каждого пристально всматривалась. Сперва она подошла к слону, затем к медведю, но не нашла в них ничего такого, что напомнило бы ей братца Иржика. На обезьяну принцесса смотрела довольно долго, та озорно хмыкнула, и девочка чуть было не закричала: «Вот он, наш Иржик!» — однако тут взгляд ее упал на черного котика, и, радостно захлопав в ладоши, она воскликнула:

— Это он, дедушка! Вот наш Иржик!

Старичок очень удивился.

— Ты угадала, девочка! — сказал он. — Это и впрямь твой заколдованный брат! В самом деле! А теперь объясни, как ты об этом так быстро догадалась?

— Очень просто, дедушка! — со смехом отвечала принцесса. — У него же вся мордочка в повидле!

Тут и старичок рассмеялся.

— Елки-палки! Как же у меня из головы вылетело?! Что ж, делать нечего! Раз угадала, веди кота домой!

— Что вы такое говорите, дедушка?! Мне не нужен кот! Я хочу братца Иржика!

— Э, нет, девочка, так не пойдет! В сказках что сказывается, то и делается!

— Но, дедушка, в любой сказке одни колдовские чары можно разрушить другими! Мне это хорошо известно, я много их прочитала. Дедушка, родненький, умоляю вас, простите братцу его жадность и неучтивость, верните ему человеческий облик! — взмолилась принцесса Олюшка.

Старичок призадумался и сказал:

— Я с удовольствием выполнил бы твою просьбу, девочка, хотя бы за то, что ты такая хорошая сестренка и доченька, но ведь должен же твой брат понести наказание! Пусть Иржик остается пока котом, однако, как только он совершит благодеяние, я сразу верну ему человеческое обличье. Итак, внимание!

Старичок поднял свою волшебную клюку, приказал слону, медведю и обезьяне удалиться и сказал, глядя на котика:

— Чары-мары-тит, пускай он снова говорит!

И, дорогие ребята, произошло чудо! Черный котик встал на задние лапки, подбежал к старичку и, поклонившись, вежливо поблагодарил его человеческим голосом:

— Спасибо, дедушка, что вы вернули мне способность разговаривать! Обещаю вам вскоре исправиться и больше никогда не быть жадным и грубым. Дорогой дедушка, ради бога, простите меня, я так вас обидел!

Принцесса Олюшка несказанно обрадовалась, что ее заколдованный братец снова заговорил, и тоже поблагодарила старичка.

Но радость ее была недолгой, она снова представила себе, как приведет домой вместо братца черного кота, и сквозь слезы вновь принялась упрашивать дедушку, чтобы он превратил Иржика в человека. Котик, сцепив лапки, вторил ей своими мольбами и обещал дедушке, что отныне всегда будет добрым и вежливым мальчиком.

Но старичок был неумолим.

— Нет, ребята, больше ни о чем не просите, другим способом я не могу снять заклятия. Везде свой порядок! А теперь домой! Не заставляйте родителей волноваться и искать вас повсюду. Полно плакать, ребята! Думаю, скоро Иржику представится возможность совершить в кошачьем

обличье доброе дело, и тогда я снова превращу его в человека, как только он сообщит мне об этом! С богом, ребята!

Когда принцесса Олюшка поняла, что ничего другого им не остается, упросить дедушку они не сумеют, она простилась со старичком и побрела вместе с котиком к дому. Они скрылись за оградой сада, а старичок положил голову на руки и замер в неподвижности, словно статуя. Несомненно, он размышлял о доброй принцессе Олюшке и ее братце, которого так строго наказал за жадность и неучтивость. И поверьте мне, ребята, в душе старичок желал, чтобы котик как можно скорее дал ему знать о совершенном благодеянии.

Долго ждать ему не пришлось! Через некоторое время из-за ограды выбежал запыхавшийся котик и закричал старичку:

— Дедушка, дедушка, я уже совершил доброе дело! Будьте так любезны, выслушайте меня: когда мы подходили к городу, возле первого же дома встретили старую женщину. И с этой женщиной я, дедушка, не поздоровался!

— Ну и ну, елки-моталки! — воскликнул старичок. — И ты бежал, чтобы сообщить мне об этом, невежа?! Я вижу, ты и не думаешь исправляться, все такой же безобразник, как прежде! Вы только посмотрите на него: он, нахал, еще и похваляется, что не поприветствовал старую женщину! Ну погоди, мальчишка, больше тебе незачем будет ко мне приходить! Как вернул я тебе способность разговаривать, так и обратно заберу! Чары-мары...

Рассерженный старичок поднял свою волшебную клюку, чтобы снова сделать котика немым, но перепуганный котик закричал:

— Ради бога, дедушка, одну минуточку, я еще не все сказал! Ведь я не мог ее поприветствовать!

— Почему же? — строго спросил старичок, не опуская клюки.

— Потому что с испугу бедная старушка могла бы упасть в обморок, если б я, черный кот, — представьте себе! — сказал ей: «Добрый день, сударыня!»

Старичок внимательно посмотрел на котика, потом опустил свою волшебную клюку и, добродушно улыбнувшись, проговорил:

— Твоя правда, Иржик! Ты хорошо сделал, что не поздоровался с этой женщиной! Она и в самом деле могла бы с перепугу упасть в обморок! Ты, милок, поступил совершенно правильно! В своем кошачьем образе и подобии ты сотворил благодеяние, и за это я снова превращу тебя в человека! Теперь я верю, что ты исправишься. Беги обратно, Иржик, и как только окажешься возле Олюшки, к тебе вернется человеческое обличье!

Преисполненный благодарности, котик поцеловал дедушке руку и бросился бежать к Олюшке, чтобы поскорее обрадовать свою опечаленную сестричку. Дедушка смотрел ему вслед с умиротворенной улыбкой на устах. Он был искренне рад, что сделал из озорника Иржика такого славного мальчугана. Затем старичок тяжело встал и медленно двинулся к лесу. Но прошел он совсем немного, и к нему подбежал запыхавшийся принц Иржик. На мальчишке был прежний красивый наряд, разве что шапку свою он снял заранее и теперь, почтительно кланяясь старичку, держал ее в руке.

— Сердечно благодарю вас, дорогой дедушка, что вы вернули мне человеческий облик. Если бы вы только знали, как я страдал в кошачьем обличье. Вы дали мне урок на всю жизнь, впредь я никогда не буду жадничать и грубить. Я как будто заново родился. Моя добрая сестренка тоже несказанно обрадована моим перевоплощением. Сейчас она побежала домой за нашей королевской каретой и поедет в ней нам навстречу; мы, дорогой дедушка, больше не хотим,

чтобы вы страдали от голода и холода! Поедьте к нам в замок, станете нашим дедушкой и бабушкиным советником! Если вы будете рядом, я никогда не забуду, как был наказан однажды за свой проступок, и всегда буду вести себя хорошо. Вы согласны, дедушка?

Старичок подумал немного и сказал:

— Пожалуй! Я рад, что ты исправился, и с удовольствием останусь навсегда с таким хорошим мальчиком.

Принц Иржик заботливо взял старичка под руку и повел к замку. Когда они исчезли за оградой, занавес сдвинулся, и на этом представление завершилось.

По окончании пьесы зрители продолжали молча сидеть на своих местах, словно ожидая, что сейчас кто-нибудь объяснит им все эти таинственные превращения. Некоторые из них полагали, будто они спят и загадочный случай с котиком им только снится, и опомнились они лишь в ту минуту, когда попугай Клабосил закричал публике со своей жердочки:

— Эй вы, чертяки! Почему не хлопаете, вам что, не понравилось? Черт возьми!

Лишь теперь зрители зааплодировали, но зато так бурно, что Клабосил едва не сорвался с жердочки от неожиданности. Дети кричали:

— Ура! Слава! Да здравствуют дедушка, принц, принцесса и котик!

При этом они топали ногами, прыгали на сиденьях, размахивали носовыми платками, играли на дудочках и губных гармониках.

— Где вы там, черти полосатые? Выходите кланяться! — кричал попугай в сторону сцены. — Или публика цирк разнесет!

Как бы в ответ на это занавес раздвинулся, и на сцену поблагодарить публику за внимание вышли старичок и принц Иржик. Они поклонились, потом старичок помахал зрителям волшебной клюкой, Иржик же — своей розовой шапкой. Публика вновь зааплодировала, а дети закричали:

— Ура! Слава! Да здравствуют дедушка и принц Иржик!

И тут кто-то из ребят спохватился:

— А где же принцесса Олюшка?

— Я здесь! Я и Олюшка и принц Иржик одновременно! — ответил принц.

— А где тогда заколдованный котик? — закричали дети. — Мы хотим видеть черного котика!

— Это невозможно! — И Олюшка, одетая принцем Иржиком, засмеялась. — Ведь это был я, Иржик! Меня превратили в черного котика! А теперь заклятие снято и котика больше не существует! Сердечно благодарим вас за такое внимание к нашему представлению и желаем всем доброй ночи! Привет, ребята, надеюсь, завтра увидимся!

Когда старичок с принцем ушли, зеленый занавес снова сдвинулся, и за ним раздался звонок колокольчика — знак того, что представление окончено. Но тут дети и взрослые подняли еще больший шум. Они хлопали в ладоши, топали ногами и беспрестанно скандировали:

— Хотим видеть котика! Черного котика! Котика, умеющего разговаривать!

Тщетно Клабосил урезонивал публику:

— Да идите же домой, чертяки! Представление окончено, и мы уже хотим спать! А кота вы увидите у себя дома; наверное, каждая семья держит какого-нибудь кота или кошку.

Однако публика расходиться не желала. Все зрители, и дети и взрослые, были совершенно ошеломлены закончившейся пьесой. Самые маленькие свято верили, что котик и впрямь снова превратился в принца; ребята же постарше и взрослые были твердо убеждены, что в пьесе не обошлось без настоящего черного кота, и во что бы то ни стало хотели его видеть. Более того — слышать! Только теперь, по окончании представления, все вдруг осознали, что черный котик действительно говорил человеческим голосом, и, вместо того, чтобы разойтись по домам, заспорили прямо в цирке, что же это было на самом деле. Кто-то кричал, будто старичок из пьесы — чревовещатель; другой выражал сомнение, что кот вообще разговаривал; третий считал, что за него говорил какой-нибудь артист под сценой. А один старичок, вскочив со своего места, сердито орал соседу:

— У вас не язык, а помело! Чего вы мне талдычите про какой-то аппарат, зашитый в кошачью шкуру! Живую кошку я и за километр увижу!

О, ребята! Как там было шумно! В конце концов, и взрослые и дети в один голос потребовали переиграть

сказку, а они, мол, за это заплатят. Тщетно попугай кричал зрителям, чтобы все расходились по домам. Наконец поднялся сам пан староста и сказал:

— Люди добрые, образумьтесь, ступайте домой! Среди нас немало школьников, ребятишкам уже пора спать, чтобы завтра без опозданий прийти на занятия!

Старосту зрители послушались и начали покидать цирк. Но на улице разговоры вновь потекли рекой. Повсюду только и было речи, что о загадочном котике, и очень многие обещали прийти посмотреть на него завтра.

Но вот и на улицах воцарилась тишина. А когда на небо взошел месяц, все уже спали. И зрители, и наши друзья-циркачи.

Пашик с Бобешем тоже уходят из дому

Наутро после успешной премьеры в фургоне пана Клудского было необычайно оживленно: Олюшка со старым Швейдой подсчитывали, сколько денег заработали они вчера. Голубые глаза девочки засветились от радости, а старик Швейда чуть было не пустился в пляс, когда все деньги были сосчитаны.

Микеш, заложив лапки за спину, расхаживал по фургону и довольно улыбался. Котик не был силен в арифметике, но после того, как Олюшка объяснила ему, сколько всего можно приобрести на такую сумму, он понял, что теперь денег у них предостаточно.

— Черт возьми, какая уйма крейцеров! — кричал со шкафа попугай Клабосил, подпрыгивая на нем так, словно, как и Швейда, вот-вот собирался затанцевать. — Сколько монет! И почти все они заработаны мною, черт побери! Это я кричал, чтобы пропустили девочку, старичка и бабушку к кассе, я следил за тем, чтобы никто не пролез под брезентом. Кабы не я, все бы так и поступили, не исключая пана старосты!

Раздался дружный смех, и счастливая Олюшка дала попугаю кусочек сахара.

— Дорогой Клабосил, — весело сказала она, — все мы знаем, какой ты молодчина, однако наибольшая заслуга

принадлежит все-таки нашему славному Микешу! Мы были лишь хорошими исполнителями, а придумал все он!

Скромный Микеш только лапкой махнул в ответ, как бы говоря, что он не заслуживает таких громких похвал, но тут Олюшка подбежала к котику и, заключив его в объятия, закружилась с ним в танце. Потом осторожно опустила его на пол и погладила по головке.

— Я знала, Микеш, что ты выручишь нас из беды, — ликовала Олюшка, — но могла ли я думать о таком успехе! Как рад будет папочка, когда я напишу ему обо всем! Он так переживает за нас, а теперь, может, и выздоровеет скорее. Я уже вижу, как мы заработаем, когда выкупим всех своих дрессированных животных, которых вынуждены были продать в трудные времена. Только бы и дальше все складывалось так же хорошо!

— А почему бы и нет, черт побери?! — закричал попугай. — Всякий день будет столь же удачен, если я по-прежнему буду следить, чтобы никто не пролезал под брезентом!

— Что правда, то правда, дорогие мои, — вступил в разговор старый Швейда. — Денег у нас будет достаточно, вопрос в другом — удастся ли нам выкупить проданных животных! Кто знает, где они теперь; думаю, надо управляться своими силами.

Олюшка растерянно посмотрела на Микеша, но он ничего не сказал на это и вновь, заложив лапки за спину, принялся расхаживать по фургону. Неожиданно котик остановился и, хлопнув себя лапкой по лбу, радостно воскликнул:

— Ах я балда! Как же я сразу об этом не подумал? Друзья мои, к чему нам разыскивать зверей по всему белому свету! У меня дома есть два молодца, которые буквально рождены для цирка! Это козел Бобеш и кабанчик Пашик, оба, так же как и я, умеют разговаривать и при этом еще ужасные весельчаки! Таких молодцов вы не увидите ни в одном цирке мира, потому что их нельзя купить ни за какие деньги. Ура! Вот это будет цирк! Олюшка, будь добра, напиши им письмо, чтобы приезжали побыстрее. Черт побери, Клабосил, здорово я придумал, правда?

— Здорово, черт возьми! — ответил вместо попугая

старый Швейда, который на радостях чуть было снова не пустился в пляс.

Старик помог Олюшке найти бумагу, чернила и перо, дабы сегодня же и отправить письмецо в Грусицы.

Олюшка писала, а Микеш диктовал. Они написали Пашику, чтобы он и Бобеш тотчас же отправлялись в Костелец-над-Мумлавой; мол, дома им все равно делать нечего, а здесь, в цирке, они заработают для бабушки и дядюшки Малиновского кучу денег. Письмо получилось просто замечательное!

Перед тем как запечатать конверт, они вложили туда еще и денег, не только на дорогу Пашику с Бобешем, но и для пастуха с бабушкой, как бы в качестве вознаграждения за понесенные утраты. Потом написали на нем адрес Пашика, и старый Швейда, надев свою выходную шляпу, поспешил с письмецом на почту.

На другой день пополудни грусицкий рассыльный пан Халупа шагал от деревенской площади к ручью и при этом так размахивал своей тростью, словно намеревался кого-нибудь стукнуть. На ходу он громко разговаривал сам с собой, и люди в недоумении оборачивались: мол, чего это чертыхается наш рассыльный?

— Не знаю, как в других местах, но в Грусицах теперь не почта, а служба для дураков! То ли дело раньше, когда за целую неделю я разносил не больше пяти писем: в дом приходского священника, в школу да к пану старосте. А нынче? В каждой хибаре выписывают газеты; всем носи посылки, книжки, открытки и одному моему сломанному велосипеду известно что еще! Впрочем, с этим я уже примирился. На то я и рассыльный! Но неужели ж теперь надо знать всякого деревенского воробья и гоняться за ним по крышам, если ему придет письмо! Заглядывать в каждый поросячий хлев, лазать по тополям с открытками для ворон! Ох, люди добрые, ну и времена, елки-моталки!

Тем временем в хлеву у Швецов стоял за дверью кабанчик Пашик и внимательно прислушивался к словам рассерженного старика. А еще он смотрел в щелку, чтобы узнать, кому это несет письмо дядюшка Халупа. И бедняга едва не упал на солому от страха, увидев, что рассыльный идет по двору прямо к его хлеву.

— Кабан Пашик здесь проживает? Ему письмо. Эй, Пашик, ты дома? — прокричал рассыльный, подойдя к хлеву.

Пашик торопливо открыл дверцу и принял письмо из рук рассыльного с такой робостью, будто оно могло укусить. Ножка у него дрожала, и он едва выдавил из себя:

— Премного благодарен, дядюшка Халупа!

Когда рассыльный ушел, к Пашику прибежали Пефик и Бобеш. С горушки пастуха они видели, как он получал письмо, и тут же сломя голову устремились вниз, чтобы узнать, кто ему пишет.

— На, читай, мне такой мелкий почерк не разобрать! — слукавил не обученный грамоте Пашик, протягивая конверт Пепику. В глазах его сквозил страх: что-то будет в письме?

Пефик мигом вынул из кармана перочинный ножик, но еще прежде, чем конверт был вскрыт, к ним откуда-то прибежала бабушка. Как же обрадовалась бедная старушка, услышав, что письмо это, по-видимому, от Микеша, и с каким жадным вниманием прислушивалась она к тому, о чем сообщал ее любимец Пашику! Сам же Пашик облегченно вздохнул, как только узнал, что оно написано не властями, однако когда Пефик дочитал его до конца и вручил бабушке деньги, он сразу закричал, что никуда не поедет.

— Ни по какой цидулке я никуда не поеду! Кто знает, к чему это приведет! Думаю, кому-то очень хочется за-получить Пашика! Таких грамотных, которые хотели бы заманить Пашика к себе, сколько угодно, да не на того Пашика напали! — И кабанчик злорадно расхохотался. — Кто может поручиться, что письмо это от Микеша, слишком уж оно красиво написано, у Микеша и разобрать-то ничего нельзя было! Так вот, до тех пор, пока за мной не приедет всамделишный Микеш, я шагу из хлева не сделаю!

Зато Бобеш очень обрадовался письму. Он сказал, что поедет в цирк с удовольствием, и сразу побежал к дядюшке пастуху спросить, отпускает ли он его к Микешу.

— Отправляйся хоть к черту на рога, раз уж Микеш выслал за тебя деньги, — разрешил дядюшка Малиновский. — Поезжай, может, крейцер-другой и заработаешь. Буду признателен, если привезешь мне оттуда пару пакетиков табаку и какие-нибудь поношенные штаны.

Когда Бобеш вернулся к Швецам и радостно сообщил бабушке о дядюшкином благословении, старушка принялась убеждать кабанчика ничего не бояться и ехать в цирк вместе с Бобешем. Стыдно, мол, такому удалцу вести себя подобно малому поросенку, что боится высунуть рыльце из хлева! Да и кое-кто из соседей, которые в ту пору шли мимо и слышали, какое счастье привалило кабанчику, тоже стали уговаривать его ехать в цирк, но Пашик был непреклонен. Он сказал, что все их уговоры тщетны и он не тронется с места до тех пор, пока за ним не приедет взаправдашний Микеш.

Как тут было поступить бабушке? В конце концов, и она признала, что Бобеш с Пашиком могут еще где-нибудь заблудиться, и поэтому попросила Пепика тотчас же написать Микешу ответное письмо, что, мол, будет лучше, если он сам приедет за этими двумя оболтусами.

На третий день Микеш и вправду приехал за Бобешем и Пашиком. Около полудня перед домиком Швецов остановился большой автомобиль, и соседи подумали, что к ним пожаловал, наверное, сам князь. Каково же было их удивление, когда из автомобиля вышел котик Микеш в красном костюме укротителя. Бабушка, Пепик и Мурлышка выбежали из дому поприветствовать Микеша. Потом они повели его в горницу, туда же направился шофер с большущим мешком подарков за спиной, и соседи зашушукались меж собой: чего, мол, на сей раз привез Микеш старой Швецовой?

Микеш недолго задержался в доме. Через короткое время он вышел на двор и решительно зашагал к хлеву Пашика. От страха у кабанчика душа ушла в пятки. Он боялся, что Микеш сильно отругает его, но котик не был сердит на Пашика. После теплой встречи он начал ему рассказывать, как хорошо сейчас в цирке, какой огромный успех они имеют у публики, не хватает им, дескать, только Бобеша с Пашиком. Тогда, мол, их цирку не будет равных во всем мире! В ответ Пашик сказал:

— Вот теперь я с удовольствием поеду в цирк, потому что ты всамделишный, а не бумажный Микеш!

Микеш похвалил его за осмотрительность, и Пашик тут же стал собираться в дорогу. Кабанчик хотел захватить

с собою корытце, халат, часы с кукушкой, и Микешу стоило немалого труда уговорить Пашику не делать этого. Из вещей он позволил ему взять только халат.

— А ты купишь мне новые часы с кукушкой? — спросил Пашик.

— Разумеется, куплю. Вот разве что часы с кукушкой уже не в моде! Я куплю тебе наручные часики с курочкой, которая каждый час будет сносить для тебя по яичку! — пообещал кабанчику Микеш, и все вокруг засмеялись.

Собравшись в дорогу, Пашик поблагодарил бабушку за ее доброту, распрощался со всеми и влез в автомобиль. От волнения беднягу била дрожь. Не удивляйтесь, дорогие ребята, ведь он впервые в жизни отправлялся странствовать!

Зато Бобеш полез в автомобиль с радостью.

Потом Микеш в свою очередь простился со всеми и попросил шофера прикрыть поплотнее дверцы и подготовить машину к отъезду. Когда шофер хотел уже завести мотор, откуда-то прибежал Франта Кулдан и спросил, куда это едут Бобеш с Пашиком. Услыхав, что они вместе с Микешем надолго уезжают в цирк, сорванец Франта залился вдруг горькими слезами: мол, теперь ему некого будет дразнить и ничто уже не будет радовать его в Грусицах.

— Так поезжай с нами, Франтик! Твоя бабушка наверняка тебя отпустит. Ведь ты доставляешь ей одни огорчения! Сбегай спроси ее, а мы тебя подождем! — пошутил Микеш.

Но Франта и впрямь изо всех сил бросился бежать к дому. Вскоре он уже снова был у автомобиля и прерывающимся от быстрого бега голосом радостно сообщил, что бабушка отпускает его в цирк.

Тут все еще раз сердечно попрощались друг с другом, шофер надавил на клаксон, и автомобиль поехал по дороге к деревенской площади. До самой околицы Франта Кулдан не опускал своей гордо поднятой головы и только потом похвастался Микешу, сколько всякой всячины прихватил с собой из дому. В узелке у него лежали деревянный чижик, перочинный нож, сломанная губная гармоника, кулек фасоли и мешочек с шариками для игр.

Баловник Франта полагал, что со всем этим он уж никак не пропадет в странствиях!

Первое выступление друзей Микеша

Пьесу «Загадочный котик» в цирке пана Клудского играли добрую сотню раз, и всегда она пользовалась неизменным успехом. Каждый житель города Костелца видел ее не единожды, приходили посмотреть на говорящего кота и крестьяне из близлежащих деревень. С некоторых пор Микеш больше не таился от людей и свободно разгуливал по городу и окрестностям. Котика приглашали на чашечку кофе и даже на званые обеды самые именитые хозяева, и всякий раз люди изумлялись его поведению за столом и прекрасным манерам. Захаживал Микеш и к простым людям и непременно помогал тем из них, которые испытывали в чем-нибудь нужду.

Встречая Микеша на улицах, дети вежливо с ним здоровались; девочки брали автографы, мальчишки же были рады возможности просто погладить его по шерстке.

В газетах и иллюстрированных журналах печатали его фотографии. Журналисты специально приезжали к нему в Костелец, дабы узнать из первых уст, что он любит покушать, в каком кино собирается сниматься, увлекается ли спортом. Микеш отвечал, что охотнее всего играет в шарики, крутит волчок, иногда с удовольствием катается на самокате.

Со временем зачастили к нему и иностранцы на своих автомобилях и аэропланах; из Пирожковии и с Повидловых островов гостей в Костелец прибывали целые железнодорожные составы! Но Микеш ничуть не возгордился. Он был все так же скромен и всего более радовался в те минуты, когда удавалось совершить какое-нибудь доброе дело. Микеша не интересовала слава; гораздо важнее для него была работа над новой программой, в которой должны были выступить Пашик, Бобеш и Франта Кулдан. Пока еще публика была с ними незнакома, Микеш готовил ей невиданный и неслыханный сюрприз, он усердно обучал друзей ролям, выразительной речи, хорошим манерам. Дел у котика было выше мордочки, тем не менее он не забывал писать бабушке письма и отсылать ей деньги, а Мурлышке — игрушки.

Микеш был рад, что удача улыбнулась ему и цирк спасен от краха, однако наибольшую радость доставило ему одно

длинное письмо от пана Клудского, в котором он благодарил котика за все, сделанное для цирка. Письмо это принесла ему Олюшка, время от времени навещавшая в Праге своего больного отца. И вот после одного из таких свиданий она с радостью сообщила, что пан Клудский почти здоров и скоро вернется в цирк. Микеш был в восторге.

Когда Микеш увидел, что сказка «Загадочный котик» перестала собирать прежнее число зрителей, он решил познакомить публику с новой работой. К премьере котик подготовился основательно. В газетах он поместил о ней сообщения и разослал по всем близлежащим деревням и городам подробные афиши, рекламирующие богатую программу с комедией «Наказанный писака».

Кроме того, по почте он отправил завсегдатаям цирка и своим многочисленным знакомым приглашения, в которых указывалось, что на втором по счету представлении их ожидает еще больший сюрприз, нежели на первом. В связи с предполагаемым наплывом желающих он раздвинул цирковой шатер, принял служащих, полностью обновил инвентарь. Денег у него было достаточно.

И поступил он правильно! Наплыв публики на премьеру комедии «Наказанный писака» был столь велик, что в цирк попала едва ли половина всех желающих. Вместо Олюшки билеты теперь продавали две молоденькие кассирши, они еле успевали принимать деньги из рук людей. Зверей около шатра уже не было, зато прямо перед ним выступал весь городской оркестр. Красиво одетые служители провожали входящих на новые удобные места, и при этом дети получали по кулечку конфет. Стоит ли рассказывать, в каком они были восторге.

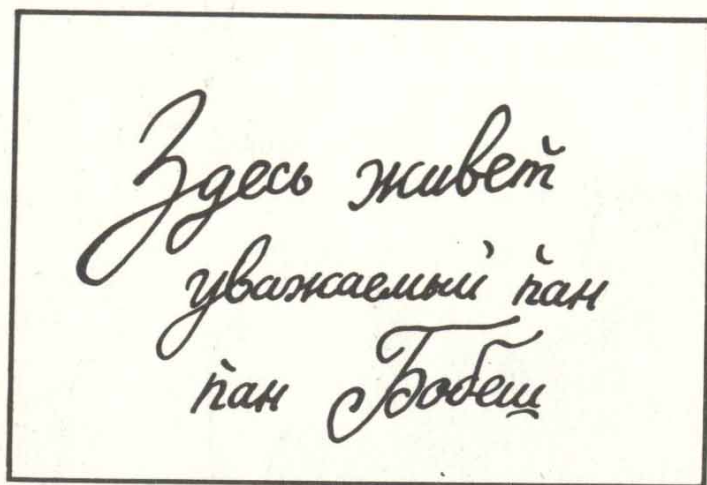
Внутри шатра было необыкновенно красиво и чисто. Повсюду виднелись цветы, ковры, разные другие украшения, а сам шатер заливали потоки электрического света. Разумеется, зрители были поражены всей этой красотой и говорили друг другу, что такого они в своей жизни еще не видели.

Сцена была намного больше прежней, и теперь вместо зеленого ее украшал расписной занавес. Расписаны были и бока сцены, чтобы развлекать ребятишек, пока не началось само представление. Когда зрители все это осмотрели,

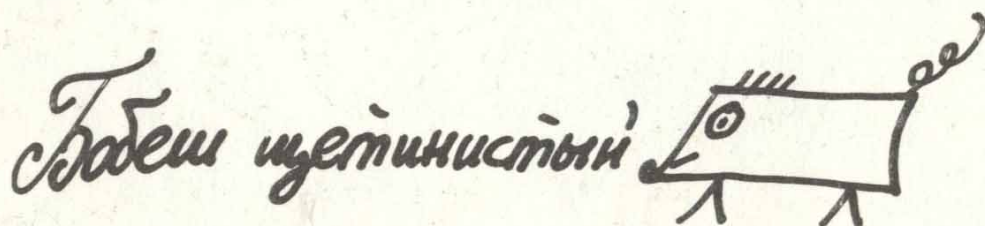

зазвенел колокольчик в знак того, что представление начинается, и занавес раздвинулся.

Публика вновь увидела на сцене окраину города, но теперь в центре ее был уже не камень, а уютный хлев. По левую руку от него находился маленький пруд с настоящей водой, по правую, несколько в стороне, — каменная придорожная тумба. Позади хлева виднелись сады и крыши городских домов. Остается добавить, что над дверцей его висела табличка с надписью:

Минуту-другую на сцене была полная тишина, потом с правой стороны появился озорного вида мальчишка: руки в карманах, шапка набекрень. Это, дорогие ребята, был ваш старый знакомый Франта Кулдан. Он и сейчас ничем не отличался от того оборванца Франты, который бегал в свое время по Грусицам и насвистывал какую-нибудь песенку. На сцене Франта осмотрелся по сторонам, а затем начал искать, чем бы позабавиться. Подойдя к хлеву, он прочел вслух надпись на табличке и, ухмыльнувшись, так и подпрыгнул от радости. Он уже знал, чем займется. Франта вытащил из кармана кусок мела и написал под табличкой корявым почерком:

Сделав это, он спрятался за каменную тумбу и стал наблюдать, что произойдет дальше. Озорнику не пришлось

ждать долго! Вскоре из хлева вышел козел Бобеш с длинной трубкой в зубах и сказал:

— Мне показалось, будто кто-то стучался в мой домик. Будто... А что написано там, под табличкой? Кто это накарябал? Очень интересно! Сейчас сбегаю домой за очками и прочитаю!

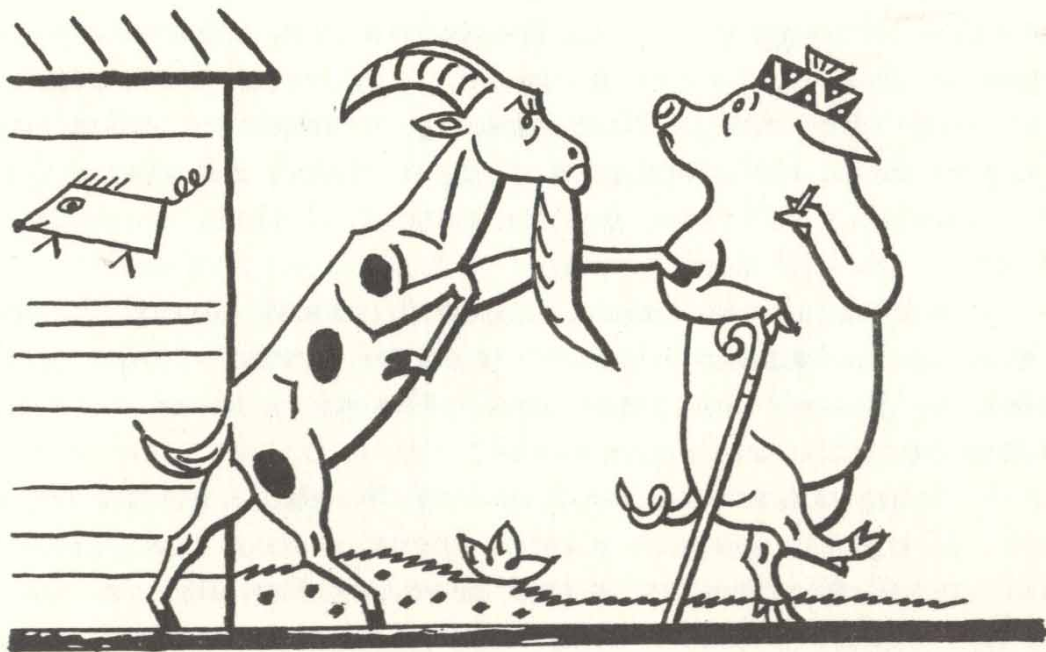
Когда Бобеш скрылся в хлеву, Франта Кулдан выскочил из своего укрытия и сделал на радостях длинный кувырок, но в следующую минуту снова побежал к тумбе: с левой стороны на сцену выходил Пашик. На голове у него была черная вышитая шапочка, в передней ножке он держал тросточку с кованым серебряным ободком. Кабанчик вышагивал точно солидный пан.

Между тем Бобеш выбежал из хлева и теперь, будучи уже в очках, с жадным вниманием разглядывал надпись под табличкой. Вдруг он сердито закричал:

— Копытом бы по зубам этому негодяю! Да разве я похож на свинью?! Елки-моталки, кто же это писал и рисовал? Ну я ему покажу, как только выслежу! Я добрый козел, но если меня разозлить, я превращаюсь в помесь тигра со слоном!

С этими словами разгневанный Бобеш бросился было с такой прытью бежать за хулиганом, что едва не сбил с ног пана Пашика, который как раз подходил к его домику.

— А вот и он! — вскричал Бобеш, хватая Пашика

за переднюю ножку.— Вот я и поймал безобразника, что пачкает стены всякими мерзостями. Признавайтесь: вы писали?!

— Что писал? — спросил удивленный Пашик.

— Вон то, под табличкой?! Впрочем, вы сами прекрасно понимаете! — орал Бобеш.

— Да что вам в голову взбрело, пан Бобеш? Неужели вы так плохо обо мне думаете?! — взвизгивал перепуганный Пашик.

— Что-что?! Вы еще будете запираяться! Да тут на пять минут ходьбы никого, кроме вас, нет в округе! — продолжал кричать Бобеш.

— Откуда вы взяли, что я вывел эти каракули? — защищался Пашик.— Я здесь ни при чем, клянусь своими ушами! Зачем мне это надо?! Я, уважаемый, к тому же недостаточно грамотен, чтобы написать такое.

— А чьи тогда эти каракули? Кто рисовал хряка? — гневно спросил Бобеш.

— Кто мог это сделать, я не знаю, пан Бобеш. Одно скажу: нарисован он великолепно! Сразу видно руку большого мастера. Высочайшее мастерство, выше вашего хлева! Наверное, тут поработал пан Рада, или, как его там, пан Лада!

— Рада, Лада, мне все едино! Пусть только попадетсЯ мне на глаза, я живо искупаю его в пруду!

— Не гневайтесь так, пан Бобеш! — успокаивал козла Пашик.— Знаете что, продайте-ка мне ваш хлев, раз уж он перестал вам нравиться из-за этого рисунка! Кабанчик на нем — ну вылитый я! Мне давно уже хотелось иметь свой портрет! Если вы продадите хлев, я тотчас же закажу для него рамочку. Ну что, по копытцам? Кстати, меня зовут Пашик.

— Сейчас не до этого, дорогой пан Пашик! Прежде я должен выследить того, кто испачкал стену,— проворчал Бобеш.— Иначе не успокоюсь! Скажите хотя бы, пан Пашик, кто бы мог это сделать?

— Тяжелый вопрос, пан Бобеш! Тяжелее мешка картофеля! Я совсем недавно в этих краях и всех хулиганов не знаю, но могу привести к вам обезьяну Качабу, уж она-то многое может узнать. Она, дорогой мой, отыскала даже

место, в котором барышня Олюшка спрятала от нее бананы, и съела все до единого! Качаба наверняка разыщет вам писаку!

— Что ж, попробуем! Будьте любезны, пан Пашик, приведите ее ко мне! — попросил Бобеш Пашика, и тот поспешил за обезьяной.

Бобеш тем временем принялся ходить вокруг хлева, не находя себе места от раздражения; но не обошел он его и три раза, как Пашик уже привел к нему опытную обезьяну Качабу. Я назвал ее опытной, потому что, едва взглянув на каракули, она резонно заявила:

— Это написал тот, кто умеет писать.

С этими словами она попросила у Бобеша очки и потом долго разглядывала через них надпись. Между тем Франте ужасно наскучило сидеть за тумбой, он вылез из укрытия и не спеша направился к хлеву. Вид у него был совершенно равнодушный. Завидев Франту, Бобеш оттолкнул Пашика и схватил мальчика за плечо.

— Послушайте, юноша, это не вы, случаем, нарисовали на хлеве кабана? Вот этот пан кабан хочет купить у меня рисунок вместе с хлевом, он ему очень нравится, но он пожелал еще, чтобы художник нарисовал рядом с кабанчиком хорошенькое корытце. Он заплатил бы большие деньги! — вкрадчиво сказал Бобеш.

Но Франта не попался на удочку.

— Что вы, пан Бобеш! — как бы удивившись, пробубнил он. — Если б я так рисовал, то давно справил бы себе новую одежду!

— Так чьи же это каракули, черт подери?! — снова разгорячился Бобеш. — Вот вы, юноша, никого не видели?

— Как так не видел! — ухмыльнулся Франта. — Видел, пан Бобеш, и очень хорошо! Я видел обезьяну Качабу!

— Что? Ну и дела! Как вам это нравится! — распалился Бобеш. С этими словами он отпустил Франту и гневно посмотрел на обезьяну. Но и она тоже рассердилась и погналась за Франтой так, словно хотела выдрать у него все вихры.

— Ты что говоришь, чумазый лгунишка? Где ты меня видел?! — в ярости кричала она.

— Видел и баста! — отрубил Франта.

— Где, паршивец этакий? — визжала обезьяна. — Ты видел, как я рисовала?

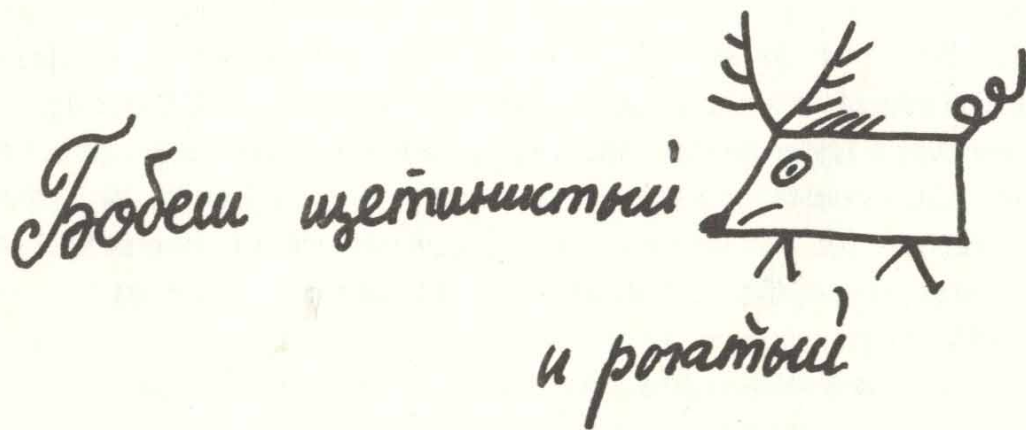
— Нет! — ухмыльнулся Франта. — Я видел тебя вчера, когда ты шла по Кошачьей площади. — И был таков.

— Это его рук дело! — закричала обезьяна. — Пусть в меня швырнут старыми шлепанцами, если я не права! Ну, он за это поплатится! Вот увидите, уважаемые, этот бездельник очень скоро вновь заявится сюда, чтобы позлить нас еще какой-нибудь припиской. Тогда-то я и схвачу его! Сейчас я влезу на крышу, с той стороны, дабы меня не было видно, и как только он поднимет вверх свою руку, тут я его и поймаю!

— Ладно, давайте! — согласился Бобеш. — А мы с паном Пашиком спрячемся в хлеву!

Обезьяна была права, когда говорила, что Франта снова придет к хлеву, чтобы чего-нибудь приписать к своей надписи с целью еще больше разозлить козла Бобеша. Довольно скоро он вновь появился на сцене, и уже по одному его виду можно было заключить, что мальчишка задумал какую-то шалость. Он внимательно осмотрелся по сторонам и прислушался, нет ли кого поблизости. Услышав, как Бобеш громко захрапел в своем хлеву, Франта даже подпрыгнул от радости. Ему и в голову не пришло, что козел может делать это просто так, дабы ввести его в заблуждение, и он тихо двинулся к хлеву. Там он прочитал написанное и плутовски усмехнулся.

Потом вынул из кармана кусок мела и вывел под изображением кабанчика «и рогатый». А затем в самом деле пририсовал ему рожки.

Бобеш щетинистый

и рогатый

Едва он закончил рисовать, как с крыши свесилась обезьяна Качаба и крепко схватила его за руку. Франта попробовал вырваться, но обезьяна вцепилась в него, словно клещами.

— Я поймала хулигана! Держу его, уважаемые, он схвачен! Ха-ха-ха! — истошно кричала Качаба, упираясь ногами в крышу хлева, чтобы удержать Франту. Крыша, однако, была старая, ветхая, неожиданно она проломилась, и — бух! — Качаба упала в хлев. При этом она выпустила руку Франты, и он убежал.

В то время в хлеву была, дорогие ребята, настоящая куча мала! Бобеш вознамерился было выбежать из него и уже схватился за ручку дверцы, как вдруг прямо на голову ему свалилась обезьяна. Падая, они сбили с ног Пашика. Что там творилось, ребята! Из хлева доносились крики, визг, шум падающих досок, и когда наконец бедолаги выбрались из этой кутерьмы наружу, Франты на дворе не было и в помине.

— Детектив* из вас что надо! — кричал обезьяне Бобеш. — Зачем вы его отпустили?!

— А затем что доски на вашей крыше, как на гнилой конуре! — отрубила раздосадованная обезьяна, щупая на голове шишку.

— Конечно, ей далеко до крыши костелецкого замка, но у меня другой и быть не может! Нечего было маршировать по ней, как на параде! — кричал Бобеш, прыгая перед обезьяной, будто помешанный.

— Знаете что, уважаемые, я тут ругаться с вами не собираюсь! — разозлилась обезьяна. — И вообще, я привыкла иметь дело с воспитанными и образованными ворами, а не с какими-то мальчишками, что марают стены каракулями! Мое почтение, судари, разрешите откланяться! — И с этими словами она убежала.

— Ну вот, приехали! — проворчал Бобеш. — Теперь надо начинать все сначала.

— Вы не правы, пан Бобеш! — хитро заметил Пашик. —

Ведь нам уже известно, кто это написал. Я хорошо знаю этого мальчишку: его зовут Франта Кулдан! Нам с вами остается только придумать, как поймать сорванца! Разумеет-

* Детектив — сыщик.

ся, сам он побоится прийти сюда снова, стало быть, нужно его чем-нибудь заманить! И я, пан Бобеш, кажется, знаю один способ.

— Очень интересно! И как же вы собираетесь это сделать, пан Пашик? — любопытствовал Бобеш.

— Все необычайно просто, пан Бобеш! — сказал Пашик. — Мы стираем со стены ваше имя и вместо него пишем: «Франта Кулдан», понятно? Вот увидите, негодный мальчишка не останется равнодушным и очень скоро прибежит стереть свое имя! Тут-то мы его и накроем!

Пашик хитро подмигнул козлу, и Бобеш все понял. Его так развеселила затея кабана, что на радостях он тут же обскакал свою хижину на одной ноге.

— Вот будет потеха! Только кто же напишет?

— Я и об этом подумал, пан Бобеш! — прошептал Пашик. — Я знаю одного ученого кота, некоего Микеша, он и напишет!

— Я тоже его знаю, не станет он этого делать! Слишком уж деликатно воспитан! — разочарованно проворчал Бобеш.

— Напишет, напишет! — заверил козла Пашик. — Наверняка согласится, если я скажу, будто это связано с изменениями в руководстве вашей фирмы.

— Что ж, поживем — увидим! Будьте добры, пан Пашик, сходите за ним! — нетерпеливо попросил Бобеш.

Пашик тут же убежал, а Бобеш стал мокрой тряпочкой стирать свое имя. Через короткое время кабан привел с собой ученого котика и представил его Бобешу. Когда козел попросил котика об услуге, тот охотно согласился помочь, но из-за малого роста не смог дотянуться до надписи. Пашик хотел уже бежать к кому-нибудь за стремянкой или стулом, однако Бобеш остановил его: мол, с этим-то они уж сами справятся.

Потом он вежливо попросил котика снять сапоги. Когда Микеш разулся, козел приклонил голову к стене хлева, и котик понял, что от него требуется. Он запрыгнул Бобешу на спину, одной лапкой ухватился за его рог, а другой написал на вытертом тряпочкой месте: «Франта Кулдан».

Вот что там получилось:

Франта
Кулдан цветинистый
и рогатый

Бобеш с Пашиком пришли в такой восторг, что некоторое время только и делали, что прыгали вокруг Микеша на одной ноге. Затем они вежливо поблагодарили котика и, когда он ушел, снова спрятались в хлев.

Пашик правильно рассчитал, что Франта не станет мириться с исправленной надписью. Прошло совсем немного времени, и он появился вновь. Проказник наверняка скрывался где-нибудь неподалеку и наблюдал оттуда за тем, что происходило возле домика козла. Он приближался к нему медленным шагом и то и дело посмеивался. По-видимому, он вспоминал ту минуту, когда обезьяна Качаба проломила крышу хлева и свалилась на Бобеша с Пашиком.

— Да, плохи были мои дела! — бормотал он себе под нос. — Обезьяна-то крепко держала меня за руку, и не будь крыша такой дряхлой, никуда бы я не ушел! Теперь надо быть осмотрительнее, к самому хлеву меня уже и калачом не заманишь.

Но когда Франта приблизился к нему и прочитал измененную надпись, ему стало не до смеха! Помрачнев, он сжал кулаки и погрозил ими в сторону хлева.

— Ага, вот они, значит, чем занимались! — сердито пробурчал он. — Но напрасно они думают, что я, Франта Кулдан, оставлю это без последствий! Хоть бы и до вечера! Ну уж нет, дудки! Скоро по этой дороге пойдут домой дети из водерадской школы, они же потом засмеют меня! Подожду-ка я чуток и, если все будет тихо, подкрадусь и сотру свое имя!

А теперь, дорогие ребята, слушайте внимательно, что произошло дальше! Во Франту Кулдана словно бес вселился, он прямо-таки сгорал от нетерпения, желая как можно скорее вымарать свое имя в издевательской надписи. И вот тихо, как мышь, он двинулся к хлеву Бобеша. Прибли-

звившись к нему вплотную, Франта вытащил из кармана грязный носовой платок и быстрыми движениями стал тщательно стирать буквы.

Сначала исчезло слово «Франта», потом буква за буквой — «К, у, л, д, а», и как раз в то мгновение, когда он уже собирался стереть «н», кто-то вдруг оторвал его от земли. Франта обернулся и увидел у себя за спиной козла Бобеша и громко расхохотавшегося Пашика. Он понял, что дело дрянь! Ощувив под собой рога Бобеша, Франта заерзал, пытаясь спрыгнуть на землю, но все было тщетно! Бобеш бросился с ним к пруду, расположенному налево от хибарки, и, добежав до него, раскачал беднягу на рогах и — плюх! — сбросил в воду. Вот это, ребята, был бросок! Франта барахтался в пруду, точно лягушонок, верещал так, будто его резали, и при этом еще шлепал по воде руками, отчего брызги летели от него во все стороны. Но Пашика с Бобешем это уже ничуть не занимало. Они прыгали на одной ноге вокруг пруда друг за дружкой и весело пели:

Франта скачет по грязи,
Купим мы ему портки:
Какие? Какие?
В крапинку, зеленые!

Когда Франта наконец выбрался из пруда и, весь мокрый, поплелся к дому, Бобеш крикнул ему вдогонку:

— Я тебе покажу кабана рогатого! Только посмей снова замарать мой хлев, писака!

С этими словами Бобеш повернулся к зрителям, большинство из которых были дети, и строго сказал:

— А нет ли здесь другого такого писаки? Если есть, пускай выходит на сцену, я и его искупаю, чтобы у него раз и навсегда отпала охота безобразничать. Я сделаю это совершенно бесплатно, ни один мальчишка не заплатит ни гроша! Никто не желает? Прекрасно! Значит, к нам пришли только хорошие ребята. Тогда до свиданья, доброй вам ночи!

Бобеш поклонился и вместе с Пашиком залез в хлев.

Дорогие ребята! Вы, конечно, догадываетесь, что и вторая пьеса — «Наказанный писака» — тоже очень понравилась

публике. Взрослые бурно аплодировали, дети визжали от восторга и кричали Бобешу, чтобы он еще хотя бы разок искупал в пруду Франту. Бобеш высунул голову из хлева и, когда ребята поутихли, сказал:

— Обязательно искупаю! Но только завтра! Приходите и увидите!

Потом занавес сдвинулся, и попугай Клабосил закричал, что представление окончено.

Как в случае с первой сказкой — «Загадочный котик», — в которой впервые выступил говорящий кот Микеш, так и во время показа пьесы «Наказанный писака» публика была очень удивлена, услышав, что кабанчик и козел разговаривают человеческими голосами. Все это казалось невероятным! Тем не менее зрители уже не сомневались, что на сцене говорят сами животные, а не какие-нибудь чревоушатели или аппараты: до этого они много раз имели случай побеседовать с котиком Микешем.

— Вот вам и бессловесные твари! — схватившись за голову, изумленно воскликнула одна старушка. — Господи, теперь даже боязно козу кормить! Кто знает, может, она тоже у меня говорящая, и если еда ей не понравится, возьмет и опозорит меня перед соседками! Каких только чудес не случается на белом свете! — И в едином порыве она и многие другие зрители, которые держали у себя животных, дали зарок впредь относиться к ним с вниманием и заботой, дабы они не ославили их перед всем миром. В самом деле, шут их разберет, может, домашние животные и впрямь умеют разговаривать и лишь делают вид, что двух слов связать не в состоянии!

О чем только не судачили потом возле цирка! Всяк говорил, что ничего подобного он до сих пор не видел и не слышал; даже глубокие старики, по собственным откровенным признаниям, не встречали за свою жизнь ничего более удивительного. И они были правы! Еще ни в одном цирке мира не было таких артистов. Поэтому пусть вам не кажется странным, что и на другой день, и еще очень и очень долго на цирк пана Клудского зрители приезжали посмотреть отовсюду, со всех концов земного шара.

Поездка в Грусицы

Как-то раз Олюшка снова уехала в Прагу навестить больного отца. Микеш ждал ее с нетерпением: по приезде Олюшка всегда передавала ему какие-нибудь приятные известия от пана Клудского. В тот день, однако, нашего милого котика ожидал необыкновенно приятный сюрприз, и он даже онемел от избытка чувств, когда пополудни Олюшка вернулась из Праги вместе со своим выздоровевшим отцом. Лишь когда пан Клудский протянул Микешу руку и потряс его лапку, котик сумел выговорить несколько приличествующих случаю слов. Зато глазки у него так и светились от радости: наконец-то сбылась давнишняя его мечта — поприветствовать пана Клудского в возрожденном цирке.

Во время свиданий с дочерью пан Клудский слышал от нее, что Микеш постоянно проводит в цирке усовершенствования, но, увидев все собственными глазами, он был настолько тронут, что даже прослезился от счастья. Однако еще больше поразился он, войдя внутрь шатра и осмотрев его убранство! У пана Клудского дело всегда было поставлено солидно, тем не менее таких великолепных украшений, веселых росписей, ярких светильников и удобных сидений в прежнем цирке не было никогда. Это был уже не цирк, а превосходно оборудованный театр!

— То, что я увидел, превзошло все мои ожидания! — с искренним изумлением бормотал пан Клудский. — Сам я не сумел бы добиться такого размаха, дорогой пан директор. Просто ума не приложу, чем смогу отблагодарить тебя за старания. Вне всяких сомнений, после того, что я здесь увидел, этот цирк не может больше называться «Цирком Клудского», он должен носить имя «Цирк Микеша и Клудского»!

Удивленный Микеш не сказал ни слова и только лапкой махнул в ответ, будто отгоняя от себя похвалы. В это мгновение Олюшке очень хотелось обнять котика и прямо посреди цирка пуститься в пляс, но она сдержалась, зная, как не любит Микеш ее девчоночьих нежностей. И она лишь то и дело гладила котика по черной головке. Оба они были

несказанно счастливы, видя волнение пана Клудского, и никакие подарки не смогли бы обрадовать их сильнее.

Потом Микеш с Олюшкой повели пана Клудского к фургонам, где размещались звери. Ах, дорогие ребята, какой радостной была встреча пана Клудского со своими любимцами! Слон Брундибар поприветствовал его торжественным трубным звуком, лев Ирод радостно забил хвостом, медведь Мышка принялся танцевать на задних лапах, а попугай Клабосил прокричал:

— О, пан директор! Вот так сюрприз, черт побери!

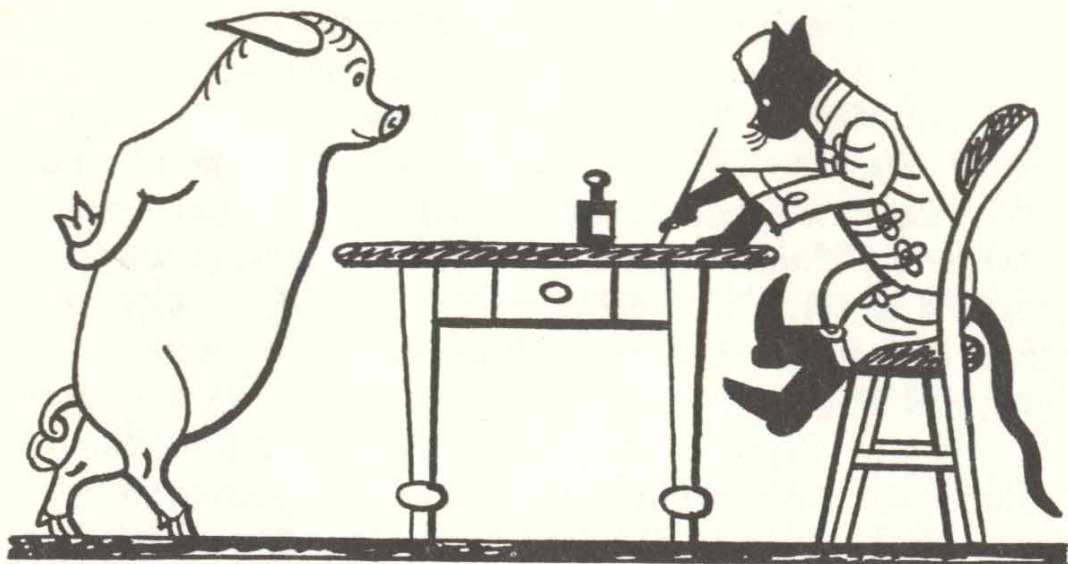
Когда обезьяна Качаба поздоровалась с паном Клудским человеческим голосом, он уша́м своим не поверил, ведь до его отъезда в Прагу она не произносила ни слова! Под конец Микеш представил ему Пашика и Бобеша, и пан Клудский даже присел от изумления!

— Ну и ну!— в растерянности воскликнул он, когда Пашик и Бобеш учтиво поклонились ему и пожелали доброго здоровья.— Чудеса да и только! Всякое бывало в моем цирке, но такого еще не случалось! Козел и кабан, а говорят совсем как люди! Теперь я понимаю, почему слава о нашем цирке облетела весь земной шар! Ты правильно сделал, Микеш, что не позволил этим двум молодцам бездельничать в своих грусицких хлевах и привез их в цирк! Ты и впрямь молодчина, и нет тебе равных на всем белом свете. Как я уже говорил, дорогой Микеш, отныне ты становишься совладельцем цирка, и завтра же, поутру, я отправлю кого-нибудь за художником, чтобы на всех фургонах и шатрах он написал: «Цирк Микеша и Клудского»!

Скромный Микеш попробовал было отвергнуть такое почетное предложение, но пан Клудский решительно заявил:

— Как я сказал, так и будет! Баста! С сегодняшнего дня ты будешь называть меня просто паном Клудским, и никаких «панов директоров»! Вот так, а теперь мне нужно отдохнуть, чтобы набраться сил к началу нашего славного представления.

В сопровождении Олюшки пан Клудский направился к своему жилому фургону, а Микеш побежал отдать необходимые распоряжения, чтобы нынешнее представление было сыграно как можно лучше.

Замещая директора цирка и став совладельцем, Микеш не соглашался жить в отдельном фургоне, потому что не хотел разлучаться со своими друзьями из Грусиц — Пашиком, Бобешем и Франтой Кулданом. Вчетвером им было там очень весело, и к тому же все вместе они не так скучали по дому. В свободные часы друзья частенько собирались в своем фургончике и вспоминали прежние времена и все те проделки, которые некогда совершали в Грусицах. Как там теперь дома, гадали они, здорова ли бабушка, не грустят ли без них Пепик с Мурлышкой?

Раз Микеш сидел за столом и упражнялся в чистописании, а Пашик, заложив передние ножки за спину, ходил туда-сюда и думал, по-видимому, о чем-то важном.

— Интересно, как там сейчас в Грусицах? — неожиданно подал голос кабанчик. — Чего Пепик не пишет?

Едва он произнес эти слова, как дверь отворилась и в фургон вошел старый Швейда с конвертом в руке.

— Вам письмо, пан Микеш, — радостно сообщил он. — Думаю, из Грусиц, на нем мниховицкий штемпель. — И, положив письмо перед Микешем, он ушел.

Котик перестал писать и быстрым, нетерпеливым движением вскрыл конверт. Сначала он вытащил из него само письмо, потом картонку с изображением домика.

— Пашик, старый плут, взгляни, что нам прислали! Узнаешь?! — воскликнул обрадованный Микеш.

— Боже мой! — изумился Пашик. — Да это же наш дом в Грусицах! Прямо как настоящий, клянусь своим пяточком! А вот и мой хлев, глянь-ка, Микеш, ну надо же! Мой родной

хлев! Теперь он пустует! Какой славный парень наш Пепик, вспомнил о нас и нарисовал нашу избушку! Надо бы купить ему бумаги, карандашей и каких-нибудь красок, пусть еще нарисует чего-нибудь грусицкое. Но об этом после, так о чем же он пишет в своем письме? Будь добр, Микеш, прочти его!

Микеш не заставил себя упрашивать и, развернув исписанный листок, начал тихо и медленно разбирать слово за словом. Пашик тем временем продолжал разглядывать картинку с домиком и никак не мог на него налюбоваться. Когда Микеш закончил читать письмо, Пашик с любопытством взглянул на котика, и ему показалось странным, что вид у друга совсем не веселый.

— Вот невезуха!— проворчал Микеш и почесал лапкой за ухом.

— Что случилось, Микеш?— испуганно спросил Пашик.

— Пока ничего, Пашик, но случится! Вот мы тут веселимся, а Пепик дома места себе не находит, оттого что должен идти на заработки, сапожничать.

— А разве это так плохо?— недоуменно спросил Пашик.— Ведь его отец тоже сапожник! Думаю, ему очень пригодится в жизни, если он научится делать хорошие сапоги и туфли.

— Все дело в том, лежит ли у него к этому душа,— серьезно заметил Микеш.— У Пепика нет желания тачать сапоги! Он, дорогой Пашик, хотел бы продолжать учебу и когда-нибудь выучиться на художника. Ты ведь знаешь, как любит он рисовать, вот он и мечтает попасть в училище, чтобы в будущем из него получился настоящий мастер. Но для этого, братец, нужны большие средства, а ни у бабушки, ни у отца его таких денег нет, поэтому, хочешь не хочешь, надо отправляться на заработки, чтобы раздобыть денег на учебу. Перед тем как идти сапожничать, он и посылает нам свою картинку на память о себе.

— Жаль, что у бабушки нет этих денег!— огорчился Пашик.— Однако, Микеш, а мы на что? Нам-то зачем столько денег, куда мы их денем? Не стану же я покупать себе миллион золотых хлевов и лазать из одного в другой! Я, Микеш, не собираюсь тебя принуждать, но нам самим следовало бы позаботиться о дальнейшей учебе Пепика, раз у него такой талант. Что ты об этом думаешь, пан директор?!

— Что я об этом думаю, старый плут?!— в сердцах воскликнул Микеш.— Да я готов на хвост себе наступить с досады, что не дошел до этого своим умом! Ведь у нас денег куры не клюют, а бедняга Пепик ходит там дома словно в воду опущенный! Ну да недолго придется ему так ходить! Раз он решил стать художником, он им будет, и мы ему в этом поможем! Завтра же едем в Грусицы и уладим все дела. Что скажешь, Пашик? Ты рад, чертяка?! А теперь я схожу переговорю с паном Клудским. Пока, дружище!

Когда Микеш ушел, Пашик не знал, куда себя деть от радости. Тут он вспомнил, что они делали с Пепиком в подобных случаях, и неуклюже запрыгал по кругу на одной ноге, приговаривая:

— Ра-та-та, ра-та-та!

Тем временем в директорском фургоне Микеш с паном Клудским держали между собой совет, правда, длилось это недолго. Едва взглянув на картинку с изображением домика, пан Клудский изумленно воскликнул:

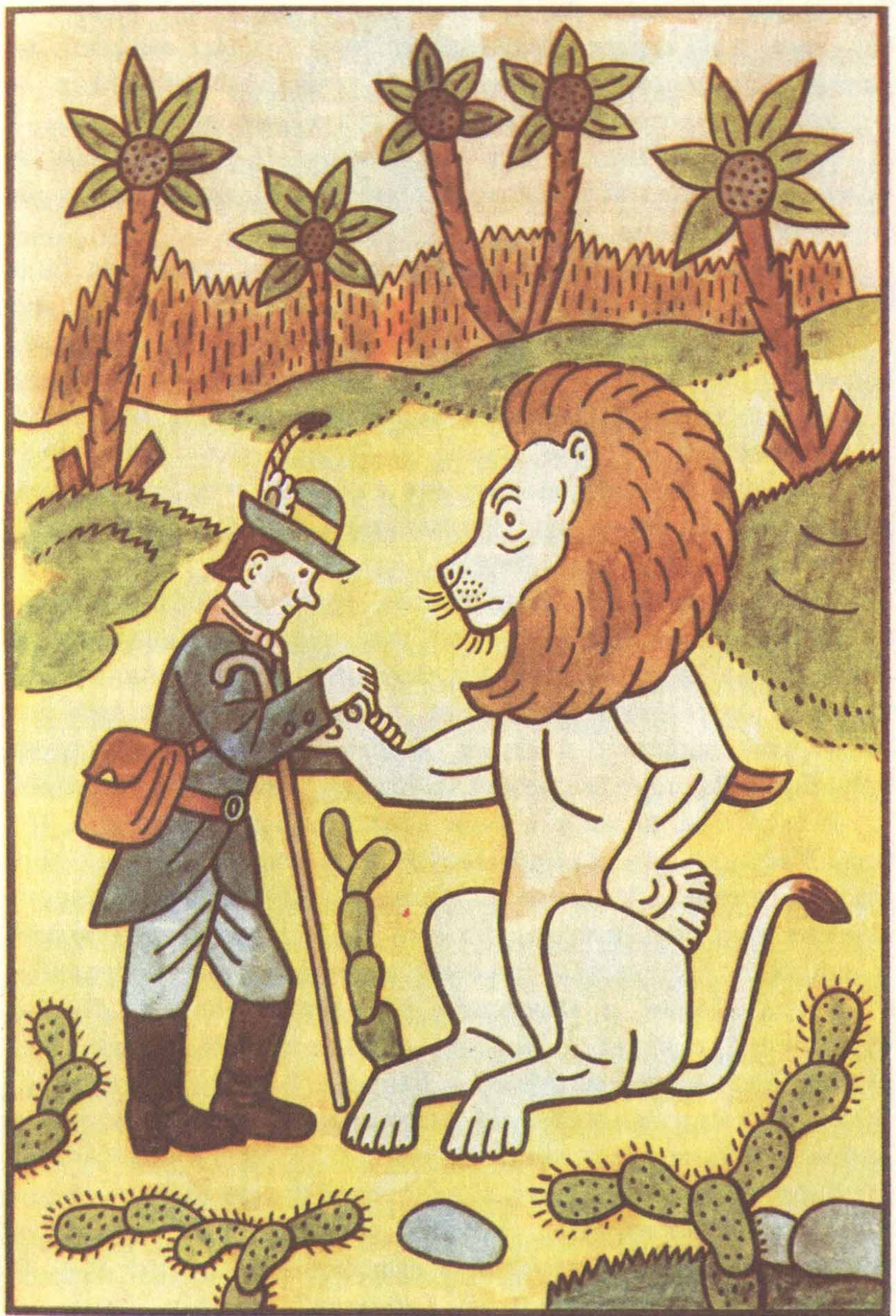
— И это нарисовал мальчик?! Невероятно! В самом деле, жаль отправлять такого талантливое паренька сапожни-чать! Я могу только похвалить тебя, Микеш, что ты решил послать Пепика на учебу. В Грусицы поезжайте завтра же, с утра! Запись в училища начинается очень скоро. А что бы ты сказал, пан Микеш, если б и мы с Олюшкой поехали вместе с вами?

— Боже мой, пан директор, пан Клудский, вы даже не представляете, какую радость доставите всем нам!— воскликнул Микеш.— Вот удивится Пашик, когда я сообщу ему об этом! Разрешите, пан директор, я передам кабанчику ваши слова тотчас же, а еще я должен сказать про это Бобешу и Франте!

— Подожди минуточку, пан Микеш!— остановил Микеша пан Клудский.— Раз уж ты будешь говорить с Франтой и Бобешем, спроси у них, не хотят ли они поехать в Грусицы вместе с нами.

— Ладно, бегу во весь опор, как бы шею не свернуть на такой скорости!— И счастливый Микеш выбежал из фургона.

На другой день, около полудня, по направлению к Грусицам мчались два автомобиля. В первом сидели пан Клуд-

ский, Микеш и Олюшка, во втором — Пашик, Бобеш и Франта Кулдан в великолепном красном костюме дрессировщика. Всю дорогу Микеш представлял себе, как будет удивлена бабушка, и не ошибся. Бабушка только руками всплеснула, увидев, кто выходит из двух шикарных автомобилей, и не знала, кого поприветствовать в первую очередь.

— Господи Иисусе, вот так сюрприз! — ахнула она и, пожав руки пану Клудскому с Олюшкой, повела их в свою скромную горницу.

Вы, дорогие ребята, конечно, понимаете, что очень рада была она и Микешу с Пашиком, и Бобешу, и Франте. Всех их, не исключая Франты, бабушка ласково погладила по головкам. Мурлышка тоже вежливо поздоровался с гостями, и пан Клудский с Олюшкой весьма удивились, что такой маленький котик уже умеет разговаривать. Они сразу предложили Микешу забрать его с собой в цирк, но Микеш деликатно объяснил им, что бабушке будет скучно одной, когда Пепик уедет на учебу.

Бабушка угостила приехавших вкусным кофе с превосходными сливками, и когда все подкрепились, Микеш посоветовал пану Клудскому отдохнуть в саду на мягкой траве и сам вынес ему туда подушку. Бобеш побежал навестить дядюшку пастуха, Франта тоже ушел к своей бабушке. Оба понесли домой солидные узелки с подарками.

Между тем, закончив свои дела, прибежал домой и Пепик. Мальчик так и запрыгал от радости, увидав на дворе старых друзей, Микеша и Пашика. Микеш предупредил Пепика, что с ними приехали еще пан Клудский и Олюшка, и попросил его сходить вместе с девочкой в лес за ягодами.

Когда Пепик с Олюшкой убежали в лес, а Пашик отправился в гости к Бобешу и дядюшке Малиновскому, Микеш решил переговорить с бабушкой. Он с самого утра ждал этой минуты и поэтому спровадил всех из дому, чтобы побеседовать с ней с глазу на глаз.

Бабушка мыла посуду, и некоторое время Микеш просто расхаживал по горнице, заложив лапки за спину. Потом он остановился возле старушки и спросил ее:

— Так что же с Пепиком, бабушка?

— Все уже решено, Микеш! Через неделю пойдет к отцу обучаться сапожному ремеслу. Школу он уже закончил,

стало быть, у меня ему незачем больше оставаться. Что тогда бы из него получилось? А сапожники пока еще в цене,—спокойно объясняла бабушка.

— А ему-то нравится это ремесло? — продолжал Микеш.

— Знаешь ведь, милый, что не очень! Он мечтает стать художником, рисовать картины, но об этом и думать нечего. Учение стоит больших денег, а нам с отцом взять их неоткуда! Хочешь не хочешь, надо бедняге идти сапожничать,— грустно проговорила бабушка.

— Думаю, это было бы ошибкой. Посмотрите, как замечательно рисует Пепик. Сам пан Клудский не мог поверить, что вот этот домик нарисовал мальчик. Кому-кому, а пану Клудскому доверять можно! Полагаю, Пепику надо продолжать учебу,— решительно сказал Микеш.

— Я была бы только рада, если бы он поехал учиться, дорогой Микеш! Хотя я ничего и не видела, кроме наших краев, я все же понимаю: жаль отдавать его в ученики сапожника. Но что нам остается, о господи? — со вздохом проговорила старушка.

— Вот что, не вздыхайте понапрасну и не ломайте над этим голову! Пепик не пойдет сапожничать, он поедет учиться! — торжественно заявил Микеш и выжидающе посмотрел на бабушку.

— Да говорю тебе, милый, что мы не можем себе этого позволить.

— Мы можем, дорогая бабушка! Я, Пашик и Бобеш! У нас троих столько денег, что и Пепику на учебу хватит, и нам на жизнь в довольстве и достатке. Итак, повторяю еще раз: мы втроем, Пашик, Бобеш и я, отправляем Пепика на учебу. Ну, что вы на это скажете?

— Господи Иисусе Христе! Дай-ка я, золотце, шалунишка мой ненаглядный, присяду, так разволновалась, что ноги не держат! Говоришь, вы отправите его на учебу, господи Иисусе! Могла ли я думать, что такое случится! Как жалела я мальчика из-за этих заработков, но помочь бедняжке была не в силах! Представляю, как он будет удивлен, когда ты сообщишь ему о вашем намерении.

— Нет, бабушка! Я ничего не буду говорить Пепику, и вы ни о чем не рассказывайте ему, пока мы не уедем. Мне не хотелось бы, чтобы он благодарил меня. Всем, чего я достиг,

я обязан Пепику и теперь просто возвращаю ему долг. Мы, бабушка, для начала оставим вам кое-какие деньги, а потом будем регулярно высылать их по почте. Как ими распорядиться, вам наверняка любезно посоветует пан учитель. Вот так, а сейчас я пойду в сад, вздремну немного!

Когда Микеш ушел, старушка заходила туда-сюда по горнице и, всплескивая руками, восклицала:

— Господи, могла ли я подумать?! Пепик поедет учиться!!! И отправляет его на учебу мой маленький шалунишка! Боже, до сих пор не верится, что это правда. А может, свет ты мой ясный, мне все это только грезится и, когда я проснусь, мальчику придется-таки идти сапожничать!

Тем временем Франта Кулдан с гордым видом прохаживался по деревенской площади, задрав нос кверху и размахивая при ходьбе руками, словно какой-нибудь пан староста. Стоя на почтительном расстоянии, мальчишки с любопытством разглядывали паренька в красном костюме дрессировщика, и никто из них не решался подойти к нему и спросить по мальчишескому обычаю: «Чей будешь?»

Наконец Франте надоело важничать и, приблизившись к мальчишкам, он сказал:

— Вы что, и вправду не узнаете меня, пацаны? Я Франта Кулдан с Буланки!— И после этих слов выжидающе посмотрел на ребят.

Но мальчишки даже не пошевелинулись, а потом Франта услышал шепот Тонды Копанека:

— Не верьте, братцы! Он только прикидывается, что Франта Кулдан, а на самом деле это какой-нибудь принц.

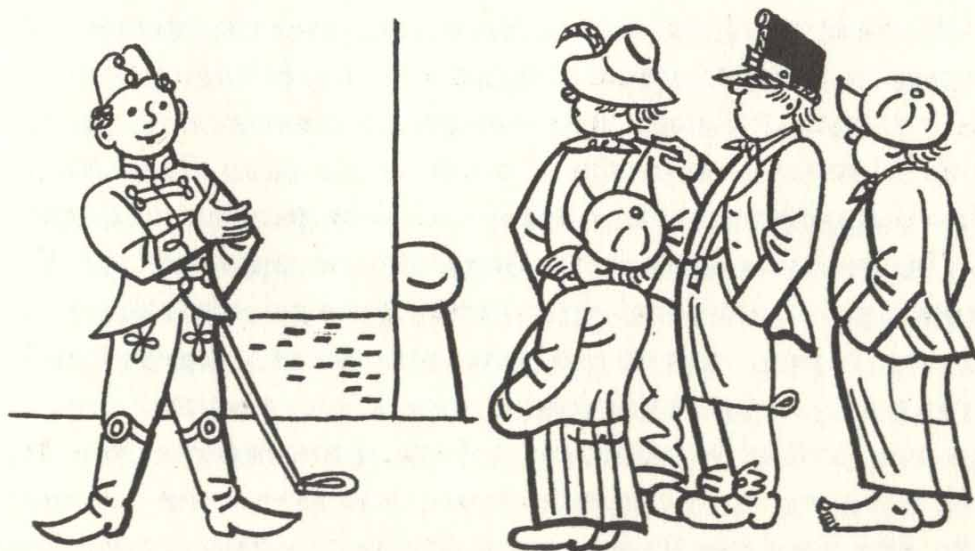
— Будь он обыкновенным мальчишкой из соседней деревни, мы бы показали ему, где раки зимуют! — прошептал другой мальчик. — Но с принцами, ребята, шутки плохи! Попробуй-ка тронь такого, сразу побежит жаловаться своему тятеньке королю, и завтра же Грусицы оцепит неприятельское войско! Оно вытопчет посевы, разнесет дома в щепки, а всех жителей уведет в вавилонский плен! Потом, братцы, высыпали бы нам в школе по первое число!

Терпению Франты пришел конец. Ему было ужасно досадно, что приятели не узнали его и не желают с ним разговаривать.

— Пацаны, обождите чуток, я мигом! — в сердцах прокричал он и, повернувшись, забежал во двор к Дошекам.

Мальчишки послушались его и замерли в удивлении, ожидая, что произойдет дальше.

Долго им ждать не пришлось. Вскоре со двора Дошеков вернулся Франта Кулдан в том виде, в каком обычно разгуливал по Грусицам: босиком, в старой помятой кепке, из-под которой во все стороны торчали вихры, и рваных штанах, висящих на нем, как на пугале. Лицо у него было в саже, точно он целовался с воронами, как говорят в Грусицах. По ногам Франты можно было заключить, что он только что пробежался по грязи.

— Что скажете, пацаны, разве я не Франта Кулдан?! — прокричал он ребятам.

— Да, Франта, это ты, мы узнали тебя! Теперь ты самый настоящий Франта Кулдан, а тогда был похож на какого-то принца или марионетку из кукольного театра! — наперебой кричали мальчишки, ощупывая Франту на манер любопытных обезьян, к которым из джунглей неожиданно прибежал «родственничек».

— Я рад, пацаны, что вы признали меня! — затараторил счастливый Франта. — А сейчас шутки в сторону, скажите, у кого нынче лучшие стручки гороха. Вы даже представить себе не можете, с каким удовольствием я сбегал бы за ним к кому-нибудь на поле.

— Есть хороший горох, Франтик, и мы уже пару раз ходили за ним! У Чигаков под «Ежовом» его целое поле! — доверительно сообщили ребята. — Вот туда мы и сводим тебя, Франтик! Но будь начеку! Знаешь ведь дядюшку Чигака, он нас гоняет! Итак, бежим каждый своей дорогой, собираемся на склоне Чигака под большущим дубом!

Так они и сделали, и через некоторое время Франта уже обрывал Чигаковы стручки, засыпал их в карманы, в кепку, за пазуху и при этом внимательно следил, не бежит ли откуда-нибудь разозленный хозяин с ремнем в руке.

Добрый пастух и благодарный лев

В цирке «Микеш и Клудский» еще долго не сходил со сцены «Наказанный писака». Впрочем, иногда приходилось возвращаться к постановке «Загадочный котик», потому что все еще приезжали издалека люди, желающие ее увидеть. Директор Микеш относился к этому спокойно. Ему хоть не надо было придумывать новые пьесы и разучивать другие роли с Пашиком и Бобешем. Ведь это не простой труд!

Каково же было его удивление, когда однажды царь зверей, лев Ирод, попросил его придумать какую-нибудь хорошую пьесу, в которой он принял бы участие.

Если вы помните, дорогие ребята, одно время лев Ирод был очень болен и так слаб, что едва держался на ногах. Денег на его лечение не хватало. Но когда Микеш вернулся в цирк и он стал приносить большую прибыль, котик позвал

к Ироду лучших докторов, и те быстро его вылечили. Должен заметить вам, что царь зверей был весьма послушен и выполнял все предписания врачей. Он рано ложился спать, рано вставал и безропотно принимал лекарства. Ел он бисквиты, супы, овсянку, пил сироп, рыбий жир и никогда не кривился при этом, в отличие от некоторых избалованных ребятишек! Поэтому неудивительно, что вскоре он окреп настолько, что почувствовал в себе достаточно сил для новых выступлений в цирке.

Добряк Микеш не смог отказать старому льву. Котик дал ему слово, что придумает замечательную сказку, в которой он сыграет роль, и очень скоро выполнил свое обещание. Он написал изумительную пьесу о добром пастухе и благодарном льве и разучил роли с Иродом и Франтой Кулданом. И хотя была она короткой, потому что старого льва не хватило бы на продолжительную игру, лев Ирод остался чрезвычайно доволен. Он уже предвкушал, как спустя долгое время вновь услышит овации публики.

По замыслу директора Микеша, пьеса должна была исполняться в самом конце представления, после номеров танцовщиц, наездников, фокусника и клоуна. Но старый лев вспомнил еще, что он может прыгать через обруч.

«О господи!— испугался Микеш, услышав о его намерениях.— Ведь царю зверей не перепрыгнуть теперь и кошку! Будет скандал!»

Потом, правда, он придумал, как устроить так, чтобы остались довольны и лев, и публика.

В торжественный день премьеры сказки «Добрый пастух и благодарный лев» зрителей в цирке было столько, что, казалось, шатер вот-вот треснет по швам. Все с нетерпением ждали новой пьесы.

Вначале, разумеется, выступили фокусник, бесстрашные акробаты, великолепные наездники. Продемонстрировал, на что он способен, и лев Ирод. Перед его номером директор Микеш попросил уважаемую публику не смеяться над дядюшкой львом, он, мол, выходит на сцену не ради славы, а для того, чтобы даром не есть свой хлеб. Зрители, восхищенные мастерством уже выступивших артистов, ответили Микешу аплодисментами, давая понять, что проявят определенное снисхождение к старику льву.

С этой минуты директор Микеш больше не боялся провала следующего номера и подал знак, чтобы ему принесли обруч и выпускали льва на сцену.

Появление царя зверей, льва Ирода, было встречено громкими аплодисментами, и Микеш заметил, что это не оставило его равнодушным. Котик поставил обруч прямо на пол и крикнул льву голосом опытного укротителя:

— Алле гоп!

Старый лев не спеша пролез сквозь обруч и торжествующе посмотрел на зрителей, которые тут же зааплодировали и так громогласно начали восклицать «Браво!», что цирк едва не рухнул. При этом публика еще и хохотала, а какой-то мальчуган кричал изо всех сил, что-де на такое способна и его старая коза Рэзинка, но лев, к счастью, не понимал человеческого языка. Он высоко поднял голову и, заважничав, чуть было не стал подкручивать усы.

— Браво! Великолепно! — ободрил льва Микеш и, хлопав его по спине, зашептал по-львиному: — А теперь соблаговолите уйти, ваше величество! Нам необходимо готовить сцену для сказки! — И лев Ирод, под бурные овации публики, гордо покинул сцену.

На этом с цирковыми номерами было покончено, и после непродолжительного антракта пришло время премьеры «Доброго пастуха и благодарного льва».

Колокольчик возвестил о начале спектакля, занавес раздвинулся, и зрители увидели на сцене африканский пейзаж с пальмами, камнями и кактусами. Посреди этого оазиса паслось небольшое стадо гипсовых овец, сторожил их молоденький пастушок, в котором детвора сразу признала Франту Кулдана. Он был настолько увлечен чтением какого-то старого календаря, что совершенно не заметил, как к стаду его подкрался огромный лев (это и был Ирод).

Когда лев уже собирался наброситься на одну из овец, с ним приключилась беда. По-видимому, в переднюю лапу ему вознилась колючка от кактуса, и он, сев на задние лапы, дико заревел. При этом бедняга тряс больной лапой так же, как делают в подобных случаях дети, уколов или поранив чем-нибудь руку.

— Боже мой — лев! — ужаснулся пастух и, выронив календарь, побежал прятаться за ближайшую пальму.

Его гипсовые овечки не обратили на льва никакого внимания.

— О господи!— горевал за пальмой пастух.— Ну и влип же я! И со спокойным-то львом шутки плохи, а тут еще разъяренный, напоровшийся на колючку! Лучше бы я остался дома с бабушкой; сейчас этот гривастый слопаёт меня, как малину!— И бедняга пастушок так задрожал от страха, что сцена заходила под ним ходуном.

Взрослые покатались со смеху, дети же искренне испугались за пастуха.

— Франтик, беги, покуда лев не увидел!— шептали они пастушку.— Беги, не то сожрет! Он куда злее Бобеша!

Между тем дела пастуха были не так плохи. Неожиданно лев перестал реветь и протянул ему больную лапу, как бы умоляя подойти и выдернуть колючку. Увидев, что пастух боится его, лев на трех лапах приблизился к одной из овечек и несколько раз погладил ее по спинке, чтобы юноша не думал, будто он собирается его обидеть. Затем лев взял в зубы пальмовую ветвь и помахал ею из стороны в сторону, дружелюбно завивая при этом хвостом. И пастух решился.

— А что!— сказал он самому себе.— Я все равно не смогу от него убежать, так попробую хоть вытащить колючку. Может, в благодарность за услугу он не станет меня кушать!

И, уже не дрожа от страха, наш пастушок уверенно направился ко льву.

Старый лев все еще держал в зубах ветку, и умный пастушок догадался почему: лев дает ему понять, что у него нет намерения его лопать. Иных доказательств дружеского расположения пастуху не требовалось, он решительно подошел к зверю и одним ловким движением выдернул колючку из лапы.

Опустив ветвь на землю, лев принялся зализывать пораненную лапу, совсем как обыкновенный домашний кот. Пастушок отошел от него и присел в сторонке возле своих овец, для того, наверное, чтобы зрители не подумали, будто он ждет награды за, так сказать, первую медицинскую помощь пострадавшему. Через минуту-другую лев перестал зализывать рану и пошел прочь со сцены. Перед тем как уйти совсем, он еще раз взглянул на пастуха и дружески

повилиял хвостом. Первое действие спектакля на этом закончилось, и занавес задернулся.

Публика, довольная игрой юного пастушка и старого льва, вознаградила обоих громкими аплодисментами. Оркестр заиграл веселый марш, а когда музыка смолкла, зрителей начал развлекать попугай Клабосил. Он сыпал остроумными шутками, кувыркался на своей жердочке, вытворял разные фокусы. Детям он загадывал загадки, и еще спросил, как, по их мнению, отблагодарит лев пастуха.

Ответы были всякие: мол, лев будет целую неделю катать его по Африке на спине; он купит ему золотые часы, новую одежду, мешок конфет, автомобиль, губную гармонику, футбольный мяч и тому подобное. Антракт, таким образом, прошел очень весело, и вот вновь зазвонил колокольчик. Когда он прозвенел во второй раз, занавес раздвинулся, и вместо оазиса зрители увидели площадку за цирковым шатром, уставленную фургонами. Это был как бы цирк в цирке. На сцене малого цирка играла музыка, и зрители в нем над чем-то громко смеялись. Счастливчики!— у них нашлись деньги на входные билеты. А вот у одного молодого человека их, как видно, не оказалось: он печально ходил около шатра и искал в брезенте хоть какую-нибудь дырочку, чтобы через нее можно было заглянуть внутрь. Не удивляйтесь, дорогие ребята, что в кармане у этого юноши не нашлось ни одного геллера,— это был тот самый бедный пастух из африканской пустыни!

Служитель цирка уже дважды делал ему замечания и пригрозил, что если застанет его еще раз за этим занятием, то бросит в клетку ко льву. Но пастух появился там и на третий раз и, отыскав дырочку, с любопытством заглянул внутрь циркового шатра. Время от времени он озирался по сторонам, не приближается ли к нему строгий служитель.

Нет, сторож больше не показывался, однако произошло кое-что похуже! Оглянувшись в очередной раз, бедняга так и затрясся от страха, выронив из рук шапку. Еще бы! Прямо на него надвигался огромный лев, и шел он с той стороны, где был единственный выход с площадки за цирковым шатром! Пастух очутился в западне! Бедолаге не оставалось ничего другого, как дрожать от ужаса и ждать, что произой-

дет дальше. Ему и в голову не пришло позвать кого-нибудь на помощь.

Но произошла странная вещь! В трех шагах от пастуха лев неожиданно остановился и дружелюбно завилял хвостом. В эту минуту пастух поднял голову и увидел в зубах льва цветной листок бумаги. Некоторое время лев смотрел на несчастного, потом положил листок на землю и удалился.

Юноша с облегчением вздохнул. И хотя страх у него еще не прошел полностью, его все же заинтриговало, что бы могло это означать. Он поднял листок и, едва взглянув на него, подпрыгнул от радости и закричал:

— Ура! Это билет в цирк!

Но потом призадумался, почему его принес к нему лев. И вдруг пастуха осенило.

— Мне опять повезло! Ведь это тот самый лев, у которого однажды в пустыне я выдернул из лапы колючку, — ликовал счастливый пастух. — Я вытащил ему колючку, и он, старый добряк, запомнил меня! Наверное, его поймали охотники, лапа-то у него была поранена, и продали в этот цирк! Он хорошо запомнил меня и теперь вот в благодарность принес билет. Спасибо ему! За добро платят добром! Учтите это, уважаемая публика, и если кому-нибудь из вас доведется повстречать льва с колючкой в лапе, выдерните ее недолго думая. Он вас непременно отблагодарит! Ну а теперь я побежал в цирк, пока представление не закончилось. Мое почтение, привет, будьте здоровы!

Пастух снова подпрыгнул от радости и был таков.

Занавес задернулся, представление завершилось.

Домой!

Сказка «Добрый пастух и благодарный лев» имела у публики большой успех и тоже долго не сходила со сцены. В цирк «Микеш и Клудский» деньги текли рекой, и наши друзья Микеш, Бобеш, Пашик и Франта Кулдан просто не знали, что с ними делать. Жилось им очень хорошо, и они часто посылали щедрые подарки своим грусицким воспитателям.

Пепик тем временем уже учился в Праге, и его друзья

и доброжелатели были искренне рады, слыша в адрес мальчика одни похвалы.

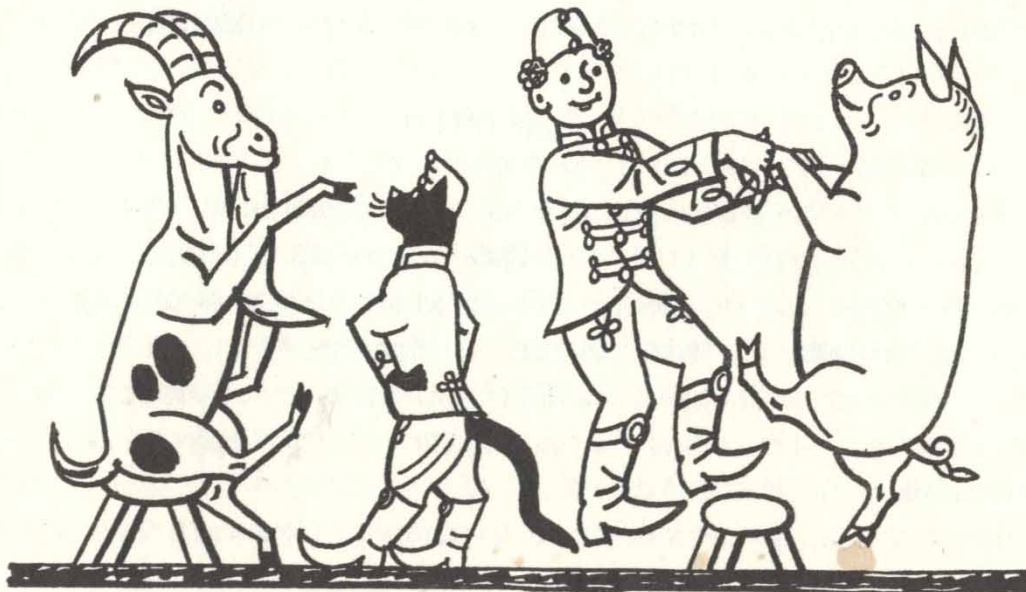
Теперь вроде бы никто из них не должен был сетовать на жизнь, и поначалу Микеш был убежден, что так оно и происходит, однако со временем котик, в первую очередь по Пашику, стал замечать некоторые перемены: кабанчик частенько выглядел задумчивым и был уже не так весел, как прежде. Потом Микешу начало казаться, что и Бобеш с Франтой затосковали и приуныли.

«Что с ними происходит?» — постоянно размышлял Микеш. Он уже готов был подумать, что они заболели или поссорились между собой, но когда спустя какое-то время сам почувствовал тоску по прежней размеренной жизни в Грусицах, в его черной головке сразу все прояснилось и он понял, чем опечалены друзья.

«Только бы из-за этого с ними не случилось какой беды! — переживал добрый котик. — Они, видно, очень скучают по дому, но не хотят делиться со мной своими мыслями, дабы я их не высмеял. Напрасно, мне и в голову такое бы не пришло! Что ж, если здесь им больше не нравится и они хотят вернуться в Грусицы, я не стану их отговаривать. К тому же я и сам настолько устал от забот, что с удовольствием отдохнул бы у нашей милой бабушки.

И Микеш, не откладывая дело в долгий ящик, решил спросить своих друзей, желают ли они по-прежнему работать в цирке, или им уже хочется домой.

Когда Микеш вошел в их общий фургончик, все друзья его были в сборе. Котик еще за дверью слышал их разговор,

но беседа прервалась, едва он зашел внутрь. Добряк Микеш сделал вид, будто не заметил ничего необычного, и начал расхаживать по фургону, заложив лапки за спину, а потом сказал друзьям:

— Кажется, работа и хлопоты стали несколько тяготить меня. Я с удовольствием отдохнул бы от них какое-то время. Но прежде я хотел бы спросить всех вас: желаете ли вы уйти со мной в продолжительный отпуск?

— Еще как! — хором воскликнули друзья. — Мы с радостью поехали бы в наши родные Грусицы, уж очень по ним соскучились.

— Денег у нас куры не клюют, на них можно жить припеваючи хоть тыщу лет, — взволнованно бормотал Пашик. — Думаю, мы повеселили людей на славу, пора и самим отдохнуть. Лично мне не нужны теперь ни золотой хлеб, ни золотое корытце, хочу снова быть рядом с нашей золотой бабушкой.

— Признаться, Микеш, я тоже ужасно соскучился по Грусицам! — сказал Франта Кулдан. — Сейчас пацаны жгут костры на пастбищах, пекут картошку, кувыркаются на траве! Они, верно, насквозь пропитались дымом и чумазые как трубочисты! Боже мой, Микеш, я хоть сейчас побежал бы домой!

— Честно говоря, и я скучаю по дому! Чего уж скрывать! — проворчал Бобеш. — Денег у меня теперь столько, что я мог бы купить дядюшке Малиновскому не одни, а огромную кучу поношенных штанов и целую телегу табака. Полагаю совершенно излишним продолжать наши здешние мучения. Слава больше не интересует меня! Я уже пресытился ею и сейчас с удовольствием просто полежал бы на соломе в своем ветхом хлеву. Елки-моталки! Микеш, я, словно малый козленок, радуюсь при мысли, как снова выйду поутру на пастбище с дядюшкой Малиновским.

— Ну и хорошо! Я не стану просить вас остаться здесь, раз вам не нравится больше эта жизнь и вы тоскуете по дому. Теперь надо устроить так, чтобы мы поскорее смогли вернуться в Грусицы. — И с этими словами котик вышел из фургона.

Он собирался тотчас же переговорить с паном Клудским и Олюшкой, но, подойдя к их жилищу, несколько струсил.

Он не знал, как они это воспримут, и корил себя за то, что не посоветовался с ними до беседы с друзьями.

Однако на деле все оказалось куда проще, чем он ожидал. Как только Микеш переступил порог фургона пана Клудского, хозяин его встал из-за стола и сам направился к котику. Олюшка осталась сидеть за столом, и Микеш заметил, что сегодня оба они выглядят серьезнее обычного.

— Очень хорошо, что ты зашел к нам, пан директор! — начал пан Клудский. — Я как раз собирался послать за тобой. У нас с Олюшкой состоялся сейчас важный разговор, и мы хотели бы с тобой посоветоваться. Присядь-ка, я расскажу, в чем, собственно, дело. Как-то во время показа «Загадочного котика» на спектакле присутствовал директор одного большого театра. Он увидел, как вы играете, и ему очень понравилась Олюшкина манера исполнения. И вот сегодня пришло письмо, в котором он советует мне отдать Олюшку в театральное училище, где она смогла бы отшлифовать свое актерское мастерство. Обстоятельно все продумав, я согласился с его мнением и решил последовать данному им совету. Я хочу отправить Олюшку учиться в Прагу, она тоже этого хочет. Теперь нам необходимо согласовать, что делать с цирком: Олюшка уезжает, я же не вполне здоров, чтобы продолжать работу. Мне нужен покой и отдых. Так посоветуй, дорогой Микеш, как быть?

Пан Клудский предполагал, что Микеш будет удивлен и растерян, но трудяга котик неожиданно улыбнулся.

— Совет мой прост! — ответил Микеш. — Если у Олюшки большой актерский талант, стало быть, надо ехать учиться! Это порекомендовал бы вам всякий разумный человек, окажись он на моем месте. Вам же, пан директор, действительно пора отдохнуть, раз вы нуждаетесь в покое! Кстати сказать, я тоже о нем мечтаю, да и мои грусицкие друзья соскучились по размеренной жизни. Я только что от них, шел к вам за советом. Ну а теперь все разрешилось само собой: Олюшка поедет учиться в Прагу, мы же вернемся в Грусицы.

— Да, вроде бы все прекрасно! Олюшка отправляется на учебу, вы — домой. Вот только куда денемся мы со старым Швейдой? — дрогнувшим голосом проговорил пан Клудский.

— Поедете с нами в Грусицы! — твердо сказал Микеш. — Вы привыкли к нам, мы к вам; думаю, расставаться было бы излишне и неразумно. У всех нас столько денег, что мы без труда сможем снять, купить или построить в Грусицах просторный дом, где будем жить сообща и в довольстве. Ежели мы решим его строить, то почему бы нам не сделать свое жилище таким, чтобы в нем нашлось место и для царя зверей Ирода, и для слона Брундибара, медведя Мышки, обезьяны Качабы, попугая Клабосила? Боже мой, пан директор, какая райская жизнь наступила бы в этой обители!

Увидев светящиеся от радости глаза котика, пан Клудский не выдержал и рассмеялся. Впрочем, ему пришлось по душе слова Микеша. А Олюшка даже захлопала в ладоши.

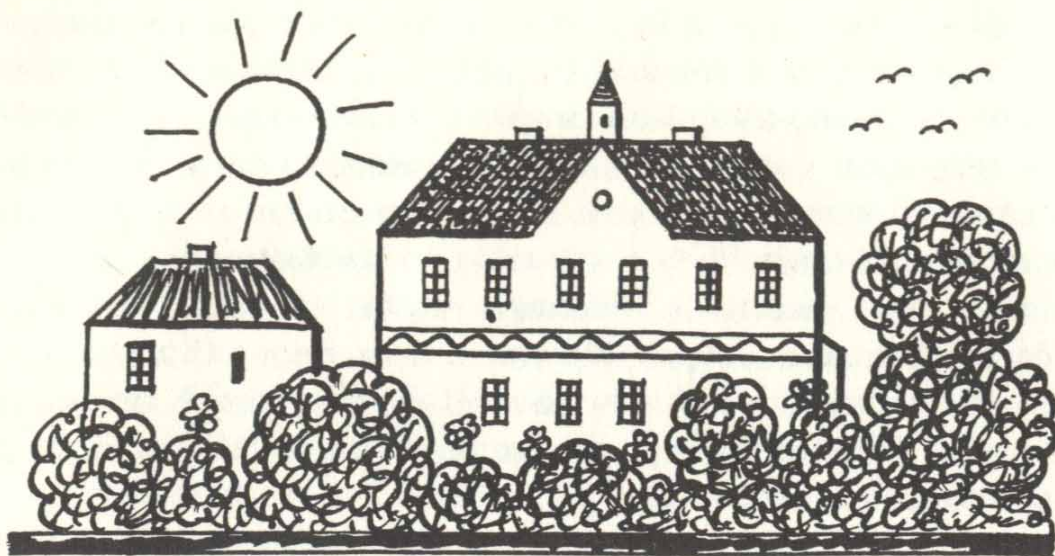
— Папочка, прошу тебя, соглашайся! Как это здорово, вы снова будете вместе! И обязательно возьмите с собой старого Швейду, он всегда служил нам верой и правдой. В каникулы я смогу встретиться со всеми своими друзьями. Мы будем приезжать к вам с Пепиком, ведь бабушку вы тоже поселите в этом доме. Лучшего, по-моему, и не придумаешь, коли уж все мы расстаемся с цирком.

— Что ж, хорошо! — согласился пан Клудский. — Сделаем так, как ты хочешь. Мы завтра же съездим в Грусицы с паном Микешем и договоримся о постройке нашего общего дома. Пан директор, передай мои слова своим друзьям!

Стоит ли, дорогие ребята, описывать то, с какой радостью встретили это известие друзья котика. Скажу лишь, что теперь они с огромным нетерпением ожидали вожделенного дня отъезда в Грусицы. Пан Клудский с Микешем постарались ускорить его по возможности, и, в конце концов, все дождались этого момента живыми и здоровыми.

Когда Олюшка отправилась в Прагу учиться, пан Клудский продал цирк и уехал в Грусицы вместе с Микешем, старым Швейдой, Франтой Кулданом, Иродом, Брундибаром, Мышкой, Качабой, Пашиком, Бобешем и озорником Клабосилом. Окруженный со всех сторон фруктовым садом, дом у них и вправду был превосходным, и при этом никто не остался в обиде.

Как ладно и весело жили они в новом доме, вы, дорогие ребята, прочитаете в следующей главе.

«Райская обитель»

Жилище, купленное Микешем и паном Клудским для совместной жизни, стояло, как я уже говорил, посреди большого сада с фруктовыми деревьями. Прежде чем переселить туда циркачей, пан Клудский с Микешем договорились о том, чтобы его основательно отремонтировали и пристроили к нему новые жилые помещения, где смогли бы удобно разместиться звери. Вы, конечно, понимаете, ребята, что одному только слону Брундибару требовалось жилье размерами не меньше амбара; кроме того, пану Клудскому хотелось, дабы и у остальных зверей, льва Ирода, медведя Мышки и других, тоже были достаточно просторные флигеля.

Помещения для друзей животных Микеш попросил сделать такими, чтобы в них они чувствовали себя как можно уютнее. Внутренние стены он заказал украсить видами родных для каждого зверя мест: для слона Брундибара были нарисованы индийские джунгли, попугая Клабосила — лес Южной Америки, обезьяны Качабы — африканский пейзаж с пальмами. Такой же пейзаж получил и лев Ирод. Медведь же Мышка пожелал иметь в своем флигеле прекрасные виды хвойного леса. У Мышки, Клабосила и Качабы Микеш распорядился установить также большие высохшие деревья, чтобы, когда им захочется, они могли лазать по ним или прыгать. Бобеш с Пашиком поселились в просторных уютных хлевах, обшитых ароматно пахнущи-

ми досками и устланных мягким сеном. Увидев впервые эти замечательные хлева, Пашик радостно всплеснул передними ножками, а потом, уже не так радостно, сказал Микешу:

— Хватит, хватит, Микеш! Больше ничего не делай с ними, дружище, они даже чересчур хороши для нас! Мы не заслужили ни золотых, ни бриллиантовых домиков! Побережем лучше деньги для Пефика с Олюшкой!

Если б вы видели кабанчика в эту минуту, вы наверняка поверили бы в искренность его слов, но умный Микеш сразу догадался, почему он так говорит: Пашик просто опасался, как бы воры не украли его драгоценный хлев с ним в придачу!

Зато попугай, едва очутившись в своем жилище, разболтался не на шутку, он тотчас же взлетел на дерево и в восторге закричал:

— Черт побери! Вот это клетка! Ничуть не хуже Национального театра! Я получаю ее в награду за свою службу, ведь именно я не пропустил в цирк без билета ни одной козявочки!

В новом доме, таким образом, для каждого нашлась светелка; подумал наш умный котик и о том, чтобы и Пепику с Олюшкой досталось на каникулах по комнатке. Старый Швейда и Франта Кулдан тоже обзавелись отдельными комнатами, рядом с жилыми помещениями животных. Им была отведена роль воспитателей, и они всегда должны были находиться поблизости от зверей. Франте такая работа очень нравилась, и он даже гордился ею. Мальчик примерно ухаживал за животными, частенько заглядывал к ним и ночью, чтобы проверить, все ли у них в порядке.

Одна из лучших комнат предназначалась бабушке, но сама она не пожелала расставаться со своей избушкой! Даже слышать об этом не захотела, когда Микеш впервые привел ее в уютно обставленную, светлую горенку.

— Золотце мое, я очень тронута твоим вниманием, но никуда из своего домика не уйду. Ты не серчай на меня, просто я настолько привыкла к прежней горнице, что после нее мне всюду будет тоскливо. А чтобы не расстраивать тебя, мой родимый, я оставлю эту комнатку за собой и каждый

день буду заходить сюда хоть на минуточку, чтобы подерживать в ней порядок!

Умный котик согласился с бабушкой и не стал ее уговаривать, он понял, что не сможет ее переубедить. И так, бабушка продолжала жить вместе с Мурлышкой в старом доме, в новый же приходила обычно три раза в день и следила там за порядком. Идти ей было недалеко. Сад нового дома находился по соседству с садиком старушки Швецовой, и первое, что сделал Микеш,— это калитку в их общем заборе. Микеш часто ходил по этому пути к бабушке, чтобы поболтать с ней о чем-нибудь или поиграть с Мурлышкой.

Не захотел переселяться из своей хижины и старый пастух дядюшка Малиновский, хоть Бобеш и упрашивал его отдохнуть наконец от общественной службы. Дядюшка пастух не пожелал расставаться с любимыми овечками и друзьями-соседями, с которыми каждый вечер толковал о том о сем на лавочке перед хибаркой.

Думаю, дорогие ребята, вы к тому же нисколько не удивитесь, узнав, что ни Бобеш, ни Пашик не разрешили дядюшке Малиновскому и бабушке взять в хлева новых козла и кабанчика. Оба друга решительно воспротивились этому, заявив, что пусть их прежние хлева стоят, как стояли; они нередко заходили туда, чтобы в тиши вспомнить свою молодость. Частенько друзья навещали в них друг друга, и когда вместе с ними бывал там Микеш, то воспоминания на таких посиделках сыпались как из рога изобилия. Говорили они о том, как жилось им в прежние времена, как познакомились, научились человеческой речи, как потом странствовали. Вспоминали, сколько всяких веселых шуточек откалывали они вместе с Пепиком и как часто сердил их сорванец Франта Кулдан. Память воскрешала им былое, прежние радости и забавы; то горе, которое испытали они после исчезновения Микеша, и ту огромную радость, какую он доставил им своим возвращением из странствий. Там же мечтали они о приезде на каникулы Пепика с Олюшкой, чтобы снова побыть друг возле друга. Иногда к их компании пристраивался Мурлышка. Раскрыв ротик от удивления, он внимательно слушал, какими удалцами были «дядюшки» Микеш, Пашик и Бобеш.

Впрочем, добряк Микеш не ограничился одним обустройством своих друзей-приятелей животных, подумал он и о других. Когда каким-нибудь малоимущим родителям приходилось отпрапляться на заработки, а оставить своих маленьких детей дома было не на кого, они со спокойным сердцем отводили их к Микешу в новый дом, зная, что уж там-то о них позаботятся. У Микеша ребятишкам позволялось все: играли они, где хотели; бегали и кувыркались в саду; катались на качелях и на тачке. Старый Швейда устроил для них кукольный театр, в котором показывал увлекательные веселые пьесы; когда же ребятам надоедало смотреть комедии, в их распоряжении были великолепные книжки с картинками.

В одной большой комнате дома их ждали всевозможные игрушки, мальчики и девочки могли выбирать из них какие угодно. Стоит ли удивляться, что туда прибегали дети со всей деревни.

Не забыл Микеш и о бездомных кошках с собаками. В новом доме они всегда находили приют и вкусную пищу. Там жили они до тех пор, пока кто-нибудь не забирал их к себе. Из всех наших друзей животных особенное внимание к страждущим проявляла обезьяна Качаба. Она с большим

удовольствием разносила по деревне обеды для голодных собак и подавала работягам лошадям посыпанные солью ломтики хлеба. Зато теперь, в присутствии собак, никто не смел даже косо посмотреть в ее сторону, и горе тому, кто отважился бы обидеть Качабу. Микешу это очень нравилось.

Наш добрый котик неустанно размышлял, что бы еще устроить для блага обитателей и гостей в новом доме, и лишь когда осуществились все его мечты, которыми он грезил в ту пору, когда в цирк рекой потекли деньги, он позволил расслабиться и себе.

На отдыхе Микеш навещал бабушку, дядюшку Малиновского, других знакомых и соседей, однако охотнее всего он совершал прогулки с восхождением на невысокую скалу, откуда их новый окруженный садом дом был виден как на ладони.

Как-то однажды Микеш умиротворенно смотрел сверху на свое детище, наблюдал за ребятишками, играющими с его друзьями животными, и подумал вдруг о том, что сейчас в доме сидят, наверное, в одной из горенок бабушка, пан Клудский, старый Швейда и о чем-то разговаривают между собой. Котик счастливо улыбнулся и проговорил:

— Райская обитель!

С той поры Микеш часто повторял эти слова, и окружающие вскоре привыкли к ним настолько, что и сами начали называть новый дом не иначе, как «Райская обитель».

Как Микеш защищал принцессу

Трое наших друзей — Бобеш, Пашик и Микеш довольно часто бывали в гостях у бабушки. Побеседовав с ней немного, они усаживались на дворе возле старого хлева кабанчика и наблюдали за Мурлышкой, который, по своему обыкновению, крутил волчок, играл сам с собой в чижа или прокладывал в песке туннели. Большой радости при этом они не испытывали.

— Ума не приложу, как нам быть с этим несмышленишем; что из него получится?! — однажды сказал Бобеш. — Не растет, не крепнет; все такой же нытик, как и в ту пору, когда Пепик принес его домой!

— Ничего из него не выйдет, попомните мое слово! — проворчал Пашик и махнул ножкой в сторону Мурлышки, как бы посылая его ко всем чертикам. — Он годится лишь для того, чтобы развлекать бабушку. А пойдя он на заработки, по примеру нас троих, так и вовсе бы, пожалуй, сгинул. Думаю, он не добрался бы даже до кирпичной мастерской, схватила бы его первая попавшаяся ворона и унесла бы куда-нибудь подальше.

— Рано пока делать выводы! — вступился за Мурлышку Микеш. — Может, он всех нас перецеголяет. Вспомните, как однажды он почти до самого дома дотащил для бабушки цикорий от Сейка. И не его вина, что упал он вместе с ним в пруд Новака, ведь тогда за ним гнался злющий барбос Марысека.

Но Пашик не унимался:

— А я говорю, не будет от него толку. Вспомни-ка, Микеш, чем ты занимался в его годы; сколько всяких проделок на нашем с тобой счету. Вспомни, что ты умел, и сравни себя с этим ковыряющимся в песке несмышленишем.

Тут Пашик крикнул Мурлышке:

— Спасайся, Мурлышка! Воробей хочет тебя съесть!

После этого Бобеш с Пашиком засмеялись, а Мурлышка, перестав играть, в самом деле пустился наутек к дому.

Тем временем в горнице бабушка сосредоточенно штопала какие-то вещи, но она сразу поняла, что Мурлышка чем-то удручен. Обычно котик влетал в горницу как на крыльях, прыгал с одного места на другое и то и дело спрашивал ее о чем-либо. Сейчас же он забился в уголок и сидел там словно в воду опущенный.

Бабушку удивляло его молчание, несколько раз она взглядывала на него поверх очков, а потом заботливо поинтересовалась:

— Что случилось, касатик? Тебя никто не обидел, уж не захворал ли ты часом? А может, ты просто забежался или выпил чего холодного?

— Нет, милая бабушка, ничего плохого со мной не случилось. Но мне обидно, что дядюшки Пашик и Бобеш постоянно смеются надо мной, обзывают нытиком и несмышленишем и говорят, будто из меня никогда не получит-

ся такого удальца, как дядя Микеш! — пожаловался бабушке расстроенный до слез Мурлышка.

— Не горюй, касатик! — утешала бабушка своего любимца. — Я поговорю с Пашиком, и он больше не будет над тобой смеяться. Пусть бы лучше вспомнил, как сам боялся ехать на заработки. Да и твой дядюшка Микеш далеко не сразу стал таким удальцом; он тоже нередко совершал глупости. Поди сюда, присядь рядышком, я расскажу тебе, что произошло с ним однажды, когда к нам приехал кукольный театр.

С этой минуты Мурлышка уже не хныкал. Он очень любил кукольный театр, часто посещал его, и к тому же у него самого дома был такой игрушечный театрик. Мурлышка мигом разыскал свою табуреточку и, устроившись на ней, уставился на бабушку горящими от любопытства глазками.

И бабушка начала свой рассказ.

— Однажды вечером Микеш сидел вот на этой скамейке и смотрел в окно. По дороге из нижней части деревни в сторону площади гурьбой шли ребяташки, и его заинтересовало, куда они направляются. Микеш решил расспросить их, вышел во двор, и тут ребята закричали:

«Микеш, пошли с нами смотреть комедию! В полдень на площадь приехали артисты и пообещали вечером показать «У Булачеков» кукольный спектакль!»

До того дня Микеш никогда не видел подобных спектаклей и сказал ребятам, что с большим удовольствием отправится вместе с ними на площадь. Он вернулся в горницу за деньгами на билет и потом побежал догонять детей. Ему очень хотелось посмотреть комедию.

Марженка Франтакова сразу взяла его за лапку, чтобы какой-нибудь нетерпеливый мальчишка не сшиб котика на бегу, и повела в трактир «У Булачеков», в зале которого была установлена сцена. Марженка с Микешем купили билеты и сели в первом ряду прямо перед занавесом, чтобы видеть все как можно лучше. Занавес был еще задернут, и на нем красовался нарисованный старинный замок, что стоял на высоком холме. Бока сцены украшали холсты с изображениями цветов, и Микеш столь увлеченно рассматривал всю эту красоту, что даже не заметил, как зал постепенно заполнился детьми и взрослыми. Стало очень шумно. Возле сцены, за обтянутой брезентом перегородкой, играла, ворча и поскрипывая, старая шарманка; детвора жарко спорила о том, что покажут сейчас комедианты, и лишь мужчины невозмутимо покуривали свои трубки около стола.

Но вот шарманка умолкла, позади занавеса прозвенел колокольчик, и публика успокоилась. После второго звонка колокольчика занавес наконец раздвинулся.

Микеш так и обомлел. На сцене он увидел королевские покои, сам король восседал перед зрителями на троне, а возле него стояла принцесса. Поскольку прежде Микеш никогда не бывал в кукольном театре, он был очень удивлен тем, что на свете существуют такие крохотные люди. Фигурки двигались и разговаривали, стало быть, для него они были живыми.

Между тем король на сцене обратился к принцессе со словами:

«Я весьма неохотно отпускаю тебя странствовать, дочь моя. Сердце подсказывает мне, что в большом мире тебя может постичь беда».

На такие речи принцесса отвечала ему приятным, тихим голосом:

«Не переживайте за меня, мой отец и повелитель; как бы там ни было, я должна идти странствовать. Ведь во всем королевстве не осталось ни щепотки соли, люди и домашние животные очень страдают. Поэтому я уйду бродить по белу свету сегодня же и твердо верю, что мне повезет и скоро я принесу драгоценную соль».

Услышав эти слова, добряк Микеш хотел тотчас крикнуть, что, мол, на кухне соли предостаточно и он может сбегать за ней хоть сию минуту, но потом подумал и решил: пусть принцесса сама ее раздобудет, чтобы заслужить в королевстве почет и уважение подданных. Микешу не хотелось омрачать ей радость. Тем временем король продолжал отговаривать принцессу идти на поиски соли самой, но, в конце концов, согласился с ее доводами и отпустил дочь странствовать. На этом первое действие пьесы закончилось, и занавес сдвинулся.

Микеш стал ждать той минуты, когда принцесса отправится на кухню за солью, он собирался проводить ее, чтобы по дороге с ней не приключилось какого-нибудь несчастья. Но как ни старался Микеш, принцессы он так и не разглядел, хотя никогда не жаловался на свое зрение. Микеш твердо помнил, что за сценой нет ни двери, ни окон, и просто терялся в догадках, каким же путем направилась принцесса за солью.

Но вот снова зазвенел колокольчик, и занавес начал медленно раздвигаться. Каково же было удивление Микеша, когда на сцене вместо королевских покоев он увидел маленький, но густой лесочек, покрытые мхом камни, кустарник и крохотные грибы.

«О господи! — подумал Микеш, обнаружив такую внезапную перемену. — Куда же за столь короткое время мог подеваться королевский замок? Откуда тут лес? Где принцесса?»

Он уже собирался спросить об этом у Марженки, но вот в лесочке показалась сама принцесса, одетая как простолюдинка, с посохом в руке и с дорожным мешком за спиной. Она заговорила печальным голосом:

«Ах я несчастная, тяжек избранный мною путь! И в зной, и в дождь бреду я через холмы и доли, страдаю от голода и жажды! Но я терпеливо буду сносить все лишения

до тех пор, пока до краев не наполню свой мешок драгоценной солью».

Принцесса стала раздражать Микеша. О чем она толкует? Никакого дождя на дворе нет, а на кухне у хозяина и по соседству, в корчме Сейка, лежат целые мешки соли! Так чего она плачется? Раздражали Микеша и окружающие: никто не напомнил об этом принцессе, да и среди детей не нашлось никого, кто сбегал бы для нее за солью. Марженка Франтакова и та даже не пошевелинулась, а ведь она очень отзывчивая девочка, ради стариков так вообще побежит хоть на край света.

И решил Микеш сам сбегать на кухню за солью, пусть потом всем будет стыдно за свое равнодушие. У добряка Микеша были самые решительные намерения, однако в следующую минуту от неожиданности он так и замер на своем стуле.

На сцене произошло нечто ужасное! Неожиданно отовсюду повывскакивали разбойники, которые, обступив бедняжку принцессу, закричали, перекрикивая один другого:

«Кошелек или жизнь! Сейчас же выкладывай свои денежки, а не то быть тебе дочерью смерти, елки-палки-моталки!»

Страшные разбойники вытащили из ножен сабли и в дикой злобе приставили их к перепуганной принцессе.

«Боже мой, вот так оказия! — пробормотал Микеш, едва не упав со стула от страха. — И никто даже пальцем не пошевелинет, чтобы спасти принцессу! Никто, в том числе и пан староста! Сидит себе как ни в чем не бывало и покуривает. Елки зеленые! Какие бессердечные люди, неужели они позволят убить бедняжку?»

Несчастливая принцесса упала перед разбойниками на колени и взмолилась о пощаде. Тут один из разбойников с длиннющей черной бородой, не обращая на ее мольбы никакого внимания, размахнулся саблей и...

«Не бывать этому!» — возопил на весь зал Микеш и в один прыжок очутился на сцене.

Сильным ударом он сбил с ног черного разбойника, потом второго, а все остальные в страхе бросились врассыпную. Принцесса тоже хотела убежать, но Микеш взял ее за рукав и спокойно сказал:

«Вам нечего бояться, королева! Вам я не причиню зла, но пусть только попадется мне кто-нибудь из тех хулиганов, что напали на вас, я мигом сделаю из него отбивную котлету!»

Можете себе представить, дорогие ребята, как это восприняли в зале мальчики, девочки и взрослые зрители! Мальчишки прямо-таки визжали от восторга, девочки хлопали в ладоши, а взрослые хохотали до упаду. Не смеялся один Микеш. Он строго смотрел на публику, и глаза его гневно поблескивали.

«Ишь развеселились! — бурчал он себе под носик. — Хотел бы я на вас посмотреть, кабы этот черный мужлан в самом деле убил принцессу».

Он все еще продолжал держать принцессу за рукав, не зная, что ему делать. Потом Микеш вытащил из кармана штанишек монету и кивком головы подозвал к сцене малыша из первого ряда.

«Держи! — сказал он мальчику. — Принеси от Сейка полкило соли, больше принцессе не унести! Да поскорей, Тоничек, не заставляй себя ждать!»

Между тем хохот и хлопки продолжали сотрясать зал, и Микеш стоял на сцене как на раскаленных углях. Тоничек и вправду обернулся весьма быстро и через минуту-другую уже подавал Микешу вверх мешочек с солью. Микеш принял соль, развязал на спине у принцессы

дорожный мешок и, вложив ее вовнутрь, снова перевязал его веревочкой.

«Я положил вам немного соли, королевна! — учтиво сказал он принцессе. — Думаю, на первое время хватит. А теперь возвращайтесь-ка лучше домой, покуда не случилось беды похуже, раз в этом лесу водятся такие мерзавцы».

С этими словами он почтительно поклонился принцессе и, спрыгнув со сцены, побежал домой. Микеш не услышал, как публика громко зааплодировала ему и стала кричать «Браво!», да, впрочем, он в этом и не нуждался. Микеш был ужасно зол на всех этих бездушных людей!

А знаешь, Мурлышка, как отнесся к его поступку директор кукольного театра? Он, конечно, был весьма удивлен поведением котика. Когда Микеш запрыгнул на сцену и начал раздавать разбойникам затрешины, он хотел просто отстегнуть ремень и прогнать его, но тут Микеш заговорил, и директор был настолько поражен этим, что совершенно растерялся, и, лишь когда котик убежал, пришел в себя и увел принцессу со сцены. Продолжать спектакль он был уже не в силах. Дрожащим от волнения голосом директор извинился перед зрителями: мол, совершенно не понимает, что с ним такое происходит, ему, дескать, было какое-то странное видение. Успокоился же он только после того, как ему объяснили, что не было это никаким видением, а видел он всамделишного говорящего кота. Никто из зрителей не рассердился на директора за то, что он прервал спектакль. Люди уже достаточно повеселились благодаря Микешу и, довольные, разошлись по домам.

Когда бабушка закончила свой рассказ, Мурлышка озорно рассмеялся и на радостях запрыгал по горнице. Ему было приятно сознавать, что и дядюшка Микеш, несмотря на свой ум, попадал в жизни в дурацкое положение. Подрался из-за деревянной принцессы с такими же деревянными разбойниками! Настроение у Мурлышки поднялось, он поблагодарил бабушку за интересный рассказ и, подняв брошенную им в углу лопатку, пошел снова играть в песочницу.

О слоне Брундибаре

Наши друзья животные прогуливались и по деревне, и по ее окрестностям, один лишь царь зверей — лев Ирод — никогда не покидал «Райской обители». Он был уже стар и позволял себе разве что погреться иногда теплым деньком на солнышке в укромном уголке сада. Зато остальные звери с большим удовольствием совершали прогулки по деревне. Сначала собаки встречали их диким лаем, но потом привыкли и обращали на них не больше внимания, чем, скажем, на лошадей или коров. Дети же перестали бояться их очень скоро и даже подружились с ними. Да и сами животные стремились к тому, чтобы ребятишки их полюбили, они нарочно приходили на детские площадки и развлекали детвору как могли. Особенно хорошо это получалось у обезьяны Качабы — на земле либо на ветвях деревьев она откалывала такие акробатические номера, что ребята кувыркались по траве от восторга. Если при этом был медведь Мышка, он тут же валился к ним в траву, и через минуту-другую ребятня располагалась на его шкуре, как на перинке.

Однако наибольшие симпатии детей завоевал слон Брундибар. Даже удивительно, как сильно привязались они к этому огромному, величиною с амбар, зверю. Немалая заслуга в этом принадлежала Микешу, который поначалу часто приезжал к ним верхом на Брундибаре и делал все, чтобы они его не боялись. Микеш предлагал ребятам, отбросив всякий страх, покачаться у него на хоботе, подняться на нем высоко вверх, а самых смелых зазывал посидеть рядом с собой. Через некоторое время он попросил колесника Кудрну смастерить для Брундибара большое и удобное деревянное седло с перилами, дабы ребята не боялись упасть со слона. Нередко на голове у Брундибара сиживал Клабосил; завидев кого-нибудь из детей, он кричал:

— Эй, чертяка, садись ко мне, покатаемся! Может, заработаем пару крон!

Не подумайте только, что наш мудрый слон разгуливал по деревне и окрестным дорогам лишь скуки ради или, того хуже, чтобы мешать передвижению людей и повозок. Нет, дорогие ребята! Брундибар хорошо понимал, какой могучей силой наделены они, слоны, и употреблял ее всюду, где

в этом была необходимость. Он помогал тащить в гору тяжелые повозки, грузить на телеги неподъемные мешки, камни и бревна, а также выполнял любые другие работы, облегчая труд людей и тяглого скота. На первых порах лошади шарахались от него в испуге, в таких случаях Брундибар замирал и стоял в неподвижности до тех пор, пока лошади не успокаивались. Мало-помалу они к нему привыкли. Вместе с тем нередко они попросту не знали, что им помогает Брундибар. Догоняя повозку с тяжелой поклажей, слон безо всякого особого приглашения выталкивал своим огромным лбом телегу с лошадьми на ровное место и после этого либо шел в обратную сторону, либо сворачивал на другую дорогу.

Ни с чем не сравнимую помощь Брундибар оказывал крестьянам во время жатвы, когда нужно было вывозить с полей убранный урожай. Вокруг Грусиц местность холмистая, и там мало дорог, пролегающих по равнине. Поэтому ох как тяжело бывает корове или лошади тащить вверх по полю да по дороге телегу, нагруженную дарами земли. Тут уж Брундибару работы было хоть отбавляй. То поможет Стрнадам затащить на гору телегу с рожью, то пособит Ваврам с пшеницей, и так с утра до самого вечера.

За это Микеш очень хвалил Брундибара и однажды попросил Клабосила посодействовать слону в розысках перегруженных телег. По совету котика Клабосил усаживался на вершину высокого тополя, росшего в саду «Райской обители», и оттуда оповещал Брундибара, где требовалась его помощь.

Занятие это весьма нравилось попугаю. Он, словно какой-нибудь диспетчер, руководил перемещением грузов с убранным урожаем по всей округе и то и дело кричал Брундибару по-слоновьи:

— В «желобках» Свободы застряли с телегой ячменя!
Или:

— Скорей беги к «поганкам», помоги вытащить коровам Штепанека телегу с пшеницей!

Брундибару много приходилось бегать, но он делал свою работу с удовольствием; слону достаточно было людской признательности и сознания того, что он помогает крестьянам в их нелегком, напряженном труде.

Однажды Клабосил ужасно рассердил слона Брундибара. Дело в том, что довольно скоро попугаю наскучило постоянно торчать на вершине тополя и крутиться во все стороны, точно сорока на колу. И как-то вечером задумал он разыграть Брундибара. Старый добряк слон уже изрядно устал, когда Клабосил неожиданно закричал ему, чтобы он скорее бежал к «кабанам»*, мол, там кто-то застрял со своей телегой. Изможденный Брундибар мужественно побежал к указанному месту, но когда прибежал туда, то увидел лишь маленького Пепика Штиху, да еще детскую коляску, в которой сидел его младший братик Тоник. Мальчик с коляской стоял посреди дороги, и оба братца с нескрываемым любопытством следили за тем, как деревенские мальчишки барахтаются в общественном пруду и прыгают с берега в воду. Брундибар рассердился не на шутку, после чего Микешу пришлось отругать попугая и сделать ему строгое внушение.

По окончании жатвы в Грусицах справляли «обжинки». Последнюю телегу с урожаем встречали с музыкой, а вечером в корчме «У Свободы» устроили танцы. Во время празднования «обжинок» Брундибар как самый сильный работник получил в награду огромный венок, которому он очень обрадовался и который не снимал с головы. По совету котика Микеша слон повесил венок у себя дома на стене и некоторое время только и делал, что стоял и смотрел на него своими добрыми, лучащимися радостью глазами. Еще долго обезьяна Качаба не смела показать носа в его горницу: слон боялся, как бы она не повредила его замечательный венок.

Волшебная трость

Наш милый котик Микеш с большим удовольствием прогуливался по полям. Леснику Бучине было об этом хорошо известно, однако он не гонял его, как других котов, потому что Микеш слыл в округе порядочным котиком, который не причинит зла ни птичке, ни зайчику.

Как-то поздно вечером, на Ивана Купалу, Микеш шагал полевой тропой, пролегающей меж высоких хлебов. Шел

* Имеются в виду кучи древесины для обугливания.

он бесшумно, как умеют это делать только кошки, и посему котику удалось увидеть то, чего никогда бы не узрел человек. Дойдя по тропе до самого ее конца, Микеш заметил на высокой меже перед полем Бабца нечто такое, что напоминало танцующую на кончике хвоста змею.

Зоркий Микеш без труда распознал в этом предмете самую обыкновенную трость.

«Что за чертовщина! — подумал котик. — Впервые вижу, чтобы трость танцевала! Да еще поворачивалась в разные стороны, подпрыгивала и напевала: "Тра-та-та, киска заневестились — песик замуж взял!"»

С минуту Микеш наблюдал за странной тростью и решил поймать да осмотреть ее. Он двинулся к ней тихо-тихо, чтоб не вспугнуть ненароком, а затем — прыг! — схватил ее за шейку под набалдашником. Едва он коснулся трости, как она выпрямилась и застыла в вертикальном положении. Это и в самом деле была обыкновенная трость, похожая на те, с какими ходят лесники и пастухи, и отличал ее от других тросточек разве что красивый резной набалдашник. Микеш держал трость крепко, чтобы она не смогла от него убежать.

— Только не делай вид, будто двух слов связать не в состоянии! — проговорил котик. — Я-то хорошо знаю, на что ты способна. Ишь прикинулась мертвой, точно колорадский жук, которого взяли в руку.

Вернувшись со своей находкой домой, Микеш запер ее в шкаф.

На протяжении нескольких дней котик время от времени прохаживался с нею по комнате, чтобы трость к нему попривыкла, и лишь после того, как решил, что уже достаточно расположил ее к себе, вышел вместе с ней на прогулку. Трость вела себя примерно. У нее, видимо, и в мыслях не было убежать от Микеша: она не сделала этого даже в ту минуту, когда котик прислонил ее к стене и на какое-то время отвернулся. С тех пор Микеш окончательно поверил в доброе расположение трости и больше не запирал ее в шкаф.

Отныне котик не ступал без нее ни шагу. Он очень любил свою трость, потому что знал: ежели трость пожелает, она

способна на многое. Хотя, впрочем, с того самого дня, как он ее поймал, трость еще ничем себя не проявила.

Как-то ночью наш котик отправился на деревенскую площадь поболтать о том о сем со старым ночным сторожем Рабасом. В небе рыбьим оком светила луна, и звезд на нем было видимо-невидимо. Словом, была прекрасная, тихая, лунная ночь. Старик Рабас сидел на лавочке под липой и, чинно покуривая трубку, ждал, когда придет срок трубить одиннадцать часов. Он учтиво поздоровался с Микешем и тотчас освободил возле себя местечко, чтобы котик устраивался рядом с ним поудобнее. Поставив свою трость около тросточки сторожа, Микеш присел на лавку, и они разговорились о всякой всячине.

Неожиданно Микеш замолчал на полуслове и наострил ушки.

— Что с вами, кум Микеш? — встревожился сторож.

— Мне вдруг почудилось, будто наши трости ворчат друг на друга, — ответил Микеш.

— Что вы такое говорите, кум Микеш?! Какие обиды могут быть у них между собой? Да и вообще, слыханное ли это дело! О господи! — И старый Рабас даже рассмеялся.

— Не торопитесь с выводами, дядюшка Рабас! Шут их разберет, эти трости! Во всяком случае, про свою я точно знаю, что она кроткая и не способна совершить плохой поступок, но вот ваша представляется мне этакой, я бы сказал, озорницей! Вон у нее какая ручка, клюв да и только, тюкнула им, наверное, мою по набалдашнику! — предположил Микеш.

— Ладно уж, я ее уберу! — проворчал сторож и переставил свою трость на другой край лавки.

Некоторое время собеседники молчали, потом сторож возобновил разговор весьма серьезным тоном:

— Не подумайте только, кум Микеш, будто я вам не доверяю! Совсем недавно, кстати сказать, я сам был свидетелем довольно странного случая. Живет у нас дома егоза-кошка, самая что ни на есть обыкновенная и, в отличие от вас, кум Микеш, абсолютно неграмотная. Увидь ее посторонние, так сочли бы, пожалуй, за полную дурочку, однако это не так. Сижу я как-то ночью на прошлой неделе у себя на завалинке вместе со своей Котулкой. И вдруг мне

чертовски захотелось спать. Я боролся со сном как мог, но не выдержал и задремал. И вот сквозь сон я отчетливо слышу, как Котулка говорит человеческим голосом:

«Хозяин, вам пора трубить двенадцатый час! Нынче пан староста не ложится спать, он хочет проверить, исправно ли вы трубите».

Глянул я на часы — и впрямь пора! Они показывали без пяти минут полночь. Схватил я в руки трубу и, выбежав на площадь, затрубил. И что бы вы думали, кум Микеш?! На другой день наш староста пан Чигак встречает меня, хлопает по плечу и говорит:

«Вы, Рабас, хорошо трубите, исправно. Вчера я в этом убедился. Вы честно заслужили новые сапоги».

С той поры, кум Микеш, я все прощаю своей Котулке.

Закончив свой рассказ, старик Рабас поднялся со скамьи и пошел трубить одиннадцать часов. Встал и Микеш и, взяв трость, направился к дому. Вокруг было тихо, на ветвях деревьев не шевелился ни один листочек. Казалось, вся деревня погружена в глубокий сон, однако когда Микеш поравнялся со двором Халупы, он услышал чей-то шепот. Котик осмотрелся по сторонам — мол, кто это полуночничает, но не увидел никого, кроме старого пса Орешка да двух котят, что сидели поодаль от собаки возле кучи соломы. Один был черным, другой — весь в пятнышках.

— Вашек, пойдем-ка лучше поохотимся! — обратился черный котенок к пятнистому.

— Хорошо, только пусть сначала уйдет этот умник пан Микеш! А то еще увидит и начнет учить уму-разуму! — проворчал в ответ пятнистый.

— Я вам покажу охоту! — неожиданно закричал на них пес Орешек. — Сначала солому за собой приберите, ишь раскидали!

— Дрыхни дальше, беззубый! — прокричал старому Орешку черный котенок и был таков. Пятнистый тоже промяукал что-то, но что именно — пес не расслышал.

— Ох уж эта молодежь! — пробормотал Микеш и зашагал дальше.

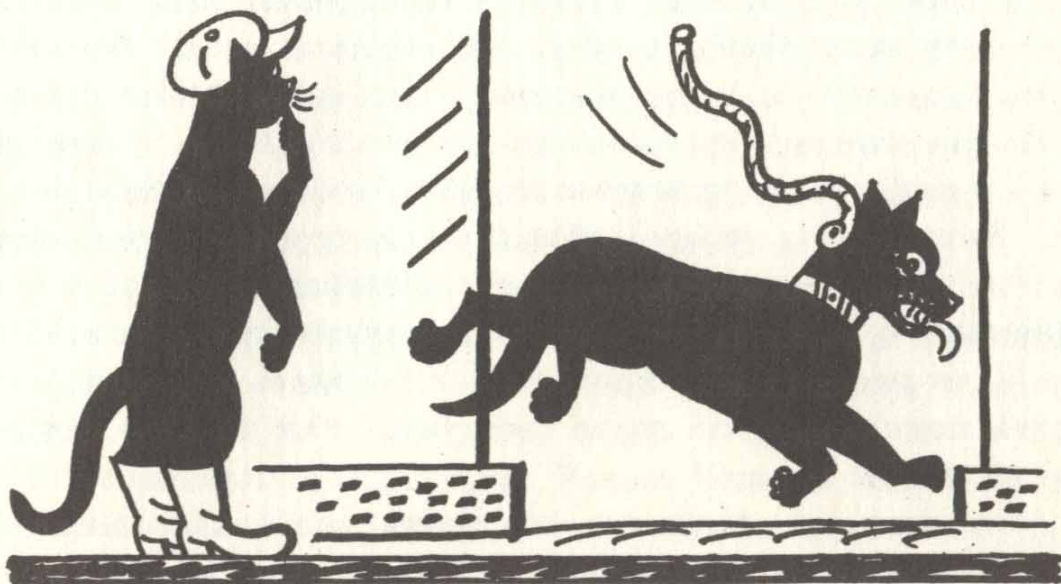
Он шел совершенно спокойно: собаки хорошо знали его и ни одна из них не решилась бы нанести ему обиду. Невдомек было котику, что в тот день, к вечеру, Штички

привели к себе на двор нового пса, черного, как дьявол, и ужасно злющего! Не зная про это, Микеш сильно перепугался, когда со двора Штички навстречу ему выскочил черный барбос. От неожиданности бедняга так растерялся, что не сразу сообразил, как следует поступить. Но когда он хотел уже разуться да вскарабкаться побыстрее на ближайшее дерево, произошло нечто сверхъестественное!

Микеш и опомниться не успел, как трость выскользнула у него из лапки и, запрыгнув псу на спину, начала его колошматить! Барбос злобно зарычал и в ярости попытался схватить трость зубами. Напрасная затея! Он тут же получил удар в ухо, другой обрушился ему на спину, и пес, отчаявшись цапнуть трость, бросился обратно во двор. Напоследок трость добавила псу еще пару ударов и как ни в чем не бывало вернулась к изумленному Микешу.

— Пойдемте, дядюшка Микеш! — спокойно проговорила она. — Пойдемте, не бойтесь! Больше никто не посмеет вас обидеть, пусть только попробуют! Я полюбила вас и останусь с вами навсегда, очень уж к вам привыкла. А теперь можно и представиться. Вы наверняка знаете сказку «Тросточка, раззудись!», в которой волшебная трость наказывает вора трактирщика. Так вот, та тросточка — моя родная бабушка!

Само собой, Микеш усталился на трость, раскрыв рот от изумления. Потом он хотел было расспросить ее обо всем, но трость прыгнула к нему в лапку и, снова превратившись в самую обыкновенную тросточку, не произнесла больше ни единого слова. У Микеша голова шла кругом. Легонько,

чтобы не задушить ее, котик обхватил свою спасительницу за шейку и, придя домой, уложил спать в свою кроватку, дабы она хорошенько отдохнула. С той поры Микеш еще больше заужавал волшебную трость, и — шут его знает, чем это можно объяснить, — детвора с той ночи стала еще почтительнее здороваться с котиком, встречая его на прогулках с тросточкой в лапе; при этом ребяташки всякий раз посматривали на нее с суеверным страхом.

Проделка Клабосила

Как вам хорошо известно, дорогие ребята, попугай Клабосил всегда пребывал в добром расположении духа и отличался необыкновенной словоохотливостью. Живя в «Райской обители» как бы на правах пенсионера и будучи совершенно не причастным ни к какой серьезной работе, наш Клабосил придумывал себе всякого рода развлечения.

Любимой его шуткой было прятаться в кронах фруктовых деревьев и поджидать там мальчишек, которые частенько залезали на них, чтобы полакомиться черешней, яблоками или грушами. Попугай усаживался среди листвы на ветке, увешанной вкусными плодами, и терпеливо ждал, пока какой-нибудь озорник заберется на дерево. Когда же мальчишка протягивал руку к румяному яблочку или грушке, он чувствительно тюкал его своим большим клювом, и сорванец настолько пугался, что едва не падал с дерева.

Посему местные озорники очень не любили Клабосила, и они давно свели бы с ним счеты, если б не боялись возмездия волшебной трости! Она вселяла в них большой страх, нежели лев, слон или медведь: мальчишки хорошо знали, на что она способна, когда рассердится, и поэтому нигде и никогда не чувствовали себя перед ней в безопасности. Волшебная трость обладала даром видеть сквозь толстые стены и на большие расстояния; всякий раз она возникала в самый неожиданный момент, когда озорники уже были уверены, что проделка их осталась незамеченной. Трость подползала по траве бесшумно, как змея, и тут уж держи штаны крепче!

А то еще она ложилась на траву возле какого-нибудь сада, к которому баловники приходили сбивать фрукты

камнями или дубинками. В траве она выглядела самой обычной палкой, однако горе тому мальчишке, который, подняв ее, запускал ею в ветви грушевого или яблоневого дерева. Трость хоть и взлетала кверху, но затем падала прямо на спину озорнику, обрушивая на него град ударов. Хозяева скоро взяли это на заметку и стали подкладывать в траву возле своих фруктовых садов палки, похожие на волшебную трость. Завидев у сада такие палки, мальчишки сразу удирали прочь. Но столь строгой волшебная трость была лишь по отношению к отпетым озорникам. Когда же порой какой-либо малыш срывал с низко растущей ветки яблоко или грушу, она даже, как говорится, ухом не вела и думала про себя примерно так: «От одной груши хозяин не обеднеет! Только бы мальчик не сломал ветки!»

Зато Клабосил однажды здорово напугал маленького Тоника Штичку. Мальчонка шел по черешневой аллее сада «Райской обители» и, видя вокруг такое множество прекрасных ярких плодов, не утерпел и не без труда вскарабкался на одно раскидистое дерево. Очутившись в гуще ветвей, он с жадностью принялся срывать аппетитные черешенки и засыпать их куда только было можно: в карманы, за пазуху, а потом вспомнил, что у него есть еще и кепка, но как раз в эту минуту кто-то сдернул ее с головы мальчика.

Тоник задрал голову и посмотрел вверх — от испуга он едва не упал с дерева. В ветвях он увидел большую красную птицу с крупным клювом, вцепившуюся когтями в его новую кепочку. Тогда мальчик впервые повстречал Клабосила, — случай этот произошел почти сразу после переселения циркачей в «Райскую обитель», — и поначалу совершенно растерялся. Некоторое время он молча таращился на незнакомую птицу, потом выдавил из себя:

— Отдай кепку! Чего срываешь?

— Имею право, братец! — со смехом сказал попугай. — Потому что я — ветер! — И улетел прочь вместе с кепкой Тоника.

Спустившись с черешни, Тоник тщетно всматривался в кроны соседних деревьев, не сидит ли на каком-нибудь из них диковинная птица, он так вертел головой, что едва не

свернул себе шею, но красная птица как в воду канула: ни слуху ни духу. И наш милый Тоник печально побрел домой.

В горницу он вошел со слезами и тотчас пожаловался матери на ветер, который унес его кепку.

— Ах ты лгунишка, не было сегодня никакого ветра! — закричала на Тоника мать. — Где теперь ее искать, негодник?! Как мог ветер сорвать с тебя кепку, если его нынче не было, отвечай?

— Не было, но сорвал! — хныкал Тоник.

— Сын, не валяй дурака, а не то возьму веник и вокруг тебя в самом деле задует ветер! — негодовала хозяйка Штичкова.

— Да я, мамочка, и не валяю! — всхлипывал Тоник. — Он, наверное, до сих пор сидит там на черешне с моей кепкой! У него такие красные перья и большой клюв крючком!

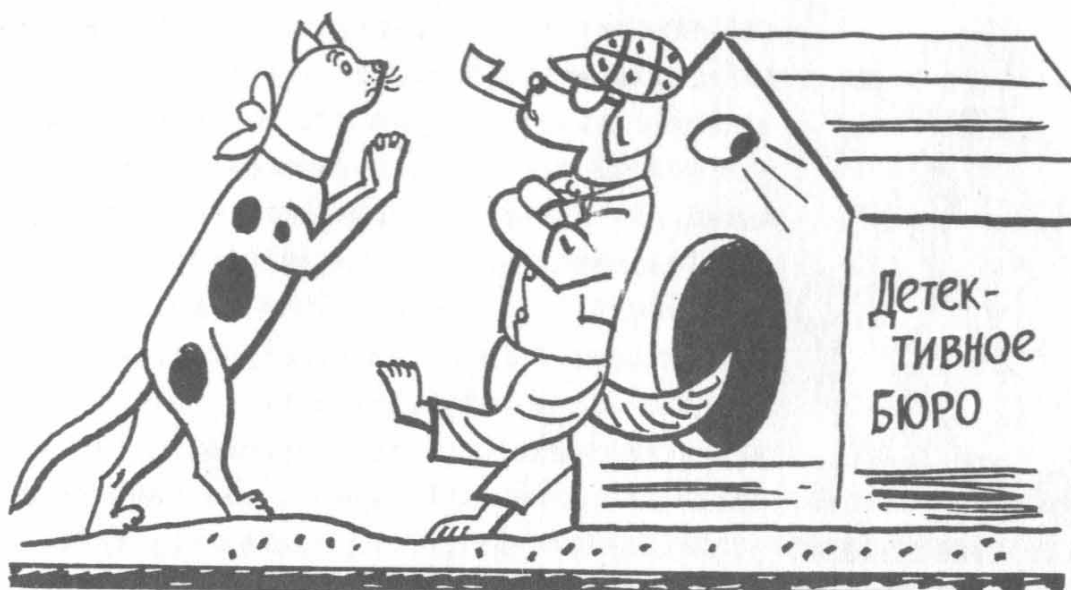
— Ты ходил за черешней в сад «Райской обители»?! — гневно спросила сынишку хозяйка Штичкова. Она уже догадалась, что этот ветер был не кто иной, как попугай Клабосил из нового дома Микеша. — Живо выворачивай карманы! Ну конечно, полны черешен. погоди же у меня! Сейчас я тебе покажу, как лазать за чужими ягодами! Впрочем, сначала сходим в «Райскую обитель» за кепкой!

Тонику ужасно не хотелось идти, но делать было нечего. Понуриив голову, он побрел вслед за матерью, и при одной мысли о грядущих неприятностях ему становилось не по себе. Однако все закончилось хорошо. Едва они вошли в сад, как на дорожке увидели Микеша с кепкой Тоника в лапках.

Он двинулся им навстречу со словами:

— Вы, хозяйюшка, идете за кепкой, не правда ли? Вот она, ее взял у вашего сына Клабосил: Тоник лазал к нам за черешней. Я возвращаю ему кепку, но вы уж, хозяйюшка, скажите сыну построже, чтобы он больше не занимался такими вещами. В общем-то, мне черешни не жалко, я могу насыпать мальчику хоть целую кепку ягод, однако ваш сынишка приучается к воровству, да к тому же, неровен час, переломает себе ноги или получит какое-нибудь другое увечье!

Потом Микеш подвел Тоника к высокому дереву, возле которого стояла корзина, доверху наполненная ягодами,

и насыпал ему полную кепку спелых черешен. Вежливо поблагодарив котика, мальчик дал слово больше никогда не залезать на деревья. Домой он шел радостный: по просьбе Микеша мать ему все простила.

О славном детективе Султане

Султану пана Горака из нашей деревни повезло: у него был очень хороший хозяин. На кормежку пес тоже не мог пожаловаться, и тем не менее он не был удовлетворен жизнью. Дело в том, что Султан жаждал славы, мечтал чем-нибудь отличиться, дабы о нем заговорили повсюду так же, как об умном котике Микеше. Микешу Султан завидовал пуще всех, ведь о нем писали в газетах, сообщали по радио, даже выходили книжки. Пес твердо решил добиться еще большей популярности и теперь ждал только удобного случая. Случай этот представился нашему милому Султану совершенно неожиданно.

Раз поутру к нему прибежала хозяйская кошка Мицинка и поделилась своим горем: у Мицинки пропал один из котят, причем самый красивый. Заламывая лапки, со слезами на глазах она умоляла Султана разыскать любимого сынишку. За это Мицинка пообещала поместить о нем в газетах подробные благодарственные сообщения.

Султан заверил плачущую Мицинку, что обязательно отыщет пропавшего котенка, и сказал, что она может спокойно возвращаться к своим детям. Успокоенная кошечка

побежала домой, а Султан принялся готовиться к розыскам. Зависть, которая еще минуту назад грызла его злее, чем блохи, уступила место радостному воодушевлению, и Султан уже представлял себя изображенным на страницах газет в качестве прославленного детектива.

Познания в области криминалистики у него были замечательные. Когда сынок хозяина читал с приятелями детективы, держал с ними совет, как им найти украденные вещи или поймать опасного преступника, Султан нередко сидел рядом и внимательно слушал. Некоторое время назад он раздобыл себе короткую трубку, как у всех знаменитых сыщиков, и с тех пор никогда не вынимал ее изо рта, ибо такими рисовались детективы в книжках.

Кроме того, в укромном уголке сарая у Султана был целый склад всевозможной одежды и обуви: шляп, шапок, платков, детских башмачков — все это очень пригодилось теперь для поисков пропавшего котенка. Из книжек пес давно знал, что в таких случаях следует почаще переодеваться, дабы в нем не признали Султана Горака.

Сначала Султан нарядился путником. Он сделал себе дорожный мешок, на голову нацепил старую помятую шляпу, и когда пес вышел из ворот на задних лапах, всяк принимал его за некоего маленького странника. Султан обегал все окрестные дороги и тропинки, стремясь выследить какого-нибудь бродягу, что мог украсть котенка, однако не встретил их вовсе. Когда же пес заметил, что деревенский блюститель общественного порядка подозрительно косится в его сторону, он сразу убежал в сарай.

— А теперь я переоденусь в знатного пана! — сказал себе Султан. — Жандарм должен либо почтительно поприветствовать меня, либо!..

Султан с помощью охапки сена увеличил себе живот, дабы выглядеть настоя-

щим паном, на голову надел упругий котелок, а в зубы взял обломок палки. Это была как бы сигара.

Преисполненный внешнего достоинства, он медленным шагом вышел со двора и принялся степенно расхаживать туда-сюда по дороге. Султан вышагивал гоголем, точно какой-нибудь пан управляющий.

— Ежели я и дальше буду так ходить, то ничегошеньки не успею! — бурчал себе под нос Султан. — Кажется, мне вообще не следовало переодеваться в господина. Ведь ни пан приходской священник, ни пан учитель, не говоря уже о старосте, не станут воровать котят у нас во дворе! На такое способны разве что цыгане. Надо бежать в сарай!

С этой минуты Султан уже не заботился о том, как он выглядит. Он побежал домой с такой прытью, что только пыль клубилась из-под лап. По дороге он растряс весь соломенный живот. Пес ужасно злился на себя, что столько времени потерял напрасно: котенок-де мог уже подрасти и теперь его непросто будет узнать. Подумав об этом, Султан едва не отвесил себе затрещину.

— Надо срочно переодеться в цыгана! — сердито бормотал он, мажа черной ваксой сапоги, морду и лапы.

Затем пес торопливо надел на себя штаны, рубаху и жилетку, шапку же нахлобучил уже на бегу, устремившись по саду в сторону леса.

«Теперь я наверняка его разыщу! — тешил себя надеждой наш славный сыщик. — Только цыгане могли украсть котенка и сейчас прячут беднягу где-нибудь в чаще!»

Едва Султан вбежал в лес, как увидел прямо перед собой лесника Качирека. Лесник замахнулся на него тростью и вскричал:

— Тысяча чертей! Отродье цыганское! А ну проваливай отсюда, не то насыплю тебе полные штаны клещей!

Султан всегда был послушным псом, подчинился он и на сей раз, и через

весьма короткое время уже снова был в сарае.

— Цыган в лес не пускают, другое дело — лесники! — рассуждал он по пути домой, не приходя в отчаяние от неудач.

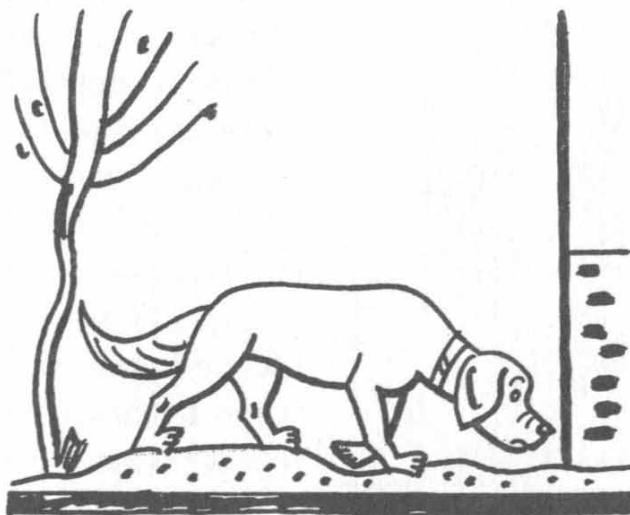
И еще прежде чем вы успели бы сосчитать до пятидесяти, цыган превратился в старого лесника. Когда же с приклеенной бородой, шляпой на голове и клюкой в лапе пес пробежал уже почти весь сад, его вдруг осенило, что он начисто позабыл о собаке.

«Без собаки я не похож на всамделишного лесника. Что ж мне: то быть самим собой, то напяливать этот костюм? Вот незадача, елки зеленые! А еще говорят, будто у сыщиков простая работа! Наряжусь-ка я лучше женщиной, возьму корзину, якобы для грибов, и тогда можно бежать в лес!»

То было последнее Султаново перевоплощение. Хоть он и безупречно нарядился простолюдинкой, однако и шагу не ступил за воротами в своем женском платье. Занимаясь на дворе поисками подходящей корзины, Султан неожиданно напал на слабенький кошачий след. Пес поставил уже найденную корзинку на прежнее место и шлепнул себя лапой по лбу.

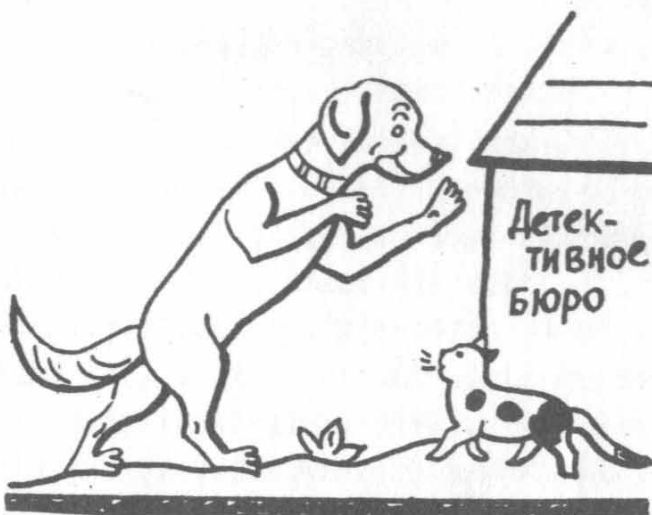
— Вот балда! — воскликнул он в сердцах. — Я тут добрых полдня разыгрываю из себя шута горохового, обряжаюсь во всякие лохмотья, вместо того чтобы просто-напросто использовать свой превосходный нюх. Да к тому же перебиваю запахи противным куревом. К черту все перевоплощения, сейчас начну искать котенка своим обычным способом.

Быстро раздевшись в сарае, Султан вновь выбежал во двор, но уже на четырех лапах, как прежде, когда еще не строил из себя детектива, и сосредоточенно двинулся по следу, ведуще-

му вдоль стены построики.

И что бы вы думали, дорогие ребята?! Не прошло и минуты, как Султан взял кошачий след, а котенок был уже обнаружен! Отгадайте, где он его нашел? Боже мой, только не смейтесь, ребята, хотя это и вправду

очень смешно: Султан обнаружил котенка Мицинки в своей собственной конуре, в которой малыш преспокойно спал все то время, пока Султан-детектив доискивался его чуть ли не у черта на куличках!

Когда пес разбудил котенка, тот выбежал из конуры и замаякал.

— Дяденька, моя мамочка потерялась! — хныкал котенок. — Будьте так любезны, найдите ее, пожалуйста!

Султан, которому уже порядком надоели все эти розыски, хотел было буркнуть что-то в ответ, но тут услышал за спиной радостное мяуканье счастливой матери-кошки. Мицинка сжала котенка в объятиях и со слезами на глазах принялась благодарить Султана:

— Сто, тысячу раз спасибо вам, дядюшка Султан, за найденного сынишку. Я была уверена, что только вы со своим даром ищейки можете вернуть в материнские лапы украденное дитя. Я буду помнить об этом до самой смерти. А сейчас побегу к пану Ладе и попрошу его, чтобы он рассказал о вашем поступке и нарисовал вас в своей книжке. Вы прославитесь на весь мир, и люди толпами повалят к нам в Грусицы, дабы лично выразить вам свое восхищение и увидеть вашу славную детективную конторку. Еще раз большое вам спасибо! А ты, малявка, ну-ка поцелуй дядюшке лапу! На этом разрешите откланяться!

Как видите, дорогие ребята, я выполнил Мицинкину просьбу. Ежели будет время, приезжайте в Грусицы посмотреть на славного сыщика Султана. Он живет в усадьбе под самым костелом, ворота ее выкрашены в зеленый цвет, а у хозяина на сапогах новые подметки.

Микеш пугается

Микеш очень часто вспоминал Пефика и Олюшку. Как там живет им в Праге, не сильно ли по ним скучают? Больше всего котик беспокоился за Пефика.

— Что Олюшка! — с радостной улыбкой говорил Микеш. — Она-то наверняка хорошо учится и примерно себя ведет, а вот Пефик — порой я ужасно за него переживаю. Он всегда был большим озорником, и меня берет сомнение, что в Праге он изменился в лучшую сторону. Мальчишки есть мальчишки. Я ничего не имею против, если он, скажем, погоняет на пражской площади мяч, только бы не лазал к тамошнему пану старосте за горохом или к пану учителю за грушами!

Подобные мысли довольно часто посещали нашего милого котика, и поэтому, дорогие ребята, не удивляйтесь, что Микеш страшно испугался, когда однажды почтальон принес ему письмо от руководства гимназии, в которую ходил Пефик.

— Ну вот, так я и думал! — воскликнул Микеш, узнав из письма, что родителям Пефика либо их доверенному лицу необходимо срочно прибыть к директору гимназии по весьма важному делу. — Я знал, что этим кончится! Наверняка этот негодник что-нибудь натворил! Или пражский пан староста поймал его на горохе, или он разбил мячом окно в какой-нибудь столичной избе! Но ничего не поделаешь, надо завтра же ехать в Прагу и возмещать ущерб, иначе он получит неудовлетворительную отметку по поведению.

В тот же день Микеш отправился к торговцу Сейку узнать, не поедет ли он поутру на автомобиле в столицу за товаром, мол, ему нужно туда по делам. Как же обрадовался Микеш, когда старый пан Сейк ответил котику, что и впрямь собирается завтра утром ехать в Прагу. Микешу не хотелось, чтобы в поезде люди таращились на него всю дорогу; более того, кто-нибудь из них мог выпрыгнуть от страха через окно и разбиться, когда он заговорил бы человеческим голосом.

На следующий день события развивались самым неожиданным образом. Пан Сейк поехал на грузовом автомобиле в Прагу за товаром и подвез Микеша прямо к гимназии Пефика, пообещав ему, что вернется через полчаса.

Микеша это очень устраивало. Выскочив из машины, котик быстро пробежал тротуар и остановился только за дверью гимназии, чтобы привести себя в порядок. Ему хотелось произвести на директора благоприятное впечатление. Посему он еще вынул из маленького чемоданчика букварь и взял его под мышку.

«Пусть пан директор увидит, что имеет дело с тем, кто уже ходил в школу и достаточно образован», — сказал про себя Микеш и поискал глазами директорский кабинет. Потом он решил подождать кого-нибудь и спросить, где находится директорская. Когда из двери вышла гимназистка с ведром, котик очень обрадовался.

— Скажите, пожалуйста, туда ли я попал, наш Пепик учится в этой гимназии? — вежливо спросил Микеш, слегка поклонившись гимназистке.

Вместо ответа девочка испуганно вскрикнула и, выронив ведро, бросилась бежать.

— Да, влип я в историю! — со вздохом проговорил Микеш. — Пожалуй, так от меня и другие убегут, едва я заговорю человеческим голосом. Что же делать?

Тут Микеш прислушался. Кто-то спускался по лестнице. Когда незнакомец появился, котик увидел пожилого господина в очках и с толстой книгой под мышкой. Чтобы не испугать мужчину, Микеш на сей раз не издал ни звука и ждал, что будет дальше. Пожилой человек очень удивился, увидев перед собой одетого кота, однако быстро овладел собой и подошел к Микешу.

— Если не ошибаюсь, вы пан Микеш из Грусиц, не так ли? Я сразу вас узнал, когда-то много читал о вас в газетах и иллюстрированных журналах. Душевно рад познакомиться с вами лично. Пройдемте, пожалуйста, в директорскую!

У Микеша отлегло от сердца. «Он не был бы столь любезен со мною, укради Пепик груши или разбей окно», — размышлял он по пути в директорскую, однако там котик снова оробел, когда, усадив его на стул, пан директор заговорил серьезным тоном:

— Итак, уважаемый пан Микеш, вы как доверенное лицо родителей прибыли по вызову к директору гимназии. Согласно министерскому циркуляру, руководство ее приглашает к себе родителей гимназистов или их доверенных

лиц либо для того, чтобы сообщить о плохой успеваемости и неудовлетворительном поведении учащегося... («Сейчас все скажет! — подумал Микеш, и от волнения лапки у него задрожали. — О господи, только бы они ограничились возмещением ущерба и позволили Пепику продолжать учебу!») ...либо с той целью, чтобы порадовать их сообщением об отличной успеваемости сына, подопечного, — продолжал пан директор и торжественно возвысил голос: — Вас же, уважаемый пан Микеш, мы пригласили в дирекцию гимназии, дабы объявить приятную новость: ваш подопечный учится настолько хорошо, что преподавательский коллектив единодушно присудил ему стипендию.

Сказав это, пан директор пригладил свою длинную седую бороду и выжидающе посмотрел на Микеша. Микеш заговорил не сразу. Он заерзал на стуле, помял лапки, почесал голову и лишь после этого сказал:

— Боже мой, пан директор, вы чертовски меня обрадовали! Я, знаете ли, боялся, что вы исключите Перика, а получилось совсем наоборот — вы хвалите его, прямо как восточного мудреца! Я вне себя от счастья, пан директор. Что же касается самой стипендии, тут, черт возьми, меня берет сомнение, стоит ли давать ее Пепику! Скажу больше, я бы не посоветовал вам этого делать! Он, Перик, учится хорошо, что

правда, то правда, однако, как и любой мальчишка, он все такой же игрун-баловник; Пепик что угодно разломает, ему какую игрушку ни давай, всякую разберет и испортит, выясняя, что там у нее внутри!

Пан директор добродушно улыбнулся:

— Вы, пан Микеш, неправильно меня поняли. Разрешите, я объясню: стипендия — не вещь, которой можно играть, а денежное вспоможение, присуждаемое талантливым учащимся из малообеспеченных семей, дабы превратности судьбы не оказывали влияния на развитие их способностей!

— Боже, какую чушь я мяукнул! Я, уважаемый пан директор, подумал, что вы ведете речь о какой-нибудь игрушке, а это, оказывается, деньги! В таком случае, штипендия — вещь прекрасная, убедился на собственном опыте. Как-то однажды мне пришлось идти на заработки.

Я терпел большие лишения, в тючке у меня не было даже куска хлеба. И вдруг, неожиданно-негаданно, получаю эту самую штипендию. Пастушки с пастбища возле Стругаржова сложились между собой и дали мне на дорогу три крейцера. Они здорово меня выручили, и теперь я часто вспоминаю этих добрых мальчиков: что-то они сейчас делают; об одном сожалею, что до сих пор не вернул им долг. Насчет же вашей штипендии, уважаемый пан директор, я должен кое-что пояснить! Я искренне рад, что Пепик столь успешно овладевает знаниями и за это вы хотите дать ему деньги, однако, к большому сожалению, пан директор, мы не можем их принять! Прошу простить, если я испортил вам настроение, но дело, видите ли, в том, что удача, слава богу, улыбалась нам в этой жизни и мы сами в состоянии платить за учебу Пепика, мало того — мы были бы несказанно рады, если б получили возможность помогать своими деньгами каким-нибудь по-настоящему бедным гимназистам. Но лишь тем, уважаемый пан директор, которые в самом деле хорошо учатся и при этом не бросаются камнями в собак, не разбивают окон и не воруют у соседей груши или яблоки.

Слова Микеша пан директор выслушал с прежней добродушной улыбкой, однако она тотчас сменилась у него выражением подлинного испуга, когда Микеш, раскрыв свой букварь, вынул оттуда бумажные банкноты и положил их прямо к нему на стол. Причем это были не несколько

бумажек, чего мог бы ожидать пан директор от котика, а целая пачка сотенных денежных знаков. Пан директор не верил собственным глазам. Наконец он овладел собой, поднялся со своего кресла и с заверениями в искренней признательности протянул Микешу руку.

Микеш пожал руку пана директора со словами:

— Рад был помочь, пан директор! Уж я-то понимаю, сколь много хлопот у вас с гимназией. Ведь вы живете здесь как на пороховой бочке, если ваша изба напичкана мальчишками вроде нашего Пефика. И раз я тут, очень прошу вас, уважаемый пан директор, не сердитесь, пожалуйста, на Пефика, ежели он сорвет в вашем саду грушу-другую. Я всегда возмещу ущерб плодами из своего сада. Еще раз благодарю за добрые слова о Пефике, и на этом, уважаемый директор, разрешите откланяться!

Пан директор проводил Микеша до двери гимназии, и там они сердечно попрощались. Возвращение из Праги домой было для Микеша куда более приятным делом, нежели дорога в столицу. Он был рад, что Пефик хорошо учится, а сам он помог бедным гимназистам.

Похождения волшебной трости

Проснувшись однажды утром, Микеш не увидел возле себя своей волшебной трости и очень этому удивился. Еще вечером, когда котик клал ее рядом на кровать, он сказал ей, что поутру они вместе пойдут в гости к дядюшке сторожу. И вот трость исчезла! Микеш побежал спросить бабушку, не видела ли она тросточки, но бабушка покачала головой и сказала:

— Нет, золотце, не видела. Разве что вчера, перед тем как вы пошли спать!

Микеш быстро оделся и вышел со двора посмотреть, нет ли ее на дороге или на ближних полях. Котик обошел деревню, поспрашивал у соседей, заглянул к дядюшке ночному сторожу, чтобы проверить, не отправилась ли она сама к его трости: они были очень дружны. Однако в это утро никто не встречал тросточку Микеша, и он, понутив голову, вернулся к бабушке. Котик утешал себя тем, что трость наверняка скоро объявится, но она не пришла

и к вечеру, и Микеш решил, что она сбежала и не собирается к нему возвращаться.

Побег трости представлялся котику странным и непонятным. Он всегда обращался с ней ласково, она ни на что не жаловалась и сама говорила, будто никогда не оставит Микеша. Она не сдержала обещания, и это больше всего удручало Микеша, потому что он-то уж свято дорожил клятвами.

— Думаю, Микеш, раз она убежала, стало быть, ты плохо ее приручил, — сказала бабушка. — То же самое у нас вышло с зайчиком. Всю зиму он бегал по дому и во дворе, даже на дорогу выскакивал, однако всегда приходил обратно, а вот наступила весна, и он исчез. С тех пор мы его больше не видели. Наверное, в ней тоже заговорила тоска по воле, и она вернулась туда, откуда пришла!

Как и бабушка, Микеш уже не верил в возвращение трости, тем не менее он несколько раз ходил к меже Брабца посмотреть, не откалывает ли она там свои веселые штучки. Котик очень по ней скучал, и теперь его больше не радовали прогулки.

И вдруг произошло нечто такое, чего он совершенно не ожидал. Примерно через неделю после того, как исчезла трость, Микеш сидел в горнице на скамье и размышлял, не приобрести ли ему какую-нибудь обыкновенную тросточку, хотя бы немного напоминавшую прежнюю, волшебную. Внезапно дверь распахнулась, и в горницу вбежала она сама. У трости был крайне утомленный вид; подобно обычной деревяшке, беглянка со стуком плюхнулась на печь и тяжело задышала.

От неожиданности котик на некоторое время утратил дар речи, потом спрыгнул с лавки и бросился прямо к трости:

— Скажи, где ты была?! Где пропадала целую неделю? Исчезаешь, не проронив ни слова, а я тут места себе не нахожу; неделю глаз не сомкнул от мыслей о тебе. Скорей рассказывай, что произошло?!

В ответ трость пробормотала что-то невнятное.

— Ну, говори же, что случилось, где ты была всю неделю?

— Где, где! В сказке! — ворчливо буркнула трость.

— В какой сказке? Я тебя не понимаю, объясни толком!

— В какой? Да в обыкновенной, своей! Про меня только одна и существует!

— Я, милая, все равно ничего не понимаю; о какой сказке ты толкуешь? Я про нее слыхом не слыхивал!

— Удивляюсь вам, дядюшка Микеш! Как это не слыхивали?! Она известна даже малому дитяти! Вспомните: история о трех сыновьях и жадном трактирщике. Ну?

— Ладно; кажется, бабушка в самом деле рассказывала мне одну такую историю. Ответь же, черт возьми, что ты там делала, почему не в духе?

— Я все объясню, дядюшка Микеш, но после, а сейчас, очень вас прошу, дайте мне отдохнуть. Я ужасно устала и чувствую себя совершенно разбитой!

Тросточка и вправду выглядела чрезвычайно утомленной. Микеш оставил ее в покое и побежал к бабушке, рассказать, что она вернулась. Известие это старушку очень обрадовало, и она похвалила трость за верность.

Отоспавшись, беглянка сама пришла к Микешу и сказала:

— Итак, дядюшка Микеш, слушайте, где я была; думаю, выслушав мой рассказ, вы уже не будете удивляться, почему я вернулась такая сердитая. Вот что со мной произошло.

Всякий раз, когда какой-нибудь Гонза или Вашек отправляются бродить по белу свету в поисках счастья и случайно встречают на своем пути старичка овчара*, моего прежнего хозяина, старичок этот призывает меня к себе, и я должна явиться к нему незамедлительно. И хотя я на заслуженном отдыхе, однако, когда старичку требуется мое присутствие, я всегда с удовольствием прихожу по его зову. Неделю назад старичок овчар пригласил меня снова.

— Это хорошо, что ты и на сей раз послушалась старичка,— похвалил трость Микеш.— И все-таки что же рассердило тебя в сказке? Ведь в сказках нет ничего плохого, я очень люблю их читать.

— Дорогой дядюшка Микеш, все это уже в прошлом, служить же в теперешних сказках — не сахар! Сейчас вы меня поймете. Рано утром в понедельник, когда вы еще спали, внутри меня что-то щелкнуло, и я поняла: дедушка подает мне знак. Я не думала, что задержусь там надолго,

* О в ч а р — пастух овец.

и решила не будить вас понапрасну. Осталась же я в сказке на добрую неделю.

Дедушка-овчар очень обрадовался моему приходу и проговорил:

«Молодец, ты пришла как раз вовремя. Вот-вот сюда прибежит какой-нибудь Вашек, чтобы попросить у меня работы. С неделю он будет пасти моих овечек и получит за это Столик-Накройся. Однако, сдастся мне, мальчишка чем-то недоволен».

Дедушка как в воду глядел. Прибежавший юнец выглядел и впрямь несколько мрачноватым. Он направился к дедушке и сказал:

«Вы и есть тот старикан, что раздает за службу Столики-Накройся, Барашков-Встряхнись да Тросточки-Раззудись?»

«Допустим! А ты, насколько я понимаю, Гонза?»

«Какая тебе разница, дед!» — буркнул юнец.

«Какая мне разница?! — рассердился дедушка. — Где Вашек с Франтой?! Они должны были прийти раньше. За твою службу тебе полагается только Тросточка-Раззудись!»

«Знаешь, старик, они не придут! Эти лежебоки сказали, что, мол, трактирщик так и так облапошит нас со столиком и барашком, чего, дескать, мы будем напрягаться, один за всех и отработаем. Честно говоря, дед, я тоже не собираюсь за всех выламываться за какие-то три вещицы. Я здесь, скажем так, дней на семь! А через неделю за верную службу вы отвалите мне все разом: столик, барашка и палку!»

«Не годится, милоч! — разгорячился дедушка. — Я не позволю портить сказку! Возвращайся-ка лучше домой

и пришли мне сначала Вашека, потом Франту и лишь после этого приходи сам! Во всем необходимо соблюдать порядок, всему свое время!»

«Зря нервы тратите, дедуля! — усмехнулся Гонза. — Этих лентяев вы сюда ничем не заманите! Они и не подумают вставать с печи! Так что, ежели хотите, чтобы сказка состоялась, доверьте мне на недельку ваше стадо, а сами идите отдыхать. Думаю, неделю я здесь выдержу!»

По дедушке было видно, что он очень рассержен и с большой охотой огрел бы мною этого Гонзу. Но старичок только рукой махнул и молвил:

«Ладно, будь по-твоему. Один отработашь! Забирай овечек, да смотри, чтобы все они были в целости и сохранности! Ровно через неделю я вернусь, и если у тебя будет полный порядок, ты получишь в награду обещанные три вещи!»

Гонза повалился на траву и через минуту-другую захрапел, точь-в-точь как старый барсук зимою. Мы же с дедушкой ушли в его избенку и стали ждать вместе с барашком и столиком, когда Гонза сослужит нам свою службу.

Сидим, значит, и ждем, когда пройдет неделя. Настроение у дедушки было плохое; он знал, что Гонза совершенно не заботится об овечках, не следит за стадом, а постоянно спит.

Вернулись мы ровно через неделю. Гонза по-прежнему спал как убитый. Овечки стояли вокруг него и сторожили парня, дабы никто его не украл. Хорош сторож, не правда ли?

Между тем дедушка уже не сердился. Разбудив Гонзу, он вручил ему столик, барашка и меня и был таков. Мальчишка принял нас с радостью и тут же расхохотался при мысли, как ловко он все устроил: то-то, мол, Вашека и Франта вытаращат глаза от удивления. Я же видела, что все складывается совершенно иначе, нежели должно быть в сказке, и ждала, чем это обернется для Гонзы. Долго, дядюшка Микеш, ждать не пришлось! Не минуло и часа, как Гонзе захотелось перекусить в дороге. Он поставил столик на землю и приказал:

«Столик, накройся!»

Никакой еды на нем не появилось!

Гонза снова приказал:

«Говорю тебе: столик, накройся!»

Опять ничего! Тут уж Гонза не выдержал и заорал, как в лесу:

«Тысяча горшков и противней, столик, накройся!» — Но столик и на сей раз остался стоять голый, словно дорожная тумба у обочины!

Гонза хотел уже разломать его в ярости, однако в эту минуту взгляд парня упал на барашка, он водрузил вещь на столик и прокричал ему прямо в ухо:

«Барашек, встряхнись!»

Барашек в самом деле встряхнулся, но вместо золотых дукатов с его шубки посыпались обыкновенные листья. Это, дорогой дядюшка Микеш, привело Гонзу в неопишемую ярость! Не издав ни звука, он схватил меня и замахнулся на столик с барашком. Разумеется, я заупрямилась, и барашек со столиком даже не почувствовали моих ударов. Тогда Гонза сгреб нас троих в охапку и побежал обратно на пастбище, где как награду получил нас от дедушки. Однако ни старичка, ни овечек Гонза там не увидел, они словно сквозь землю провалились. Лишь белые валуны неподвижно лежали посреди луга. Разозленный юнец швырнул нас на камни и убежал прочь.

«Странно закончилась наша сказка!» — обратилась я к барашку и решила подождать дедушку. Вместо него через некоторое время снова прибежал Гонза. Он подобрал нас троих с земли и припустил к трактиру, в котором обычно устраиваются на ночлег Гонзы, Вашеки и Франты. Столик с барашком восприняли это спокойно, я же чертовски забеспокоилась, предчувствуя неладное. Просто так Гонза не стал бы тащить нас в такую даль.

«Я у вас переночую!» — сказал трактирщику Гонза. — Возьмите столик и барашка да спрячьте их получше. Только не говорите им: «Столик, накройся! Барашек, встряхнись!» Не то поутру, пан трактирщик, вы можете оказаться в дурацком положении!»

«Можете не беспокоиться, пан Неизвестно кто! Как раз сегодня я приобрел новый радиоприемник, и диковинки вроде ваших теперь меня не интересуют!»

С этими словами трактирщик понес барашка и столик куда-то в чулан, меня же Гонза забрал с собой в комнату. Оба мы хорошо выспались, а рано утром он встал и потребовал у трактирщика:

«Верните мне мои вещи! И горе вам, если вы подменили их другими!»

Не издав ни звука, трактирщик принес ему барашка и столик, поставил их перед Гонзой и хотел было выйти из комнаты.

«Стойте! — закричал Гонза. — Будьте любезны обождать, пока я проверю, нет ли какого обмана с вашей стороны. Может, вы заменили их на самый обыкновенный столик и самого обыкновенного барашка. Мои столик и барашек — волшебные: стоит им только приказать, как один накрывается превосходными кушаньями, а другой так и сыплет золотыми дукатами, словно трянули дерево с драгоценными сливами. Итак, внимание: «Столик, накройся! Барашек, встряхнись!»

Разумеется, дядюшка Микеш, не произошло ни того, ни другого. Гонза сделал вид, будто чрезвычайно зол на трактирщика, и закричал:

«Сейчас же верните мои волшебные вещи! Не нужны мне ваши обыкновенные столик и барашек! Можете поставить его обратно в хлев! Я требую возвратить мои диковинки, которые я отдал вам на хранение, иначе берегитесь!»

Вы, конечно, догадываетесь, дядюшка Микеш, что трактирщик так и вытаращил на него глаза от изумления.

«Да идите вы ко всем чертям вместе с вашими вещами! — выругался он. — Что вы дали на хранение, то я и вернул! И вообще, чего вы тут разорались, вот возьму и вышвырну вас вон со столом, бараном и прочими причиндалами!»

Ни слова не говоря, Гонза вернулся в глубь комнаты, схватил меня и вновь подбежал к трактирщику:

«Или возвращайте волшебные вещи, или платите тысячу крон! Я тут чикаться с вами не собираюсь! Либо барашка и столик, либо тыщу монет! Раз, два, три...»

«Ну все, с меня довольно! — вскричал трактирщик. — Забирайте свои манатки и вон из трактира! Раз, два, три...»

Но Гонза и не подумал этого делать! Он поставил меня перед собой и приказал:

«Тросточка, раззудись!»

Не знаю, почему он это сказал, ведь парень даже не попробовал меня в деле. Быть может, он решил, что за свою работу заслужил исполнения хотя бы одного желания. Как бы там ни было, неожиданно во мне зародилась великая сила и я ужасно захотела огреть кого-нибудь по-настоящему! Бить трактирщика было не за что, и я напустилась на Гонзу, да так, что от него только клочья летели во все стороны. Гонза был хороший бегун, и улепетывал он чем дальше, тем быстрее. Но и я неплохо бегаю. Проводила я его, дядюшка Микеш, до самого дома, а там, на печи, парня с нетерпением поджидали Вашек с Франтой. Услыхав стремительные шаги Гонзы, двое лежебок закричали наперебой:

«Гонза, только давай делиться по справедливости!»

В этот миг мы как раз ворвались в горницу, и я удовлетворила их пожелание. Оставив Гонзу в покое, я запрыгнула своей ножкой на печь и давай раздавать им синяки да шишки, парочку Вашеку, парочку Франте; думаю, никто из них не может на меня обижаться, досталось обоим поровну. К тому же я нисколько не жадничала. Лентяи обещали мне все что угодно, только бы я перестала, но я, хоть и сама была изрядно утомлена, продолжала действовать. И вдруг Вашека осенило, и он закричал:

«Тросточка, достаточно!»

Я тут же его послушалась, потому что и сама понимала: с лентяев действительно уже достаточно. И исчезла.

Вот почему, дядюшка Микеш, прибежала я к вам такая уставшая и раздраженная. Вы уж не сердайте! Ну а сказок с меня теперь довольно. Надеюсь, старичок больше не станет меня тревожить. Так что остаюсь навсегда с вами и буду служить отныне только вам одному, вы очень добрый и порядочный котик.

Весь следующий день тросточка пролежала на печи, набираясь сил; Микеш ее не беспокоил. Он думал: «Здорово, должно быть, умаялась в своей сказке, коли лежит не вставая».

На третий день, поутру, она спрыгнула с печки и сказала котiku:

— Дядюшка Микеш, я кое-что вспомнила. Не сердитесь, отпустите меня еще раз к сказочному старичку. Даю вам слово, к вечеру буду дома. Мне, глупой деревяшке, следовало рассказать ему, чем закончилась наша сказка. Я же так замоталась, что начисто об этом позабыла. Мне очень нужно сообщить старичку о развязке!

— Ступай, конечно! — И Микеш махнул лапкой. — Верю, что вовремя придешь обратно. Иди да передай от меня привет своему дедушке!

Волшебная трость тотчас выбежала из горницы, попрощалась на дворе с бабушкой и при этом вкратце объяснила ей, куда она торопится. Похвалив трость, бабушка еще долго стояла и смотрела, как она бежит во весь опор в сторону леса на Шмейкалке. На этот раз ни бабушка, ни Микеш не волновались за свою тросточку.

Когда в тот день, к вечеру, Микеш вернулся с прогулки домой, трость его уже лежала на печи. Радостно поприветствовав котика, она спрыгнула с нее на лавку и попросила Микеша присесть рядышком. А потом, не дожидаясь особого приглашения, сама начала рассказывать:

— Когда я поведала дедушке о своих злоключениях с Гонзой и о том, как наказала мальчишку и двух его братьев-лежебок, он ужасно на них рассердился.

«И поделом!— сказал дедушка.— Эти лентяи ничего другого и не заслуживают! Пусть теперь кто-нибудь из них заявится ко мне попытать счастья! Я покажу им, где раки зимуют! И вообще, лучше уж я разрушу эту сказку, впредь ничего такого происходить не будет!»

«Правильно сделаете, дедушка!— согласилась я со старичком.— Ежели вы считаете, что нынешние люди недостойны таких чудесных даров, пускай обходятся без них! Вот только как быть с барашком и столиком?»

«Я переведу их в другую сказку! А впрочем, знаешь что? Коли твой котик столь добр и учтив, давай я подарю их ему. Спроси у Микеша, хочет ли он этого; если не возражает, дай мне знать, и я пошлю ему их в подарок!»

Я поблагодарила дедушку за его доброту; думаю, дядюшка Микеш, вам будет чрезвычайно приятно получить такие подарки. Со своей стороны, я нисколько не сомневаюсь, что вы проявите к ним внимание и заботу и употребите их на пользу людям!

Произнеся эти слова, тросточка выжидающе посмотрела на Микеша: мол, что он ответит ей, не отправит ли тотчас же к старичку за барашком и столиком. Микеш подумал немного и, махнув лапкой, спокойно сказал:

— Не нужно никуда ходить, милая Дубинушка! Пусть барашек со столиком остаются у старичка! всю свою жизнь я трудился и зарабатывал сам, ни в каких чудодейственных помощниках я не нуждаюсь! В народе говорят: «Хочешь есть калачи — не лежи на печи!», а не «Столик, накройся!» Вот и не вышло у Гонзы ничего хорошего, потому что легкого счастья в жизни не бывает. И покуда он не выбросит из головы мысли о скорой наживе и обогащении, пока не возьмется за ум и не займется честным трудом, ничего путного из него не выйдет.

— Вы правы, дядюшка! — поразмыслив, сказала трость.— Пусть волшебные вещи остаются и дальше у старичка! А не то еще кто-нибудь попадет из-за них в беду!

С тех пор волшебная тросточка больше никогда не упоминала о своих волшебных собратях. Она по-прежнему ходила с Микешем на прогулки; когда же котик отправлялся куда-либо один, она незаметно сопровождала его, чтобы прийти на помощь сразу, как только ему будет грозить

опасность. Сильно привязалась она и к несмышленишу Мурлышке и часто играла вместе с ним у бабушки.

Казалось, что теперь она вполне довольна жизнью в «Райской обители» и не помышляет о возвращении в сказочное житье-бытье. Микеша это очень радовало. Ему было приятно видеть, что трость совершенно освоилась и чувствует себя в «Райской обители» как дома.

Посему котика весьма удивило, когда по прошествии определенного времени он стал замечать в ней некоторое беспокойство. Все чаще она выглядела задумчивой, на прогулках пошатывалась как больная. И однажды Микеш повел тросточку к колесному мастеру, дабы тот основательно ее осмотрел; когда же мастер заверил его, что трость совершенно здорова и все у нее в полном порядке, котик спросил ее прямо, чем, мол, растрожена ее душа.

Вздохнув, трость ответила:

— Затосковала я, дорогой дядюшка Микеш. Думала, привыкну к этой новой жизни, ан нет, заскучала-таки по прежней службе, по дедушке. Прямо не знаю, что и делать: и здесь бы осталась, и к старичку хочется!

Микеш с минуту поразмыслил, а потом сказал:

— Думаю, милая Дубинушка, все это можно устроить. Если твоему старичку немоготу больше сказочная работа и он желает уйти на отдых, то почему бы ему не поселиться у нас? Он жил бы здесь так же, как ты, и рассказывал ребятишкам свои истории. Да и нам с бабушкой не пришлось бы тогда ломать голову, какую бы еще сказку поведать ребятам. Так что будет лучше всего, ежели ты сразу отправишься за ним, а мы тем временем приготовим для него уютную горенку.

Как Микеш сказал, так и вышло. Волшебная трость отправилась за старичком, и еще прежде, чем она привела его, все было готово к приходу гостя. Все встретили дедушку с большой радостью и крепко с ним подружились, будто знали его с малых лет. Пуще же прочих радовалась волшебная трость Дубинушка, которая наконец-то зажила рядом с теми, кого любила сильнее других: с бабушкой, Мурлышкой, Микешем и своим сказочным старичком.

В гостях у пастушков

Когда Микешу хотелось уединиться или поразмышлять в тиши о прожитой жизни, он приходил в бабушкин сад. Там, на пригорке, стояла высокая раскидистая яблоня, в кроне которой Микеш с детства облюбовал несколько уютных местечек. Возле той яблони котик всякий раз снимал сапоги, и не успели бы вы произнести: «Кукарача», как он уже был наверху! Обычно Микеш устраивался на стыке четырех могучих сучьев, откуда открывался прекрасный вид на деревню, поля и густые леса, расположенные за бабушкиным домиком.

Микешу нравилось смотреть с высоты на дорогу, по которой когда-то он отправился в странствия, чтобы заработать денег и купить бабушке новый кувшин взамен нечаянно разбитого им по пути из погреба. Вам, ребята, уже прочитавшим первый том этой книги о котике Микеше, хорошо известно, на какую безрадостную стезю ступил поначалу котик. Однако потом Микешу улыбались и удача, и счастье, он заработал не на один, а на добрую тысячу кувшинов, и теперь котику было приятно вспоминать свои скитания, мысленно перебирать события минувшего. Он уже без страха смотрел на виднеющиеся впереди дремучие леса, сквозь которые пробирался с тучком за спиной, не зная, вернется ли когда-нибудь домой живым и здоровым.

Однажды, когда Микеш сидел вот так на старой яблоне и смотрел поверх соломенной крыши милой его сердцу избушки в сторону Мышлина и Кожаного холма, ему вдруг подумалось: что-то делают сейчас та славная девчушка, поделившаяся с ним булкой, и те пастушки, которые так сердечно приняли у себя беглеца котика, предложив ему обогреться у костра?

«Как они там? — думал Микеш. — Пасут ли по-прежнему коров возле леса?»

Вспомнив же, как бедные пастушки отдали ему все, что имели, котик решил как можно скорее навестить их и отблагодарить за подарки, которыми по-товарищески наделили его мальчики.

Вернувшись в тот день домой, Микеш позвал к себе Франтика и попросил его подготовить завтра автомобиль

к дороге — мол, они вместе поедут на пастбище за Стругаржовом. От такого известия глаза у Франтика загорелись радостью.

— Будет сделано, шеф! — весело ответил он и при этом облизнулся. — А как ты думаешь, Микеш, раз уж мы все равно будем на пастбище, не согласятся ли пацаны испечь для нас в золе пару картофелин? Елки-моталки, Микеш, я и вкус-то их позабыл!

На другой день, поутру, Микеш отобрал в библиотеке «Райской обители» несколько интересных детских книжек и заботливо уложил их в машину.

— Это, так сказать, пища для ума и для сердца. Но надо бы подобрать им какие-нибудь вещицы и для развлечения. Ладно, игрушки я куплю завтра в Мниховицах, — радостно бормотал себе в усы котик, занятый этими приятными хлопотами.

Дополуденное время следующего дня тянулось для Микеша необычайно медленно. Обед он ждал с огромным нетерпением — так ему хотелось побыстрее свидеться с пастушками! Микеш предлагал выехать сразу, как только отобедают, но опытный Франта Кулдан посоветовал отправляться не раньше трех часов, поскольку, мол, пастушки выгоняют скотину на пастбище после четырех вечера, когда солнышко палит не так сильно.

— Ты прав! — согласился с ним умный котик. — Выедем позже! До Стругаржова мы доберемся в два счета, даже если по пути и остановимся в Мниховицах, чтобы сделать покупки. Знаешь, Франтик, мне так хочется приятно удивить этих пастушков у костерка!

Наконец три часа пробили. Франтик выкатил машину из гаража, Микеш сел с ним рядом, и они помчались по деревне, а потом и по дороге в Мниховицы. Там котик накупил разных подарков, которые не оставят равнодушным ни одного мальчишку; среди них были волчки, барабаны, дудочки, губные гармоники, большие и маленькие мячи, машинки, паровозики и многое другое. Умный котик устроил все таким образом, чтобы ребята не рассорились между собой из-за этих игрушек. Для всех пятерых пастушков он купил одинаковые: получилось пять волчков, пять барабанов, пять дудок и так далее. Для доброй же девочки, Марженки Кудлачковой из Стругаржова, Микеш приобрел красивую куклу, что открывала и закрывала глаза и умела говорить «Мама!», а еще он купил ей комнатку, кухоньку и карету для куклы. Подарков набралась целая машина!

К стругаржовскому пастбищу Микеш с Франтиком подъезжали в половине пятого. Котик с волнением всматривался в даль, не появились ли уже пастушки, и очень обрадовался, заметив дым от костра.

— Ура! Они там, чертяки! — восторженно закричал он и с удовольствием отметил про себя, как быстро приближается к ним автомобиль.

Пастушки сидели вокруг костра. Это были те самые ребята, которых он видел здесь прежде, когда грелся у огня. По счастливому совпадению, оказалась среди них и Марженка, которая поначалу так ругала Микеша, а потом дала ему на дорогу половину своей единственной булки.

Когда автомобиль свернул с дороги на пастбище, ребята встали и замерли в нетерпеливом ожидании. Широко раскрыв глаза от удивления, они смотрели на приближающийся автомобиль и, когда он остановился прямо напротив костра и оттуда выпрыгнул нарядно одетый кот, разинули рты и впились в него взглядами. Но длилось это всего минуту. Затем, будто вспомнив о чем-то одновременно,

ребята заулыбались, начали подталкивать друг друга локтями, и Микеш страшно обрадовался, услышав, о чем они шепчутся между собой:

— Да ведь это тот самый котик, что однажды грелся с нами возле костра! Он родом из Грузиц и умеет разговаривать совсем как люди!

— Привет, ребята! — поздоровался котик, сняв шапку.

Ребята поблагодарили его за приветствие и в знак дружеского расположения потянули к нему руки. Девочка тоже потрясла Микешу лапку, и котику стало очень приятно от такого сердечного приема. Минуту-другую он задумчиво смотрел на огонь, потом заговорил дрогнувшим голосом:

— Мальчики, и ты, Марженка Кудлачкова, я приехал к вам для того, чтобы отблагодарить вас за теплоту, с которой вы приняли меня, когда без крейцера в кармане и без куска хлеба я шел на заработки. Совершенно не зная меня, вы отдали тогда все, что имели, хотя и понимали: навряд ли мы когда-нибудь свидимся. Но я о вас, дорогие мальчики и Марженка Кудлачкова, не забывал. Из странствий, слава богу, я вернулся разбогатевшим и теперь могу отблагодарить вас за вашу доброту. Я привез с собой немного игрушек, и поскольку не помню, какие вещицы дал мне каждый из вас, когда вы устроили между собой складчину, то подарю всем вам игрушки одинаковые, разве что книжки вы получите разные. Еще раз большое вам спасибо, и при-

мите от меня несколько скромных подарков, которые я вручаю от чистого сердца и на долгую память. Давай, Франтик, выгружай из машины пакеты и дели их поровну между ребятами. Тот, что с розовой ленточкой, — для доброй Марженки; все остальные выглядят одинаково, и в каждом из них одинаковые игрушки!

Видели б вы, дорогие ребята, с каким любопытством наблюдали мальчики и девчушка за Франтиком Кулданом, вынимавшим из автомобиля пакет за пакетом, и как дрожали от волнения их ручонки, когда они брали подарки из рук Франты. Пакеты были столь велики, что самый маленький из ребят едва удержал на весу свой подарок, скрывшись за ним почти полностью. Мальчики визжали и прыгали от восторга: на ощупь они сразу определили, что именно купил для них добрый котик.

Ребята не стали тут же разворачивать пакеты. С горящими от радости глазами наперебой они сердечно поблагодарили Микеша, и потом им уже было не до пастьбы. Ребята спешно разыскали своих коз и коров и погнали их напрямик в деревню, дабы похвастаться своими неожиданными подарками перед родителями, родственниками и друзьями.

Микеш смотрел им вослед со счастливой улыбкой и, когда они скрылись за первыми деревенскими постройками, забрался в машину к Франтику. Домой они возвращались окольным путем, не через Стругаржов: скромный котик не нуждался в новых словах благодарности. Ехали они по дороге, ведущей в Тршемблаты, и вдруг произошло непредвиденное. Навстречу им двигалась старушка с коробом, доверху наполненным какими-то товарами. От усталости она едва переставляла ноги.

С первого же взгляда Микеш признал в ней ту самую бабушку, в коробе которой прятался в свое время от жандармов и которая таким образом пронесла его на себе часть пути, хотя ноша ее и без того была достаточно тяжела.

— Боже мой! Франтик, остановись, разворачивайся и следуй за старушкой! Спросишь, куда она идет, посадишь вместе с коробом в машину и доставишь по ее желанию хоть на край света! Это та бабушка, что несла меня в своем коробе. Сам я не могу с ней заговорить, еще напугаю бедную старушку.

Франтик незамедлительно выполнил просьбу друга котика. Он развернул автомобиль и, обогнав старушку, остановил его. Выпрыгнув из машины, Франтик поприветствовал бабушку и предложил ей прокатиться вместе со своим коробом на автомобиле. Старая женщина смотрела на него как на привидение. Когда он спросил ее, куда, мол, она направляется, старушка решила, будто паренек попросту шутит с ней, старой уставшей бабкой, между тем он предлагал ей столь милый способ передвижения, что она подумала и согласилась. Франтик помог старушке снять со спины короб и, поставив его в машину на заднее сиденье, сказал ей, чтобы она усаживалась рядом с ним поудобнее. Когда бабушка расположилась на заднем сиденье возле короба, Франтик хлопнул дверцей и сел за руль, под которым, прячась от старушки, затаился сгорбленный Микеш.

И они помчались к Своетицам, а потом — через Србин в Мукаржов, где жила бабушка. Сама она сидела в машине тихо как мышка и изо всех сил держалась за сиденье. Ей казалось, что она не едет, а летит как на крыльях — такой приятной была для нее эта поездка. Старушка едва успевала подмечать, какие места они проезжают, и еще прежде, чем она разобралась в происходящем, автомобиль остановился возле мукаржовского костела, по соседству с которым и стоял ее низенький домишко.

Франтик выгрузил из машины бабушкин короб и отнес его прямо к ней в горенку. Женщина благодарила мальчика со слезами на глазах — не постеснялся, мол, везти ее, старую, да еще с коробом, в своей замечательной машине. В ответ Франтик небрежно махнул рукой и, попрощавшись с бабушкой, побежал к Микешу. Когда они возвращались домой, котик за всю дорогу не проронил ни слова: перебирал в памяти события минувшего дня. Он был несказанно рад, что сегодня ему посчастливилось разделаться сразу с двумя старыми долгами: отблагодарить бабушку из Мукаржова и пастушков со стругаржовского пастбища. Он-то хорошо знал, как редко приходит радость к бедным детям. И котику вспомнилась вдруг история с каруселью, которую однажды поведал им в «Райской обители» дядюшка Малиновский.

О чем рассказал дядюшка Малиновский

Как-то раз, после долгой отлучки, в Грусицы снова приехал старый Явурек со своей каруселью. Сей дед был уже очень стар, но по-прежнему работал один, чтобы ни с кем не делить выручки: был он ужасно жаден. Помимо карусели, которую звали Круговерть, имел он еще и шарманку. Когда ребятишки хорошенько осмотрели ее, они сразу признали в ней Вертиручку. О Вертиручке я уже вам рассказывал. Помните: она жила у шарманщика Бабачека и как-то однажды сама разъезжала по дворам и играла, пока дядюшка лежал в сарае больной. Точно не знаю, каким образом Вертиручка попала к старому Явуреку. Быть может, она всего лишь нанялась к нему в услужение и отсылала заработанные деньги дядюшке Бабачеку, дабы он не бродил по белу свету на старости лет.

Когда Круговерть с Вертиручкой прибыли на деревенскую площадь, их тут же обступили ребятишки. Но тщетно старый Явурек зазывал их покататься. Они бы и рады, да денег для этого было у них недостаточно: отцы у ребят давно уже сидели без работы. Дети могли предложить Явуреку пять, десять, от силы двадцать геллеров; Явурек же был известный скаредник и меньше, чем за пятьдесят геллеров, катать не соглашался. Откуда ребятам было взять столько денег, а им ох как хотелось прокатиться!

— Раз денег нет, убирайтесь! — рявкнул на детей старый Явурек. — Проваливайтесь; когда принесете сколько нужно, тогда и покатаемся. А сейчас не морочьте мне голову! За считанные геллеры я вас возить не собираюсь. Пойду лучше прилягу. Так что марш по домам, с богом!

Пробурчав еще что-то в этом роде, он забрался к себе в фургон и сердито хлопнул дверью.

Ребятишки постояли немного около Круговерти, но, видя, что старый Явурек и не думает выходить из фургона, в самом деле разбежались по домам. Лишь Тоник Копанек задержался возле нее, не будучи в силах оторвать глаз от разноцветных лошадок.

— Елки-палки! — проговорил он со вздохом. — Как здорово мог бы я покататься, будь у меня в кармане хоть

пара крон! — И с этими словами мальчик побежал было вслед за ребятами.

Он не слышал, как у него за спиной карусель что-то пробормотала шарманке, однако сразу остановился, когда позади раздался оклик:

— Эй, Франта, Вашек или Пепик, как там тебя, поди сюда! Мы хотим тебе кое-что сказать!

Тоник Копанек поспешил назад к карусели.

— Что вы хотите сказать? — любопытствовал Тоник и с удивлением отметил, что вокруг нет ни одной живой души.

— Послушай, мальчик, беги к ребятам и скажи им, чтобы, как только начнет смеркаться, они приходили на площадку за кофейней! Но пусть держат язык за зубами: я прибуду туда вместе с шарманкой и покатаю вас задаром. Беги же передай им мои слова!

Тоник Копанек догадался, кто к нему обращается, однако времени удивляться у него не было, и он вприпрыжку пустился бежать к ребятам.

— Обождем чуток, пускай хозяин заснет, — проговорила карусель, и шарманка кивнула ручкой.

Некоторое время они продолжали стоять без движения; когда же из хозяйского фургона донеслись сопение и храп старого Явурека, обе потихоньку двинулись к кофейне. Вертиручка тронулась в путь на своих четырех колесиках; Круговерть же покатила на круглом основании, словно

большая бочка, перемещаемая на боку. Вы видите это на картинке.

На траве за кофейней их уже поджидала целая орава ребятишек. Увидев приближающуюся карусель, дети громко закричали от восторга, но шарманка пригрозила им ручкой, с тем чтобы они перестали шуметь. Несколько мальчиков постарше бросились к карусели навстречу, дабы оказаться в числе первых, но Круговерть не подпустила их к себе.

— Подождите, ребята, не торопитесь! — добродушно сказала она. — Раз уж мы будем катать вас бесплатно, то позвольте нам самим решить, как это делать. Ваше дело — сохранять спокойствие, соблюдать порядок и во всем нас слушаться! Итак, внимание! Отличники, занимайте места!

К сожалению, дорогие друзья, таких ребят оказалось немного! Всего три мальчика и пять девочек. Когда мальчики сели на лошадок, а девочки в кареты, Круговерть попросила самого старшего из ребят зажечь на ней лампочку. Потом шарманка тихонько заиграла веселую песенку и пошло-поехало: тра-та-та, та-та-та, трам-пам-па, пам-пам-па, там-там-там, там-там-там, трам-та-ра-там!

Карусель вращалась вокруг своей оси, а вместе с ней крутилась и ярко горящая лампочка. Вот она осветила вывеску кофейни, вслед за тем амбар приходского священника, потом свет скользнул по стене сада Балачека, озарил дикорастущую грушу, промелькнул по полю священника, саду кузнеца, и так снова и снова в той же последовательности. Ребятам это очень нравилось. На карусели звучал веселый смех, а рядом с ней нетерпеливо переминались с ноги на ногу те, кто ожидал своей очереди. Им ужасно хотелось, чтобы отличники поскорее закончили кататься и сошли вниз. Шарманке Вертиручке приходилось то и дело прерывать мелодию и урезонивать шумливую детвору.

Наконец отличники достаточно покатались, Круговерть остановилась и подозвала к себе старшего из ребят, Франтика Свободу, предложив ему роль распорядителя. Карусель не хотела, чтобы дети перессорились между собой из-за очередности, и поэтому установила, что они будут заходить на нее в алфавитном порядке. Если алфавит закончится, но места еще останутся, то их снова займут Бартачкова, Брабец, Бубеник и так далее.

Должен вам сказать, ребята беспрекословно слушались Франтика, не ссорились друг с дружкой и рассаживались так, как он говорил. А может быть, они попросту боялись, что карусель возьмет да рассердится на них и укатит на площадь. Был теплый летний вечер, смеркалось. В деревне постепенно наступала тишина, лишь за кофейней было по-прежнему шумно и весело.

Между тем на деревенской площади проснулся в фургоне старый Явурек. Он протер глаза и устремил свой полусонный взгляд через окно на площадь.

— Мать честная! — вскричал он, будто его укололи шилом. — Да сплю я или бодрствую?! Где Круговерть с Вертиручкой! Куда они запропастились, черти их носят!

Старый Явурек схватил шапку и, распахнув дверь, выбежал на площадь. Он едва не свернул себе шею, крутя головой направо и налево, однако карусель с шарманкой как сквозь землю провалились.

— Куда же делись эти негодницы?! — недоумевал старик. — Будь они овцы, можно было бы предположить, что с голоду удрали на пастбище, а так где их носит нелегкая? А, кажется, знаю! Они, верно, слышали, как днем я грозился, что-де лучше отправлюсь обратно в Козоеды, нежели буду задаром катать этих остолопов, и двинулись туда без меня! Только бы они благополучно добрались до места, черт возьми! Не заблудились бы по дороге, не свалились бы куда-нибудь и ничего себе не сломали. Ох уж эта моя скарედность! Все, больше никогда не буду жадничать! И чего я не стал катать детей бесплатно? Теперь может случиться так, что у меня не будет ни денег, ни шарманки, ни карусели. О, кто бы отлупил меня веником и выбил из меня всю дурь! Что ж, не остается ничего другого, как бежать вслед за ними в Козоеды; может, их еще удастся догнать!

С этими словами старый Явурек побежал по площади, оставил за спиной трактир и припустил по дороге на Козоеды. В пути, едва не надавав самому себе подзатыльников за свою жадность, он дал слово, что больше никогда не будет скаредничать и с удовольствием станет катать бесплатно всех бедных детей, только бы отыскались карусель с шарманкой. Явурек бежал изо всех своих старческих сил, пока наконец не выбежал на окружную дорогу, где

в этот поздний час продолжал сгребать камни дорожный рабочий Вавра.

— Скажите, родненький, тут карусель с шарманкой не появлялись? Я потерял их сегодня вечером и никак не могу понять, куда они делись?! — взволнованно бормотал старый Явурек.

Рабочий Вавра разогнул спину и, опершись на черенок лопаты, удивленно уставился на владельца карусели:

— Как вы сказали? Карусель с шарманкой? Нет, сударь, ничего похожего я не видел, хотя работаю здесь с самого утра! Если они и впрямь куда-нибудь побежали, то скорее всего в другую сторону, к Турковицам! Все остальные дороги отсюда хорошо просматриваются, я обязательно бы их заметил. Так что бегите, уважаемый, в Турковицы!

Старый Явурек поблагодарил рабочего и, повернувшись обратно к Грусицам, побежал вниз по холму, да так быстро, будто за ним гнались сами черти. Было уже довольно темно, повсюду царила полная тишина.

К тому времени воцарилась она и за кофейней. Когда дети вдоволь накатались и на башне костела раздался бой курантов, Круговерть остановилась и сказала им, чтобы они тихо и мирно расходились по домам. Карусели не хотелось прибавлять матерям волнений в этот поздний час. Дети ее послушались. Они поблагодарили карусель и шарманку за чудесное бесплатное развлечение и побежали домой.

— Черт возьми, ну и вспотела же я! — добродушно проговорила Круговерть. — Но это того стоило! Теперь же, подружка, смотри в оба; на площадь нам нужно вернуться тихо и незаметно, чтобы не разбудить хозяина. Не то он покажет нам, где раки зимуют!

И карусель с шарманкой двинулись с околицы в деревню. При этом они внимательно следили за тем, чтобы не издавать по дороге лишнего шума и не сбить в темноте какого-нибудь прохожего. До своих прежних стоянок они докатились без приключений и встали там как ни в чем не бывало.

Успели они как раз вовремя! Эдакие плутовки! Только карусель одернула на себе брезент, как на площадь вбежал старый Явурек.

— Залягай меня комар! — увидев карусель и шарманку на своих прежних местах, закричал Явурек на всю округу. — То ли я идиот, то ли мешком из-за угла ударенный! Несусь как сумасшедший бог знает куда, а они, бестии, где стояли, там и стоят! Тысяча чертей, чтоб мне, жадине, пусто было! А может, они мне только мерещатся?

Старый Явурек некоторое время продолжал таращить глаза на двух стареньких добрых кумушек, а потом подбежал к ним, прикоснулся к обеим руками, чтобы убедиться, что это действительно они, и сказал:

— Знайте, родимые! Завтра мы целый вечер будем катать эту мелюзгу совершенно бесплатно! Обойдусь я без их грошей, ну а вам все едино! Доброй ночи!

Когда старый Явурек снова забрался в фургон, карусель с шарманкой глянули друг на дружку и тихо засмеялись.

Над Кожаным холмом как раз всходила луна, заливая своим рассеянным светом фургон старого Явурика, карусель, шарманку и все те домики, в которых спокойно засыпали счастливые ребятишки.

Бабушка заболела!

Однажды в предобеденную пору Микеш расхаживал в саду «Райской обители» по дорожке, ведущей к калитке бабушкиного сада. Лапки свои он заложил за спину, как делал всякий раз, когда был серьезно озабочен или размышлял о важном деле. Время от времени котик поглядывал на калитку и качал головой, как бы удивляясь чему-то либо чего-то не понимая.

Дело в том, дорогие ребята, что Микеш очень волновался за бабушку! Каждое утро, прибравшись в своем домике, она приходила в «Райскую обитель», чтобы проверить, всё ли у них в порядке и хорошо ли присматривают они за ее любимыми животными.

В это же утро котик тщетно высматривал бабушку — она не появлялась!

— Господи, уж не заболела ли она! — воскликнул вдруг Микеш и не стал больше медлить. Он быстро побежал к калитке, кратчайшим путем пересек бабушкин садик, и не успели бы вы сосчитать до десяти, как он уже открывал

дверь ее дома. Когда Микеш вошел в горницу, бабушка спросила слабым голосом:

— Это ты, Микеш?

На лавочке возле ее кровати сидел заплаканный Мурлышка, он тер лапкой мокрые от слез глаза и сказал Микешу одно-единственное слово:

— Бабушка!

— Да, это я, наша милая бабушка! — дрогнувшим голосом ответил ей котик.

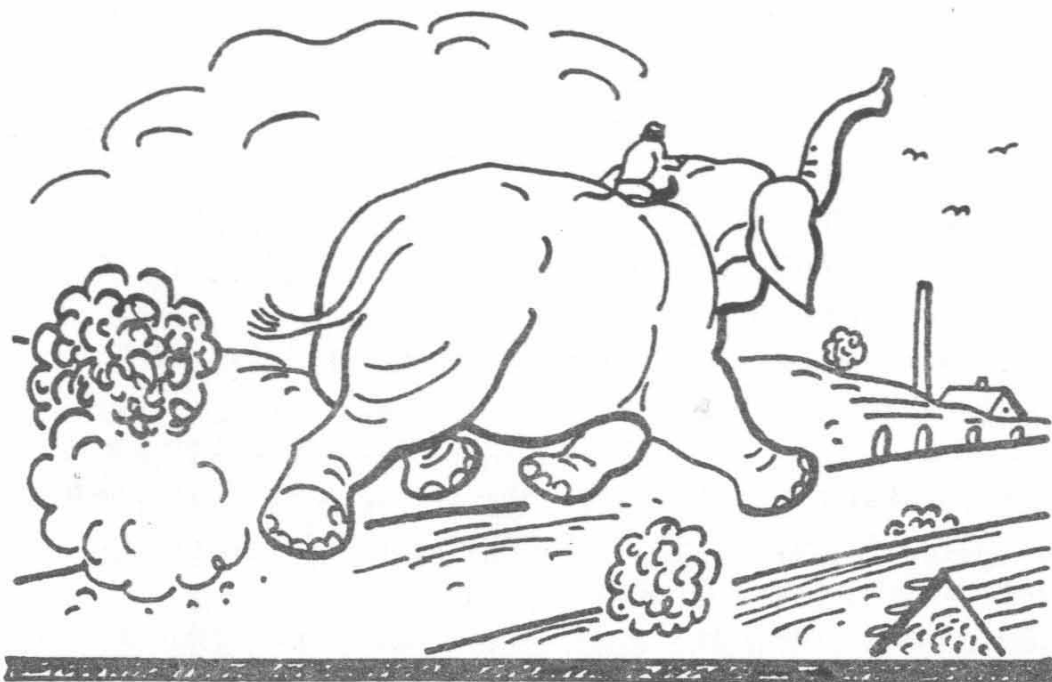
Потом он приставил к кровати табуретку и встал на нее задними лапами, чтобы рассмотреть бабушку получше. Когда Микеш увидел лицо старушки, лапы у него подкосились от испуга!

Бабушка, любимая его бабушка, всегда такая бодрая и подвижная, лежала теперь на кровати не шевелясь и тяжело, часто дышала! Щеки у нее пылали румянцем, а лоб был столь жарким, что Микешу хватило одного легкого прикосновения, чтобы понять, какой высокой была температура у бабушки.

— Что с вами, бабуленька? Что случилось? — испуганно спросил Микеш.

— Плохи мои дела, милый, очень плохи! Голова как в огне, и грудь болит так, что невозможно дышать! — сиплым голосом отвечала бабушка. — Вчера, под вечер, я ходила за яйцами к кирпичной мастерской, а на обратном пути попала под ливень и вымокла до нитки. Меня, видно, прохватило, и уже вечером я едва держалась на ногах, нынче же утром, золотце, не смогла даже встать!

Больше котик ни о чем не расспрашивал. Ему было ясно, что она тяжело больна и необходимо срочно послать за доктором. Чтобы облегчить страдания больной, Микеш оказал ей первую помощь. Он намочил в холодной воде полотенце и положил его на горячий бабушкин лоб. После этого котик побежал к соседке Шальдовой попросить ее присмотреть за больной до приезда доктора. К счастью, хозяйка Шальдова оказалась дома. Услышав, что бабушке плохо, она бросила все дела и вместе с Микешем поспешила к ней в домик. Микеш очень обрадовался, когда вслед за ними вбежала в горницу и мудрая старая Шебкова.

— Я видела, золотце, как ты сломя голову несешься на горушку к Шальдам. Обычно ты ходишь медленно, степенно, вот я и поняла, что с вашей бабушкой стряслось несчастье, — прерывающимся от быстрой ходьбы голосом сообщила Шебкова.

Микеш с облегчением вздохнул. Теперь он знал, что бабушка в надежных руках и можно оставить ее, чтобы распорядиться насчет доктора. И Микеш снова побежал в «Райскую обитель»; мысленно он хвалил себя за то, что в свое время сподобился купить скоростной автомобиль, который в кратчайший срок доставит лекаря.

Можете себе представить, дорогие ребята, как ужаснулся Микеш, когда, прибежав в «Райскую обитель», услышал от Франтика, что еще утром пан Клудский уехал на машине в Бенешов!

— Черт возьми! Как же у меня это из головы вылетело?! — в отчаянии воскликнул Микеш. — Что теперь делать?! Что предпринять, дружище, ведь врач нужен как можно скорее! Все крестьяне с лошадьми давно на полях, а ежели я своим ходом отправлюсь в Мниховицы, то потеряю целый час драгоценного времени! Бедная бабушка, она едва дышит в своей горенке!

Тут и Франтику стало не по себе. Он так испугался за бабушку, что хотел уже сам бежать за доктором в Мниховицы, но неожиданно в голову ему пришла поистине гениаль-

ная мысль! Еще бы, ведь это вам не кто-нибудь, а Франтик Кулдан!

— Микеш, дорогой, не отчаивайся, садись-ка лучше на Брундибара и поезжай на нем за доктором! А я...

Франтик собирался что-то добавить, но Микеш его уже не слушал. Всего несколько прыжков — и он очутился во флигеле у слона. Котик наскоро объяснил Брундибару на слоновьем языке, в чем дело, и, взобравшись к нему наверх, устроился на его шее. Слон быстро поднялся с пола, хоботом надел свою вышитую шапку и выбежал в сад.

По деревне Брундибар передвигался не столь прытко, зато за околицей помчался в гору к кладбищу, точно автомобиль. Он напоминал некий огромный переполошившийся амбар. Земля гудела у него под ногами, и хозяева повозок едва успевали уступать ему дорогу, хотя мудрый слон еще издали трубил им в знак предостережения. Услыхав странные трубные звуки, мниховицкие жители решили, будто где-то случился пожар, а потом все они высыпали на городскую площадь и Пражскую улицу, когда там пробежал слон Брундибар. Микеш попросил Брундибара внимательнее смотреть на дорогу, чтобы не сбить кого-нибудь из прохожих, хотя это было излишне: разумный слон не обидел бы и цыпленка. Кроме того, котик боялся, как бы их не остановил жандарм и не задержал бы уплатой штрафа за превышение скорости, однако городской Гаврда был сам настолько поражен этим необычным зрелищем, что ему и в голову не пришло остановить их или, по меньшей мере, уточнить номер бегущего слона.

Таким образом Брундибару удалось пробежать без задержки всю Пражскую улицу. За мостиком он свернул на Вокзальную улицу, и через некоторое время мниховицкие зеваки увидели, как он остановился перед жилищем доктора Шквора. Там Микеш спрыгнул со слона, постучал в дверь и спустя какое-то мгновение исчез в доме.

Терпеливому Брундибару не пришлось долго переступать с ноги на ногу. Вскоре Микеш появился на пороге вместе с паном доктором, который, по счастливому совпадению, оказался дома и к тому же в приемной его не ждали посетители. Пан доктор был полностью готов к отъезду, но, увидев, что у Микеша нет ни кареты, ни автомобиля, сказал

раздосадованному котику, что им придется подождать, пока пани докторша приедет на автомашине из Странчиц.

Микеш произнес в ответ: «Пожалуйста!», однако, когда ожидание затянулось, он запрыгнул на Брундибара и что-то прошептал ему по-слоновьи. И тут, дорогие ребята, произошла весьма забавная вещь: слон неожиданно приблизился к доктору, обхватил его хоботом, и не успел изумленный пан лекарь опомниться, как очутился на шее у Брундибара.

— Не извольте беспокоиться, пан доктор! — прокричал Микеш перепуганному врачу. — Разрешите ваш саквояж. А теперь покрепче держитесь за уши Брундибара, поедете как индийский раджа!

Как только доктор это сделал, слон тронулся с места и вновь помчался по мниховицким улицам домой в Грусицы. Вскоре пан доктор в самом деле успокоился, увидев, что ничего плохого с ним не происходит, и перестал сердиться на Микеша за самоуправство. Когда же они прибыли в Грусицы и он основательно осмотрел бабушку, то даже похвалил котика за находчивость. Опытный доктор сразу понял, что приехали они как раз вовремя, ибо любое промедление могло очень дорого обойтись больной. На все эти похвалы добрый котик лишь махнул лапкой. Он думал только о бабушкином здоровье и посему крайне обрадовался, когда в саквояже у доктора оказались все необходимые лекарства, которые враз облегчили страдания тяжелобольной бабушки.

Когда доктор ушел, старушка со слезами на глазах принялась благодарить Микеша, но он и тут только махнул лапкой, словно бы отгоняя похвалы в свой адрес. А потом сказал:

— Выздоровливайте поскорее, милая наша бабушка! Как мы без вас? Ничто не заменит нам ваши золотые руки и доброе сердце! Впрочем, давайте не будем о грустном!

Добряк Микеш серьезно опасался за бабушкино здоровье и заботился о ней, как мог. Каждый день котик привозил к ней доктора (правда, уже исключительно на автомобиле!), посылал к ней соседок, чтобы они присматривали за больной, да и сам старался постоянно быть рядом. И неудивительно, что при таком внимании и заботе старушка очень скоро выздоровела; как же обрадовались, дорогие ребята, в «Райской обители», когда она появилась там вновь! Все ее

друзья, животные, дети не скрывали своего счастья, и добрая бабушка была до слез растрогана теплой встречей. Почувствовав их любовь, она с новыми силами принялась за работу.

Счастливое Рождество

Самыми замечательными днями в году были в «Райской обители» дни рождественских праздников. В Сочельник с самого утра начал падать снег, и сад «Райской обители» стал похож на сказочный лес. Все деревья в нем были усыпаны снежными хлопьями, что в лучах полуденного солнышка заискрились хрустальными блестками. Каждая ветка держала на себе целую охапку крохотных снежных звездочек, и в саду под деревьями было так бело, словно к рождественским торжествам кто-то расстелил на земле белоснежную скатерть. При всем этом вокруг царила такая возвышенная тишина, будто сама природа затаила дыхание в преддверии некоего удивительного события.

Старый Швейда с Франтиком расчистили подходы к воротам и калитке в бабушкин сад, дабы старушке не приходилось пробираться к ним по сугробам. А еще они слепили за ее домиком большого снеговика, он стоял там с метлой в руке, и они представляли себе, как стухнет при виде его Мурлышка. Кто-то рассказывал им, как Микеш, будучи еще совсем маленьким котиком, очень испугался, увидев во дворе снеговика, и прибежал к бабушке с криком, что, мол, перед домом стоит какой-то замерзший дядька. Мурлышка, однако, глянул в окно и лишь посмеялся над этим снежным толстяком.

Пан Клудский и Микеш рано утром уехали на автомобиле в Прагу за рождественскими подарками. Они одолжили у Сейка грузовик, потому что собирались покупать подарки не только близким, но и всем деревенским ребятишкам из бедных семей. Незадолго до Рождества Микеш сказал пану Клудскому, что даже Сочельник не принесет ему радости, если среди грусицких детей будут такие, которые ничего не получили в подарок и подсматривают в окна к более обеспеченным людям, дабы увидеть хотя бы то, как выглядит наряженная елочка. Микеш решил, что на сей раз

Иисус придет с подарками и в самые бедные хижины, сгрудившиеся под невысокой скалой на краю деревни. Добрый пан Клудский одобрил намерение Микеша и даже оплатил половину стоимости всех подарков.

Пепик с Олюшкой вовсю наслаждались рождественскими каникулами. Они катались на санках с горушки, расположенной на задворках «Райской обители»; бегали с коньками к пруду Едлички. Олюшка удивляла грусицкую ребятню умением кататься сразу на двух коньках. В Грусицах это было в диковинку: девочки вообще не умели кататься, а мальчики ездили только на одном коньке, сделанном собственными руками из полешка и старого ножа. Пепик попробовал было кататься, как Олюшка, но вскоре отказался от ее способа и вернулся к прежнему, испытанному. Кроме того, они лепили снеговиков, играли в снежки, съезжали на больших санях с кладбищенской высоты, мчась через всю деревню к ручью.

В канун Сочельника им было позволено разве что покататься на коньках: в такой день бабушка запретила шалить, святотатствовать. К тому же им следовало поститься, дабы ночью, в награду за это, увидеть бегающих по стенам золотых поросят.

В этот день Пепик с Олюшкой расчистили от снега еще несколько площадочек в отдаленных уголках сада и щедро посыпали их крупой и другим кормом для птиц, чтобы они досыта наелись в канун праздника.

Сделать так им посоветовала бабушка, что с раннего утра находилась в «Райской обители». Она наводила там окончательный порядок, делила поровну угощения, предназначенные бедным семьям, и с помощницами соседками готовила праздничный ужин. Дел у бедной старушки было невпроворот, но она сама не позволила, чтобы эту приятную работу выполнял кто-либо другой. В доме пахло хвоей, сдобными хлебами, повидлом, яблоками, кореньями и другими вкусными вещами.

Мурлышка наблюдал за бабушкой с нескрываемым любопытством. Никогда прежде он не видел ее такой суматошной и постоянно интересовался: что она делает, чего собирается готовить, кому все это достанется. Некоторое время он провел в гостях у «дядюшек» Пашика и Бобеша,

а вот к Брундибару, Мышке и Ироду даже не заглянул, потому что все еще продолжал их бояться. Не наведаясь он и к обезьяне Качабе, но к Клабосилу пошел играть с большой охотой; попугай очень любил его и никогда над ним не подтрунивал. Нередко вся их игра заключалась в следующем: Мурлышка хватал Клабосила за лапы, попугай поднимался на небольшую высоту и они вместе летали во дворе или в саду.

Когда Микеш с паном Клудским вернулись с покупками из Праги, старый Швейда перенес все подарки в большую комнату дома, и настал ответственный момент распределения подарков для бедных детей. Каждый подарок был упакован в чистую бумагу, перевязан серебряной веревочкой и украшен еловой лапкой с приложенным к ней посвящением, кому этот дар предназначается. Потом старый Швейда с Франтиком уложили свертки с подарками в мешки и незаметно разнесли их по домам бедняков.

Когда все подарки были доставлены, в «Райской обители» занялись елкой. Старый Швейда принес в большую комнату прекрасную высокую ель, срубленную им утром в лесу, и прочно установил ее в широкой, покрашенной зеленой краской ступе. В комнате распространился запах оттаивающей смолы и хвои, что придает рождественскому деревцу особую прелесть в глазах детей и взрослых. А потом настал самый приятный момент: украшение рождественской елки. Прежде всего на деревце развесили переливающиеся цветами радуги стеклянные игрушки, затем сладости, завернутые в серебряную фольгу, орешки и румяные яблочки. Далее на ветках укрепили разноцветные свечи и, наконец, увидели елку нежным серебряным дождиком.

Наряжали деревце Микеш с паном Клудским. Сказочный дедушка, что тем временем сидел в углу комнаты в удобном кресле-качалке, советовал им, куда что повесить и каким образом украсить рождественскую елку, чтобы она выглядела совсем как в сказке. Никто не мог знать лучше него, как наряжать елку, ведь ему это было известно по многим рождественским сказкам и историям. Елка вышла очень нарядной, и все они остались весьма довольны своей работой.

Когда елка была украшена, Микеш попросил старого Швейду принести свертки с подарками и вместе с паном

Клудским разложил их под деревцем на скатерти. К этим пакетам он тоже прикрепил еловые лапки и поздравительные открытки с именами получателей.

Как видите, дорогие ребята, Пепик, Франтик и Олюшка не присутствовали ни при украшении рождественского деревца, ни в то время, когда под елку складывали подарки, посему все это должно было оказаться для них настоящим сюрпризом! Так оно и было задумано паном Клудским, бабушкой и Микешем. Между тем все приготовления к праздничному ужину были завершены. Но Пепик, Олюшка и Франтик и думать не думали о том, чтобы вкусно поесть, их интересовало только одно: что именно подарит им Иисус. С огромным волнением ожидали они той минуты, когда колокольчик возвестит об окончании Иисусом своих таинств. Быть их свидетелем не позволялось никому, разве что сказочный дедушка продолжал оставаться в большой комнате, он должен был поприветствовать Иисуса и поблагодарить его за подарки.

Наконец столь долгожданная и торжественная минута наступила. И чистый, радостный звук колокольчика разлился по «Райской обители», возвещая каждому, что таинственный священный обряд Иисуса завершился. Сказочный дедушка открыл дверь в соседнюю комнату, где уже собрались все наши друзья, и кивком головы пригласил их войти.

Первыми в большую комнату зашли Пепик и Олюшка. Оба они так и замерли в восхищении от всей этой неземной красоты. Изумленные, они не могли произнести ни единого слова, и лишь радостный вздох сорвался с их уст. Следом за ними порог переступили пан Клудский, бабушка и Микеш, которые хотели посмотреть, какое впечатление произведет на Пепика и Олюшку великолепная рождественская елка. Однако не только Пепик с Олюшкой, но и Мурлышка, которого дядя Микеш ввел в комнату за лапку, обмер, восхищенный столь невиданной красотой, и дальше его уже пришлось нести Микешу на лапах, Франтик Кулдан посмеивался над ним за дверью; войдя же в комнату, сам раскрыл рот от удивления и вытаращился на елку пуще, нежели Мурлышка. И только старый Швейда с дядюшкой Малиновским смотрели на все это со спокойной улыбкой.

Когда присутствующие вдоволь налюбовались на рождественскую елку, сказочный дедушка подошел к разложенным под ней подаркам и начал их раздавать. Читать имена на открытках ему вовсе не требовалось, благодаря своей проницательности он угадывал их безошибочно, и каждый получал тот сверток, который ему и предназначался.

Подарки были тотчас же распакованы, и в празднично освещенной комнате раздались возгласы ликования и удивления. Все были очень довольны подарками и сердечно благодарили за них сказочного дедушку как посредника между ними и Иисусом, а потом незаметно пожимали руку пану Клудскому и лапку Микешу. Пан Клудский и Микеш счастливо улыбались, им было приятно сознавать, что они выбрали такие хорошие подарки и что каждый получил то, о чем давно мечтал. Впрочем, дорогие ребята, я должен вам кое-что пояснить: многое посоветовал им приобрести сказочный дедушка, который умел читать сокровенные мысли даже на расстоянии и, к примеру, верно угадал, что именно хотели бы получить в подарок от Иисуса Олюшка с Пепиком в Праге.

Когда все познакомились с подарками, бабушка позвала присутствующих на праздничный ужин. Он был накрыт в столовой. Там стоял длинный стол с маленькой елочкой посередине. Украшена она была только румяными яблочками, которые издавали приятный запах и вместе с ее зеленым хвойным нарядом служили скромным убранством рождественского стола. Кушанья на нем тоже были достаточно простыми, ведь все наши друзья из «Райской обители», кроме разве пана Клудского, были люди простого звания и ни в каких диковинных яствах не нуждались. Им было довольно и того что есть: хорошего рыбного супа, жареной рыбы, струделя* с яблочной начинкой, «черной каши» (перловая каша с сушеными грибами) и пряного соуса со сливами, миндалем и изюмом. Всяк выбирал из этого, что хотел и что ему больше нравилось. Лишь сказочный дедушка предпочел всему прочему обычную кашу из горшочка, ту самую, которую ели виффлеемские пастухи, когда им явился ангел.

* Струдель — сладкий рулет.

Отужинав, дядюшка Малиновский сразу ушел, чтобы, по стародавнему своему обыкновению, ходить по деревне и играть коляды. О той минуте, когда впервые посреди торжественной тишины праздничного вечера зазвучит веселая коляда пастуха, дети и взрослые мечтали задолго до рождественских праздников. В первых звуках его трубы было нечто чарующее, и кое-где придавали этому такое значение, что лишь с ними зажигали свечи на елках. Вот и бабушка решила зажечь их на рождественском деревце, когда пастух заиграет первую коляду.

Долго ждать не пришлось. Выйдя из «Райской обители», дядюшка Малиновский встал под окнами большой комнаты и затрубил. Свою трубу он прятал дотопе в горенке старого Швейды, готовя приятный сюрприз друзьям из «Райской обители», и это ему удалось. Едва он заиграл, все замолчали и прислушались к веселой мелодии.

Когда дядюшка закончил играть, они перешли в большую комнату, зажгли на рождественском деревце свечи и запели радостную песню: «Родился Иисус Христос, возликуем!»

Исполнив песню, все замерли в благоговейном молчании, а потом в «Райской обители» снова потекла мирная беседа. Взрослые вспомнили о тех бедных ребятишках, которых они наделили подарками; дети, конечно, ничего подобного не ожидали и теперь, наверное, шумно радуются, любуясь прекрасными игрушками. Пан Клудский, бабушка и Микеш искренне радовались совершённом ими благодеянию, и, пожалуй, в нынешних рождественских праздниках это было для них самым приятным.

Потом бабушка, пан Клудский и старый Швейда заговорили о старинных рождественских обрядах и обычаях, а Пепик, Олюшка и Франтик тем временем показывали друг другу свои подарки. Они рассматривали красивые книжки, поучительные и забавные, и при этом уговорились, что будут меняться ими — для общей пользы. Затем они принялись за орешки, инжир, финики, яблоки и другие лакомства, которыми была доверху наполнена стоящая в столовой миска.

Пепик с Микешем вспомнили, как когда-то на Рождество, живя еще в домике у бабушки, они подарили друг другу свои

первые подарки. Тогда Микеш получил от Пефика самокат, а сам котик вручил Пепику санки, которые поместил под молодой яблоней в заснеженном саду. Вспомнили они, как тут же и обновили подарок Пефика, катаясь в звездную ночь с горушки, от Шобров и до ручья. И как здорово дядюшка Малиновский затрубил в ту ночь где-то на Буланке веселую рождественскую коляду.

Наибольшую радость от первого празднования Рождества в «Райской обители» испытал наш милый котик Микеш. Свершилось то, о чем он давно мечтал: все его друзья собрались вместе, им было хорошо друг с другом; кроме того, дела у них шли прекрасно, и они смогли даже посторонним нуждающимся в поддержке людям доставить радость и удовольствие. Словом, сбылась мечта его жизни!

Микешу было приятно слышать счастливый смех своих юных друзей и мудрые разговоры взрослых. Когда же Микеш решил, что подходящий момент настал, он попросил сказочного дедушку рассказать им какую-нибудь интересную историю, которая годилась бы для нынешнего рождественского вечера. Добрый старичок подумал немного и начал рассказывать в присущей ему милой, занимательной манере.

Сказка о рождении Иисуса

— Стояла холодная морозная зима, так что даже дранка потрескивала от стужи на крышах. Люди с удовольствием сидели и грелись возле своих печек, и без надобности никто не высовывал носа из дому. Лишь голодные вороны каркали в небе над притихшей равниной.

Близился вечер. По промерзшей дороге спешили двое, чтобы еще засветло добраться до ближайшей деревни и переночевать у кого-нибудь в теплом углу. Эти двое, дорогие друзья, были Иосиф-плотник и Дева Мария. Ветхая одежонка едва защищала их от жестоких холодов, и все имущество путников умещалось в одном-единственном узелке, который нес Иосиф.

Когда они пришли на деревенскую площадь, Иосиф спросил у старой женщины, где живет староста. Бабушка указала ему на самую большую усадьбу, и вскоре Иосиф уже

стоял посреди хорошо протопленной горницы и просил старосту выделить им какой-нибудь мало-мальски приемлемый уголок для ночевки. Староста Бартак был человек добрый. К сожалению, у него в доме не нашлось подходящего местечка, и он предложил Иосифу переночевать в теплом хлеве, что стоял на окраине деревни. Обрадованный Иосиф поблагодарил старосту, и они с Марией тут же отправились к хлеву, чтобы отдохнуть в нем после долгой утомительной дороги. Очень скоро вся деревня погрузилась в сон, и лишь ночной сторож, старый Воржишек, расхаживал по ее тихим улицам и трубил по часам в свой большой рог. Когда старик протрубил полночь и хотел уже пойти погреться в свою уютную избушку, он заметил вдруг в небе над верхней частью деревни ослепительно сияющее пятно. Старик бросился туда со всех ног, чтобы посмотреть, отчего происходит странное сияние. Трубить тревогу он пока не решался, дабы не будить людей понапрасну, если оно не окажется заревом пожара. Однако, очутившись на околице деревни, за садом старосты, старый добряк едва не упал на колени, увидев над старостовой овчарней огромную звезду.

Сторож был известный книгочей, и охотнее всего он читал старинные хроники, в которых было написано, когда что происходило и какие пророчества еще сбудутся. И старику было хорошо известно: звезда эта — знак того, что родился Иисус, искупитель грехов мира. И вот теперь она воссияла над обыкновенным стареньким хлевом, одиноко стоящим в поле, на краю бедной деревеньки. Колени у старика дрожали, но у него хватило сил повернуть обратно в деревню, с тем чтобы разбудить пастуха. Ему вспомнилось одно давнее предсказание, будто рождение Иисуса ознаменуется пением и звуками пастушьего рожка. Каково же было его удивление, когда, добежав до заснеженной площади, он увидел посреди нее самого пастуха, который приложил рог к губам и, стараясь изо всех сил, затрубил веселую коляду.

На небе светила полная луна, и радостные мелодии одна за другой оглашали тихую зимнюю ночь. «Что происходит?» — изумилась очнувшаяся от сна деревушка, и вскоре из занесенных снегом усадеб и хижин на деревенской площади собрались все хозяева и хозяйки. Они взволнованно

спрашивали у пастуха, в честь какого события он трубит, ведь никогда прежде он не веселил их так по ночам.

Когда же пастух серьезным и торжественным тоном известил недоумевающих соседей о том, что, пока они спали, в старом хлеву старосты появился на свет младенец Иисус, все хозяйки побежали в свои дома, чтобы подобрать для Иисуса какой-нибудь достойный подарок.

На другое утро крестьяне толпой двинулись к околице. Во главе процессии чинно шагал на поклон к Иисусу по-праздничному одетый пан староста, за ним — такие же нарядные соседи и соседки, одетые в лучшее из того, что имели.

Все они несли Иисусу подарки: в руках, коробах, корзинах, а кое-кто вез их даже на санях, дабы святое семейство ни в чем не испытывало нужды. Никто из людей не ощущал тяжести даров, так они были счастливы. Какой-то старичок выбрал из своих запасов лучший бочонок меда и теперь торопится с ним на плече к яслям, чтобы поспеть к Иисусу раньше кума Воцилки, несущего в руках плетенку с колечками ливерной колбасы.

За ними следом бежит ученик пекаря Вондры с корзиной, доверху наполненной еще теплыми рогаликами и сдобными булочками. На бегу озорник весело смеется, оттого что обогнал Тонду Вацека из хижины у тополя. «Это еще ничего не значит!» — оправдывается Тонда, который вынужден идти медленно из-за полного кувшина густых сливок. Хозяйка Стрнадова сложила в корб все свои запасы топленого масла, самолично привезла его на санках и уже предвкушает, как обрадуется Мария ее замечательному дару. А еще она испекла новорожденному такую большую буханку хлеба, что дочь Стрнадов Аничка едва ее дотащила.

Как на крыльях мчится сапожник Готовичка. Он сшил для младенца прекрасные зимние сапожки и поднес их ему на тарелке, дабы все видели, что он обучен хорошим манерам. Словом, много людей пришло поклониться Иисусу и доставить ему радость своими чудесными подарками.

Возле яслей необходимо было соблюдать порядок и тишину. За этим внимательно следили пан староста с паном учителем. Подходить к яслям и удаляться от них гостям надлежало строго по очередности.

Все охотно придерживались этого порядка. После же того как уехали трое мудрецов и другие высокие гости, староста обратился к присутствующим со словами:

«А теперь, люди добрые, уступите место детям. Пусть ребятишки подойдут к яслям и полюбуются на младенца Иисуса!»

Поначалу ребята вели себя тише воды, ниже травы. Прекрасного младенца они разглядывали со священным трепетом и затаив дыхание, однако Иосиф-плотник сам предложил им немного поиграть и повеселиться. И они послушались его с радостью. Тоник Зеленка очень ловко перекувырнулся на спину, и когда маленький Иисус залился счастливым смехом, перед яслями началась подлинная кутерьма. Дети играли в снежки, барахтались в снегу, так что он летел во все стороны; они откалывали столь веселые штучки, что даже сам Иосиф-плотник не выдержал и засмеялся. Потом ребятишки слепили у входа в хлев большущего снеговика, посмотреть на которого мигом прискакала любопытная белка с ближней березки: что-де за странный дядюшка тут появился? Когда же к яслям подошла старая нищенка Бартачка со своей шарманкой, чтобы хоть сыграть что-нибудь Иисусу, раз уж ей нечем его угостить, то ребята пустились вокруг снеговика в пляс. Устав танцевать и прыгать, они вновь сгрудились возле яслей. При этом на щечках у всех полыхал румянец и светились радостью глаза. Смотреть на них было одно удовольствие! Особенно понравилась Иисусу младшенькая Грушкова, и он даже потянул ее к себе за рукав. Это придало девчужке смелости, она бережно взяла младенца за ручку и начала водить пальцем по его крохотной ладони, приговаривая:

«— Сорока-белобока, где была?

— Далеко. Кашку варила, деток кормила!..»

Увидев, что Иисусу это нравится, и другие дети принялись знакомить младенца со всякими стихотворениями, считалками и песенками. А известный сорванец Франтик Бубеник, протиснувшись к яслям, сделал большие глаза и затараторил:

«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...»

Не успел он договорить, как начал свою скороговорку другой мальчишка:

«Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж!»

Не остались в долгу и девочки. Старостова Марженка благопристойно отчеканила поздравление, которое выучила для бабушки. Детвора так и прыснула со смеху, когда она самым серьезным тоном обратилась к Иисусу: «Дорогая бабушка!» Чтобы исправить свою оплошность, девочка вслед за приветствием начала рассказывать таблицу умножения на семь и не сделала при этом ни одной ошибки, хотя добряк Иосиф, глядя на нее, хохотал до слез.

К полудню ребята разбежались по домам, но после обеда, едва отложив ложки в сторону, поспешили обратно к Иисусу. Впрочем, еще до еды они основательно порылись в своих игрушках и выбрали лучшие в подарок младенцу. Игрушек у бедных ребятишек было не так много, к тому же навряд ли вы отыскали бы среди них хоть одну целую, однако у самих ребят они ценились на вес золота! Один за другим дети подносили их к Иисусу и клали перед яслями с такими просветленными, лучащимися от радости взорами, будто вручали подарки более ценные, нежели дары трех мудрецов. Среди них можно было увидеть камни-кругляши, ушки от горшков, разноцветные черепки, облупившиеся волчки, губные гармоники и другие подобные сокровища.

Все подарки Иосиф-плотник складывал бережно, ведь даже самые бедные из ребят с волнением наблюдали за тем, как будет принята их игрушка, и от удовольствия щеки детей заливал румянец, когда они замечали, что дары их принимаются столь же трепетно, как и от детей богатых крестьян. С весьма серьезным видом Иосиф-плотник принял в подарок мешочек фасоли и одобрительно покивал головой, когда Пепик Едличка шепнул ему, что в нем лежат красивые фасолинки: сороки, канарейки и курочки! А потом старый добряк Иосиф даже прослезился от умиления, увидев, что ребятишки преподносят Иисусу и «живые» подарки, с которыми им наверняка было бы тяжело расставаться, не дари они их младенцу Иисусу. Так, сынишка мельника Карел принес ему в клетке замечательного пятнистого кролика и еще парочку необыкновенно красивых голубей-вертунов. Не успел Иосиф-плотник их спрятать, как Руженка Штепанкова подала ему прямо

в руки премиленького барашка с красным бантиком на кудрявой шейке, а Геленка Халупова в придачу к нему положила у его ног деревянную овечку без головы, чтобы барашку не было одному скучно.

«Теперь у нас тут целое хозяйство,— весело сказал Иосиф-плотник.— О, есть у него и верный сторож! Отличная мысль пришла тебе в голову, Франтик, Лойзик, Тоник, не знаю, к сожалению, твоего имени!» — И Иосиф искренне рассмеялся, принимая из хрупких ручонок мальчика щенка с черной мордочкой.

«Он узе потьти наутился лаять!» — шепнул малыш на ухо Иосифу, стесняясь говорить громко при других мальчишках.

Иосиф ласково погладил мальчика по головке и затем попросил ребят расходиться по домам — мол, уже вечереет, а завтра они смогут снова прийти к Иисусу.

«Смотрите, дядюшка! — воскликнул вдруг один из мальчиков. — Сюда бежит еще какой-то подарочек!»

При этих словах все засмеялись и посмотрели в сторону деревни. Действительно: какая-то девчушка тащила в руках коробку, такую большую, что саму ее почти нельзя было разглядеть!

«Дорогие ребята, мы очень признательны вам за подарки для Иисуса!» — поблагодарили детей Иосиф-плотник и Дева Мария.

Но тут маленький Вашик весело заметил:

«Не стоит благодарности, дяденька! Ведь за это Иисус будет дарить их нам каждый год!»

Рождественский сон Лышая

В Сочельник праздничный ужин и подарки принесли нашим друзьям-животным прямо в их жилища, дабы они могли порадоваться им в тишине и распорядиться ими по своему усмотрению. Потом они собрались все вместе у Брундибара: у слона было самое большое жилище, и, кроме того, они уже привыкли встречаться у него для дружеских бесед. Во флигеле Брундибара зверям установили хоть и маленькую, однако такую же празднично украшенную елочку, чтобы своим нарядом,

приятным запахом и свежей зеленью она создавала им рождественское настроение.

Позднее их навестили и другие друзья из «Райской обители». Они вспоминали прежние времена, годы тяжких испытаний. При этом все смотрели на котика Микеша с такой признательностью, что ему от их взглядов сделалось даже неловко. И тогда он начал рассказывать им, как все вместе они добивались успеха, и напомнил каждому, что лично совершил он для пользы всех остальных, отчего дела их снова пошли в гору.

Во флигеле у Брундибара было так уютно и хорошо, что друзья еще долго могли бы не расходиться, однако пора было собираться в костел на полуночную мессу. Поэтому люди вернулись в свои комнаты. У слона с друзьями-животными остался только сказочный дедушка, чтобы поведать и зверям какую-нибудь рождественскую историю.

Он рассказывал ее на непонятном для человека языке, но все животные понимали его превосходно, и сказка старичка им очень понравилась. Это была история про дворового пса Лышая. Кстати сказать, дедушка познакомил с ней и других своих друзей из «Райской обители» на Пасху. Насколько она была интересной, судите сами.

Была чудесная рождественская ночь. Звездочки на небе сияли точно жемчужины, и луна озаряла тихую деревеньку своим рассеянным светом. Холода стояли такие, что от мороза потрескивали дрова на дворе, и студёный ветер то и дело со свистом проносился между заснеженными хижинами и усадьбами. Жители деревеньки сидели в тепле горниц, где в печах весело потрескивали смолистые полешки и пахло праздничным ужином. В семьях с детьми столы украшали нарядные рождественские елочки, и ребяты не сводила с них восхищенных глаз. В ту пору по деревне расхаживал лишь старый пастух Галена, что трубил в рожок прекрасные коляды под окнами каждого из домов.

Тем временем в большой горнице Далибы вся семья ужинала за большим дубовым столом. Вместе с хозяйским семейством в уютной горнице трапезничала и прислуга; лошади, коровы и прочая скотина были уже накормлены и теперь отдыхали в теплых хлевах.

Словом, все были довольны в эту рождественскую ночь: и люди, и звери.

Впрочем, кое про кого Далибы позабыли!

На дворе, в ветхой будке, лежал их верный сторож пес Лышай. Несмотря на теплый собачий тулуп, морозный ветер пронимал его до костей; к тому же он чувствовал сильный голод. Морду свою Лышай положил на передние лапы и с тоской смотрел на освещенные окна хозяйского жилища. Однако тщетно он ждал, что хозяйка вспомнит о нем. В другое время он давно был бы накормлен и дремал бы себе после сытного ужина, чтобы выдержать без сна долгую ночь. Но сегодня пес был голоден, и его клонило в сон.

Неожиданно вход в будку озарил яркий свет, и чей-то приятный голосок попросил пса вылезти наружу. Лышай послушался. Каково же было его удивление, когда вместо кого-либо из хозяев он увидел четырех премиленьких крошек. Лышай сразу признал в них ангелочков: дочурка хозяев Аленка совсем недавно показывала их ему в одной красивой книжке с картинками. Пес понимал, что на них не следует ни рычать, ни лаять; впрочем, ему это и в голову не пришло бы. Он молча позволил им расстегнуть на себе ошейник и не заворчал даже в ту минуту, когда ангелочки взяли его под все четыре лапы и полетели с ним над деревней. Лышай всегда отличался смелостью, и полет с ангелочками не испугал пса. Лышая так и распирало от любопытства: куда это они его тащат?

Звезды мелькали у него перед глазами, и луна столь быстро увеличивалась в размерах, что вскоре стала такой же, как колесо телеги. Она дружески подмигнула Лышаю, словно бы говоря: «В добрый путь!» — и пес в знак приветствия завилял ей хвостом. Не успел Лышай опомниться, как ангелочки доставили его прямо к небесным вратам, которые тотчас же распахнулись сами собой. Прямо за воротами на низенькой золотой табуреточке сидел святой Петр и читал какую-то толстую книгу. Он посмотрел на ангелочков сквозь стекла очков и заинтересовался:

— Кто вас за ним посылал?

— Святой Франциск, — хором ответили ангелочки.

— Так я и думал! — буркнул бородатый Петр и вновь склонился над книгой.

Ангелочки полетели с Лышаем дальше. Под ними стояли красивые домики, целиком построенные из розовых облачков, и от каждого из них исходили приятные запахи каких-то вкусных кушаний. Лышаю подумалось, что ангелочки могли бы и залететь с ним в какой-нибудь такой домик, однако они продолжали нести его на крыльях все дальше, пока наконец не приплыли по воздуху к большому дому, откуда доносились веселые голоса разных животных.

— Это небесное жилище святого Франциска Ассизского, друга всех зверей,— зашептал на ухо Лышаю один из ангелочков.— При встрече учтиво подай ему лапу, чтобы он увидел, как хорошо ты воспитан.

— Можете не беспокоиться, я все сделаю как надо,— ответил Лышай человеческим голосом.

«Боже мой, где я этому научился?!» — в удивлении подумал Лышай.

Пес хотел добавить, что однажды ему уже приходилось протягивать для приветствия лапу пану старосте из Козохлупов, однако пребывал в таком волнении, что не смог вымолвить ни словечка.

Между тем ангелочки с Лышаем влетели в прекрасный огромный зал, где зверей было видимо-невидимо: лошади, собаки, львы, олени, козы, слоны, тигры, кошки, обезьяны, зайцы и еще много таких, которых Лышай видел в первый раз в жизни. Все животные вели себя по отношению друг к другу словно лучшие друзья.

Между ними здесь и там порхали премиленькие ангелочки, что играли со зверями и подносили им полные корзины всевозможных лакомств. В центре зала стоял сам святой Франциск, друг и покровитель животных, и наблюдал за своими любимцами с добродушной улыбкой. Заметив ангелочков с Лышаем, он тотчас двинулся им навстречу, чтобы поприветствовать нового гостя.

— Здравствуй, Лышай! Дай-ка мне лапу! Превосходно! Сразу видать воспитанного пса. Добро пожаловать к нам на праздник! — проговорил святой Франциск таким ласковым голосом, что Лышай даже задрожал от радости.

Но что это?! Что за перемены произошли в нем на небесах? Прежде, когда он встряхивался, с его мохнатого тулупа летели направо и налево разве что соринки, при-

ставшие к шерсти во время лежания перед будкой, а теперь? Зал оглашал звон настоящих золотых дукатов, сыпавшихся с него во все стороны.

Отовсюду к Лышаю начали слетаться ангелочки, чтобы насобирать монет для игр, и пес стоял и смотрел на них, вытаращив глаза от изумления. Наконец он овладел собой и, присев на задние лапы, с поклоном подал переднюю святому Франциску.

— Молодчина, Лышай! — сказал святой. — Что и говорить, ты просто герой! Совсем недавно Лышай вытащил из пруда маленького мальчика, который по недомыслию катался на неокрепшем льду на коньке и провалился в воду. А еще Лышай спас жизнь своему хозяину! Однажды его хозяин серьезно поранился на поле, и если бы не Лышай, он бы истек кровью. Этот умный и находчивый пес тотчас побежал домой и жалобным лаем привлек к себе внимание домашних, которые сразу сообразили, что с паном Далибой стряслась в поле беда. Ну разве он не герой!

Лышай был скромный пес, однако похвалы святого в присутствии большого числа редкостных животных были ему настолько приятны, что он не удержался и завилял хвостом от удовольствия. И тут, ребята, он снова изумился!

Неожиданно за спиной у него будто бы зазвучало разом множество колокольчиков. Лышай обернулся и не поверил собственным глазам! Вместо своего мохнатого хвоста он увидел прекрасный, переливающийся цветами радуги хвост из перьев, не хуже, чем у горделивого павлина; на кончике каждого конического перышка висел маленький колокольчик.

Лышай отпрыгнул, подумав, что присел на кого-нибудь по невнимательности, но колокольцы зазвенели пуще прежнего, и звучали они тем громче, чем дальше он отпрыгивал. Веселые ангелочки катались от смеха по розовым облачкам, и добряк Лышай, увидев, какую радость он доставляет им своими прыжками, запрыгал еще сильнее. Но тут ему показалось, что он не слишком достойно себя ведет на небесах. И пес оглянулся на святого Франциска. Увидев же, что тот добродушно улыбается, он снова пустился вскачь по залу. Потом один из ангелочков принес большое зеркало и предложил Лышаю посмотретья в него.

«Ну-ну,— подумал Лышай.— Шутка эта мне известна! Хозяйские ребятишки уже проделывали ее со мною, пока я не догадался, что вижу в этой штуковине самого себя. Впрочем, ладно, сделаю вид, будто вижу совсем другую собаку, и громко зарычу, чтобы подыграть ангелочкам».

Однако, когда наш милый Лышай глянул в зеркало, он так испугался, что шерсть на хребте у него встала дыбом. Еще бы, ведь вместо своего отражения он увидел старого козла с рогами и длинной черной бородой! Бедняга Лышай совершенно растерялся! Но ласковый голос святого Франциска успокоил его и на этот раз.

— Подождите, малютки!— сказал ангелочкам святой.— Вы задумали разыграть бедолагу, а ведь он еще ничего не поел сегодня! Скажи-ка, Лышай, хорошо ли кормит тебя хозяйка за то, что ты днем и ночью сторожишь ее дом?

— Да, еды я получаю достаточно!— ответил Лышай, посмотрев на святого Франциска так искренне, как только мог.

— Так-то оно так!— уже серьезно заметил святой.— Однако сегодня хозяева забыли покормить тебя, разве нет?

Лышай промолчал. Из-за одного такого случая ему не хотелось наговаривать на свою добрую хозяйку, да еще на небесах. Вот он и не ответил.

Святой Франциск погладил его по голове:

— Ты добрый и верный пес, Лышай! Не стал из-за одного случая позорить свою хорошую хозяйку. Ничего страшного! Забыла так забыла. Сейчас мы угостим тебя праздничным ужином! А ну, малыши, несите-ка сюда рождественские угощения для Лышай!

Лышай приготовился ждать. Однако еще прежде, чем появились ангелочки, несущие в руках горшки и тарелки с яствами, он уловил такой аппетитный запах, что даже облизнулся. А потом он увидел и самих ангелочков с множеством тарелок и мисок и услышал, как они обратились к нему хором:

— Лышай, Лышай, вставай, поднимайся! Мы, старый барбос, несем тебе ужин!

И тут Лышай проснулся.

Спросонья он часто заморгал глазами и затем, радостный, выбежал из будки. Возле нее стояли двое хозяй-

ских ребятишек, и каждый из них держал в руках по миске с ароматной похлебкой. Дети собирались поставить еду перед будкой, но в эту минуту на завалинку вышла хозяйка Далибова и крикнула им:

— Обождите, ребята! Не ставьте миски к конуре! Отвя-
зывайте Лышай и несите их обратно в горницу! Сегодня
Лышай поест и обогрется в доме! Пусть и он почувствует,
что нынче Рождество. Мы чуть было не позабыли про
бедолагу!

С какой благодарностью лизал Лышай руки, снявшие
с него ошейник! В дом он вбежал вприпрыжку и еще долго
носился по комнате, перескакивая с одного места на другое,
не будучи в силах насладиться запахами и теплом, царящи-
ми в комнате.

Когда наши друзья вернулись с полуночной мессы
в «Райскую обитель», животные уже спали тихим, глубоким
сном. По возвращении из костела они тоже отправились на
боковую, и вскоре вся «Райская обитель» погрузилась
в спокойный, безмятежный сон. Не сразу заснул только наш
славный котик Микеш. Причиной тому были не заботы,
а безграничная радость, что все они спят под одной крышей,
им не угрожает никакая опасность — словом, сбылась мечта
его жизни. Теперь он может оказывать помощь другим,
которые продолжают бороться за свое лучшее будущее, как
когда-то боролся за него он сам.

Котик был счастлив, жизнь его и друзей движется мирно,
как та полная луна, что плывет сейчас по прекрасному
звездному небу в эту праздничную рождественскую ночь.

Так отдохни же и ты, милый котик, живи и дальше
в счастье и покое. Пусть никогда не вернуться к тебе прежние
тягостные испытания, которых немало выпало на твою
долю.

Оглавление

ТОМ ПЕРВЫЙ

Говорящий котенок	5
Заговорил у Швецов и поросенок	9
Как Микеш с Пашиком побывали на ярмарке	14
Пепик с Микешем идут за грушами	21
Козел Бобеш становится третьим	26
Как Бобеш с Микешем колдовали	29
Возвращение блудного кабанчика	37
Зверюшки возле яслей	41
Как Пепик с Микешем праздновали Рождество	48
Как друзья колядовали	52
Сказка Микеша об умной тачке	57
Сказка Бобеша про козла Кокеша	69
Как Микеш ходил в школу	74
Микеш исчезает	78
Мурлышка	83
Сказка про собачку с колокольчиком на хвосте	86
Письмо	92
Приготовления к торжественной встрече	96
Микеш дома!	102
Микеш вручает подарки	106
Сказка про шарманку Вертиручку	110
Микеш рассказывает	119
Среди пастушков и у старушки в коробе	122
Микеш пугает	127
Микеша украли!	133
Микеш в западне	138
Как Микеш попал в цирк	143
Говорящий мешок	149
Лучшая из проделок Франты Кулдана	154

ТОМ ВТОРОЙ

Неожиданная встреча	163
Бабушка в хлопотах	167
Микеш возвращается в цирк	170
Бабушка рассказывает Мурлышке быль	177
Микеш готовит большой сюрприз	182
Загадочный котик	187

Пашик с Бобешем тоже уходят из дому	199
Первое выступление друзей Микеша	205
Поездка в Грусицы	218
Добрый пастух и благодарный лев	228
Домой!	233
«Райская обитель»	238
Как Микеш защищал принцессу	242
О слоне Брундибаре	250
Волшебная трость	252
Прodelка Клабосила	258
О славном детективе Султane	261
Микеш пугается	266
Похождения волшебной трости	270
В гостях у пастушков	282
О чем рассказал дядюшка Малиновский	289
Бабушка заболела!	294
Счастлиное Рождество	300
Сказка о рождении Иисуса	306
Рождественский сон Лышая	311

Лада Й.

Л15 Микеш: Роман-сказка / Пер.с чешского А. Агаркова.— СПб.: Лениздат, 1992.—319 с., ил.

ISBN 5-289-01378-4

Йозеф Лада (1887—1957) — известный чешский художник и писатель, автор многочисленных рисунков для мультфильмов, карикатур, книжных иллюстраций.

Впервые на русском языке издается его роман-сказка о приключениях говорящего кота по имени Микеш.

Рассчитана на детей младшего школьного возраста.

Л 4804010100—031 148—92
М171(03)—92

84.4Чеш

Для младшего школьного возраста

**ЛАДА
Йозеф**

МИКЕШ

Роман-сказка

Заведующий редакцией А. И. Белинский
Художник В. В. Быков
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Н. Б. Абалакова

ИБ № 5854

Сдано в набор 23.05.92. Подписано к печати 30.09.92. Формат 60×90¹/₁₆. Гарн. школьн.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Усл. кр.-отт. 65,50. Уч.-изд. л. 17,46. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 969. С 176.

Лениздат, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.